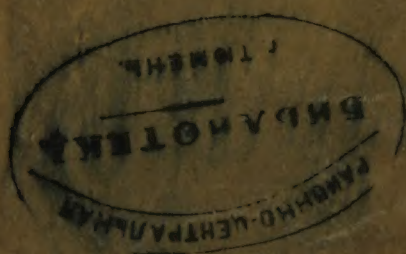

162.

ВЫЛОЕ

12024

№ 15

1920

1921

— Да...
Вѣроятно подъ
мерсія воспоминанія, пи
даніями, пѣсней домрачсевъ-пѣвцовъ...
они все еще взываютъ къ отмщенію...

Впрочемъ, когда на обратномъ пути мы опять бѣжали
Требухи, то на мѣстѣ намъ сказали, что у нихъ ничего по
добнаго не было. Въ Январцевѣ говорили, что дѣйствительно
провезли арестованнаго киргиза, но за что онъ арестованъ—
неизвѣстно...

5-13-15
1919

Ор.

ВЫЛОЕ

05-

8.95

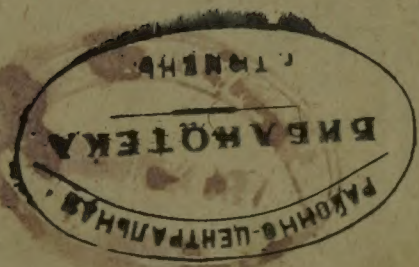
~~Уч. 2~~

12004

37

45

Уч. 1р.

~~Уч. 2~~
12004

№ 15

1919

Послѣдніе дни стараго режима.

I.

Состояніе власти ¹⁾.

Болѣзнь государственнаго тѣла Россіи. — Царь, императрица, Вырубова, Распутинъ. — Великіе князья. — Дворъ. — Круги; Бадмаевъ, Андронниковъ и Манасевичъ — Мануйловъ. — Правые. — Правительство; Совѣтъ Министровъ; Штюрмеръ, Треповъ и Голицынъ. — Отношеніе правительства къ Думѣ. — Гр. Игнатьевъ и Покровский. — Бѣляевъ. — Н. Маклаковъ и Бѣлецкій. — Протопоповъ.

На исходѣ 1916 года всѣ члены государственнаго тѣла Россіи были поражены болѣзью, которая уже не могла ни пройти сама, ни быть излеченной обыкновенными средствами, но требовала сложной и опасной операціи. Такъ понимали въ то время положеніе всѣ люди, обладавшіе государственнымъ смысломъ; ни у кого не могло быть сомнѣнія въ необходимости операціи; спорили только о томъ, какую степень потрясенія, по необходимости сопряженнаго съ нею, можетъ вынести разслабленное тѣло. По мнѣнію однихъ, государство должно было и во время операціи продолжать исполнять то дѣло, которое главнымъ образомъ и ускорило ростъ болѣзни; именно вести внѣшнюю войну; по мнѣнію другихъ, отъ этого дѣла оно могло отказаться.

Какъ бы то ни было, операція, первый періодъ которой прошелъ сравнительно безболѣзненно, совершилась. Она застигла врасплохъ представителей обоихъ мнѣій и протекла въ формахъ, неожиданныхъ для представителей разныхъ слоевъ русскаго общества.

Главный толчокъ къ развитію болѣзни дала война; она уже третій годъ расшатывала государственный организмъ, обнаруживая всю его ветхость и лишая его послѣднихъ творческихъ силъ. Осенній призывъ 1916 года захватилъ тринадцатый милліонъ землепашцевъ, ремесленниковъ и всѣхъ прочихъ техниковъ своего дѣла; непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было — параличъ главныхъ артерій, питающихъ страну; для борьбы съ наступившимъ кризисомъ неразрывно связанныхъ между собою продовольствія и транспорта требовались исключительные люди и исключительныя способности; между тѣмъ, власть, раздираемая различными вліяніями и лишенная волн, сама пришла къ бездѣйствію; въ ней, по словамъ одного изъ

¹⁾ Печатаемая настоящую статью, редація считаетъ необходимымъ указать, что фактическая ея часть основана на показаніяхъ, данныхъ и матеріалахъ, собранныхъ учрежденной Временнымъ правительствомъ Чрезвычайной Комиссіей по разслѣдованію преступленій бывшихъ министровъ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Н. К. Муравьева. Въ статьѣ всѣ взятыя въ кавычки цитаты заимствованы изъ подлинныхъ документовъ. Документальныя приложенія къ статьѣ А. Влока будутъ напечатаны въ одной изъ ближайшихъ книгъ „Былого“.

ея представителей, не было уже ни одного «боевого атома», и весь «духъ борьбы» выражался лишь въ томъ, чтобы «ставить заслоны».

Императоръ Николай II, упрямый, но безвольный, нервный, но притупившійся ко всему, извѣрившійся въ людяхъ, задержанный и осторожный на словахъ, былъ уже «самъ себѣ не хозяинъ». Онъ пересталъ понимать положеніе и не дѣлалъ отчетливо ни одного шага, совершенно отдаваясь въ руки тѣхъ, кого самъ поставилъ у власти. Распутинъ говорилъ, что у него «внутри недостаетъ». Имѣя наклонность къ общественности, Николай II боялся ея, тая давнюю обиду на Думу. Ставъ верховнымъ главнокомандующимъ, императоръ тѣмъ самымъ утратилъ свое центральное положеніе, и верховная власть, бывшая и безъ того «въ плѣну у биржевыхъ акулъ», расплылась окончательно въ рукахъ Александры Федоровны и тѣхъ, кто стоялъ за нею.

Императрица, которую иные находили умной и блестящей, въ сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердымъ характеромъ, была всецѣло подъ вліяніемъ Распутина, который звалъ ее Екатериной II, и того «большого мистическаго настроенія» особаго рода, которое, по словамъ Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно отдѣлило ее отъ внѣшняго міра. Самолюбивая женщина, «относившаяся къ Россіи, какъ къ провинціи мало культурной» и совмѣщавшая съ этимъ обожаніе Распутина, ставившаго ее на поклоны; женщина, воспитанная въ англійскомъ духѣ и молившаяся вмѣстѣ съ тѣмъ въ «тайничкахъ» Θεодоровскаго Собора, — дѣйствительно управляла Россіей. «Едва ли можно сохранить самодержавіе, — писалъ около новаго года придворный исторіографъ, генералъ Дубенскій, — слишкомъ появилась глубокая рознь русскихъ интересовъ съ интересами Александры Федоровны».

Въ «мистическій кругъ» входила наивная, преданная и несчастливая подруга императрицы А. А. Вырубова, иногда судившая царя «своею простотою ума», покорная Распутину, «фонографъ его словъ и внушеній». Ей, по ея словамъ, «вся Россія присылала всякія записки», которыя она механически передавала по назначенію.

«Связью власти съ міромъ» и «цѣнителемъ людей» былъ Григорій Распутинъ; для однихъ — «мерзавецъ», у котораго была «контора для обдѣльванія дѣлъ»; для другихъ — «великій комедьянтъ»; для третьихъ — «удобная педаль нѣмецкаго шпіонажа»; для четвертыхъ — упрямый, нескрепный, скрытный человѣкъ, который не забывалъ обиду и мстилъ жестоко, и который нѣкогда учился у магнетизера. О вредѣ Распутина напрасно говорили царю такіе разнообразные люди, какъ Родзянко, генералъ Ивановъ, Кауфманъ-Туркестанскій, Ниловъ, Орловъ, Дрентельнъ, великіе князья, Фредериксъ. Мнѣнія представителей власти, знавшихъ этого безграмотнаго «старца», котораго Вырубова назвала «неаппетитнымъ», при всемъ ихъ разнообразіи, сходятся въ одномъ: всѣ они — нелестны; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, извѣстно, что всѣ они, больше или меньше, зависѣли отъ него; область вліянія этого человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, была громадна; жизнь его протекала въ исключительной атмосферѣ поклоненія и ненависти: на него молились, его искали уничтожить; недюжинность распутнаго мужика, убитаго въ спину на Юсуповской «вечеринкѣ с грамофономъ», сказала, пожалуй, болѣе всего въ томъ, что пуля, его прикончившая, попала въ самое сердце царствующей династіи.

Заговорники Царскаго Села и «маленькаго домика» Вырубовой, окрестившіе другъ друга и тѣхъ, кто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, такими же законспирированными кличками, какія были въ употребленіи въ самыхъ низахъ — въ департаментѣ полиціи, — были отдѣлены отъ міра

пропастью, которая, по волѣ Распутина, то суживалась, открывая доступъ избраннымъ вліяніямъ, то расширялась, становясь совершенно непереходимой даже для родственниковъ царя, отодвинутыхъ тѣмъ же Распутинымъ на второй планъ; часть ихъ перешла въ оппозицію. «Теперь всѣ Владимировичи и всѣ Михайловичи въ полномъ протестѣ противъ императрицы», записывалъ въ дневникѣ Дубенскій; они обращались къ царю съ письмами и записками; такъ, Георгій Михайловичъ въ ноябрѣ писалъ царю о ненависти къ Штюмеру самыхъ умѣренныхъ круговъ въ арміи и о желательности отвѣтственнаго министерства, какъ единственной мѣрѣ для спасенія Россіи. Письмо Николая Михайловича уже опубликовано. Въ обширномъ письмѣ Александра Михайловича отъ 25 декабря—4 февраля указано, что политика царя идетъ въ разрѣзъ съ желаніемъ народа, что нужно дать свободу общественнымъ силамъ и выбрать министровъ, которымъ страна повѣрить, и что существующее правительство само подготавливаетъ революцію.

Милюковъ былъ въ средѣ этихъ оппозиціонно настроенныхъ великихъ князей послѣ убійства Распутина, въ которомъ одинъ изъ нихъ былъ замѣшанъ, что особенно отпугнуло отъ нихъ царя, написавшаго въ отвѣтъ на просьбу «смягчить участь» Дмитрія Павловича извѣстную фразу: «никому не дано право заниматься убійствомъ». Настроение въ этой средѣ было двойственное: радовались тому, что очистилась атмосфера, но къ возможности безболѣзненнаго исхода изъ положенія относились безнадежно.

Гораздо ближе къ царской семьѣ стоялъ кругъ придворныхъ. Въ этомъ кругу, гдѣ «атмосфера, по выраженію Воейкова, была манекенъ», кипѣла борьба мелкихъ самолюбіи и интригъ. Десятка два людей, у каждого изъ которыхъ были свои обязанности («я въ шахматы играю, я двери открываю»), трепетали надъ тѣмъ, кто изъ нихъ займетъ мѣсто министра двора послѣ смерти стараго, временами вовсе выживающаго изъ ума «дорогого графа» Фредерикса, къ которому царь питалъ большую привязанность. Нѣкоторые изъ этихъ людей, весьма занятыхъ биржевыми дѣлами и получившихъ отъ правительственныхъ низовъ не очень лестный эпитетъ «придворной рвани», были, по своему, «конституціонно» настроены; большинство питало ярую ненависть къ Распутину. Среди нихъ выдѣлялись—ближе всѣхъ стоявшій къ царской семьѣ зять Фредерикса, Воейковъ, ловкій коммерсантъ и владѣлецъ Куваки,—и Ниловъ, старый «морской волкъ», пьяница, котораго любили за грубость; этотъ послѣдній всѣхъ откровеннѣе говорилъ съ царемъ о Распутинѣ; получивъ отпоръ, какъ всѣ остальные, онъ смирился и твердилъ одно: «Будетъ революція, насъ всѣхъ повѣсятъ, а на какомъ фонарѣ, все равно».

Эта среда, какъ и среда правительственная, была ареной, на которой открывался широкій просторъ вліяніямъ большихъ и малыхъ кружковъ; отсюда летѣли записки, диктовались назначенія, шла вся «большая политика»; наиболѣе видными кружками были кружки Бадмаева, кн. Андронникова и Манасевича-Мануйлова.

Бадмаевъ—умный и хитрый азіатецъ, у котораго въ головѣ былъ политическій хаосъ, а на языкѣ шуточки, и который занимался, кромѣ тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами,—дружилъ съ Распутинымъ и съ Курловымъ, нѣкогда сыгравшимъ роль въ убійствѣ Столыпина; при помощи Бадмаевского кружка получилъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ.

Князь Андронниковъ, вертѣвшійся въ придворныхъ и правительственныхъ кругахъ, подносявшій иконы министрамъ, цвѣты и конфеты ихъ женамъ, и знакомый съ царскосельскимъ камердинеромъ, характери-

зуеть самъ себя такъ: «человѣкъ, гражданинъ, всегда желавшій принести какъ можно больше пользы».

Манасевичъ-Мануйловъ, ловкій и умный журналистъ, былъ сотрудникомъ «Новаго Времени», газеты, много лѣтъ вдохновлявшей и пугавшей правительство.

Партія правыхъ, сильно измелъчавшая, также разбилась на мелкіе кружки, которые дѣйствовали путемъ записокъ и личныхъ вліяній. Ихъ оппозиція правительству принимала угрожающіе размѣры при попыткахъ сократить субсидіи, которыми они пользовались всегда, но размѣры которыхъ не были баснословны. Среди правыхъ были, повидимому, и люди дѣйствительно безкорыстно преданные идеѣ самодержавія. Для этихъ «послѣднихъ могицанъ», по выраженію Н. Маклакова, было однако ясно, что они «стояли у могилы того, во что вѣровали»; въ запискѣ, составленной въ кружкѣ Римскаго-Корсакова и переданной царю Голицынымъ въ ноябрѣ, и въ запискѣ Говорухи-Отрока съ поправкой Маклакова, переданной царю въ январѣ, правые тѣтно пытались убѣдить его взять болѣе твердый курсъ, особенно по отношенію къ Думѣ, и оставить подражаніе «походкѣ пьянаго—отъ стѣны къ стѣнѣ». Не остановили крушенія—ни выходка Маркова, ни письмо Маклакова, ни попытка усиленія праваго крыла Государственнаго Совѣта при содѣйствіи политически безпринципнаго Щегловитова, ни послѣднія назначенія, вродѣ назначенія князя Голицына.

Если всѣ описанные круги были проникнуты своеобразнымъ міросозерцаніемъ, которое иногда давало имъ возможность взглянуть въ лицо жизни,—то круги бюрократическіе, непосредственно къ нимъ примыкающіе и передъ ними отвѣтственные, давно были лишены какого бы то ни было подобія міросозерцанія. Все учащуюся смѣну лицъ въ этихъ кругахъ Пуринкевичъ называлъ «министерской чехардой»; но лица эти не обновляли и не поддерживали власть, а только ускорляли ея паденіе. Правительство, которое давно не имѣло представленія не только о народѣ, но и о «земской Россіи и Думѣ», возглавлялось «недружнымъ, другъ другу не довѣряющимъ» Совѣтомъ Министровъ; это учрежденіе перестало жить политической жизнью со временъ Столыпина, послѣдняго крупнаго дѣятеля самодержавія; съ тѣхъ поръ, оно постепенно превращалось, а при Штюмерѣ фактически превратилось, въ старый Комитетъ Министровъ, стоящій внѣ политики и занимающійся «дѣловымъ» регулированіемъ общенперской службы, которая, по словамъ людей живыхъ и сколько-нибудь связанныхъ со страной, давно стала «каторгой духа и мозга». «Совѣтъ Министровъ, говоритъ Протопоповъ, остался позади жизни и сталъ какъ бы тормазомъ народному импульсу».

Въ сущности, уже замѣна опытнаго, но окончательно одряхлѣвшаго бюрократа Горемыкина на посту предсѣдателя Совѣта Министровъ Штюмеромъ, въ которомъ царь, какъ оказалось впослѣдствіи, видѣлъ «земскаго дѣятеля», заставила многихъ призадуматься. Штюмеръ имѣлъ всема величавый и хладнокровный видъ и самъ аттестовалъ свои руки, какъ «крѣпкія руки въ бархатныхъ перчаткахъ». На дѣлѣ, это было только «футляромъ», въ которомъ скрывался хитрый обыватель, дѣлавшій все «подъ шумокъ», съ «канцелярскими уловками»; это была игрушка въ рукахъ Манасевича-Мануйлова, «старикашка на веревочкѣ», какъ выразился однажды о немъ Распутинъ, которому случалось и прикрикнуть на безпамятнаго, одержимаго старческимъ склерозомъ и торопившагося, какъ бы только сбѣть съ рукъ дѣло, премьера.

Оставленному Милюковымъ въ Думѣ Штюмеру пришлось уступить мѣсто Трепову. На долю этого бюрократа выпала непосильная задача—

звать твердый курсъ въ ту минуту, когда буря началась (въ ноябрѣ 1916 года); при Треповѣ считалось «хорошимъ тономъ» избѣгать примѣненія 87 статьи; но всѣ уловки только подливали масла въ огонь, и недостаточно сильный, ничего не успѣвшій измѣнить за 48 дней своего премьерства, Треповъ палъ, побѣжденный Протопоповымъ, которому удалось уловить его на предложеніи отступного Распутину (чтобы послѣдній не мѣшался въ государственныя дѣла).

Послѣднимъ премьеромъ былъ князь Н. Д. Голицынъ, самыя обстоятельства назначенія котораго показываютъ, до какой растерянности дошла власть. Стоявшій вдали отъ дѣлъ и завѣдывавшій съ 1915 года только «Комитетомъ помощи русскимъ военнопленнымъ», Голицынъ былъ вызванъ въ Царское Село, будто бы императрицей. Его встрѣтилъ царь, который поговорилъ о томъ, кого бы назначить премьеромъ («Рухловъ не знаетъ французскаго языка, а на дняхъ собирается конференція союзниковъ») и, наконецъ, сказалъ: «Я съ вами хитрю, вызывалъ васъ я, а не императрица, мой выборъ палъ на васъ». Голицынъ, мечтавшій только объ отдыхѣ, напрасно просился въ отставку. Едва ли старый аристократъ, брезгливо называвшій народъ «чернью» и не твердо знакомый съ дѣлопроизводствомъ Совѣта Министровъ, могъ справиться съ претившими ему ставленниками Распутина—Протопоповымъ и Добровольскимъ; Протопопова не могли опилить и болѣе сильные, у него была особая звѣзда, погасшая лишь тогда, когда все было кончено.

Характерно для той «большой политики», которую дѣлалъ Совѣтъ Министровъ и которая сводилась къ изысканію средствъ отдалить неминуемый созывъ Государственной Думы, засѣданіе Совѣта Министровъ 3 января. Его дѣловая сторона изложена въ слѣдующей «памятной запискѣ», составленной И. Лодыженскимъ:

«Совѣтъ Министровъ, въ засѣданіи 3 января 1917 года, обсуждалъ вопросъ о времени предстоящаго возобновленія занятій законодательныхъ учрежденій, причемъ въ средѣ Совѣта были заявлены различныя мнѣнія

«Пять Членовъ (Покровскій, Шуваевъ, Николаенко, Феодосьевъ и Ланговой) высказались, что въ соответствии съ Высочайшимъ Указомъ отъ 15 декабря 1916 года Государственная Дума должна быть созвана 12 января, но возможность созыва Думы должна быть подготовлена соответствующими мѣропріятіями.

«Предсѣдатель и 8 членовъ (Григоровичъ, Риттихъ, Добровольскій, Протопоповъ, Разумовскій, Войновскій-Кригеръ, Раевъ и Кульчицкій) находили, что при настоящемъ настроеніи думскаго большинства открытіе Думы и появленіе въ ней Правительства неизбежно вызоветъ нежелательныя и недопустимыя выступленія, слѣдствіемъ коихъ долженъ бы явиться роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ. Во избѣжаніе подобной крайней мѣры, Предсѣдатель и согласные съ нимъ Члены Совѣта считали предпочтительнымъ на нѣкоторое время отсрочить созывъ Думы, назначивъ срокъ созыва на 31 января.

«А. Д. Протопоповъ, къ мнѣнію котораго присоединились Н. А. Добровольскій, Н. К. Кульчицкій и Н. И. Раевъ, полагали продолжить срокъ настоящаго перерыва занятій Думы до 14 февраля».

Эту формальную и сухую записку дополняетъ живая характеристика засѣданія, сдѣланная однимъ изъ его участниковъ—Н. Н. Покровскимъ. Изъ его разсказа мы знаемъ, что Протопоповъ развивалъ здѣсь свою «необыкновенную теорію политическихъ теченій въ Россіи», которую онъ повторилъ и въ засѣданіи 25 февраля. Теорія, по словамъ Н. Н. Покровскаго, заключалась въ томъ, что революціонное теченіе (анархизмъ и со-

циализмъ) постепенно втекаетъ въ оппозиціонное (общественные элементы съ Государственной Думой во главѣ); такимъ образомъ, оппозиціонное теченіе совпадаетъ съ революціоннымъ и стремится захватить власть, вслѣдствіе чего слѣдуетъ бороться съ оппозиціей всѣми средствами, вплоть до роспуска Думы. Далѣе, Протопоповъ, по словамъ Покровскаго, предлагалъ «графическую схему» и «несь околесную», такъ что нѣсколько лицъ переглянулись и спросили другъ друга: «Вы что-нибудь поняли»? Характерно, однако, что мнѣніе Протопопова было принято, хотя онъ и пошелъ на извѣстную уступку.

Среди членовъ правительства было немного лицъ, о которыхъ можно говорить подробно, такъ какъ ихъ личная дѣятельность мало чѣмъ отмѣчена; всѣ они неслись въ неудержимомъ водоворотѣ къ неминуемой катастрофѣ. Среди нихъ были и люди высокой честности, какъ, напримѣръ, министръ народнаго просвѣщенія графъ Игнатевъ, много разъ просившійся въ отставку и смѣненный Кульчицкимъ лишь за два мѣсяца до переворота, и министръ иностранныхъ дѣлъ Покровский, которому приходилось указывать на невозможность руководить внѣшней политикой при существующемъ курсѣ политики внутренней; но и эти люди ничего не могли сдѣлать для того, чтобы предотвратить катастрофу.

Большую роль въ февральскіе дни пришлось сыграть послѣднему военному министру генералу Бѣляеву, котораго Родзянко считаетъ чело-вѣкомъ порядочнымъ. А. А. Поливановъ характеризуетъ его, какъ своего бывшаго ученика—старательнаго и добросовѣстнаго, но къ творчеству, неспособнаго и склоннаго къ угодничеству.

Нельзя обойти молчаніемъ двухъ лицъ, которые приняли участіе въ разворачивающихся событіяхъ и готовились стать у власти. Одинъ изъ нихъ—бывшій министръ вн. дѣлъ, любимецъ царя, Н. Маклаковъ, котораго царскій курьеръ не засталъ на Рождествѣ въ Петербургѣ; повидимому, онъ имѣлъ шансы смѣнить Протопопова; будучи чело-вѣкомъ правыхъ убѣждений, Маклаковъ сознавалъ «внѣ суматохи и безконечнаго верченія административнаго колеса», что дѣло правыхъ, которыхъ «били, не давали встать, и опять били», безвозвратно проиграно.

Другимъ претендентомъ на власть, который долженъ былъ накануне переворота стать замѣстителемъ генерала Батюшина, былъ С. Вѣлецкій, выдающийся въ свое время директоръ департамента полиціи, едва не ставшій оберъ-прокуроромъ синода; это былъ чело-вѣкъ практики, услужливый и искательный, который умѣлъ «всюду втереться».

Послѣднему министру внутреннихъ дѣлъ Протопопову суждено было занять исключительное мѣсто въ правительственной средѣ. Роль его настолько велика, что на его характеристикѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣй.

А. Д. Протопоповъ, помѣщикъ и промышленникъ изъ симбирскихъ дворянъ и членъ Государственной Думы отъ партіи 17 октября, былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя четвертой Государственной Думы. О немъ заговорили тогда, когда, весной 1916 года, онъ отправился за границу, въ качествѣ члена парламентской делегаціи, и на обратномъ пути, въ Стокгольмѣ, имѣлъ бесѣду съ совѣтникомъ германскаго посольства Варбургомъ. Подробности этой бесѣды, имѣвшей цѣлью нащупать почву для заключенія мира, передавались различно, не только лицами, освѣдомленными о ней, но и самимъ Протопоповымъ.

Въ то время у Протопопова были уже широкіе планы. Онъ лелѣлъ мысль о большой газетѣ, которая объединила бы промышленные круги, и въ которой сотрудничали бы «лучшіе писатели—Милуковъ, Горькій и... Меньшиковъ». Газета воплотилась впоследствии въ «Русскую Волю». Тогда

же из головы его вступила «дурная и несчастная мысль насчетъ министерства», ибо «честолюбіе его бытало и прыгало»; первоначально онъ думалъ лишь о министерствѣ торговли.

Дѣйствуя одновременно въ разныхъ направленіяхъ и не порывая отношеній съ думскою средой, Протопоповъ сумѣлъ проникнуть къ царю и заинтересовать его своей етоттольмской бесѣдой, а также—приблизиться къ Вадмаеву, съ которымъ свела его болѣзнь, и къ его кружку, гдѣ онъ узналъ Распутина и Вырубову.

16 сентября 1916 года Протопоповъ, неожиданно для всѣхъ и нѣсколько неожиданно для самого себя, былъ, при помощи Распутина, назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Ему сразу же довелось проникнуть въ самыя «интимическіе круги» царской семьи, оставивъ за собою какъ Думу и прогрессивный блокъ, изъ которыхъ онъ вышелъ, такъ и чуждые ему бюрократическіе круги, для которыхъ онъ былъ непріятель, и придворную среду, которая увидѣла въ немъ выскочку.

Почувствовавъ «откровенную преданность» и искреннее обожаніе къ «Хозяину Земли Русской» и его семьѣ, и получивъ кличку «Калинина» (данію Распутинымъ), Протопоповъ, съ присущими ему легкомысліемъ и «маніей величія», заданъ планами спасенія Россіи, которая все чаще представлялась ему «царской вѣтчиной». Онъ замыслилъ передать продовольственное дѣло въ министерство внутреннихъ дѣлъ, провозвести реформу земства и полиціи и разрѣшить еврейскій вопросъ.

На дѣлѣ оказалось, прежде всего полное незнаніе съ вѣдомствомъ, сказавшему, напримѣръ, при посѣщеніи Москвы, ярко описанномъ Ченцовымъ. Протопоповъ сталъ управлять министерствомъ, постоянно болѣя «дипломатическими болѣзнями», при помощи многочисленныхъ и часто мѣнявшихся товарищей; среди нихъ были неофіціальныя, какъ Курловъ, возбуждавшій особую къ себѣ и своему прошлому неаппетитность въ общественныхъ кругахъ. Протопопову, по его словамъ, «никогда было думать о дѣлѣ»; онъ втягивался все болѣе въ то, что называлось въ его время «политикой»; будучи рѣднымъ гостемъ въ Совѣтѣ Министровъ, онъ былъ частымъ гостемъ Царскаго Села.

Съ перваго шага Протопоповъ возбудилъ къ себѣ нелюбовь и презрѣніе, какъ общественныхъ, такъ и правительственныхъ круговъ. Отношеніе Думы сказалося на сближеніи съ членами прогрессивнаго блока, устроенномъ 19 октября у Родзинко; но Протопоповъ, желавшій, чтобы люди имѣли счастье и полагавшій, что «спельзя теній цѣлаго народа поставить въ рамки чиновничьей указки», оказался, несмотря на жандармскій мундиръ Плеве, въ которомъ онъ однажды неоглянувшись передъ думскою комиссіей, непріемлемымъ и сти бюрократіи, увидавшей въ немъ мечтателя и общественнаго дѣятеля; недаромъ самъ Распутинъ сказалъ однажды, что Протопоповъ—изъ того же мѣшка, и что у него «честь тинется, какъ подвязка».

Къ этому присоединилось вліяніе личнаго характера Протопопова, который «сталъ въ контри съ собственной душой» и заставилъ многихъ судить изъ него «спириту во языцѣхъ» и отнестись къ нему юмористически. Характерно, напримѣръ, его (ставшее извѣстнымъ лишь впоследствии) знакомство съ гадателемъ Шарлемъ Перэнномъ, едва ли не германскимъ инжінеромъ, о чемъ и предупреждалъ директоръ департамента полиціи; Протопоповъ не хотѣлъ объ этомъ знать, вѣруя въ свой сродъ; онъ неудержимо интересовался тѣмъ, что говорилъ ему Перэнъ: что «его планета—Юпитеръ, который проходитъ подлѣ Сатурна», и разный гороскопическій бормотъ.

Полная неудача въ замысленныхъ реформахъ и травля со всѣхъ сторонъ озлобили Протопопова. Въ то время, какъ Миллюковъ, накануне убійства Распутина, называлъ его въ Думѣ «загадочной картинкой», Протопоповъ вступилъ уже на путь «революціонно-правой», по собственному выраженію, политики, выразившейся въ борьбѣ съ Государственной Думой, запрещеніи съѣздовъ, преслѣдованіи общественныхъ организаций и печати, давленіи на выборы и, наконецъ, многочисленныхъ арестахъ, завершившихся январскимъ арестомъ рабочей группы Военно-Промышленнаго Комитета. Этимъ, а также и тѣмъ, что на Протопопова временами «накатывалось», что сблизало его съ духомъ Царскаго Села, объясняется его пребываніе на посту до конца; послѣ убійства Распутина 17 декабря положеніе Протопопова не только не пошатнулось, но упрочилось: 20 декабря онъ былъ изъ управляющихъ дѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и съ тѣхъ поръ, несмотря на все окружающее его враждебное толпи и на многочисленныя попытки всѣма вліятельныхъ лицъ заставить его уйти, продолжалъ свое дѣло до послѣдней минуты.

Личность и дѣятельность Протопопова сыграли рѣшающую роль въ дѣлѣ ускоренія разрушенія царской власти. Распутинъ накануне своей гибели, какъ бы, замышлялъ свое дѣло Протопопову, и Протопоповъ исполнилъ завѣщаніе. Въ противоположность обыкновеннымъ бюрократамъ, которымъ многолѣтній чиновничій опытъ помогать сохранять видимость государственнаго смысла, Протопоповъ принесть къ самому подножію трона весь глубокъ своихъ личныхъ чувствъ и мыслей; какъ мачъ, занунивший расчетливой рукой, беспорядочно откакивающий съ стѣны, онъ внесъ неслыханный развалъ въ кучу порядливо разставленныхъ, по видимости устойчивыхъ, а на дѣлѣ шаткихъ кегель государственной игры. Въ этомъ смыслѣ Протопоповъ оказался, действительно, «роковымъ человекомъ».

II.

Настроеніе общества и событія наканунѣ переворота.

Январьскіе и февральскіе доклады петербургскаго охраннаго отдѣленія.—Арестъ Рабочей Группы Центрального Военно-Промышленнаго Комитета и роль Обросимова.—Выдѣленіе петербургскаго военнаго округа.—Приготовленія къ 14 февраля.—Настроенія свѣтскихъ круговъ и арміи.—Послѣдній исповѣданійшій докладъ Родзянко.—П. Миллюковъ и его проектъ манифеста.—Открытие сессіи законодательныхъ палатъ.

Таково было состояніе власти, «охваченной, по выраженію Гучкова, процессами гніенія», что сопровождалось глубокимъ недоверіемъ и пренебреженіемъ къ ней всего русскаго общества, вылившимся въ неудачи и матеріальными невзгодами въ тылу». За нѣсколько мѣсяцевъ до переворота, въ особомъ совѣщаніи по государственной оборонѣ, подъ предѣлательствомъ генерала Вилиева, Гучковъ сказалъ въ своей рѣчи: Если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей арміи руководилъ германскій генеральный штабъ, онъ не создалъ бы ничего, кромѣ того, что создала русская правительственная власть. Родзянко назвалъ дѣятельность этой власти «санитарными и правительными нагнанными всѣмъ того, что дѣлается въ смыслѣ побѣды надъ Германіей».

Единственным живым органом, который учитывал политическое положение и понимал, насколько опасна для раздробленного правительства организованная общественность, которая, в лице прогрессивного блока, военно-промышленных комитетов и др. общественных организаций, давно могла с гораздо большим успехом действовать в направлении обороны страны, была департамент полиции. Доклады охранного отделения в 1916 году дают лучшую характеристику общественных настроений: они исполнены тревоги, но их громкого голоса умирающая власть уже услышать не могла.

В секретном докладѣ «отделения по охранению общественной безопасности и порядка в столицѣ» отъ 5 января, на основаніи добытаго через секретную агентуру освѣднительнаго матеріала, сообщается, что, по слухамъ, были передъ Рождествомъ какія-то записки, подписанныя членами лѣваго крила Государственнаго Совета и Государственной Думы, что постановлено ходатайствовать передъ Высочайшею Властью объ удаленіи члѣнаго ряда представителей правительства съ занимаемыхъ ими постовъ: во главѣ означеннаго списка стоятъ Щегловитовъ и Протопоповъ.

Настроenie въ столицѣ носитъ исключительно тревожный характеръ. Циркулируютъ въ обществѣ самыя дикіе слухи, какъ о намѣреніяхъ Правительственной власти, въ смыслѣ принятія различнаго рода реакціонныхъ мѣръ, такъ равно и о предположеніяхъ враждебныхъ этой власти кружковъ и слоевъ населенія, въ смыслѣ возможныхъ и вѣроятныхъ революціонныхъ начинаній и эксцессовъ. Все идутъ какихъ-то исключительныхъ событій и выступленій, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Однако же серьезно и съ тревогой ожидаютъ, какъ разныхъ революціонныхъ всплесковъ, такъ равно и несомнѣннаго являющагося въ ближайшемъ будущемъ, «сформованаго перекрѣста», провозвѣстникомъ котораго, по общему убѣжденію, явился актъ въ отношеніи «пресловутаго старца».

Далѣе сообщается, что всюду идутъ толки объ общемъ (а не только народническомъ) террорѣ, въ связи съ вѣроятнымъ окончательнымъ роспускомъ Думы. Политическій моментъ напоминаетъ канунъ 1905 года; «какая и тогда, все началось съ безконечныхъ и безчисленныхъ съездовъ и собраній общественныхъ организаций, выносившихъ резолюціи рѣзкія по существу, но, несомнѣнно, въ весьма малой и слабой степени выражавшія истинныя размѣры недовольства широкихъ народныхъ массъ населенія страны».

Весьма вѣроятно, что начнутся студенческіе безпорядки, къ которымъ приманутъ и рабочіе, что все это увѣнчается попытками къ совершенію террористическихъ актовъ, хотя бы въ отношеніи вѣданаго Министра Народнаго Просвѣщенія или Министра Внутреннихъ Дѣлъ, какъ главнаго, по указаніямъ, виновника всѣхъ золъ и бѣдъ, несправедливыхъ strapoz.

Либеральная буржуазія вѣритъ, что въ связи съ наступленіемъ переломныхъ выше указанныхъ и неизбежныхъ событій, Правительственной власти должна будетъ пойти на уступки и передать всю полноту своихъ функций въ руки кадетъ, въ лицѣ лидируемаго ими прогрессивнаго блока, и тогда на Русь «все образуется». Лѣвые же упорно утверждаютъ, что наша Власть зарылась, на уступки ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ и, не оглянувшись на должностныя созданія обстановки, логически должна привести страну къ неизбежнымъ переживаніямъ стихійной и даже анархической революціи, когда уже не будетъ ни времени, ни мѣста, ни основаній для осуществленія какихъ-либо вожделѣній и когда, по ихъ убѣжденіямъ, и создается почва для «сформованія» Россіи въ свободное отъ паразита государство, построенное на новыхъ социальныхъ основахъ».

Передъ 9 января начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ докладываетъ о «настроеніяхъ революціоннаго подполья» по партіямъ и приходитъ къ слѣдующему выводу: «Рядъ ликвидаций послѣдняго времени въ значительной мѣрѣ ослабилъ силы подполья и шпіѣ, по свѣдѣніямъ агентуры. къ 9 января возможны лишь отдѣльные разрозненные стачки и попытки устроить митинги, но все это будетъ носить неорганизованный характеръ». Однако же, здѣсь констатируется «общая распропагандированность пролетаріата».

19 января вновь слѣдуетъ обширный «совершенно секретный» докладъ охраннаго отдѣленія. «Отсрочка Думы продолжается быть центромъ всѣхъ сужденій... Ростъ дороговизны и повторныя неудачи правительственныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ исчезновеніемъ продуктовъ вызвали еще передъ Рождествомъ рѣзкую волну недовольства... Населеніе открыто (на улицахъ, въ трамваяхъ, въ театрахъ, магазинахъ) критикуетъ въ недопустимомъ по рѣзости тонѣ всѣ Правительственныя мѣропріятія».

Отмѣчаются «успѣхъ крайне лѣвыхъ журналовъ и газетъ («Лѣтопись», «Дѣло», «День», «Русская Воля» и появленіе «Луча»); оппозиціонныя рѣчи въ самыхъ умѣренныхъ по своимъ политическимъ симпатіямъ кругахъ: довѣрчивость широкихъ массъ къ Думѣ, которая еще недавно считалась «черносотенной» и «буржуазной», разговоры о «мужествѣ Миллюкова и Родзянкіи» послѣ 1 ноября».

«Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей—въ туманѣ, питается «злостными сплетнями» о «Думской петлицѣ», объ «организациі офицеровъ, постановившей убить рядъ лицъ, якобы мѣшающихъ обновленію Россіи».

«Неспособные къ органической работѣ и переполнившіе Государственную Думу политиканы... способствуютъ своими рѣчами разрухѣ тѣла... Ихъ проиангада, не остановленная Правительствомъ въ самомъ началѣ, унала на почвѣ усталости отъ войны; дѣйствительно возможно, что роспускъ Государственной Думы послужитъ сигналомъ для вспышки революціоннаго броженія и приведетъ къ тому, что Правительству придется бороться не съ ничтожной кучкой оторванныхъ отъ большинства населенія членовъ Думы, а со всей Россіей».

«Резюмируя эти колеблющіеся настроенія въ нѣсколькихъ словахъ, можно сказать, что ожидаемый массами въ февралѣ мѣсяцѣ роспускъ Государственной Думы не обязательно вызоветъ, по легкому можетъ вызвать всеобщую забастовку, которая объединитъ въ себѣ всевозможныя политическія направленія и которая, начавшись подъ флагомъ популярной сейчасъ борьбы за Думу, окончится требованіемъ окончанія войны, всеобщей амнистіи, всѣхъ свободъ и пр.»

«Въ дѣйствующей арміи, согласно повторнымъ и все усиливавшимся слухамъ, терроръ широко развитъ въ примѣненіи къ непопулярнымъ начальникамъ, какъ солдатамъ, такъ и офицерамъ». «Поэтому, слухи о томъ, что за убійство Распутна—этой «первой ласточки» террора—начнутся другіе «акты», —заслуживаютъ самого глубокаго вниманія... Нѣтъ въ Петроградѣ въ настоящее время семьи такъ называемаго «интеллигентнаго обывателя», гдѣ «исполкомомъ» не говорилось бы о томъ, что «скоро, навѣрное, прикончатъ того или иного изъ представителей правящей Власти» и что «теперь такому-то безусловно не одобряютъ». Характерный показателъ того, что озлобленное настроеніе пострадавшаго отъ дороговизны обывателя требуетъ кровавыхъ рекампъ изъ труповъ министровъ, генераловъ... Въ семьяхъ лицъ, мало-мальски затронутыхъ политикой, открыто и свободно раздаются рѣчи опаснаго характера, затравливающія даже Свѣдѣющую Особу Государя Императора»...

Далѣе сообщаются слухи о «національной партіи», образованной Пуриничевичемъ, о рѣзко намѣчающемся авантюризмѣ нашихъ доморожденныхъ «Юань-Шикаевъ», въ лицѣ Гучкова, Коновалова, князя Львова, стремящихся использовать могущія неожиданно вспыхнуть «событія» въ своихъ личныхъ видахъ и цѣляхъ и беззащитнымъ провокаціоннымъ образомъ муссирующихъ настроеніе представителей авторитетныхъ рабочихъ группъ Военно-Промышленныхъ Комитетовъ.

«Общій выводъ изъ всего изложеннаго»: «если рабочія массы принимаютъ сознанію необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и послѣдующей революціи, а круги интеллигенціи—къ вѣрѣ въ спасительность политическихъ убійствъ и террора», то это указываетъ на «жажду общества найти выходъ изъ создавшагося политически-ненормальнаго положенія», которое съ каждымъ днемъ становится все ненормальнѣе и напряженнѣе».

Слѣдующій «совершенно секретный» докладъ генерала Глобачева относится къ 26 января.

«Передовые и руководящіе круги либеральной оппозиціи, сообщается здѣсь, уже думаютъ о томъ, кому и какой именно изъ отвѣтственныхъ портфелей удастся захватить въ свои руки». При этомъ, «въ данный моментъ находятся въ наличности двѣ исключительно серьезныя общественныя группы», которыя «самымъ кореннымъ образомъ расходятся по вопросу о томъ, какъ раздѣлать «шкуру медвѣдя».

«Первую изъ этихъ группъ составляютъ руководящіе «дѣльцы» парламентарнаго прогрессивнаго блока, возглавляемые перешедшимъ въ оппозицію и упорно стремящимся «къ премьерству» председателемъ Государственной Думы—италмейстеромъ Родзянко». Они окончательно извѣрились въ возможность принудить представителей Правительства уйти со своихъ постовъ добровольно и передать всю полноту своей власти думскому большинству, допущенному насадить въ Россіи начала «истиннаго парламентаризма по западно-европейскому образцу». Поэтому, ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы «заставить хотя бы дутыми директивами «народъ», для чего войти въ сношеніе съ «сохранившей свою революціонную физиономію, но въ то же самое время явно отклонившейся отъ руководящихъ группъ социалистическаго стараго «Интернаціонала» рабочей группой». «Давъ время рабочей массѣ самостоятельно обсудить задуманное, представители рабочей группы лично и черезъ созданную ею особую «пропагандистскую коллегію» должны организовать рядъ массовыхъ собраній по фабрикамъ и заводамъ столицы и, выступая на таковыхъ, предлагать рабочимъ прекратить работу въ день открытія засѣданій Государственной Думы—14 февраля сего года—и, подъ видомъ мирно настроенной манифестаціи, проникнуть во входъ въ Таврическій Дворецъ. Здѣсь, вызвавъ на улицу председателей Государственной Думы и депутатовъ, рабочіе въ лицѣ своихъ представителей, должны громко и открыто огласить принятыя на предварительныхъ массовыхъ собраніяхъ резолюціи съ выраженіями ихъ категорической рѣшимости поддерживать Государственную Думу въ ея борьбѣ съ нынѣ существующимъ Правительствомъ». При этомъ, опасающіяся рабочей группы противообѣщаютъ по отношенію «одноколоннаго» политическаго социалистическаго теченія, потому что «соціалъ-демократическія группы большевиковъ, объединенцевъ и интернаціоналистовъ-ликвидаторовъ не склонны ни противообѣщать, ни способствовать ихъ злѣбѣ», а «занять выжидательную позицію».

Во главѣ второй группы, «дѣйствующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало «выхватить будущую добычу» изъ рукъ представителей думской оппозиціи стоятъ не менѣе жаждающіе власти А. П.

Гучковъ, князь Львовъ, С. И. Третьяковъ, Колосовъ, М. М. Федоровъ и нѣкоторые другіе». Эта группа рассчитывается на то, что думцы не учитываютъ «еще не подорванного въ массахъ дойнянаго паселенія обаянія Правительства» и—съ другой стороны—«инертности» народныхъ массъ. Вся надежда этой группы—неизбѣжный въ самомъ ближайшемъ будущемъ дворцовый переворотъ, поддерживаемый всего на всего одной-двумя сочувствующими военскими частями». «Независимо отъ вышеизложеннаго, вторая группа, скрывая до поры до времени свои истинные замыслы, самими усердными образомъ идетъ навстрѣчу первой», причемъ заслуживаетъ исключительнаго вниманія возникшее по инициативѣ А. И. Гучкова предположеніе о созывѣ въ началѣ февраля особаго и чрезвычайнаго совѣщанія руководящихъ представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета, «Земгора», думскихъ оппозиціонныхъ фракцій, профессуры, общественныхъ организацій и, по возможности, Государственнаго Совѣта»...

«Что будетъ и какъ все это произойдетъ, заканчиваетъ охранное отдѣленіе, судить сейчасъ трудно, но, во всякомъ случаѣ, воиствующая оппозиціонная общественность безусловно не ошибается въ одномъ: событія чрезвычайной важности и чреватія исключительными послѣдствіями для русской государственности «не за горами».

Повидимому, непосредственнымъ результатомъ этого доклада и былъ арестъ рабочей группы, состоявшійся 27 января. Объ этой ликвидаціи охранное отдѣленіе составило секретный докладъ. Здѣсь указывается, что представители группы «организовали и подготавливали демонстративныя выступленія рабочей массы столицы на 14 февраля», съ тѣмъ, чтобы заявить депутатамъ Думы свое «требованіе незамедлительно вступить въ открытую борьбу съ нинѣ существующимъ правительствомъ и Верховной властью и признать себя впредь до установленія новаго государственнаго устройства, временнымъ правительствомъ». «Матерьяль, взятый при обыскахъ, множитъ подтвердить изложенныя свѣдѣнія, вслѣдствіе чего, переписка по этому дѣлу, въ виду признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 102 ст. Уг. Улож., передана Прокурору Петроградской Судебной Палаты».

Кромѣ того, были обысканы и арестованы четыре члена «пропагандистской коллегіи Рабочей Группы», у которыхъ «достаточнаго матерьяла для привлеченія ихъ къ судебной отвѣтственности не обнаружено»; тѣмъ не менѣе, они признаны «лицами безусловно вредными для государственнаго порядка и общественнаго спокойствія»; предложено выслать ихъ изъ Петербурга подъ гласный надзоръ полиціи.

А. И. Гучковъ, по его словамъ, былъ убѣжденъ, что департаменту полиціи удастся проникнуть въ среду тѣхъ членовъ пятнадцати рабочихъ, которые были въ составѣ Центрального Военно-Промышленнаго Комитета, о чемъ онъ не разъ предупреждалъ предсѣдателя рабочей группы Гвоздева. Арестъ былъ предпринятъ, повидимому, не департаментомъ, а министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, «какъ актъ высшей полиціи». Въ этомъ сознался и Протопоповъ, который докладывалъ царю, что образованіе рабочихъ секцій опасно и напоминаетъ организацію Хрусталева-Носова 1905 года. Протопоповъ совѣтовался объ арестѣ съ Хабаловымъ, который написалъ письмомъ Гучкову съ указаніемъ на революціонность Рабочей Группы. Овѣтъ на это письмо не былъ, и Протопоповъ рѣшилъ произвести арестъ «по сраму военнаго начальства», получивъ на это разрѣшеніе отъ царя.

Послѣ ареста Гучковъ и Колосовъ предприняли три шага: во первыхъ, выступили съ протестомъ въ прессѣ; во вторыхъ, потѣхали къ князю Голицыну, министру Вѣдѣнаго, Васильеву и Протопопову; въ третьихъ Гучкову особенно тяжело было встрѣчаться даже съ бывшимъ товарищемъ по фракціи

«Если бы вамъ приходилось арестовывать людей за оппозиціонное настроеніе, то вамъ всѣхъ насъ пришлось бы арестовать», сказалъ Гучковъ Голицыну. Голицынъ отнесся благосклонно, сослался на Протопопова и обещалъ пересмотрѣть дѣло. Протопоповъ разсказывалъ, что Голицынъ сказалъ ему, что онъ сдѣлалъ ошибку, арестовавъ рабочую группу людей того письма съ призывомъ рабочихъ къ спокойствію, которое было опубликовано въ газетахъ и подписано членами рабочей группы (а сфабриковано—въ департаментѣ полиціи). Гучковъ доказывалъ Голицыну, что группа не замышляла ни вооруженнаго возстанія, ни переворота, но занималась политикой въ томъ смыслѣ, что считала возможнымъ рѣшеніе вопроса обороны лишь при условіи измѣненія политическихъ условій работы.

Третьимъ шагомъ Гучкова и Коновалова было собраніе представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета и особаго совѣщанія по оборонѣ. Объ этомъ собраніи обстоятельно повѣстовать совершенно секретный докладъ охраннаго отдѣленія отъ 31 января.

Собраніе состоялось 29 января въ 11 час. утра «экстренно и съ соблюденіемъ ряда предосторожностей, при участіи представителей Центрального Военно-Промышленнаго Комитета (Гучковъ, Коноваловъ, Кутлеръ и др.), Московскаго Военно-Промышленнаго Комитета (Переверзевъ и др.), Государственной Думы (Корепетіи, Чхендзе, Аджемовъ, Карауловъ, Милыковъ, Бубликовъ и др.), Государственнаго Совѣта и Земскаго и Городскаго Советовъ (фамилии охранному отдѣленію неизвестны). Предѣлительствованій Гучковъ сообщалъ объ арестѣ группы: всѣ высказали полное сочувствіе и готовность подать голосъ въ защиту организаціи. Охранное отдѣленіе заканчиваетъ свой докладъ хвастливымъ выводомъ, основаннымъ на наблюденіи «настроеній участниковъ означеннаго совѣщанія: симѵются всѣ даніи для того, чтобы признать фактъ ликвидаціи рабочей группы» Центрального Военно-Промышленнаго Комитета дѣйствительно неслыхательнымъ по неожиданности и выматѣлѣннѣ ударомъ для оппозиціонной и боевой ладѣ настроившейся общественности. Розовыя перспективы хитро задуманныхъ и черезъ рабочую группу подготовлявшихся массовыхъ рабочихъ выступленій въ значительной степени поблекли; но, во всякомъ случаѣ, если многія рабочія души и отчаялись въ возможности осуществленія возжелѣнныхъ дѣйствій, то болѣе стойкіе и упрямые-настроенные «завоеватели власти» могли съ досадою воскликнуть лишь одно: «сбилось, придется начинать сначала».

Въ докладѣ подробно описано настроеніе собравшихся и содержаніе ихъ рѣшеній. Между прочимъ, сдѣланіе рѣши иткого представителя рабочей группы, рабочаго Обросимова скромно излагается такъ: онъ «указалъ на ошибку тѣхъ, кто стремится видѣть въ арестѣ представителей группы лишь своего рода юридически интересный фактъ; здѣсь нужно признать наличность явленія, имѣющаго крупное политическое значеніе и въ той или иной мѣрѣ задѣвающего русскую общественность».

А. И. Гучковъ разсказываетъ, что Обросимовъ, къ удивленію его оказавшійся на свободѣ, произнесъ рѣзкую рѣчь о томъ, что группа только прикидывалась мирной, а на самомъ дѣлѣ преслѣдуетъ революціонныя цѣли вплоть до вооруженнаго возстанія и сверженія власти, для чего и пошла въ Комитетъ.

Обросимовъ какъ бы оправдывалъ дѣйствія власти. Гучковъ, всегда относившійся къ нему съ предубѣжденіемъ, считалъ, что его слова расходятся съ тѣмъ, что ему, Гучкову, извѣстно, и съ тѣмъ, что говорили Гвоздевы съ его товарищи, сидяще подѣ арестомъ. Обросимовъ замечалъ и билъ;

однако его слова смутили присутствующих. Чхеидзе и другие левые промолчали, повидимому, не слишкомъ доверяя аудиторіи.

Обросимовъ принадлежалъ вообще къ самому лѣвому флангу и наущивалъ группу на самыя рѣзкія выступленія даже на съѣздѣ. Группа была арестована вся, кромѣ двухъ рабочихъ, которыхъ не было въ городѣ. Обросимовъ, объяснившій, что его не было дома. Предсѣдатель группы Гвоздевъ не убѣдился подозрѣніями Гучкова и доверчиво считалъ, что Обросимовъ человекъ хорошій. Гучкова же убѣждало въ томъ, что Обросимовъ не чистъ, еще и то обстоятельство, что ему было извѣстно, что въ департаментъ полиціи имѣется подробный отчетъ о совѣщаніи, не могшій пройти черезъ канцелярію Военно-Промышленнаго Комитета. Протопоповъ рассказываетъ, что Обросимовъ согласился «быть наказаніе, и что онъ, Протопоповъ, испросилъ бы у царя помилованіе этому сотруднику и далъ бы ему возможность бѣжать, какъ это дѣлалось обычно. Обросимовъ, по словамъ Гучкова, человекъ «недалекій, неспособный, пасивисташій».

Подробности совѣщаній группы Гучкову неизвѣстны: «къ намъ, говорить онъ, они приходили уже сговорившимися, застрѣльщиками»; они вошли въ группу, не столько изъ интереса къ работѣ по оборонѣ, сколько изъ-за того, что тутъ имъ представлялась единственная возможность сорганизоваться въ легальной формѣ, для преслѣдованія своихъ интересовъ.

Послѣ ареста Обросимова Протопоповъ боялся, что департаментъ полиціи не будетъ больше получать свѣдѣній о рабочей средѣ. Васильева успокоилъ его, что свѣдѣнія будутъ «также, какъ и прежде». «Очевидно, говорить Протопоповъ, постоянныхъ сотрудниковъ въ рабочей средѣ департаментъ полиціи имѣлъ достаточно».

Былъ проектъ арестовать Гучкова. Царь боялся его, а Протопоповъ долженъ, что арестъ только «увеличилъ бы его непопулярность», которая «будетъ подорвана, когда обнаружатся злоупотребленія въ Военно-Промышленномъ Комитетѣ». «Царь, прибавляетъ онъ, понимаетъ, что я ему долженъ правду». Г-жа Сухомлинова написала Протопопову, что за арестъ секцій въ Царскомъ Селѣ ему поставлено плечо».

Итакъ, министерство внутреннихъ дѣлъ «спасло ударъ оппозиціи»: однако тревожное настроеніе росло. Глобачевъ донеситъ о забастовкахъ и сходкахъ на фабрикахъ и заводахъ 31 января, 1, 3, 4 февраля. 5 февраля появляется его обширѣйшій и совершенно секретный докладъ о «сложномъ продовольственномъ дѣлѣ въ столицѣ», а 7 февраля—соображенія по поводу «широкаго распространенія спиртовыхъ суррогатовъ»—законы и политуры.

Въ началѣ февраля петербургскій военный округъ былъ выдѣленъ изъ сѣвернаго фронта въ особую единицу, съ подчиненіемъ его генералъ-лейтенанту Хабалову, которому были даны очень широкія права. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ членъ Военнаго Совѣта, генералъ Фроловъ: «Въ одномъ изъ засѣданій Военнаго Совѣта въ концѣ января или началѣ февраля въ Совѣтъ былъ внесенъ докладъ по Главному Управленію Генеральнаго Штаба по отдѣлу объ устройствѣ и службѣ войскъ о выдѣленіи изъ района арміи сѣвернаго фронта Петроградскаго военного округа и о подчиненіи командующаго войсками военному министру. По какому докладу это было сдѣлано, я не знаю, но внесено было неожиданно по приказанію генерала Вилиева и въ экстренномъ порядкѣ. Мотивировалось это особыми условіями, въ которыхъ находится Петроградъ съ его стратегическими. При обсужденіи въ Военномъ Совѣтѣ этого проекта, послѣдній подвергся существенному замѣчанію, въ смыслѣ изыятія его изъ подчиненія военному министру... Генералъ Вилиевъ согласился на сдѣланныя замѣчанія. Меня очень поразило

это желание въ проектѣ подчинить командующаго войсками военному министру, несмотря на широкія полномочія, которыя проектъ представлялъ командующему войсками по сравнению съ командующими войсками внутреннихъ округовъ, каковыя по закону по отношенію къ военному министру не ставятся въ подчиненіе. Я лично объяснялъ себѣ предоставленіе такихъ большихъ полномочій командующему войсками цѣлью болѣе успешной борьбы съ рабочими волненіями».

Протопоповъ описываетъ, какъ онъ былъ по этому поводу у императрицы, бранилъ Рузскаго и хвалилъ Хабалова, настаивая на выдѣленіи петербургскаго округа. Хабаловъ явился царю и императрицѣ, послѣ чего протопоповскій планъ и былъ приведенъ въ исполненіе.

Въ докладѣ охраннаго отдѣленія отъ 5 февраля говорится: «Съ каждымъ днемъ продовольственный вопросъ становится острѣе, заставить обывателя ругать всѣхъ лицъ, такъ или иначе имѣющихъ касательство къ продовольствію, самими нецензурными выраженіями. Слѣдствіемъ новаго повышенія цѣны и исчезновенія съ рынка предметовъ первой необходимости явился «новый взрывъ недовольства», охватившій даже консервативные слои чиновничества... Тщетно публицисты въ газетахъ призываютъ къ терпѣнію... Никогда еще не было столько ругани, дракъ и скандаловъ, какъ въ настоящее время, когда каждый считаетъ себя обиженнымъ и старается выместить свою обиду на сосѣдѣ». «Обывателя стригутъ по нѣсколько разъ въ день и онъ по своей безначальности лишь вопиетъ къ администраціи: «спасите, не дайте снѣтъ совершенно шкуру!»

Выводъ доклада: «если населеніе еще не устраиваетъ голодные бунты», то это еще не означаетъ, что оно ихъ не устроитъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ: озлобленіе растетъ, и конца его росту не видать... А что подобнаго рода стихійныя выступленія голодныхъ массъ явятся первымъ и послѣднимъ этапомъ по пути къ началу безсмысленныхъ и безцѣльныхъ эксцессовъ самой ужасной изъ всѣхъ—анархической революціи—сомнѣваться не приходится».

7, 8, 9, 10, 13 февраля продолжаютъ поступать доклады о забастовкахъ на разныхъ заводахъ, сопровождающихся иногда вмѣшательствомъ полиціи, въ которую 8 февраля на Путиловскомъ заводѣ «посылался градъ желѣзныхъ обломковъ и плака».

7 февраля охранное отдѣленіе доноситъ, что «предстоящее 14 февраля открытіе Государственной Думы создастъ повышенное настрѣженіе въ столицѣ, и что, несмотря на ликвидацію рабочей группы, «нынѣ слѣдуетъ считать неизбѣжными стачки 14 февраля и попытки устроить шествіе къ Таврическому Дворцу, не останавливаясь даже передъ столкновеніями съ полиціей и войсками». «С.-д. большевики, относясь къ Рабочей Группѣ, такъ къ организаціи политически-нечистой, и не признавая Государственной Думы, постановили рѣшеніе группы не поддерживать Государственнаго представительства пролетариата собственными силами, приурочивъ выступленіе къ 10 февраля, т.-е., къ годовщинѣ суда надъ близкими членами с.-д. фракціи большевиковъ Государственной Думы. Въ этотъ день предполагается провести стачку... С.-д. объединенцы (Международный Комитетъ) и с.-д. меньшевики (Национальная Цинціативная Группа) вынесли рѣшенія, вновь аналогичныя съ большевиками»...

Губернаторъ заключаетъ свой докладъ общающимъ се стороны предупрежденію оху охрѣненія принять всѣ возможныя мѣры къ предотвращенію и ослабленію грядущихъ весьма серьезныхъ событій».

9 февраля въ газетахъ появилось обвиненіе Хабалова петербургскимъ рабочимъ, сопровождаемое воззваніемъ Милюкова...

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С. ПЕТЕРБУРГА

Кромѣ агентуры въ рабочемъ, интеллигентской и обывательской средѣ существовали осведомители и въ свѣтскомъ обществѣ. На двухъ листкахъ отъ 28 января и отъ 10 февраля, сообщенныхъ Васильевымъ Протопопову, содержатся интересныя данныя о графинѣ И. И. Шереметевой, рожденной графинѣ Воронцовой-Дашковой, которая считается «либеральной дамой»; «ее увлекла мысль создать у себя вліятельный либерально-аристократическій политическій салонъ». Сообщается, что «слухи о заговорѣ и чуть ли не декабристскихъ кружкахъ въ средѣ офицеровъ гвардейской кавалеріи подтвержденія не встрѣчаютъ». «Политическихъ дамъ» въ Кавалергардскомъ и Лейбъ-Гусарскомъ полкахъ нѣтъ. Ничто подобное «салонъ жены бывшаго кавалергарда г-жи Лазаревой, родной тетки причастнаго къ убійству Распутина Сумарокова-Эльстона; домъ ея посѣщаютъ кавалергарды, а иногда Родзянко, который здѣсь дѣлится своими думскими впечатлѣніями. Кавалергарды и лейбъ-гусары нѣсколько будируютъ на разруху и на Царское Село. Они полагаютъ, что убійство Распутина вредныя вліянія не исчерпаны. Тяжело отражается на нихъ и отсутствіе побѣд: они «закисли»; по даннымъ о зрѣющемъ заговорѣ — нѣтъ (кродемъ въ одной подобной же запискѣ, безъ подписи отъ 25 января, указано, что выискиваются симптомы пропавшей группировки офицеровъ гвардейскихъ полковъ. Такъ, въ настоящее время, повидимому, «по опредѣленному плану используется отпускъ офицеровъ гвардейской кавалеріи»; слѣдуютъ подробности о лейбъ-гусарахъ, синихъ кирасирахъ и связяхъ нѣкоторыхъ круговъ съ Родзянко).

Среди депутатовъ-націоналистовъ, сообщается далѣе, разнесся слухъ, что великій князь Дмитрій Павловичъ убитъ на фронтѣ. Графиня Игнатьева опровергаетъ этотъ слухъ, такъ же, какъ и другіе злобные вымыслы — объ отреченіи Государя Императора отъ престола».

Къ предстоящей сессіи Государственной Думы графиня Игнатьева относится спокойно, не раздѣляя опасеній правыхъ о «грандіозномъ скандалѣ». Относительно Протопопова, который посѣтилъ ее, графиня полагаетъ, что «Россія, со времени историческихъ людей, не имѣла такого сильнаго, мужественнаго, православно-религіознаго человека, преданнаго Царю и Родинѣ», и находить, что онъ очень бодръ, молоджавъ и свѣжъ на видъ (интересно отмѣтить, что Протопоповъ, по собственному признанію, посѣщалъ графиню Игнатьеву съ тѣмъ, чтобы узнать, какія собранія у нея происходятъ).

Далѣе приводится интересное мнѣніе графини Игнатьевой о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать изложенія духовенству (тогда застѣдала коммиссія подъ предѣтельствомъ Циприана) потому, что всѣ ассигновки, кромѣ военныхъ, должны быть сокращены, а священники очень хорошо обеспечены и имѣли бы еще большіе доходы, если бы не отказывались посѣщать частные дома съ молитвою въ праздничные дни; православной азіатикъ священники тоже не убійютъ вестн, а политическое вліяніе на крестьянъ имѣютъ «велосипедисты», агитирующіе среди крестьянъ «гдѣ-нибудь въ полѣ» и раздѣляющіе имъ «источки» съ заманчивыми обѣщаніями.

О настрояніяхъ арміи разсказываетъ тотъ же Протопоповъ, который, по словамъ свидѣтелей, коварно-равнодушенъ, хотѣлъ въставить въ войскахъ постоянную секретную агентуру, уничтоженную генераломъ Дукинскимъ, бѣжавъ и допавшимъ царю. Императоръ на контрасте царя дѣйствительно не успѣлъ заставить постоянныхъ сотрудниковъ въ арміи; однако, до Протопопова доходятъ слухи, что «агитированіе въ тѣхъ помѣщается». И знаешь, пишетъ онъ, что въ войскахъ читаются газеты преимущественно глѣбаго напращанія, распространяются воззванія и прокламаціи; слышалъ,

что служащие Земского и Городского Соездов агитируют среди солдат; что генералъ Алексѣевъ сказалъ царю: «Войска уже не тѣ стали», намекая на растущее въ нихъ оппозиціонное настроеніе... Я думалъ, что настроеніе запасныхъ батальоновъ и другихъ войскъ, стоявшихъ въ Петроградѣ, мнѣ болѣе извѣстно; считалъ благонадежными учебныя команды и весь войска, за исключеніемъ частей, наполняемыхъ изъ рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что я и тутъ былъ не освѣдомленъ... Я докладывалъ царю, что оппозиціонно настроены высшій командный составъ и низшій; что въ пропорціи произведены многіе изъ учащейся молодежи, но что остальные офицеры консервативны; что офицеры генеральнаго штаба полѣзбли; надѣлавъ въ войну столько ошибокъ, они должны были покаяться и чувствовать, что послѣ войны у нихъ отнимутся привилегіи по службѣ; что оппозиція не искала бы опоры въ рабочемъ классѣ, если бы войско было бы революціонно настроено. Царь, повидимому, былъ доволенъ моими докладомъ; онъ слушалъ меня внимательно».

Лицомъ, заинтересованнымъ въ настроеніяхъ арміи съ другой стороны, былъ Гучковъ, который полагалъ, что въ концѣ года ничего не приходилось убивать въ томъ, что старый режимъ сгнилъ. Гучковъ надѣялся, что армія, за малыми исключеніями, встанетъ на сторону переворота, сопровождаемаго террористическимъ актомъ (какъ лейбъ-кампанцы XVIII вѣка или студентъ съ бомбой), но не стихійнаго и не анархическаго, а переворота, подобнаго заговору декабристовъ. Существовалъ планъ захватить императорскій полѣздъ между Ставкой и Царскимъ и вынудить у царя отреченіе; одновременно, при помощи войскъ, арестовать правительство и затѣмъ уже объявить о переворотѣ и о составѣ новаго правительства. Среди офицеровъ были и социалистически настроенные, готовые идти на республиканскій строй, но были также люди съ принципиальными възвѣжаніями и симпатіями. «Отказа не было», но требовалась глубочайшая осторожность, ибо преждевременное раскрытіе сдѣлало бы невозможными дальнѣйшіе шаги.

Такъ осторожно опредѣляетъ настроеніе арміи человекъ, съ которымъ, по его словамъ, говорилъ откровенно простой солдатъ и генералъ. Другой знатокъ арміи, генералъ Н. И. Ивановъ просто отказывается судить о ней, говоря: «составъ офицеровъ и солдатъ, перемѣнившийся въ теченіе войны 4—6 разъ, не даетъ возможности судить, что представляютъ изъ себя тѣ части, которыя въ мирное время считались образцовыми».

Очень интересный документъ представляетъ письмо какого-то раненаго «офицера русской арміи», посланное изъ Москвы 25 января Протопопову (копія Милюкову). Авторъ письма говоритъ съ одной стороны, что надо «обуздать печать» и послать Милюковыхъ и Маклаковыхъ въ окопы, чтобы они перестали работать на оборону и увидѣли, что такое война; легко имъ изъ кабинета предлагать воевать «до побѣднаго конца». Съ другой стороны, офицеръ считаетъ, что нельзя продолжать войну и надо заключить миръ, пока нѣтъ ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. «Если миръ не будетъ заключенъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, то можно съ увѣренностью сказать, что будутъ безпорядки... Люди, призванные въ войска, впадаютъ въ отчаяніе... не изъ малодушія и трусости, а потому что никакой пользы отъ этой борьбы они не видятъ».

Не лишена, наконецъ, интереса телеграмма командира третьяго конного кавалерійскаго полка графа Келлера, отправленная царю уже послѣ отреченія.

Такое было настроеніе разныхъ слоевъ русскаго общества когда Родзико поѣхалъ изъ Царское Село 10 февраля со своимъ послѣднимъ по-

поданъ Бѣлинымъ докладомъ. Царь еще въ декабрѣ очень сердился на Родзянко; новогодній приемъ отличался особой сухостью. Последній же докладъ, названный въ газетахъ «высокомилостивымъ», былъ, по словамъ Родзянко, «самымъ тихимъ и бурнымъ». Царь, послѣ убійства Распутина, былъ заранѣе агрессивнѣе настроенъ; императрица «пылала местию», видя въ докладѣ врага. Въ этотъ день у царя были великіе князья Александръ Михайловичъ и Михаилъ Александровичъ; послѣ Родзянки Щегловитовъ окончательно испортилъ дѣло своимъ докладомъ.

Родзянко рассказываетъ: когда онъ прочелъ докладъ, царь сказалъ: «Вы все требуете удаленія Протопопова?»—«Требую, ваше величество, прежде я просилъ, а теперь требую».—«То-есть, какъ?»—«Ваше величество, списайте себя. Мы накануне огромныхъ событій, исхода которыхъ предвидѣть нельзя. То, что дѣлаетъ ваше правительство и вы сами, до такой степени раздѣляетъ население, что все возможно. Великіи проходимцы всѣми командуютъ. Если проходимцу можно, почему же мнѣ, порядочному человеку, нельзя? Вотъ сужденіе публики. Отъ публики это перенедетъ въ армію, и получится полная анархія. Вы изволили иногда меня слушаться, и вышло хорошо».

— «Когда?»—спросилъ царь.—«Вспомните, въ 1915 году вы уволили Маклакова».—«А теперь я о немъ очень жалко».—сказалъ царь, посмотрѣвъ въ упоръ. — «Этого, по крайней мѣрѣ, не сумасшедшій». — Совершенно естественно, ваше величество, потому что сходится не съ чѣмъ. Царь засмѣялся: — «Ну, положимъ, это хорошо сказано».

«Ваше величество, нужно ли принимать какія-нибудь мѣры? — и одолжалъ Родзянко: — Я указываю здѣсь цѣлый рядъ мѣръ, это гласно написано. Что-же, вы хотите во время войны потрясти страну революціей?»

— «Я сдѣлаю то, что мнѣ Богъ на душу положитъ».

— «Ваше величество, вамъ, во всякомъ случаѣ, очень надо помолиться, хорошо помолиться Господу Богу, чтобы Онъ показывалъ правильный путь, потому что путь, который вы теперь предпринимаете, можетъ оказаться роковымъ».

Царь всталъ и сказалъ нѣсколько двухмысленностей по адресу Родзянко.

«Ваше величество, сказалъ Родзянко, я ухожу въ полномъ убѣжденіи, что это мой послѣдній докладъ вамъ». — Почему? — Я послѣдній часъ вамъ доказываю и по всему вижу, что васъ повели на самый опасный путь... Вы хотите распутить Думу, я уже тогда не претсквотелъ, и къ вамъ больше не приду. Что еще хуже, я васъ предупреждаю, я убѣжденъ, что не пройдетъ трехъ недѣль, какъ вспыхнетъ такая революція, которая смететъ васъ, и вы уже не будете царствовать».

— «Откуда вы это берете?»

— «Изъ всѣхъ обстоятельствъ, какъ они складываются. Нельзя такъ шутить съ народнымъ самосознаніемъ, съ народной волей, съ народнымъ самосознаніемъ, какъ шутить тѣ лица, которыхъ вы ставите. Нельзя ставить вѣдущую роль всѣмъ Распутинскимъ. Вы, государь, помните, что происходило. «Ну, Богъ дастъ».—Богъ ничего не дастъ, вы и ваше правительство все испортили, революція неминуема».

На слѣдующій день, или черезъ день, у царя былъ П. Маклаковъ, вызванный Протопоповымъ изъ деревни въ началѣ февраля; Протопоповъ сказалъ Маклакову, что царь поручаетъ ему написать проектъ манифеста на случай, если ему будетъ угодно остановиться не на перерывѣ, а на распутываніи Думы. Маклаковъ составилъ проектъ, основная идея котораго заключалась въ объявленіи личнаго состава Думы: она не сдѣлала переступленія съ точки зрѣнія царя, не увеличила содержания чиновничества и духовенства; въ то время, когда всѣмъ надо быть воедино, идетъ борьба съ властью.

Поэтому Государственная Дума распускается, и новые выборы назначаются на 15 ноября 1917 года. Манифестъ кончается призывомъ царя ко всемъ вѣрнымъ—соединиться съ нимъ и вмѣстѣ послужить Россіи.

Этотъ проектъ Маклаковъ и свезъ царю лично, вмѣстѣ со слѣдующимъ письмомъ, помѣченнымъ 9 февраля:

«Ваше Императорское Величество, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ вчера вечеромъ передалъ мнѣ о повелѣніи Вашего Величества написать проектъ манифеста о роспускѣ Государственной Думы. Дозвольте принести мнѣ Вамъ, Государь, мою горячую вѣрноподаданнѣйшую благодарность за то, что Вамъ угодно было вспомнить обо мнѣ. Быть Вамъ полезнымъ—всегда такая радость для меня, быть Вамъ нужнымъ именно въ этомъ дѣлѣ—настоящее великое счастье. Да поможетъ мнѣ Господь найти надлежавшія слова для выраженія этого благославляемого мною взмаха Царской воли, который, какъ ударъ соборнаго колокола, заставитъ перекреститься всю вѣрную Россію и собратъся на молитву службы Родины со страхомъ Божиимъ, съ вѣрою въ нее и съ благоговѣніемъ передъ Царскимъ Призывомъ. Мы обсудимъ внимательно, со всехъ сторонъ проектъ манифеста съ Протопоповымъ, и тогда позвольте мнѣ неспросить у Вашего Величества счастье лично представить его на Ваше милостивое благовозвращеніе. Но я теперь же дерзая высказать свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что надо, не теряя ни минуты, крѣпко обдумать весь планъ дальнѣйшихъ дѣйствій правительственной власти для того, чтобы вслѣдствіе всѣхъ временныхъ осложненій, на которыя Дума и союзы несомнѣнно толкнутъ часть населенія, въ связи съ роспускомъ Государственной Думы, подготовленнымъ, укрѣпленнымъ въ себѣ, спокойнымъ и непоколебимымъ. Это должно быть дѣломъ всего Совѣта Министровъ, и Министра Внутреннихъ Дѣлъ нельзя оставить одного въ одиночество со всей той Россіей, которая сбита съ толку. Власть болѣе, чѣмъ когда-либо, должна быть сосредоточена, убѣждена, скована единой цѣлью возстановить государственный порядокъ, чего бы то ни стоило, и быть укрѣпленной въ побѣдѣ надъ внутреннимъ врагомъ, который давно становится и опаснѣе и опаснее и наглѣе врага внѣшнѣго. «Смѣлымъ Богъ владѣетъ», Государь. Да благословитъ Господь Вашу решимость и да издревле Огонь Вашъ жжетъ во славу Россіи и Вашей славы. Ваше Императорское Величество вѣрноподаданный Н. Маклаковъ».—Царь, торопившись куда то, велѣлъ Маклакову оставить письмо и сказать, что посмотреть.

Между тѣмъ, у Голицына, по обычаю, укореившемуся съ Горемыкинскихъ временъ, были уже заранѣе заготовлены и подписаны царемъ указы Сенату, такъ и о роспускѣ Думы. Текстъ указа о роспускѣ былъ слѣдующій:

«На основаніи статьи 105 Основныхъ Государственныхъ Законовъ Повелѣваемъ: Государственную Думу распустить съ назначеніемъ времени созыва вновь избранной Думы на (пропускъ числа, мѣсяца и года).

О времени производства новыхъ выборовъ въ Государственную Думу послѣдуютъ отъ насъ особыя указанія.

Привѣтствующій Сенатъ не оставитъ учинить изъ исполненія сего издѣлающее распоряженіе.

НИКОЛАЙ».

Этотъ указъ былъ вкормленъ еще Штюрмеромъ передъ 1 ноября: когда онъ былъ въ рукахъ у Трепова и, наконецъ, перешелъ къ Голицыну, которому царь сказалъ: «Держите у себя, а когда нужно—будетъ, используйте. Голицынъ перечесть 14 февраля показывалъ бланкъ Ладивисскому, который

по его словам, убедили Голицына, что это будет нарушением основных законовъ, съ чѣмъ Голицынъ согласился.

14 февраля открылись засѣданія Государственной Думы. Родзянко указалъ наканунѣ, въ бесѣдѣ съ журналистами, на вредъ уличныхъ выступлений и на «патриотическое» настроеніе рабочихъ. Въ засѣданіи, гдѣ присутствовали Голицынъ, Риттихъ, Шаховской, Кригеръ-Войновскій и союзные послы, обширное разъясненіе далъ Риттихъ, разсмотрѣніе его разъясненій было отложено; большія рѣчи по общей политикѣ произнесли Чхеидзе, Пуришкевичъ и Ефремовъ. Газеты констатировали, что первый день Думы кажется блѣднымъ, сравнительно съ общимъ настроеніемъ страны.

Открытіе Государственнаго Совѣта ознаменовалось инцидентомъ: Щегловитовъ не далъ Д. Д. Гримму сдѣлать вѣщоередное заявленіе, послѣ чего залъ засѣданія покинула вся лѣвая группа, часть группы центра и нѣкоторые безпартійные.

Обыватели нѣсколько опасались съ утра выходить на улицу, но въ центрѣ города день прошелъ спокойно. По донесенію охраннаго отдѣленія, бастовало 58 предпріятій — съ 89.576 рабочими, были отдѣльные выступления (на Петергофскомъ шоссе — съ красными флагами), попытки собраться у Таврическаго Дворца, подавленные полиціей, и сходки въ университетѣ и политехникумѣ.

15 февраля въ засѣданіи Государственной Думы произнесли по общей политикѣ рѣчи Миллюковъ и Керенскій. «Кто-то изъ министровъ или служашихъ канцеляріи» доложилъ кн. Голицыну, что рѣчь Керенскаго чуть ли не призывала къ цареубійству. Голицынъ спросилъ у Родзянко цензурированную стенограмму рѣчи, въ чемъ Родзянко ему отказалъ. Предѣлатель Совѣта Министровъ, по его словамъ, не настаивалъ, и былъ очень радъ, что Керенскій не произнесъ слова о цареубійствѣ, ибо въ противномъ случаѣ онъ считъ бы своимъ долгомъ передать депутата судебной власти».

Въ этотъ день бастовало только 20 предпріятій съ 24.840 рабочими, на Московскомъ шоссе появились красныя флаги, и въ университетѣ, нѣтъ была сходка, вводили полицію. Въ слѣдующіе дни забастовки пошли на убыль, и до 23 февраля были только отдѣльные невыходы на работу и предъявленія требованій со стороны рабочихъ.

III.

Переворотъ.

Послѣдовательный ходъ событій съ начала революціи (23 февраля) до отреченія Михаила Александровича (3 марта) — въ Петербургѣ, Царскомъ Селѣ, Могилевѣ (Ставкѣ), Москвѣ, по пути слѣдованія императорскаго поезда изъ Могилева въ Псковъ и повѣда съ отрядомъ генерала Иванова изъ Могилева въ Царское Село и обратно, и въ Псковѣ.

22 февраля въ среду царь выѣхалъ изъ Царскаго Села въ Ставку, въ Могилевъ. ~~Слѣдуетъ замѣтить, что~~ Духонцевъ, былъ неожиданной; многие думали, что государь не оставитъ императрицу въ эти тревожные дни. ~~Иногда~~ преданный вѣкъ Наты генералъ Спиродовичъ говорилъ, что слухи идутъ о императрицѣ убитъ Выходову и даже Александру Феторину, что ничто не дѣлается, дабы замѣнить настроеніе въ царской семьѣ, и эти слова вѣрны».

Разговоры объ ответственномъ министерствѣ уже были; Дубенскій предполагаетъ, что произошло пѣто, и царь вызвалъ Алексѣева. Царь уѣхалъ съ тѣмъ, чтобы вернуться 1 марта.

Въ четвергъ, 23 февраля, въ Петербургѣ начались волненія. Въ разныхъ частяхъ города народъ собирался съ криками «хлѣба». Появились красныя знамена съ революціонными надписями. Бастовало отъ 43 до 50 предпріятій, т.-е. отъ 78.500 до 87.500 рабочихъ. За порядкомъ слѣдила еще полиція, но вызывались уже и воинскіе наряды.

Протопоповъ просилъ Хабалова выпустить воззваніе къ населенію о томъ, что хлѣба хватитъ.

Хабаловъ пригласилъ пекарей и сказалъ имъ, что волненія вызваны не столько недостаткомъ хлѣба, сколько провокаціей; послѣдній выводъ онъ сдѣлалъ изъ донесенія охраннаго отдѣленія объ арестѣ рабочей группы.

Запасы города и уполномоченнаго достигали 500.000 пудовъ ржаной и пшеничной муки, чего, при желательномъ отпускѣ въ 40.000 пудовъ, хватило бы дней на 10—12. Хабаловъ потребовалъ отъ Вейса, чтобы онъ увеличилъ отпускъ муки. Вейсъ возражалъ, что надо быть осторожнымъ, и доложилъ, что лично видѣлъ достаточныя запасы муки въ пяти лавкахъ на Сампсоніевскомъ проспектѣ. Генералъ для порученій Перцовъ, посланный Хабаловымъ, доложилъ, что и въ лавкахъ на Гороховой мука есть.

Въ засѣданіи Государственной Думы изъ членовъ правительства присутствовали Ритихъ и Рейнъ. Впервые появился депутатъ Марковъ 2-й. Присходили пренія по продовольственному вопросу, председатель огласилъ письмо Рейна о снятіи имъ законопроекта объ образованіи вѣдомства государственнаго здравоохраненія. Соціалъ-демократы и трудники внесли запросъ о расчетѣ рабочихъ на пѣкоторыхъ заводахъ.

День въ Могилевѣ прошелъ спокойно.

Въ пятницу, 24 февраля, появилось объявленіе Хабалова: «За послѣдніе дни отпускъ муки въ пекарни для вынечки хлѣба въ Петроградѣ производится въ томъ же количествѣ, какъ и прежде. Недостатка хлѣба въ продажѣ не должно быть. Если же въ пѣкоторыхъ лавкахъ хлѣба нѣмъ не хватило, то потому, что многіе, опасаясь недостатка хлѣба, покупали его въ запасъ на сухари. Ржаная мука имѣется въ Петроградѣ въ достаточномъ количествѣ. Подвозъ этой муки идетъ непрерывно».

По словамъ Балка, съ 11 час. дня всѣ распорядительныя функціи по подавленію безпорядковъ перешли къ Хабалову и начальникамъ районовъ, которымъ подчинялась вся полиція.

Къ Хабалову явилась депутація отъ мелкихъ пекарей съ жалобами на то, что, изъ-за объявленія, на нихъ валяютъ, будто они прячутъ муку; у нихъ же мало муки, и рабочіе забрапы на военную службу. Хабаловъ приказалъ немедленно переслать ихъ прошеніе о 1.500 рабочихъ въ отдѣлъ главнаго управленія генеральнаго штаба по отсрочкамъ.

Послѣ этого къ Хабалову явилась депутація отъ общества фабрикантовъ; они просили увеличить отпускъ муки для фабрикъ и дать муку отъ интендантства. Окружной интендантъ на запросъ Хабалова сказалъ, что у него на довольствіи 180.000 нижнихъ чиновъ, но удѣлилъ для фабрикъ до 3.000 п.

Въ городѣ бастовало уже отъ 158.500 до 197.000 рабочихъ. Толпы народа, въ теченіе всего дня, усиленно разгонялись полиціей, пѣхотными и кавалерійскими частями. На мостахъ стояли заставы, толпа съ Выборгской стороны шла по льду. Вѣляевъ посоветовалъ Хабалову стрѣлять по переходящимъ Неву, но такъ, чтобы пули дошли въпереди нихъ. Хабаловъ не отдалъ такого приказа, считая его безцѣльнымъ.

Однако, были отдѣльные случаи стрѣльбы. Между прочимъ, въ 3 часа дня на Знаменскую площадь прорвалась толпа, впереди которой ѣхало до полусотни казаковъ разсыпнымъ строемъ. 15 конныхъ городскихъ были прогнаны визгомъ, свистомъ, полѣзьями, камнями и осколками льда; начался митингъ у памятника Александру III. Среди криковъ «да здравствуетъ республика», «долгой полиціи», раздавалось «ура» по адресу присутствовавшихъ казаковъ, которые отвѣчали народу поклонами.

Родзянко объѣхалъ утромъ городъ вмѣстѣ съ Риттихомъ, посѣтилъ Голицына и Вѣляева, которого просилъ организовать совѣщаніе для передачи продовольствія городу.

Въ засѣданіи Государственной Думы, гдѣ продолжались пренія о продовольствіи, настроеніе было тревожное. Въ перерывѣ происходило совѣщаніе совѣта старѣйшинъ.

Хабаловъ созвалъ у себя въ квартирѣ совѣщаніе, на которомъ присутствовали городской голова Меляновъ, его товарищъ Демкинъ, уполномоченный по Петербургу Вейсъ, градоначальникъ Ваткъ, командующій войсками полковникъ Павленковъ, начальникъ охраннаго отдѣленія Глобачевъ и жандармскаго отдѣленія Клыковъ, а также, кажется, Протопоповъ и Васильевъ. Обсуждали вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ. Рѣшили, во-первыхъ, слѣдить за болѣе правильнымъ распределеніемъ муки по пекарнямъ, причемъ Хабаловъ предложилъ Мелянову возложить эту обязанность на городскія попечительства о бѣдныхъ и на торговля и санитарныя попечительства; во-вторыхъ, рѣшили въ ночь на 25-е произвести обыски и арестовать уже намѣченныхъ охраннымъ отдѣленіемъ революціонеровъ, причемъ Глобачевъ указалъ, что назначено собраніе въ бывшемъ помѣщеніи рабочей группы; въ-третьихъ, рѣшили вызвать запасную кавалерійскую часть въ помощь казакамъ перваго Донскаго полка, которые вѣло разогнали толпу; у нихъ не оказывалось нагаекъ: несмотря на то, что 23-го и 24-го было избито уже 28 полицейскихъ, Хабаловъ не хотѣлъ прибѣгать къ стрѣльбѣ.

Въ 1 часть дня Голицынъ выбралъ въ засѣданіе Совѣта Министровъ, какъ обыкновенно, по Караванной, и ничего не замѣтилъ на улицахъ. Засѣданіе было дѣловое, о безпорядкахъ никто не говорилъ. Въ 6 часовъ вечера возвратиться на Моховую тѣмъ же путемъ было уже нельзя, и Голицынъ поѣхалъ кругомъ.

Въ экстренномъ совѣщаніи въ Маринскомъ Дворцѣ, при участіи представителей Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и Совѣта Министровъ, рѣшено передать продовольственное дѣло городскому управленію.

Предсѣдатель военно-цензурной комиссіи генералъ Адабанъ написалъ докладъ Вѣляеву о томъ, что, по приказанію Хабалова, имъ сдѣлано распоряженіе не допускать въ газеты рѣчей Родичева, Чхендзе и Керенскаго, произнесенныхъ въ Государственной Думѣ 24 февраля. Вѣляевъ положилъ на докладъ резолюцію: «Печатать въ газетахъ рѣчи депутатовъ Родичева, Чхендзе и Керенскаго завтра нельзя. Но прошу не допускать ѣлыхъ мѣсть въ газетахъ, а равно и какихъ-либо замѣтокъ по поводу этихъ рѣчей».

Дубенскій записывалъ въ Ставкѣ: «Тихая жизнь началась здѣсь. Все будетъ по-старому. Отъ Него (отъ цари) ничего не будетъ. Могутъ быть только случайныя, вышшія причины, кои заставятъ что-либо измѣниться... Въ Петроградѣ были толпы безпорядки, рабочіе Патристическаго завода вышли на Митенный и двинулись къ Невскому, но были равотными казаками».

Далѣе записано, что получены свѣдѣнія о томъ, что Алексѣи, Ольга и Татьяна болѣли корью, и что цари безпокоятся доставка продовольствія на фронтъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продовольствія получено на три дня.

Къ тому же, получились записки у Казатина, и продвинуть поѣзда сейчасъ невозможно».

Въ Царскомъ Селѣ заболѣли корью царскія дѣти и Вырубова. Тѣмъ же менѣе, императрица принимала во дворѣ пословъ и посланниковъ.

Въ субботу, 25 февраля, Хабаловъ объявилъ, что, если со вторника, 28 февраля, рабочіе не приступятъ къ работамъ, то все новобранцы досрочныхъ призывовъ 1917, 1918 и 1919 годовъ, пользующіеся отсрочками, будутъ призваны въ войска; утреннія газеты вышли не все, вечернія вовсе не вышли.

Были убиты пристава, ранены полиціймейстеръ и нѣсколько другихъ полицейскихъ чиновъ. Въ жандармовъ бросали ручныя гранаты, петарды и бутылки. Войска проявляли пассивность, а иногда и нетерпимость въ отношеніи дѣйствій полиціи. Бастовало до 240.000 рабочихъ. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ были сходки и забастовки.

Въ девятомъ часу вечера у часовни Гостиннаго Двора стрѣляли изъ револьвера въ кавалерійскій отрядъ, который сбѣжился и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ оказались убитые и раненые. Въ этотъ день военный министръ все еще рекомендовалъ Хабалову избѣгать, гдѣ можно, открытія огня, говоря: «Ужасное впечатлѣніе произведетъ на нашихъ союзниковъ, когда разойдется толпа, и на Невскомъ будутъ трупы».

Хабаловъ и Павленковъ провели весь день въ квартирѣ градоначальника. Въ 4 часа 40 минутъ Хабаловъ послалъ въ Ставку Навшаверху секретную шифрованную телеграмму (№ 2813-486): «Донесу, что 23 и 24 февраля вследствие недостатка хлѣба на многихъ заводахъ возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысячъ рабочихъ, которые насильственно снимали работавшихъ. Движеніе трамвая рабочими было прекращено. Въ серединѣ дня 23 и 24 февраля часть рабочихъ прорвалась къ Невскому, откуда была разогнана. Насильственные дѣйствія выразились разбитіемъ стеколъ въ нѣсколькихъ лавкахъ и трамваяхъ. Оружіе войсками не употреблялось, четыре чина полиціи получили неопасныя пораненія. Сегодня 25 февраля попытки рабочихъ проникнуть на Невскій усиленно парализуются, прорывавшаяся часть разгоняется казаками, утромъ полиціймейстеру Выборгскаго района сломали руку и нанесли въ голову рану тупымъ орудіемъ. Около трехъ часовъ дня на Знаменской площади убитъ при разбѣгѣ толпы пристава Крыловъ. Толпа разбѣгана. Въ подавленіи безпорядковъ, кромѣ петроградскаго гарнизона, принимаютъ участіе пять эскадроновъ 9 запаснаго кавалерійскаго полка изъ Краснаго Села, сотни лейбъ-гвардіи сводно-казачьяго полка изъ Павловска и вызвано въ Петроградъ пять эскадроновъ гвардейскаго запаснаго кавалерійскаго полка. Хабаловъ».

Протопоповъ со своей стороны телеграфировалъ Воейкову: «Внезапно распространившіеся въ Петроградѣ слухи о предстоящемъ якобы ограниченіи суточного отпуска вылекаемого хлѣба взрослымъ по фунту, малолѣтнимъ половиннымъ размѣръ вызвали усиленную закупку публикой хлѣба, очевидно, въ запасъ, почему части населенія хлѣба не хватило. На этой почвѣ двадцать третьяго февраля вспыхнула въ столицѣ забастовка, сопровождающаяся уличными безпорядками. Первый день бастовало около 90 тысячъ рабочихъ, — второй до 160 тысячъ, сегодня около 200 тысячъ. Уличные безпорядки выражаются въ демонстративныхъ шествіяхъ частью съ красными флагами, разгромъ нѣкоторыхъ пунктахъ лавокъ, частичнымъ прекращеніемъ забастовщиками трамвайнаго движенія, столкновеніяхъ полиціей. 23 февраля ранены 2 помощника пристава, сегодня утромъ на Выборгской сторонѣ толпой сняты съ лошади и побиты полиціймейстеръ полковникъ Шалфеевъ, въ виду чего полиціей произведено

несколько выстрѣловъ въ направленіи толпы, откуда послѣдовали отвѣтные выстрѣлы. Сегодня днемъ болѣе серьезные безпорядки происходили около памятника Императору Александру III. на Знаменской площади, гдѣ убитъ приставъ Крыловъ. Движеніе носитъ неорганизованный стихійный характеръ, наряду съ эксцессами противоправительственныхъ свойствъ буйствующихъ мѣстами прѣвѣтствуютъ войска. Прекращенію дальнѣйшихъ безпорядковъ принимаются энергичныя мѣры военнымъ начальствомъ. Москвѣ спокойно. М.В.Д. Протопоповъ».

Около 9 часовъ вечера Хабаловъ получилъ напечатанную на юзѣ и переданную по прямому проводу въ генеральный штабъ телеграмму: «Повѣлѣваю завтра же прекратить въ столицѣ безпорядки, недопустимые въ тяжелое время войны съ Германіей и Австріей. Николай».

Часомъ въ 10 собрались начальники участковъ, командиры запасныхъ частей, которымъ Хабаловъ прочелъ телеграмму и сказалъ, что должно быть примѣнено послѣднее средство: если толпа агрессивна, дѣйствовать по уставу, т. е., открывать огонь послѣ троекратнаго сигнала; въ остальныхъ случаяхъ—продолжать дѣйствовать кавалеріей.

Хабалова царская телеграмма «хватила обухомъ». Онъ такъ разстроился, что, когда вечеромъ къ нему позвонилъ Лежневъ, онъ сказалъ ему: «Вы выдумали какой-то незаконный проектъ, совершенно несогласный съ городскимъ положеніемъ, я не могу на это согласиться». Дѣло въ томъ, что заѣзжавшій днемъ Протопоповъ сообщалъ, что «городъ выдумалъ какой-то революціонный проектъ съ продовольствіемъ».

Весь день происходили засѣданія думскихъ фракцій, коммисій, бюро блока, бюро центрального военно-промышленнаго комитета.

Вечернее засѣданіе Городской Думы, гдѣ разсматривался вопросъ о введеніи хлѣбныхъ карточекъ, по докладу охраннаго отдѣленія, «вскорѣ» приняло характеръ памятныхъ по 1905 году революціонныхъ митинговъ. На собраніи говорили сенаторъ Ивановъ, члены Государственной Думы Шингаревъ и Керенскій, представители рабочихъ; ждали Родзинко, но онъ не могъ прѣхать, будучи занятъ въ Государственной Думѣ, гдѣ разбирался законопроектъ о расширеніи правъ городскихъ самоуправленій въ области продовольствія.

Въ ночь на 26 февраля «было арестовано около 100 членовъ революціонныхъ организацій, въ томъ числѣ 5 членовъ Петроградскаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической Партіи». На собраніи въ помѣщеніи Центрального Военно-Промышленнаго Комитета «были арестованы два члена Рабочей Группы, избѣгнувшіе задержанія во время ликвидаціи въ минувшемъ январѣ мѣсяцъ этой преступной группы».

Родзинко былъ у Голицына и просилъ его выйти въ отставку. Голицынъ въ отвѣтъ указалъ папку на столѣ, въ которой лежалъ указъ о роспускѣ Думы, и просилъ устроить совѣщаніе лидеровъ фракцій, чтобы столковаться.

Въ 12 часовъ ночи началось совѣщаніе министровъ въ квартирѣ Голицына. Рѣчь шла о томъ, что въ понедѣльникъ въ Государственной Думѣ предпринимается рядъ выступленій, которыя могутъ заставить правительство закрыть Думу. Риттихъ говорилъ о томъ, что Кабинетъ не можетъ поладить съ Думой, потому что Дума не хочетъ ладить съ нимъ. Покровский говорилъ, что съ Думой работать нужно, и ея требованія должны быть приняты. Оба министра, а также Кригеръ-Войновскій, въ разныхъ выраженіяхъ говорили о томъ, что Кабинету придется уйти. Всѣ, кромѣ Протопопова, Добровольскаго и Раева, были противъ роспуска Думы. Протопоповъ разсказывалъ объ удивительныхъ событіяхъ и находилъ, что безпорядки слѣдуетъ прекратить вооруженной силой. Приглашенный на совѣщаніе Хабаловъ долженъ

о событіяхъ дня, о принятыхъ имъ мѣрахъ, о планѣ охраны города и о полученной имъ отъ царя телеграммѣ. Вѣляевъ, Добровольскій и Риттихъ высказались, что безпорядкамъ должна быть противопоставлена сила. Тутъ же, по телефону изъ Городской Думы, узнали, что отдано распоряженіе объ арестѣ Рабочей Группы, причемъ всѣ удивились, почему Протопоповъ въ такую минуту не справился съ мнѣніемъ Совѣта Министровъ. Вызванные Васильевъ и Глобачевъ объяснили, что полиція застала публичное собраніе челоѣкъ въ 50, задержала всѣхъ для выясненія личности и арестовала только двухъ, уже привлеченныхъ къ слѣдствію по 102 статьѣ.

Въ этомъ совѣщаніи уже поднимался вопросъ о введеніи осаднаго положенія. Хабаловъ протестовалъ на томъ основаніи, что, по послѣднему положенію, командующій войсками округа пользовался правами командующаго арміей, равными правамъ командира осажденной крѣпости. Нѣкоторые изъ министровъ настаивали на введеніи осаднаго положенія потому, что, съ объявленіемъ его, прекращаются всѣ собранія, въ томъ числѣ, и засѣданія Государственной Думы, и даже ея комиссій. Покровский возражалъ, что это—вопросъ спорный.

Рѣшено было просить предсѣдателя и членовъ Думы употребить свой прѣстѣжъ для успокоенія толпы; рѣшено, что Родзянко поѣдетъ къ Голицыну, а Покровский и Риттихъ войдутъ въ переговоры съ нѣкоторыми лидерами партій (называли Милюкова и Савица).

Голицынъ указалъ, что въ стремленіяхъ на пути къ соглашенію не слѣдуетъ забывать того, что нѣкоторые министры должны будутъ собой пожертвовать; онъ намекалъ на Протопопова. Хабаловъ произвелъ на Голицына впечатлѣніе «очень не энергичнаго и мало свѣдущаго тяжелодума», а докладъ его показался Голицыну «сумбуромъ». Въ этотъ вечеръ онъ проспалъ у Хабалова охрану и впоследствии жаловался на то, что не видѣлъ ея, хотя Хабаловъ послалъ роту, которая «закупорила Моховую».

Министры разошлись въ 4 часа ночи, рѣшивъ опять сойтись въ воскресенье въ 8½ часовъ. Журналовъ совѣщаній въ эти дни не велось, хотя на всѣхъ совѣщаніяхъ присутствовалъ Ладженковскій.

Жизнь Ставки текла попрежнему однообразно: въ 9½ часовъ царь выходилъ въ штабъ, до 12½ проводилъ время съ Алексѣевымъ, послѣ этого часа предлѣзался завтракъ, потомъ была прогулка на моторахъ, въ 5 часовъ пили чай и приходила петербургская почта, которой царь занимался до обѣда въ 7½ часовъ.

Вѣроятно, въ этотъ день между 5 и 7 часами, въ виду тревожныхъ слуховъ отъ приближающихся изъ Петербурга («Асторія занята», и т. д.) къ царю «прибывали» Алексѣевъ. Кромѣ того, царь получилъ двѣ телеграммы отъ Александры Федоровны. Въ одной говорилось, что «въ городѣ пока спокойно» а въ вечерней уже, что «совсѣмъ нехорошо въ городѣ».

Послѣ обѣда съ 8½ часовъ царь занимался у себя въ кабинетѣ, а въ 11½ пили вечерній чай, и царь съ лицами ближайшей свиты уходилъ къ себѣ.

Дубенскій записалъ въ дневникѣ 25-го: «Изъ Петрограда—тревожныя свѣдѣнія; голодные рабочіе требуютъ хлѣба, ихъ разгоняютъ изъ улицъ; забили фабрики и заводы; Государственная Дума засѣдаетъ очень шумно; социалъ-демократы Каронскій и Скобелевъ нападаютъ къ ниспроверженію самодержавной власти, а власти нѣтъ. Вопросъ о продовольствіи стоитъ очень плохо..., оттого и являются голодные бунты. Плохо очень съ топливомъ..., поэтому становятся заводы, даже тѣ, которые работаютъ на оборону. Государь, какъ будто, встревоженъ, хотя сегодня по виду былъ веселъ. Онъ дни онъ ходитъ въ казачьей кавказской формѣ, вечеромъ былъ у всеобщей и шелъ туда и обратно безъ пальто».

Въ воскресенье, 26 февраля, войска, какъ обыкновенно, заняли всѣ посты, положенные по росписанію; Хабаловъ объявлялъ, что для водворенія порядка войска прибѣгнутъ къ оружію (всѣ министры наканунѣ согласились на такое объявленіе).

Въ этотъ день войскамъ пришлось стрѣлять въ народъ въ разныхъ мѣстахъ, и холостыми и боевыми патронами.

Въ донесеніяхъ за день отмѣчено: «промышленныя предпріятія сего числа, по случаю праздничнаго дня, были закрыты». «Во время безпорядковъ наблюдалось, какъ общее явленіе, крайне вызывающее отношеніе буйствовавшихъ скопищъ къ воинскимъ нарядамъ, въ которые толпа, въ отвѣтъ на предложеніе разойтись, бросала каменьями и комьями скелетаго съ улицы льда. При предварительной стрѣльбѣ войскамъ вверхъ, толпа не только не разбѣивалась, но подобныя залпы встрѣчала смѣхомъ. Лишь по примѣненіи стрѣльбы боевыми патронами въ гущу толпы оказывалось возможнымъ разбѣивать скопища, участники коихъ, однако, въ большинствѣ пританцовывали въ дворы ближайшихъ домовъ и, по прекращеніи стрѣльбы, вновь выходили на улицу».

Вечеромъ, охранное отдѣленіе предполагало арестовать собраніе, которое должно было быть въ домѣ Елисѣева на Невскомъ съ участіемъ членовъ Государственной Думы Керенскаго и присяжнаго повѣреннаго Соколова, для обсужденія вопроса о наилучшемъ пользованіи въ революціонныхъ цѣляхъ возникшихъ безпорядковъ и дальнѣйшемъ планомѣрнымъ руководствѣ таковыми».

Родзянко утромъ побѣжалъ къ Риттиху, вытащилъ его изъ кровати и повезъ къ Бѣляеву. Онъ видѣлъ, какъ рабочіе шли лавой по льду черезъ Неву, такъ какъ на мосты ихъ не пускали.

Родзянко обратился по телефону къ Хабалову, который сидѣлъ въ зданіи градоначальства, уже не дѣлая никакихъ распоряженій о раздачѣ хлѣба; Родзянко спрашивалъ его, «зачѣмъ кровь», и убѣждалъ, что гранату на Невскомъ бросилъ городской. Хабаловъ сказалъ, что войска не могутъ быть мишенью и должны отвѣчать на нападеніе, но на высочайшую телеграмму не согласенъ.

Родзянко звонилъ также къ Вѣляеву, советуя ему разсѣдоточивать толпу при помощи пожарныхъ. Вѣляевъ снесся съ Хабаловымъ, который отвѣтилъ, что существуетъ распоряженіе ни въ какомъ случаѣ не вызывать пожарныя части для прекращенія безпорядковъ, и что обливаніе водой только возбуждаетъ, т.-е., приводитъ къ обратному дѣйствию.

Родзянко телеграфировалъ царю: «Положеніе серьезное. Въ столицѣ анархія. Правительство парализовано. Транспортъ продовольствія и топлива пришелъ въ полное разстройство. Растетъ общественное недовольство. На улицахъ происходитъ безпорядочная стрѣльба. Части войскъ стрѣляютъ другъ въ друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся довѣріемъ страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедленіе смерти подобно. Молю Бога, чтобы въ этотъ часъ отвѣтственность не пала на вѣщепосла».

Концы этой телеграммы были разсказаны кому-нибудь съ просьбою поддерживать передъ царемъ обращеніе предѣлателя Думы. Отвѣтили Брусиловъ: «Вашу телеграмму получилъ. Свой долгъ передъ родиной и царемъ исполняю» — и Рузавкинъ: «Телеграмму получилъ. Порученіе исполнено».

Царь, по разсказу Фредерикса, получилъ эту телеграмму, или слѣдующую за ней (отъ 27 февраля), сказалъ Фредериксу: «Опять этотъ тодстникъ Родзянко мнѣ написалъ разный вздоръ, на который я ему не буду даже отвѣчать».

Хабаловъ телеграфировалъ Павлаверху въ Ставку (№ 2899—3713): «Донесу, что въ теченіе второй половины 25 февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся на Знаменской площади и у Казанскаго Собора, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими чинами. Около 17 часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты заѣли революціонныя иѣни и выкинули красные флаги съ надписями долей войну, на предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ, однимъ изъ коихъ былъ раненъ голову рядовой 9 запаснаго кавалерійскаго полка. Взводъ драгунъ сбѣжился и открылъ огонь по толпѣ, причемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около 18 часовъ въ нарядѣ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошелъ относительно спокойно. 25 февраля батонало двѣсти сорокъ тысячъ рабочихъ. Мною вынуждено объявленіе, воспрепятствующее скопленію народа на улицахъ и подтверждающее населенію, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силой оружія. Сегодня 26 февраля съ утра въ городѣ спокойно. Хабаловъ».

Около 4-хъ часовъ дня Хабалову доложили, что четвертая рота запаснаго батальона Павловскаго полка, расквартированная въ зданіяхъ конюшеннаго вѣдомства, выѣзжала съ криками на площадь, стрѣляя въ воздухъ около храма Воскресенія, и при ней находятся только два офицера; рота требовала увода въ казармы остальныхъ и прекращенія стрѣльбы, а сама стрѣляла по взводу конно-полицейской стражи.

Хабаловъ приказалъ командиру батальона и полковому священнику принять мѣры къ увѣщанію, устыдить роту, привести ее къ присягѣ на вѣрность и водворить въ казармы, отобрать оружіе. Послѣ увѣщаній батальоннаго командира, солдаты дѣйствительно немаленькую сдали винтовки, но 21 человѣка съ винтовками не досчитались.

Възбѣвъ потребовать немедленно военно-полевого суда, но прокуроръ военно-окружнаго суда Мендель посоветовалъ Хабалову сначала произвести дознаніе. Хабаловъ приказалъ, чтобы самъ батальонъ выдалъ зачинщиковъ и назначилъ слѣдственную комиссію изъ пяти членовъ съ генераломъ Хлѣбниковымъ во главѣ. Батальонное начальство выдало 19 главныхъ виновниковъ, которыхъ и препроводили въ крѣпость, какъ подлежащихъ суду, такъ какъ комендантъ крѣпости Николаевъ сообщилъ, что арестныхъ помѣщеній для всей роты (1500 человѣкъ) у него нѣтъ.

Среди этого «котла» событій, по выраженію Хабалова, онъ нѣсколько разъ доносилъ въ Ставку, что безпорядки продолжаются и приказаній его величества онъ выполнить не можетъ. Ночью стали поступать тревожныя свѣдѣнія о возстаніяхъ въ другихъ войсковыхъ частяхъ, но они пока не оправдывались.

Протопоповъ телеграфировалъ Василькову: «Сегодня порядокъ въ городѣ не нарушался до четырехъ часовъ дня, когда на Невскомъ проспектѣ стала накапливаться толпа, неподчинявшаяся требованію разойтись. Ввиду сего возлѣ Городской Думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, послѣ чего образовавшееся тамъ собраніе разсѣялось. Одновременно значительныя скопленія образовались на Лиговской улицѣ, Знаменской площади, также на пересѣченіяхъ Невскаго Владимірскаго проспектомъ и Садовой улицей, причемъ всѣхъ этихъ пунктахъ толпа велъ себя вызывающе, бросая въ войска камнями, комями скотатаго на улицахъ льда. Поэтому, когда стрѣльба вверхъ не оказала воздѣйствія на толпу, вызвать лишь наемники надъ войсками, послѣдніе вынуждены были для прекращенія буйства прибѣгнуть къ стрѣльбѣ боевыми патронами по толпѣ, въ результатѣ чего оказались убитые, раненые, большую часть коихъ

голки, разсѣиваясь, уносила съ собой. Началь пятого часа Невскій былъ очищенъ, но отдѣльные участники безпорядковъ, укрывшись за угловыми домами, продолжали обстрѣливать воинскіе разѣзды. Войска дѣйствовали ревностно, исключеніе составляетъ самостоятельный выходъ четвертой эвакуированной роты Павловскаго полка. Охраннымъ отдѣленіемъ арестованы запрещенномъ собраніи 30 постороннихъ лицъ въ помѣщеніи Грушинъ Центрального Военнаго Комитета и 136 человекъ партійныхъ дѣателей, а также революціонный руководящій коллективъ изъ пяти лицъ. Моему соглашенію командующимъ войсками контроль распределеніемъ вывѣсочко хлѣба также учетомъ использования муки возлагается на завѣдующаго продовольствіемъ Имперіи Ковалевскаго. Надѣюсь будетъ польза. Поступили свѣдѣнія, что 27 февраля часть рабочихъ намѣревается приступить работамъ. Москвѣ спокойно. М.В.Д. Протопоповъ».

Эта телеграмма была послана 27 февраля въ 4 часа 20 минутъ утра.

Вечеромъ на частномъ совѣщаніи у Голицына, были приняты двѣ мѣры: перерывъ засѣданій Государственной Думы и введеніе осаднаго положенія въ Петербургѣ (форма послѣдняго распоряженія не обсуждалась).

Родзянко вечеромъ нашелъ у себя въ квартирѣ слѣдующій указъ, уже отпечатанный: «На основаніи статьи 99 Основныхъ Государственныхъ Законовъ. Повелѣваемъ: занятія Государственной Думы прервать съ 26-го февраля сего года и назначить срокъ ихъ возобновленія не позднѣе апрѣля 1917 года, въ зависимости отъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Правительствующій Сенатъ не оставитъ къ исполненію сего учинить надлежащее распоряженіе». Такимъ же указомъ были прерваны и занятія Государственнаго Совѣта.

Александра Федоровна заканчивала свою телеграмму, посланную царю въ 11 часовъ 50 минутъ дня, словами: «Очень безпокоюсь относительно города».

Въ Могилевѣ свита была въ тревогѣ, за завтракомъ было мало приглашенныхъ, и царь, всегда любезный, видимо, сдерживался и мало говорилъ. Воейковъ, однако, спокойно далъ коменданту императорскаго полка, полковнику Герарди, отпускъ на нѣсколько дней въ Царское Село. Дубенскій записалъ въ своемъ дневникѣ 26 февраля: «Волненія въ Петроградѣ очень большія, бастуютъ двѣсти тысячъ рабочихъ, не ходятъ трамваи, убійствъ, приставъ на Знаменской площади. Собрались экстренное засѣданіе въ Маріинскомъ дворцѣ... Государственная Дума волнуется, требуетъ передачи продовольственнаго дѣла во всей Россіи городскому самоуправленію и земству. Князь Голицынъ и всѣ министры согласны. Такимъ образомъ, вся Россія хлынетъ, что только-только будетъ паворотомъ расшатанъ не царской властью, не царскаго правительства, а общественными организаціями, т. е., правительство совершенно расписалось въ своемъ безеніи. Какъ не можетъ понять государь, что онъ долженъ проявить свою волю, свою власть?... Какая это поддержка нашимъ врагамъ. Вильгельму — безпорядокъ въ Петроградѣ! Какая радость теперь въ Версали! А при государѣ все то же, многие понимаютъ ужасъ положенія, но не «тревожатъ» царя».

Изъ дневничка 27 февраля утромъ Родзянко послалъ царю телеграмму: «Положеніе ухудшается. Надо принять немедленно мѣры, ибо завтра будетъ уже поздно. Настала послѣдній часъ, когда рѣшается судьба родины и династіи».

Черезъ въ 7 утра командиръ запаснаго батальона Волынского полка передавъ Хабалову по телефону, что учебная команда отказалась выходить, и начальникъ ей или убить, или самъ застрѣливается перетъ фронтомъ.

Хабаловъ, предписавъ обезоружить и вернуть команду въ казармы, сообщилъ объ этомъ Бѣляеву и поѣхалъ въ домъ градоначальства. Въ теченіе двухъ часовъ, полковникъ Московскаго полка Михайличенко замѣняетъ полковника Пятницкова, больного грудной жабой. Въ это утро, въ канцелярію градоначальника явился капитанъ броневой роты, который предлагалъ Хабалову составить 1—2 автомобиля изъ нѣсколькихъ, находящихся въ починкѣ на Путиловскомъ заводѣ. Хабаловъ послалъ его къ заведующему броненщиками генералу Секретеву и велѣлъ прислать автомобиль, если найдутся надежные офицеры, которыхъ можно туда посадить.

Поступили донесенія, что Волынцы не сдаютъ винтовокъ, къ нимъ присоединяется рота Преображенскаго полка и часть Литовцевъ, и эта вооруженная толпа, соединившись съ рабочими, идетъ по Кировой, разгромивъ казармы жандармскаго дивизиона и громить помѣщеніе школы прапорщиковъ инженерныхъ войскъ.

Хабаловъ сформировалъ отрядъ изъ 6 ротъ, 15 пулеметовъ и 1½ эскадроновъ, всего около 1000 человекъ, и отправилъ его противъ возставшихъ подъ начальствомъ георгиевскаго кавалера полковника Кутепова съ требованіемъ, чтобы они сложили оружіе; въ противномъ случаѣ, было предложено принять рѣшительныя мѣры.

Отрядъ двинулся, а результаты нѣтъ: если онъ дѣйствуетъ, онъ долженъ уже гнать толпу въ уголь за Таврической садъ, къ Невѣ. «А тутъ—ни да, ни нѣтъ», говоритъ Хабаловъ.

Казачьи разъѣзды донесли, что Кутеповъ не можетъ продвинуться по Кировой и Спасской и требуетъ подкрѣпленій.

Бригадъ-майоръ Литвинцовъ донесъ по телефону, что толпа не даетъ пожарнымъ тушить здание Окружнаго Суда. Около полудня изъ Московскаго полка донесли, что четвертая рота, заправшая пулеметами Литвинный мостъ съ Выборгской стороны, подавлена, остальные роты стоятъ во дворѣ казармъ, изъ офицеровъ—кто убитъ, а кто—раненъ, и огромныя толпы загромождаютъ Самсоновскій проспектъ.

Заванныхъ войскъ у Хабалова не было, а наряду съ донесеніями поступали требованія охраны отъ Голицына, съ телефонной станціи, изъ Литовскаго замка, изъ Марининскаго дворца. Заѣзжали Протопоповъ и пристава къ Хабалову съ разными предложеніями, по обыкновенію, ни на чемъ реальномъ не основанными.

Часа въ 2—3 Хабаловъ былъ у Голицына. Послѣдній былъ уже оповѣщенъ съ утра Бѣляевымъ, который въ это утро приказалъ начальнику Генеральнаго Штаба генералу Занкевичу доложить, что нужно для объявленія осаднаго положенія, и, получивъ отвѣтъ, что для этого требуется высочайшее повелѣніе, сказалъ: «Считайте, что оно уже послѣдовало». Бѣляевъ представилъ Голицыну сейчасъ же обсудить дальнѣйшія мѣры, но прошло довольно много времени, какъ пріѣхалъ Хабаловъ, министры были въ сборѣ: они проанализировать въ всѣхъ тѣхъ же мѣстахъ оружіе, а оружіе, равновѣсіе, необходимое для управленія въ такую серьезную минуту, онъ утратилъ,—говоритъ Бѣляевъ.

Въ сущности, министры только познакомились съ событіями, взглядовъ же никакихъ не высказывали. Въ 4 часа особенно нервы. Докладывали Хабаловъ и кое-что Протопоповъ. Около 4—5 часовъ рѣшили сойтись въ Марининскомъ дворцѣ.

Когда опредѣлилось, что пока только Выборгская и Литейная части захвачены восстаніемъ, Хабаловъ рѣшилъ стянуть возможный резервъ на Дворцовой площади, подъ начальствомъ полковника Преображенскаго полка князя Артуровскаго-Долгорукова. Часть предполагалось послать

въ подкрѣпленіе Кутену, а другую часть—на Петербургскую сторону: Хабаловъ, опасаясь за Пороховые заводы, хотѣлъ отбѣснить возставшихъ къ сѣверу, къ морю.

Выяснилось, что резервъ собрать трудно, нѣкоторыя части можно только удерживать отъ присоединенія къ возставшимъ, а у другихъ нѣтъ патроновъ; не найдя патроновъ въ городѣ, Хабаловъ просилъ по телефону прислать ихъ изъ Кропштадта, но комендантъ отвѣтилъ, что самъ опасается за крѣпость. Хабаловъ не зналъ, что и въ окрестностяхъ города вѣнхнуло возстаніе: часовъ около 3-хъ дня царскосельскій гарнизонъ грабилъ трактирные заведенія, встрѣчая маршевыя эскадроны, подошедшіе изъ Новгородской губерніи, съ корзинами яствъ и питей. Впрочемъ, сводный гвардейскій полкъ несъ службу и продолжалъ охранять Александровскій дворецъ.

Голицынъ поручилъ Бѣляеву съѣздить въ градоначальство. Тутъ были всѣ «неопытные полковники», и Бѣляевъ, который, по словамъ Балка, былъ «вдумчивъ, спокоенъ и говорилъ мало», позвалъ всѣхъ на совѣщаніе и увидѣлъ «полное отсутствіе идеи и недостаточность инициативы въ распоряженіяхъ». Настроеніе офицеровъ, въ частности, Измайловскаго полка, было «ненадежное», они находили нужнымъ вступить въ переговоры съ Родзянко, о чемъ Хабаловъ доложилъ Бѣляеву, которому вовсе не было подчиненъ, но котораго въ растерянности своей сталъ слушаться. Въ отвѣтъ на это, военный министръ разсердился и приказалъ находящемуся тутъ же генералу Запкевичу вступить въ командованіе всѣми гвардейскими запасными частями (это было около 7 часовъ вечера). Хабаловъ понялъ это такъ, что онъ устраненъ. Между тѣмъ, Запкевичъ былъ данъ ему въ помощъ и устранялъ собою только Чебыкина, Павленкова и Михайличенко, такъ же, какъ Ивановъ вносилъ дѣйствіи не смѣнилъ Хабалова, а былъ поставленъ надъ нимъ.

Пріѣхавшій въ градоначальство великій князь Кирилль Владимировичъ рекомендовалъ Бѣляеву принять энергичныя мѣры и, прежде всего, смѣнить Протопопова; выражалъ неудовольствіе, что ему не сообщаютъ о событіяхъ и спрашивалъ, что ему дѣлать съ гвардейскими экипажемъ, на что Хабаловъ доложилъ, что гвардейскій экипажъ ему не подчиненъ. Кирилль Владимировичъ прислалъ къ вечеру двѣ «наиболѣе надежныя» роты учебной команды Гвардейскаго Экипажа.

Пріѣхавъ въ Маріинскій дворецъ, гдѣ всѣ члены Совѣта Министровъ «сходили растерянныя, ожидая ареста», Бѣляевъ доложилъ о Запкевичѣ, а затѣмъ попросилъ Голицына поговорить съ нимъ насчетъ о заступѣ Протопопова; такъ какъ смѣнить министра никто, кромѣ императора, не имѣлъ права, рѣшивъ предложить Протопопову сказатьсь больнымъ; Бѣляевъ предложилъ замѣнить его главнымъ военнымъ прокуроромъ Макаренко, но предложеніе это было отвергнуто, и генералъ Тяжельниковъ, по приказанію Бѣляева, отпечаталъ приказъ Голицына: «свѣдѣніе болѣзни министра внутреннихъ дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Протопопова, по временныя отсутствіе его должности вступить его товарищъ по принадлежности». Тогда же, по приказанію Бѣляева, было напечатано объявленіе Командующаго Войсками Петроградскаго Военнаго Округа за подписью Хабалова: «По Высочайшему повелѣнію городъ Петроградъ съ 27 сего февраля объявляется на военномъ положеніи». Объявленіе было напечатано въ количествѣ около 1.000 экземпляровъ, подписанъ былъ написанъ карандашомъ. Печатанъ онъ въ Адмиралтействѣ, такъ какъ типографія градоначальства уже не была въ распоряженіи стараго правительства, о чемъ доложилъ Балкъ.

Голицынъ рассказываетъ, что онъ получилъ отъ Бѣльева письмо, начинавшееся словами: «Имѣю честь сообщить Вашему Сіятельству, что по Высочайшему Повелѣнію введено осадное положеніе», но письмо это онъ потерялъ.

Голицынъ обратился къ Протопопову и просилъ его официально заявить, что онъ боленъ и уходитъ. Протопоповъ всталъ, сконфуженно произнесъ: «Ну, что же, я подчиняюсь», и ушелъ, говоря: «Мнѣ теперь остается только застрѣлиться». Бѣлецкій рассказываетъ, что, когда передъ этимъ стало извѣстно, что Щегловитовъ, арестованный на кухнѣ и прикрытый солдатской шинелью, увезенъ въ Думу, Протопоповъ такъ растерялся, что требовалъ моментально «схватить Родзянко».

Въ 6 часовъ вечера Лодыженскій передалъ въ экспедицію канцеляріи Совѣта Министровъ составленную Покровскимъ и Баркомъ и подписанную Голицынымъ телеграмму, въ которой говорилось, между прочимъ: «Совѣтъ Министровъ... дерзаетъ представить Вашему Величеству о безотложной необходимости принятія слѣдующихъ... мѣръ... съ объявленіемъ столицы на осадномъ положеніи, каковое распоряженіе уже сдѣлано Военнымъ Министромъ по уполномочію Совѣта Министровъ собственною властью. Совѣтъ Министровъ всеподданнѣйше ходатайствуетъ о поставленіи во главѣ оставшихся вѣрными войскъ одного изъ военачальниковъ дѣйствующихъ армій съ популярнымъ для населенія именемъ»...

Далѣе указывается, что Совѣтъ Министровъ не можетъ справиться съ создавшимся положеніемъ, предлагаетъ себя распустить, назначить председателемъ Совѣта Министровъ лицо, пользующееся общимъ довѣріемъ, и составить отвѣтственное министерство.

Царь отвѣтилъ того же числа князю Голицыну: «О главномъ начальникѣ для Петрограда мною дано повелѣніе начальнику моего штаба съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. Тоже и относительно войскъ. Лично Вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣны въ личномъ составѣ при данныхъ обстоятельствахъ считаю ихъ недопустимыми. Николай».

Послѣ 8-ми часовъ вечера Голицынъ, Родзянко, великій князь Михаилъ Александровичъ, Крыжаповскій и Бѣлевъ обсуждали въ кабинетѣ председателя Совѣта Министровъ текстъ телеграммы, которую Михаилъ Александровичъ хотѣлъ послать царю, послѣ чего, великій князь и Бѣлевъ поѣхали въ домъ военнаго министра, чтобы передать эту телеграмму начальнику штаба: верховнаго главнокомандующаго. Михаилъ Александровичъ сообщилъ «серьезности положенія», о необходимости назначить председателя Совѣта Министровъ, который самъ подобралъ бы себѣ кабинетъ; онъ спрашивалъ не уполномочитъ ли его царь сейчасъ же объ этомъ объявить, называя со своей стороны князя Г. Е. Львова, и предлагалъ принять на себя регентство.

Черезъ полчаса или черезъ часъ Алексѣевъ передалъ отвѣтъ, что его величество благодаритъ за вниманіе, выѣдетъ завтра и самъ приметъ рѣшеніе.

Въ этотъ день Бѣлевъ послалъ въ Ставку Наштаверху слѣдующія четыре телеграммы.

13 час. 15 мин. № 196. Указывается, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ частяхъ волненія подавляются. Выражается увѣренность «въ скоромъ наступленіи спокойствія».

19 час. 22 мин. № 197 (копія Главкоству). Указывается на «серьезности положенія»; просьба прислать на помощь «дѣйствительно надежныя части».

19 час. 33 мин. № 198. «Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ объявить Петрограду на осадномъ положеніи. Въ виду проявленной генера-

Юль Хабаловым растерянности назначить на помощь ему генерала Занкевича, такъ какъ генераль Чебыкинъ отсутствуетъ».

23 час. 53 мин. № 199. Говорится, что изъ Царскаго Села вызваны небольшія части запасныхъ полковъ, батарея изъ Петрограда грузить въ поѣздъ на Петроградъ отказалась, батарея училищъ не имѣетъ снарядовъ.

Около полуночи Бѣляевъ приказалъ своему секретарю позвонить въ Маринскій дворецъ и вызвать по телефону Кригеръ-Войновскаго. Секретарь услышалъ въ телефонъ неясный разговоръ нѣсколькихъ голосовъ, увѣщавія соблюдать тишину и предупреденіе, что у телефона военный министръ. Вслѣдъ за тѣмъ, къ телефону подошелъ кто то, назвавшій себя министромъ путей сообщенія, но по голосу непохожій на Кригеръ-Войновскаго. Секретарь предупредилъ объ этомъ Бѣляева и передалъ ему трубку. Военный министръ молча слушалъ у телефона минутъ 5, услышалъ слова: «...эту пачку уже пересмотрѣлъ, возьми вотъ тѣ бумаги», повѣсилъ трубку и запретилъ всѣмъ сношенія по телефону съ Маринскимъ Дворцомъ.

Около 2 часовъ ночи секретарь Бѣляева былъ вызванъ по телефону изъ Маринскаго Дворца помощникомъ управляющаго дѣлами Совѣта Министровъ Путиловымъ, который объяснилъ, что, дѣйствительно, въ помѣщеніи канцеляріи Совѣта Министровъ «хозяйничаютъ постороннія лица». Важнѣйшія бумаги удалось унести, а министры путей сообщенія и иностранныхъ дѣлъ скрываются въ другой части дворца. Путиловъ просилъ освободить ихъ, но секретарь военнаго министра объявилъ, что въ ихъ распоряженіи нѣтъ войскъ.

Между тѣмъ, у генерала Занкевича, которому Бѣляевъ передалъ командоваще, были въ распоряженіи уже немногія части, и то колеблющіяся и тающія съ часу на часъ.

Вопросъ объ атакѣ стоялъ безнадежно, можно было думать только объ оборонѣ отряда на Дворцовой площади.

Генераль Занкевичъ, надѣвъ мундиръ Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, выѣхалъ къ солдатамъ и, поговоривъ съ ними, вынесъ убѣжденіе, что на нихъ рассчитывать нельзя. Удержаться на площади было невозможно; Занкевичъ считалъ, что вѣрнымъ слугамъ царя надо умереть въ Зимнемъ Дворцѣ; около 9 часовъ вечера войска были переведены въ Адмиралтейство, а около 11 часовъ—во Дворецъ; при этомъ оказалось, что матросы и части нѣхотѣ уже разошлись; осталось всего на всего 1500—2000 человекъ.

Около часу ночи во Дворцѣ получили извѣстіе о назначеніи генерала Иванова. Управляющій дворцомъ генераль Комаровъ просилъ Хабалова не занимать дворца, Занкевичъ спорилъ, и вопросъ остался бы открытымъ, если бы заѣхавшій въ ту минуту съ Бѣляевымъ великій князь Михайль Александровичъ, которому не удавалось уѣхать въ Гатчину, не согласился съ Комаровымъ. На совѣщаніи великій князь, Хабаловъ и Занкевичъ напомнили Петропавловскую крѣпость, но помощникъ коменданта баронъ Сталь, вызванный къ телефону, сообщилъ, что на Троицкой площади стоятъ броневые автомобили и орудія, а на Троицкомъ мосту—баррикады. Хабаловъ предложилъ пробиваться, но Занкевичъ указалъ на колебанія офицеровъ Измайловскаго полка; тогда, на развѣдкѣ, рѣшили перейти опять въ Адмиралтейство.

Листки съ объявленіемъ осаднаго положенія были напечатаны, но расклеить ихъ по городу не удалось: у Балка не было ни клея, ни кистей. По приказу Хабалова, одному вилымъ тономъ, два околудочныхъ развѣсили нѣсколько листовъ на рѣшеткѣ Александровскаго сада. Утромъ эти листки валялись на Адмиралтейской площади передъ градоначальствомъ.

Третье объявление, переданное Бляевым для распубликованія— о запрещеніи жителямъ столицы выходить на улицу послѣ 9 часовъ вечера— Хабаловъ счелъ окончательно безцѣльнымъ и оставилъ его безъ исполненія.

Императрица въ этотъ день телеграфировала царю трижды: въ 11 часовъ 12 минутъ дня: «Революція вчера приняла ужасающіе размѣры. Знаю, что присоединились и другія части. Извѣстія хуже, чѣмъ когда бы то ни было. Алисъ»; въ 1 ч. 3 минуты: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войскъ перешло на сторону революціи. Алисъ»; въ 9 часовъ 50 минутъ вечера: «Лили провела у насъ день и ночь—не было ни колесокъ, ни моторовъ. Окружный Судъ горитъ. Алисъ».

Дубенскій записывалъ 27 февраля: «Изъ Петрограда вѣсти не лучше. Была, говорятъ, сильная стрѣльба у Казанскаго собора, много убитыхъ со стороны полиціи и среди народа. Говорятъ, по городу ходятъ броневые автомобили. Слухи стали столь тревожны, что рѣшено завтра 28-го отбыть въ Петроградъ... Помощникъ начальника штаба Трегубовъ передалъ мнѣ, что на его вопросъ, что дѣлается въ Петроградѣ, Алексѣевъ отвѣтилъ: «Петроградъ въ возстаніи». Трегубовъ дополнилъ, что была стрѣльба по улицамъ, стрѣляли пулеметы. Первое, что надо сдѣлать, — это убить Протопопова, онъ ничего не дѣлаетъ, шарлатанъ. Передъ обѣдомъ я съ Федоровымъ былъ въ вагонѣ у генераль-адъютанта Иванова. Долго бесѣдовали на тему петроградскихъ событій и стали убивать его сказать государю, что необходимо послать въ Петроградъ нѣсколько хорошихъ полковъ, принудить дѣйствовать рѣшительно, и дѣло можно еще потушить. Ивановъ началъ говорить, что онъ не вправе сказать государю, что надо вызвать хорошіе полки, напримеръ, 23-ю дивизію и т. д., но въ концѣ концовъ согласился и обѣщалъ говорить съ царемъ. Передъ обѣдомъ Алексѣевъ приходилъ къ государю въ кабинетъ докладывать срочное сообщеніе изъ Петрограда о томъ, что нѣкоторыя части, кажется, Лейбъ-Гвардіи Павловскій полкъ, отказались дѣйствовать противъ толпы. На вопросъ графа Фредерикса Алексѣеву, — что новато изъ Петрограда, начальникъ штаба отвѣтилъ: «Плохія вѣсти, есть новое явленіе», намекалъ на войска. За обѣдомъ, который прошелъ тихо, и государь былъ молчаливъ, Ивановъ всетаки успѣлъ сказать государю о войскахъ».

Послѣ обѣда государь позвалъ къ себѣ Иванова въ кабинетъ и около 9 часовъ стало извѣстно, что Ивановъ экстреннымъ поводомъ ѣдетъ въ Петроградъ. Нарышкинъ мнѣ сказалъ, что павловцевъ окружали преображенцы и, кажется, стало тише. Все настроеніе ставки сразу измѣнилось. Всѣ говорили, волнуясь, спрашивали: что новато изъ Петрограда?

«Въ вечернихъ телеграммахъ стало извѣстно, что именнымъ высочайшимъ указомъ распущены Дума и Государственный Совѣтъ, но это уже поздно, уже опредѣлилось именное правительство, заседающее въ Думѣ, подѣ охраной войскъ, перешедшихъ на сторону революціонеровъ. Войскъ и другихъ государю осталось меньше, чѣмъ противъ него. Гвардейскій Литовскій полкъ убилъ командира. Преображенцы убили батальоннаго командира Богдановича. Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ въ Ставку государю телеграмму, въ которой просилъ его прибыть немедленно въ Царское Село, спасать Россію. Всѣ эти страшныя свѣдѣнія идутъ изъ Петрограда отъ графа Бенкендорфа полковнику Ратькову. Про министра внутреннихъ дѣлъ графъ Фредериксъ выразился по-французски такъ: «А о министрѣ внутреннихъ дѣлъ нѣтъ слуховъ, какъ будто онъ мертвый». Графъ Фредериксъ держитъ себя спокойно, хорошо, и говорить: «Не надо волноваться».

«Послѣ вечерняго чая, въ 12 часовъ ночи, государь простился со всѣми и ушелъ къ себѣ. Вслѣдъ за нимъ къ нему пошелъ Фредериксъ и Воейковъ,

пробыли у царя недолго и вышли, причем Воейковъ объявляя, что отъѣзды въ Царское Село его величества назначены безотлагательно въ эту ночь. Все стали собираться и уже къ 2 часамъ ночи были въ поѣздъ. Государь любезенъ, ласковъ, тихъ и, видимо, волнуется, хотя, какъ всегда, все скрываетъ. Всю ночь шли у насъ съ Цабелемъ, Штапельбергомъ и Суслевымъ такіе разговоры. Свитскій поѣздъ отошелъ въ Царское въ 4 часа ночи... Назначены Ивановъ диктаторомъ».

Въ Ставиѣ до сего дня полагали, что происходитъ «толодный бунтъ», въ революцію не вѣрили и къ слухамъ относились пассивно, чему способствовали крайній «фатализмъ» царя, какъ выражается генералъ Дубенскій. Алексѣевъ умолялъ царя въ эти дни пойти на уступки, но изъ этого вышло только то, что уѣхали немного раньше, чѣмъ предполагали.

Во всякомъ случаѣ, настроеніе Ставики рѣзко измѣнилось къ вечеру. 27 февраля, Воейковъ, который балаганилъ, устраивалъ свою квартиру и до 5 часовъ дня «прибивалъ шторки и привѣшивалъ картины», вдругъ поинтересовался трагичностью положенія и «сталъ ходить краснымъ, тарана глазами». Генералъ Ивановъ, придя къ обѣду, узналъ отъ Алексѣева, что онъ назначенъ въ Петербургъ главнокомандующимъ «для водворенія полнаго порядка въ столицѣ и ея окрестностяхъ», причемъ «командующій войсками округа переходить въ его подчиненіе» (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, управленіе Дежурнаго генерала, № 3716, подписанъ генералъ Алексѣевъ и дежурный генералъ Кондратовскій). Назначеніе это имѣло двоякое вѣдѣствіе: указанія бывшаго Предсѣдателя Совета Министровъ князя Голицына на необходимость командировать въ столицу пользующагося популярностью въ войскахъ боевого генерала.

Ивановъ, снискившій за «поклонника мяткихъ дѣлствій», за обѣдомъ разсказывалъ царю, какъ ему удалось успокоить волненія въ Харьковѣ при помощи двухъ полковъ безъ одного выстрѣла. После обѣда царь сказалъ Иванову: «Я васъ назначаю главнокомандующимъ петроградскимъ округомъ, тамъ въ запасныхъ батальонахъ безпорядки и заводы бастуютъ, отравляйтесь». Ивановъ доложилъ, что онъ уже годъ стоитъ въ отставкѣ отъ арміи, но полагаетъ, что «далеко не все части останутся вѣрны въ случаѣ народнаго волненія», и что потому лучше не вводить войска въ городъ, пока положеніе не выяснится, чтобы избѣжать «междоусобицы и кровопролитія».

Царь отвѣтилъ: «Да, конечно».

Послѣ этого разговора, Ивановъ просидѣлъ въ Штабѣ часа два, частью съ Алексѣевымъ, котораго вызывалъ царь, а потомъ — по прямому призыву Родзянко. Алексѣевъ сказалъ ему, что съ сѣвернаго фронта и съ запада посылается по два полка, но еще сомѣвается, какіе посылать; предполагалъ отправить съ батальономъ и ротой своднаго полка и показывалъ телеграмму отъ Родзянко и телеграмму объ объявленіи осажденнаго положенія.

Ивановъ зналъ, что распухшая Дума, извѣстно ослѣпленное положеніемъ, не можетъ продовольствія и многие заводы не работаютъ на оборону изъ-за недостатка топлива. Рыцарь утромъ пошелъ къ царю, а около полуночи вѣхалъ, онъ пошелъ спать.

Въ это время Воейкова вызывалъ по телеграфу изъ Царскаго Бенкендорфъ и спрашивалъ, не желаетъ ли его величества, чтобы Императрица съ дѣтьми выехала на востокъ; царь поручилъ передать, чтобы ни въ какомъ случаѣ не выѣзжали, и что онъ самъ пріѣдетъ въ Царское.

Воейковъ, по совѣту Бенкендорфа, вызвалъ Бѣляева, который далъ ему «хлѣбничій отвѣтъ», что «видѣть военныхъ мятежъ и нельзя опредѣлить, какая часть войска изъ какаго вѣста». Воейковъ считалъ, что должны имѣть свои свѣдѣнія отъ Протопопова, но не получалъ ихъ. Въ 8 час. 15 минутъ

онъ послалъ Протопопову следующую шифрованную телеграмму (№ 35): «Его Величество повелѣтъ отбыть изъ Ставки черезъ Оршу—Лихославль—Тосно вторично 28 февраля 2 час. 30 мин. дня и прибыть Царское Село среду 1 марта 3 час. 30 мин. дня».

Дубенскій разсказываетъ въ своемъ дневникѣ (отъ 3 марта) что 27 февраля вечеромъ было экстренное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ государя, Алексѣева, Фредерикса и Воейкова. Алексѣевъ, въ виду полученныхъ извѣстій изъ Петрограда, умолялъ государя согласиться на требованіе Родзянко дать конституцію, Фредериксъ молчалъ, а Воейковъ настоялъ на непринятіи этого предложенія и убѣждалъ государя немедленно выѣхать въ Царское Село.

Около 2 часовъ ночи адъютантъ разбудилъ Иванова и сообщилъ, что царь сейчасъ уѣзжаетъ. Царь принялъ Иванова около 3 часовъ ночи. Ивановъ доложилъ о продовольствіи и просилъ содѣйствія, напутствуя сентябрь 1914 года, когда жалобы его на отсутствие снарядовъ вызвали неудовольствие даже въ Ставкѣ. Несмотря на то, что Ивановъ просилъ полномочій относительно только 4 министровъ (внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, промышленности и путей сообщенія), царь сказалъ: «Пожалуйста, передайте генералу Алексѣеву, чтобы онъ телеграфировалъ предсѣдателю Совѣта Министровъ, чтобы всѣ требованія генерала Иванова были министрами исполнены безъ исключенія». (Однако, полномочія эти Царевъ считалъ безусловными отпавшими, такъ какъ отъ Алексѣева онъ не получилъ подтвержденія подобнаго приказа царя). До свиданія, сказалъ царь, въпрямую, въ Царскомъ Селѣ увидимся. «Ваше величество», сказалъ Ивановъ, позволю себѣ напомнить относительно реформы. «Да, да, отвѣтилъ царь, мнѣ только что напоминалъ объ этомъ генералъ Алексѣевъ».

При этомъ царь произнесъ слова «соотвѣтственное министерство» и министерство дѣлъ, такъ что Ивановъ считалъ дѣло рѣшеннымъ и конфиденціально говорилъ объ этомъ своему адъютанту, полковнику Кривцову и Мадридскому (начальнику канцеляріи по гражданскому управленію Штаба Верховнаго Главнокомандующаго). Ивановъ рѣшилъ, что дѣло дѣлается утромъ 1 марта въ Царскомъ. Онъ послалъ коменданту Царскаго Села двѣ телеграммы, одна изъ которыхъ (№ 4) гласила: «Царю всѣмъ съдѣлать распоряженіе о подготовкѣ помѣщенія для расквартированія въ городѣ Царское Село и его окрестностяхъ, 13 батальоновъ, 16 эскадроновъ и 4 батарей. О послѣдовавшемъ распоряженіи прошу меня увѣдомить завтра 1 марта на станціи Царское Село».

Эшелонъ Государственнаго батальона, полурота Жельзнодорожнаго полка и рота Собственнаго Его Величества полка были отправлены изъ Могилева около 11 часовъ утра. Батонъ Иванова, выѣхавшій въсвѣтлую ночь, былъ приѣхленъ къ эшелону въ Оршѣ.

Съ сѣвернаго фронта утромъ 28 были отправлены 3 эшелона 67-го пѣхотнаго Тарутинскаго полка; предполагалось отправить 68 Бородинскій полкъ и кавалерію.

Съ западнаго фронта предполагалось отправить два кавалерійскихъ полка, 2-й дивизіи, два пѣхотныхъ и пулеметную команду Колѣта.

Ивановъ вернулъ Алексѣеву следующий документъ (на бланкѣ генерала-адъютанта Иванова): 28 февраля 1917 года № 1. «Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. При представленіи моемъ сего числа около 3 часовъ утра Государю Императору, Его Императорскому Величеству было благоугодно повелѣть доложить Вамъ, для поставленія въ извѣстность предсѣдателю совѣта министровъ, следующее повелѣніе Его Императорскаго Величества.

«Все министры должны исполнять все требованія главнокомандующаго петроградскимъ военнымъ округомъ генераль-адъютанта Иванова безпрекословно». Генераль-адъютантъ Ивановъ.

Права генерала Иванова опредѣлялись слѣдующимъ документомъ отъ 28 февраля (на бланкѣ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, № 507).

«На основаніи 12 статьи Правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, мною предоставляется Вашему Высокопревосходительству принадлежащее мнѣ на основаніи 29 ст. Положенія о полевомъ управленіи войскъ право преданія гражданскихъ лицъ военно-полевому суду по всемъ дѣламъ, направляемымъ въ военный судъ, по коимъ еще не состоялось преданія обвиняемыхъ суду. Распоряженія Вашего Высокопревосходительства о сужденіи гражданскихъ лицъ въ военно-полевомъ судѣ могутъ быть дѣлаемы, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ дѣламъ, такъ и по отношенію къ цѣлымъ категоріямъ дѣлъ, съ предварительнымъ, въ послѣднемъ случаѣ, объявленіемъ о сѣмъ во всеобщее свѣдѣніе. Подписали: Генераль-адъютантъ Алексѣевъ, Генераль-лейтенантъ Конзеровскій».

Командиръ Георгіевскаго батальона, генералъ Пожарскій, собравъ 27 февраля своихъ офицеровъ, объявилъ имъ, что въ Петербургѣ приказанія стрѣлять въ народъ онъ не дастъ, хотя бы этого потребовалъ генералъ Ивановъ.

Въ то время, какъ въ Могилевѣ проходились сборы, п'литерные (свитскій и императорскій) поѣзда въ 4 и въ 5 часовъ утра двинулись по направленію Смоленскъ—Вязьма—Ржевъ—Лихославль.—генералы Хабаловъ, Зиничевъ и Бѣлиевъ (разставивъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ послѣ 2 часовъ ночи) съ кучкой вѣрныхъ имъ офицеровъ и солдатъ перешли изъ Зимняго Дворца въ здание Адмиралтейства, заняли фасады, обращенные къ Невскому, артиллерию поставили во дворѣ, во второмъ этажѣ размѣстили пѣхоту, а на углахъ, подходящихъ для обстрѣла, разставили пулеметы. Снарядовъ у нихъ было мало, патроновъ не было вовсе, а ѣсть было нечего; съ большимъ трудомъ достали немного хлѣба для солдатъ. У казначей сотни, расквартированной въ казармахъ Косиного полка, лошади были нечесаны и не кормлены. По Адмиралтейству пострѣливали, но оттуда не отвѣчали. Тутъ и проходилъ ночной разговоръ съ Иванонымъ по прямому проводу. Ночью отъ Хабалова свѣдѣли, что онъ не знаетъ, гдѣ переговорить съ Ивановымъ, и не можетъ выйти на улицу безъ риска быть арестованнымъ. Ивановъ вызвалъ его къ прямому проводу къ 8 часамъ утра, и они обмѣнялись слѣдующимъ: Ивановъ передалъ десять вопросовъ пунктовъ (записаны на трехъ желтыхъ листочкахъ).

«1) Какія части въ порядкѣ и какія безобразія? 2) Какіе вокзалы охраняются? 3) Въ какихъ частяхъ города поддерживается порядокъ? 4) Какія власти правятъ этими частями города? 5) Все ли министерства правильно функционировать? 6) Какія полицейскія власти находятся въ данное время въ вашемъ распоряженіи? 7) Какія техническія и хозяйственныя учрежденія военнаго вѣдомства нынѣ въ вашемъ распоряженіи? 8) Какое количество проволочныхъ въ вашемъ распоряженіи? 9) Много ли орудій артиллеріи и боевыхъ припасовъ пошло въ руки бунтующихъ? 10) Какія военныя власти и штабы въ вашемъ распоряженіи?—Я сейчасъ иду къ генералу Алексѣеву и приду черезъ полчаса».

Хабаловъ отвѣтилъ телеграммой по пунктамъ:

«1) Моимъ распоряженіемъ зданіе главнаго Адмиралтейства, четыре гвардейскія роты, пять эскадроновъ и сотня, и двѣ батареи, прочія войска перешли на сторону революціонеровъ, или остаются, по соглашенію

съ ними, нейтральными. Отдѣльные солдаты и шайки бродятъ по городу, стрѣляя прохожихъ, обезоруживая офицеровъ. 2) Всѣ вокзалы во власти революціонеровъ, строго ими охраняются. 3) Всѣ города во власти революціонеровъ, телефоны не дѣйствуютъ, связи съ частями города нѣтъ. 4) Отвѣтить не могу. 5) Министры арестованы революціонерами. 6) Не находится вовсе. 7) Не имѣю. 8) Продовольствія въ моемъ распоряженіи нѣтъ, въ городѣ къ 25 февраля было 5.600.000 пудовъ запаса муки. 9) Всѣ артиллерійскія заведенія во власти революціонеровъ. 10) Моимъ распоряженіемъ лично начальникъ штаба округа; съ прочими окружными управленіями связи не имѣю».

Эту телеграмму Хабаловъ подтвердилъ въ послѣдовавшемъ разговорѣ съ Ивановымъ.

Въ то же утро, генералы Тяжелыниковъ и Михайличенко, сидя въ Адмиралтействѣ, съ удивленіемъ слушали, какъ Бѣляевъ въ сосѣдней комнатѣ диктовалъ телеграмму, которая начиналась словами очень умѣренными: «Положеніе по прежнему продолжаетъ оставаться тревожнымъ». Далѣе сообщалось однако, что «мятежники» овладѣли во всѣхъ частяхъ города учрежденіями, войска переходятъ на ихъ сторону, или становятся нейтральными, на улицахъ идетъ пальба, движеніе прекращено, офицеровъ разоружаютъ и скорѣйшее прибытіе войскъ крайне желательно (послана въ 11 час. 32 мин. въ Ставку Наштаверху, копія—Орша, вслѣдъ Дворцовому Коменданту, № 201).

Около полудни, 28 февраля, въ Адмиралтейство явился адъютантъ морского министра, который потребовалъ открыти зданія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, возстаніе угрожаетъ открытѣ по нему артиллерійскій огонь изъ Петропавловской крѣпости. На совѣщаніи было рѣшено, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно. Артиллерія отправилась обратно въ Стрѣльбу, оставивъ замки отъ орудій; пулеметы и ружья спрятали въ зданіи, и вся пѣхота была распушена безъ оружія. Хабаловъ былъ арестованъ солдатами, обматывавшими зданіе Адмиралтейства, въ тотъ же день, около 4 часовъ. Бѣляевъ, прошедъ въ Генеральный Штабъ, отпустилъ въ 2 часа 20 минутъ послать слѣдующую секретную телеграмму Наштаверху (№ 9157):

«Около 12 часовъ дня 28 февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 роты, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты, по требованію Морского Министра, были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не призналъ соответственнымъ, ввиду неполной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, при чемъ, во избежаніе отнятія оружія замки орудій сланы Морскому Министерству».

Послѣ 3-хъ часовъ Бѣляевъ прошелъ въ домъ военнаго министра на Мойку, гдѣ и почевалъ.

Ивановъ выѣхалъ изъ Могилева около 1 часу дня. Ему въ догонку была послана копія телеграммы Наштаверху на имя начальника военнополовой инспекціи (№ 1890): «Восполняющіе должн. военный министръ сообщаетъ, что около 12 часовъ 28 сего февраля остатки оставшихся еще вѣрными частей въ числѣ 4 роты, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованію морского министра были выведены изъ Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому зданіе. Переводъ этихъ войскъ въ другое мѣсто не призналъ соответственнымъ, ввиду неполной ихъ надежности. Части разведены по казармамъ, при чемъ, во избежаніе отнятія оружія, по пути слѣдованія, ружья и пулеметы, а также замки орудій сланы морскому министерству».

Послѣ отъѣзда Иванова, въ Ставиѣ была получена слѣдующая телеграмма н. о. начальника морского генеральнаго штаба адмирала Капписта на имя адмирала Русина (№ 2704):

«Положеніе къ вечеру таково: мятежныя войска овладѣли Выборгскою стороною, всей частью города отъ Литейнаго до Смольнаго и оттуда по Суворовскому и Спасской. Сейчасъ сообщаютъ о стрѣльбѣ на Петроградской сторонѣ. Сенаторъ-Конвентъ Государственной Думы, по просьбѣ делегатовъ отъ мятежниковъ, избралъ комитетъ для водворенія порядка въ столицѣ и для сношеній съ учрежденіями и лицами. Сомнительно, однако, чтобы бунтующую толпу можно было бы успокоить. Войска переходятъ легко на сторону мятежниковъ. На улицахъ офицеровъ обезоруживаютъ. Автомобили толпа отбираетъ. У насъ отобрано три автомобиля, въ томъ числѣ числѣ Вашего Высочайшесвѣтельства, который вооруженные солдаты заставили выѣхать со двора моей квартиры, держать съ Хижнякомъ, котораго заставили править машиной. Командованіе принялъ Бѣляевъ, но, судя по тому, что происходитъ, едва ли онъ справится. Въ городѣ отсутствіе охраны и хулиганы начали грабить. Семафоры порваны, поѣзда не ходятъ. Морской Министръ боленъ инфлюэнцей, большая температура—38, лежитъ, теперь ему лучше. Чувствуется полная анархія. Есть признаки, что у мятежниковъ плана нѣтъ, но замѣтна нѣкоторая организація, напримѣръ, кварталы отъ Литейнаго по Сергіевской и Таврической обставлены ихъ часовыми. Я живу въ Штабѣ, считаю, что вызжечь въ Ставику до новаго Вашего распоряженія не могу».

Ивановъ прибылъ изъ Мотилева въ Витебскъ съ маленькимъ опозданіемъ, часовъ въ 6—7 вечера, и проѣхалъ дальше. Въ этотъ день и на слѣдующій обмѣнивались телеграммами о формированіи и отправкѣ воинскихъ частей генералъ Ивановъ (28 февраля, лично, секретно № 1 Главкозупу и № 2 Главкоэфу), Даниловъ (28 февраля № 1165-В и 1166-В), Рузавкинъ (28 февраля № 1168-В), Гулевичъ (1 марта № 535), Тихменевъ (генералу Иванову, 1 марта, № 278), подполковникъ Кричскій (генералу Тихменеву, № 3), генералъ князь Трубецкій (генералу Иванову, 1 марта, № 154). 28 же февраля была разослана «по всей сѣти на имя всѣхъ начальствующихъ» извѣстная телеграмма члена Государственной Думы Бубликова, № 6932.

Императорскій поѣздъ слѣдовалъ безъ происшествій, встрѣчаемый урядниками и губернаторами. Непосредственныя извѣстія изъ Петербурга перестали поступать; питались только вѣдомыми слухами о томъ, что грабятъ Зимній Дворецъ, убить градоначальникъ Банки и его помощникъ Вендорфъ.

Въ 3 часа дня царь послалъ императрицѣ изъ Вязьмы слѣдующую телеграмму (по-англійски): «Выѣхали сегодня утромъ изъ В. Мыслими всегда вмѣстѣ. Великолѣпная погода. Надѣюсь чувствовать себя хорошо и спокойно. Много войске послано съ фронта. Любимый ѣздокъ Николай».

Въ Лихославлѣ Войсковъ получилъ цифрованную телеграмму отъ Бѣляева. Звѣстъ былъ счастливъ, что въ Петербургѣ. Временное Правительство съ Родзянко во главѣ. Читали и телеграмму Бубликова съ распоряженіемъ по всѣмъ дорогамъ. Въ 10 часовъ вечера Дубенскій писалъ Федорову: «Донской Сергій Петровичъ, дѣшныя Троицынѣ не войдутъ. По моему глубокому убѣжденію, надо Его Величеству изъ Вязьмы повернуть на Цинанъ (320 верстъ) и тамъ, опираясь на фронтъ Г. А. Рузавина, начать дѣйствовать противъ Петрограда. Тамъ въ Псковѣ скорѣи можно сдѣлать распоряженіе о составѣ отряда для отправки Петроградъ. Псковъ—старый губернский городъ, населеніе его не возмущено. Оттуда скорѣи и лучше можно помочь Царской Семѣ. Въ Тоснѣ Его Величество можетъ поддержать».

путься опасности. Пишу Вамъ все это, считая невозможнымъ скрыть, мнѣ кажется, это мысль, которая въ эту страшную минуту можетъ помочь дѣлу спасенія Государя, Его Семьи. Если мою мысль не одобрите, разорвите запекую».

Въ Вологомѣ въ свитскомъ поѣздѣ стало павѣстно, что въ Любани стоятъ войска, которые могутъ не пропустить дальше. Однако, поѣздъ продолжалъ слѣдовать по линіи Николаевской желѣзной дороги, по направленію къ Петербургу. Въ Малой Вишерѣ офицеръ 1-го желѣзнодорожнаго полка, безъ оружія, предупредилъ свиту, что въ Любани находится двѣ роты съ орудіями и пулеметами. Было рѣшено ждать прибытія императорскаго поѣзда. Такъ какъ изъ ряда свѣдѣній опредѣлилось, что Временное Правительство направляетъ литерные поѣзда не на Царское Село, а на Петербургъ, гдѣ, какъ полагали, царю будутъ востановлены условія о дальнѣйшемъ управленіи,—общій голосъ былъ за то, чтобы ѣхать въ Псковъ: тамъ—генераль Рузскій, человѣкъ умный и спокойный, если въ Петербургѣ возстаніе,—онъ пошлетъ войска, если переверотъ,—онъ вошелъ въ сношенія съ новымъ правительствомъ. Немногіе говорили, что надо вернуться въ Ставку.

Въ третьемъ часу ночи дождался поѣзда. Генераль Саблинъ пошелъ туда. Всѣ, кромѣ Парышкина, спали; Воейкова пришлось разбудить.

Воейковъ отправился къ царю, разбудилъ его и сообщилъ, что на Тосну ѣхать рискованно, такъ какъ она занята революціонными войсками.

Царь всталъ съ кровати, надѣлъ халатъ и сказалъ: «Ну, тогда поѣдемте до ближайшаго юза».

Воейковъ вышелъ веселый, со словами: «Мы ѣдемъ въ Псковъ, теперь вы довольны?»—Поѣзда повернули назадъ.

Дубенскій записываетъ въ дневникѣ: «Всѣ признаютъ, что этотъ ночной поворотъ въ Вишерѣ есть историческая ночь въ дни нашей революціи. Государь по прежнему спокоенъ и мало говоритъ о событіяхъ. Для меня совершенно ясно, что вопросъ о конституціи оконченъ, она будетъ введена пагубное. Царь и не думаетъ спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это: графъ Фредериксъ, Нилъ, графъ Граббе, Федоровъ, Долгорукий, Тейхтенбергскій, всѣ говорятъ, что надо только стоговариться съ ними, съ членами Временнаго Правительства».

Генераль Ивановъ, проснувшись 1 марта часовъ въ 6-7 утра, узналъ, что его поѣздъ находится на станціи Дно, т.-е., вмѣсто 500 верстъ, прошелъ только 200. Командантъ станціи доложилъ, что въ поѣздахъ, вышедшихъ наканунѣ изъ Петербурга, ѣдетъ масса солдатъ въ военной и штатской формѣ, что они насильно отбираютъ у офицеровъ оружіе, и что выѣхавшій начальникъ жандармскаго управленія ничего сдѣлать не можетъ и просить содѣйствія. Полковникъ Лебедевъ, завѣдующій передвиженіемъ войскъ, телеграфировалъ Иванову: «Довошу, что получены мною свѣдѣнія о поѣздѣ № 3, въ которомъ ѣдутъ пьяные солдаты, одѣтые въ штатское и вооруженные пистолетами, ружьями, обезоруживающіе офицеровъ и жандармовъ. Пропу ваши распоряженія».

Ивановъ приказалъ командиру батальона осматривать встрѣчные поѣзда, особенно, въ виду того, что, по полученному свѣдѣнію, императорскій поѣздъ вышелъ изъ Вологова и ожидался къ вечеру въ Дно.

Ивановъ лично ищетъ въ сколѣе приближенныхъ изъ Петербурга поѣздомъ. Они были набиты солдатами, въ которые были пьяны. Изъ разговоровъ женщинъ и стараго чиновника, который рассказывалъ о провокаторахъ, Ивановъ убѣдился, что «безобразія большія». Ему удалось арестовать человѣкъ 30—40, въ томъ числѣ переодѣтыхъ городовыхъ, бывавшихъ изъ Петербурга (всѣ они, кромѣ 2-хъ, были отпущены въ Царское Село).

двое—на обратномъ пути въ Могилевъ) и отобрать у солдатъ 75—100 штукъ папекъ и прочаго офицерскаго оружія; генераль Иванова, какъ установлено имъ самимъ и показаніями солдатъ Георгіевскаго батальона, примѣялъ раза три-четыре особаго рода «отеческое воздѣйствіе», съ цѣлью добиться покорности: ставилъ на колѣни пьяныхъ или дерзавшихъ ему низкихъ чиновъ. При этомъ, имъ руководили, очевидно, туманныя побужденія, т.-е., опъ избѣгалъ преданія этихъ лицъ военно-полевому суду.

Поѣздъ Иванова прибылъ на Вырицу около 6 часовъ вечера.

Въ это время, императорскій поѣздъ, безъ всякихъ задержекъ, двигался къ станиці Дно. По словамъ Воеикова, когда все проснулось, «о событіяхъ старались не говорить, потому что это не особенно пріятно было. Общее настроеніе было—искупъ и надежда, что пріѣдемъ въ Псковъ, и все выяснится». Во время завтрака и обѣда говорили обо всемъ, только не о дѣлахъ, потому что тутъ была прислуга (а по-французски царь говорилъ очень рѣдко) и потому, что царь избѣгалъ вступать въ политическіе разговоры со свитой («вся атмосфера была—«манекент»). По словамъ Дубенскаго, царь, человекъ мужественный и «поклонникъ какаго-то рока», «спалъ, кушалъ и занималъ даже разговорами ближайшихъ лицъ свиты».

Около 6 часовъ вечера поѣздъ пришелъ въ Дно.

Съ утра 1 марта противъ дома военнаго министра въ Петербургѣ стали собираться толпы народа. Вѣляева искали еще наканунѣ въ его частной квартирѣ на Николаевской, а 1 марта стали громить эту квартиру.

Опасаясь разгрома служебнаго кабинета на Мойкѣ, Вѣляевъ съ помощникомъ своего секретаря Шильдера, его помощника Огурцова, швейцара и денщика, сталъ лечь въ постель и каминъ еще наканунѣ приготовленные для сожженія документы.

Въ числѣ сожженныхъ документовъ были: нѣкоторыя дѣла совѣта министровъ, дѣла особаго совѣщанія по объединенію мѣропріятій по снабженію арміи и флота и по организаціи тыла (такъ называемое, совѣщаніе пяти министровъ), много матеріаловъ, касающихся снабженія арміи и имѣвшихъ секретный характеръ, секретныя шифры, маленькій секретный журналъ для записи секретныхъ бумагъ, возвращаемыхъ министрамъ послѣ дѣла, ленты и подлинный телеграммъ о положеніи въ Петербургѣ, отправленный военнымъ министромъ начальнику штаба верховнаго главнокомандующаго по прямому проводу.

Въ числѣ бумагъ, поименованыхъ, уничтоженныхъ, и не возвращенныхъ изъ дома военнаго министра въ Главный Штабъ и въ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба, были нѣкоторые и секретные и несекретные документы, часть которыхъ имѣла важное значеніе и не имѣла копій; восстановить ихъ возможно только по памяти или совѣмъ невозможно.

Въ своихъ объясненіяхъ, генераль Вѣляевъ сослался на то, что опъ руководился опасеніемъ, чтобы тайныя бумаги не попали въ руки гоминиенской толпы, среди которой могли быть злонамѣренныя лица. Остался только одинъ подлинный документъ, касающійся данныхъ совѣдной конференціи, который Вѣляевъ положилъ въ ящикъ стола.

Въ два часа дня Вѣляевъ, узнавъ, что громить его частную квартиру на Николаевской, по совѣту маршала министра, сидѣвшего у себя въ штабѣ, перешелъ въ генеральный штабъ, гдѣ его начали искать, чтобы арестовать. Вѣляевъ позвонилъ въ Государственную Думу; подшедшій къ телефону Н. В. Некрасовъ посоветовалъ ему ѣхать въ Петропавловскую кѣмьность; Вѣляевъ поѣхалъ въ Думу, предлагая дать подписку о невыездѣ и просилъ, чтобы ему «дали возможность превратиться въ частнаго гражда-

теля поскорѣе. Ему предложили отправиться въ министерскій кабинетъ, откуда вечеромъ перевезли въ крѣпость.

Генераль Мрозовскій послалъ въ этотъ день парю въ Царское Село изъ Москвы слѣдующую телеграмму: «Вашему Императорскому Величеству всенеподобнѣе доношу, большинство войскъ съ артиллеріей перешло въ руки революціонерамъ, во власти которыхъ поэтому находится весь городъ, градоначальникъ съ помощникомъ выбылъ изъ градоначальства; получить отъ Родзинки предложеніе признать временную власть Комитета Государственной Думы, положеніе крайне серьезное, при нѣмѣшнихъ условіяхъ не могу вліять на ходъ событій, опасаясь утвержденія власти крайнихъ лѣвыхъ, образовавшихъ исполнительный комитетъ, промедленіе извѣстнаго часа увеличиваетъ опасность, получаю отъ болѣе благомыслящей части населенія заявленія, что призваніе новаго министерства возстановитъ порядокъ и власть. Срочно испрашиваю повелѣнія Вашего Величества. Генераль Мрозовскій».

Генераль Ивановъ, узнавъ въ Вырицѣ, что министры арестованы, что въ Царскомъ 27-го былъ бунтъ, и что на станціи Александровской высаживается Тарутинскій полкъ, пришедшій съ фронта, рѣшилъ идти въ Царское, называть туда начальствующихъ и выѣхать самъ, приказавъ въ концѣ вечера пріѣхать второй паровозъ. Прибыли вечеромъ 1 марта.

Въ Царскомъ въ этотъ день побѣда получила полнѣйшее бронированіе и автомобиль съ пулеметами, которые обыкновенно доѣзжали только до вокзала и уходили обратно. Полковникъ Грызовъ доложилъ, что гарнизонная рота ушла въ Петербургъ. Генераль Ивановъ отдалъ приказъ о впускѣ и выпускѣ изъ Царскаго Села, такъ какъ гарнизонъ снаивалъ прибывающія части. Послѣ этихъ докладовъ прибыли выборные представители отъ города и войска. Генераль Пожарскій вновь заявилъ, что его солдаты стрѣлять не будутъ, а георгиевцы объяснили, въ отвѣтъ на предложеніе присоединиться, что ихъ батальонъ сцентрированъ и имѣетъ цѣлью охрану личности Николая II.

Ивановъ получилъ отъ Алексѣева слѣдующую шифрованную телеграмму.

«Частныя свѣдѣнія говорятъ, что Петроградъ паступило полное спокойствіе: войска, примкнувшія временному правительству, въ полномъ составѣ не воишлись въ порядокъ. Временное правительство подѣлало съ участіемъ Родзинки, засѣдая въ Государственной Думѣ, пригласило командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Вызваніе для представленія, издѣланное временнымъ правительствомъ, говорить о незыблемости монархическаго начала Россіи, о необходимости новыхъ основаній для выбора и назначенія правительства. Ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить Ему все наложенное и просьбу принять это пожеланіе народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то замѣняется способъ Вашихъ дѣйствій, переговоры приведутъ умиротворенію, дабы приблизить ненужной междоусобицы, столь желательной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы, пустить въ ходъ работы. Воззваніе новаго министра путей, объявленіе о возстановленіи мнѣю пожеланіе кружкамъ путей, зоветь къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ его. Доложите Его Величеству это убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно—хорошему концу, который укрѣпитъ міръ».

Получивъ эту телеграмму (единственную изъ девяти посланныхъ), Ивановъ прочелъ ее не сразу, такъ какъ его вызвала къ себѣ (около 2-хъ часовъ ночи) императрица, которая съ полудня 28 февраля охранялась уже революціонными войсками. Къ тому времени, Ивановъ уже зналъ (съ Вырицы, что первый побѣда побѣда изъ Царскаго Села).

Императрица сообщила, что, не получая отвѣта на свою телеграмму, она хотѣла послать аэропланъ, но погода не позволила. На просьбу ея переслать письмо, Ивановъ доложилъ, что у него нѣтъ человѣка. Императрица много говорила о дѣятельности своей и своихъ дочерей на пользу больныхъ и раненыхъ и недоумѣвала по поводу неудовольствій. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она упоминала отвѣтственное министерство, а Ивановъ указывалъ, что думское большинство удовлетворяется Треповымъ, и вопросъ былъ только о министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ эту минуту, по разсказу Иванова, кто-то какинись въ сосѣдней комнатѣ, императрица вышла, и за дверью начался послѣдний и непонятный Иванову англійскій разговоръ.

Когда Ивановъ уѣзжалъ, въ Царскомъ было тихо. Пришла телеграмма: «Псковъ, часъ пять минутъ ночи. Надѣюсь, благополучно доѣхали. Прошу до моего пріѣзда никакихъ рѣшеній не принимать. Николай». Ивановъ отвѣтилъ 2 марта, что получилъ телеграмму и ждетъ дальнѣйшихъ указаній (№ 7) и телеграфировалъ о томъ же Алексѣеву (№ 6).

Въ эту ночь въ Царское Село пріѣхалъ командированный Начальникомъ Генеральнаго Штаба (генераломъ Занкевичемъ) полковникъ Доманевскій— для исполненія должности Начальника Штаба Иванова. Онъ сдѣлалъ докладъ Иванову о томъ, что «въ распоряженіи законныхъ военныхъ властей не осталось ни одной части» и «съ этой минуты (т. е., съ 12 часовъ дня, 28 февраля) прекратилась борьба съ возставшей частью населенія». Офицеры и нижніе чины явились въ Государственную Думу, полиція частью спяла, частью поспраивалась, часть министровъ арестована, министерства могутъ продолжать работу, только «какъ бы признавъ Временное Правительство. При такихъ условіяхъ, вооруженная борьба трудна, и выходъ представляется не въ ней, а въ соглашеніи съ Временнымъ Правительствомъ, путемъ «узаконенія наиболѣе умѣренной его части». Среди возставшихъ обнаруживались «два совершенно опредѣленныхъ теченія»: «одни примкнули къ „Думскимъ выборнымъ“ и, оставаясь вѣрными монархическому принципу, желали лишь нѣкоторыхъ реформъ и скорѣйшей ликвидаціи безпорядковъ; другіе поддерживали совѣтъ рабочихъ», «искали крайнихъ результатовъ и конца войны». До 1 марта Временное Правительство было «хозяйномъ положеніи въ столицѣ, но съ казнью днемъ положеніе его становилось труднѣе, и власть могла перейти къ крайнимъ дѣламъ. Поэтому, въ настоящее время вооруженная борьба только осложнитъ положеніе».

Прибѣжавшій начальникъ станціи сообщилъ, что «на станціи двигаются тяжелый дивизіонъ и батальонъ перваго гвардейскаго запаснаго стрѣлковаго полка (въ эту ночь А. Н. Гучковъ, въ качествѣ председателя военной комиссіи, ѣздилъ на Варшавскій и Балтійскій вокзалы, чтобы навести порядокъ на случай прібытія карательной экспедиціи, причемъ его автомобиль былъ обстрѣлянъ, и спутникъ его, князь Вяземскій, былъ убитъ). Ивановъ, зная, что Хабаловъ арестованъ, и въ городѣ «хозяйничаютъ» Родзянко и Гучковъ, считая, что охрана дворца не входитъ въ его задачу, и понимая, что «если пойдетъ толпа, тысячи уложатъ», рѣшилъ уходить. Такимъ образомъ, послѣ какихъ-то затрудненій съ переводной стрѣлкой и сломаннымъ крюкомъ въ хвостовыхъ ватонахъ, оказавшихся передовыми, весь полкъ съ георгіевскимъ батальономъ былъ уведенъ въ ночь съ 1 на 2 марта обратно, на Варшаву.

Черезъ 15 минутъ послѣ ухода ихъ на вокзалъ въ Царскомъ уже появились шаровые поезда съ дулами; говорили: «если они перейдутъ на нашу сторону, побратимовъ».

Когда императорскій поѣздъ пришелъ въ Дно, Алексѣевъ самъ перedalъ Родзянкѣ телеграмму о согласіи царя принять его. Послѣдоваль отвѣтъ, что Родзянко ѣдетъ на станцію Дно. Воейкову по телеграфу сообщили, что поѣздъ готовъ, но изъ Думы сообщили по телефону, что Родзянко еще не выѣзжалъ (въ тотъ день Гучковъ настаивалъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, чтобы миссію—склонить царя къ отреченію—взялъ на себя Родзянко, но эта миссія была возложена на него и на В. В. Шульгина). Царь рѣшилъ не ждать въ Днѣ, и Воейковъ послалъ Родзянкѣ телеграмму, что его будутъ ждать въ Псковѣ.

Дубенскій записывалъ:

«Уже 1 марта ѣдетъ къ Государю Родзянко въ Псковъ для переговоровъ. Кажется, онъ выѣхалъ экстреннымъ поѣздомъ изъ Петрограда въ 3 часа дня; сегодня Царское окружено, но вчера императрица телеграфировала по англійски, что въ Царскомъ все спокойно. Старый Псковъ опять занесетъ на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывалъ здѣсь послѣдній самодержецъ Россіи, Николай II, и лишившій своей власти, какъ самодержецъ».

Съ прибытіемъ царскаго поѣзда въ Псковъ, въ девятomъ часу вечера, начались, по словамъ Дубенскаго, «все болѣе грустныя и великія событія».

Но прибытію въ вагонъ государя вошли генералъ Рузскій и начальники его штаба генералъ Даниловъ. По мнѣнію Рузскаго, надо было идти на все уступки, сдаваться на милость побѣдителя и давать полную конституцію, иначе, анархія будетъ расти, и Россія погибнетъ.

Воейковъ получилъ телеграмму отъ Вудикова о томъ, что Родзянко не придетъ. Царь рѣшилъ послать телеграмму изъ Родзянкѣ, смыслъ ея былъ такой: «Ради спасенія родины и счастья народа, предлагаю вамъ составить новое министерство во главѣ съ вами, но министръ иностранныхъ дѣлъ, военный и морской будутъ назначаться мною». Царь сказалъ Воейкову: «Пошлите ее по юзу и покажите Рузскому».

Рузскій, по словамъ Воейкова, вырвалъ телеграмму у него изъ рукъ и сказалъ, что здѣсь онъ самъ посылаетъ телеграммы. На докладъ Воейкова объ этомъ, царь сказалъ: «Ну, пускай онъ самъ пошлетъ». — Весь вечеръ шелъ вызовъ Петербурга, и Рузскій, иногда возвращаясь къ царю, говорилъ по прямому проводу (юзъ былъ въ городѣ) всю ночь, до 6 часовъ утра. Тѣмъ образомъ, все дѣйствительное переговоры происходили черезъ Рузскаго, которому было поручено говорить объ условіяхъ конституціи.

Можно думать, что Моріковъ безпокоился о своихъ докладахъ. Дубенскій отрядилъ изъ Петербурга своего человека, котораго переодѣли въ итацкое («хулиганъ»). Фредериксъ, Дренгельнъ и Воейковъ дали ему письма, и онъ вернулся съ отвѣтами.

Въ четвергъ, 2 марта, утромъ ставши Родзянко Рузскому сказали, по словамъ Дубенскаго, «неутѣшительныя». На вопросъ Воейкова о результатѣ телеграммы къ Родзянко, Рузскій отвѣтилъ: «Того, что ему послано, теперь недостаточно, придется идти дальше». «Родзянко, пишетъ Дубенскій, сказалъ, что онъ не можетъ быть увѣреннымъ ни за одинъ часъ; ѣхать для переговоровъ не можетъ, о чемъ онъ телеграфируетъ, намекая на измѣнившійся обстоятельства. Обстоятельство это только что предположено, а, можетъ быть, и осуществлено—избрать регентомъ Михаила Александровича, т. е., совершенно упразднить императора Николая II. Рузскій находилъ, что войска посылать въ Петроградъ нельзя, такъ какъ только ухудшатъ положеніе, ибо перейти къ мятежникамъ. Трудно представить весь ужасъ слуховъ... Въ Петроградѣ анархія, господство черни, жидовъ, оскорбленіе

офицеровъ, арестъ министровъ и другихъ видныхъ дѣятелей правительства. Разграблены ружейные магазины...»

Въ это утро генералъ Ивановъ, сидѣвшій въ Выринѣ, собрался переговорить съ командирами запасныхъ батальоновъ и повидать Тарутинскій полкъ (все остальные были задержаны въ пути), чтобы узнать части, съ которыми придется имѣть дѣло. Свѣдѣнія объ этихъ частяхъ также были неблагопріятны.

Собираясь проѣхать нѣсколько станцій на автомобилѣ, Ивановъ получилъ записку отъ Гучкова, который около 1 часу дня выѣхалъ съ Шульгиннымъ въ Псковъ и телеграфировалъ Рузскому, что «ѣдетъ по важному дѣлу» и Иванову, которого хотѣлъ отговорить въ пути, зная только, что какіе-то эшелоны идутъ на Петербургъ. Гучковъ писалъ:

«Бѣду въ Псковѣ, примите все мѣры повидать меня либо въ Псковѣ, либо на обратномъ пути изъ Пскова въ Петроградъ. Распоряженіе дано о пропускѣ Васъ этомъ направленіи».

Ивановъ телеграфировалъ Гучкову въ Псковъ: «Радъ буду повидать васъ, но на станціи Вырица. Если то для васъ возможно, телеграфируйте о времени проѣзда».

Гучковъ отвѣтилъ: «На обратномъ пути изъ Пскова постараюсь быть Выринѣ, желательнѣе встрѣтить васъ Гатчинѣ Варшавской».

Тогда Ивановъ рѣшилъ проѣхать по соединительной вѣткѣ черезъ станцію Владимірскую (между Гатчиной и Царскимъ) на Выринскую дорогу, надѣясь посмотреть на станціи Александровской Тарутинскій полкъ и повидаться съ Гучковымъ, послѣ его возвращенія изъ Пскова. На станціи Сусанино поѣздъ Иванова со всемъ батальономъ поставили въ туннѣ. Первая телеграмма отъ Бубликова гласила: «Мнѣ стало извѣстно, что вы арестовываете и терроризуете служащихъ желѣзныхъ дорогъ, находящихся въ моемъ вѣденіи. По порученію Временнаго Комитета Государственной Думы предупреждаю васъ, что вы навлекаете на себя этимъ личную отвѣтственность. Советую вамъ не двигаться изъ Вырицы, ибо по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ народными войсками ваша полиція будетъ обстрѣливать артиллерійскимъ огнемъ». Вторая: «Ваше настоятельное желаніе ѣхать дальше ставитъ непреодолимое препятствіе для выѣзда свѣдѣній Его Величества немедленно слѣдовать Царское Село. Убѣдительно прошу остаться въ Сусанино или вернуться Вырица».

Ивановъ вернулся на Вырицу и послалъ Алексѣеву шифрованную телеграмму № 9 (копія Тихменеву): «До сихъ поръ не имѣю никакихъ свѣдѣній о движеніи частей, назначенныхъ мое распоряженіе. Имѣю негласныя свѣдѣнія о приостановкѣ движенія моего поѣзда. Прошу принятія экстренныхъ мѣръ для восстановленія порядка среди желѣзнодорожной администраціи, которая непосредственно получаетъ директивы правительства».

Для посланной телеграммы, Ивановъ далъ одинъ изъ своихъ парикмахеровъ, пономѣстнику генеральнаго штаба Тилди; онъ долженъ былъ перенести ее въ прямомъ приподу изъ Царскаго Села въ Ставку. Тилди доставилъ по телефону, что онъ задержанъ въ Царскомъ Селѣ. Въ Бѣтѣ сѣлѣ, Ивановъ получилъ отъ Тихменева слѣдующую телеграмму: «Докладываю для свѣдѣній депешу Нахичѣва командирамъ 5, Нахичѣвѣ, Нахичѣву: «Въ виду невозможности продвигать эшелоны далѣе Луги, нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ, и разрѣшенія Государя Императора отпустить Нахичѣву сообщенія Предѣлителямъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направленные станцію Александровскую, обратно Двинскій районъ, гдѣ распо-

жить въ распоряженіи командарма 5. № 1216-В. 1 часть, 2 марта, Даниловъ».

Тѣмъ временемъ, придворные въ Псковѣ суетились, «голкаясь пзъ вагона въ вагонъ». Событія развивались для нихъ «все страшнѣе и неожиданныѣ».

Русскій послѣ завтрака второй разъ пришелъ къ царю и доложилъ ему семь телеграммъ: отъ великаго князя Николая Николаевича, который кѣльиопреклоненно молилъ царя отречься отъ престола и передать его наследнику при регентствѣ великаго князя Михаила Александровича; отъ Алексѣева, Сахарова, Брусилова, Эверта, Непенина—и заявленіе Рузскаго—о томъ же; въ телеграммѣ Алексѣева (пзъ Могилева) была изложена форма отреченія, которую онъ считалъ для царя желательной.

Послѣ разговора съ Рузскимъ, царь рѣшилъ послать отвѣтъ телеграммой съ согласіемъ отречься отъ престола; по словамъ Дубенскаго, это рѣшеніе было принято, «дабы не дѣлать отказа отъ престола подъ давленіемъ Гучкова и Шульгина», прѣзда которыхъ ждали, и которыхъ царь собирался принять. Слѣдующій эпизодъ, записанный въ дневникѣ Дубенскаго, Воейковъ опровергаетъ категорически:

«Когда Воейковъ узналъ это отъ Фредерикса, пославшаго эту телеграмму, онъ попросилъ у государя разрѣшенія вернуть телеграмму. Государь согласился. Воейковъ быстро пошелъ въ вагонъ свиты и заявилъ Нарышкину, чтобы онъ поспѣшилъ скорѣе къ телеграфу и приостановилъ телеграмму. Нарышкинъ пошелъ на телеграфъ, но телеграмма ушла, и начальникъ телеграфа сказалъ, что онъ попытается ее остановить. Когда Нарышкинъ вернулся и сообщилъ это, то все стоящее здѣсь почти въ одинъ голосъ сказали: Все кончено». Затѣмъ выражали сожалѣніе, что государь поспѣшилъ, все было разстроено, поскольку могутъ быть разстроены эти пустые, эгоистичные въ большинствѣ люди».

Царь часто гулялъ между поѣздами, спокойный на видъ. Черезъ полчаса послѣ отреченія, Дубенскій стоялъ у окна и плакалъ. Миню вагона прошелъ царь съ Лейхтенбергскимъ, весело посмотрѣлъ на Дубенскаго, кивнулъ и отдалъ честь. «Тутъ, говоритъ Дубенскій, возможна выдержка, или холодное равнодушіе ко всему». Послѣ отреченія «у него одеревѣло лицо, онъ всѣмъ кланялся, онъ протянулъ мнѣ руку, и я эту руку поцѣловалъ. Я все-таки удивился, — Господи, откуда у него берутся такія силы, онъ вѣдь почти въ пазъ не выходитъ». Однако, «затѣмъ онъ говорилъ съ Фредериксомъ объ Алексѣѣ Николаевичѣ, одинъ на одинъ, и зналъ онъ все-таки фактъ». Когда съ С. П. Федоровымъ говорилъ, вѣдь онъ никакъ не думалъ, что можетъ отказаться отъ престола и остаться простымъ обывателемъ въ Россіи: «Неужели вы думаете, что я буду интриговать. Я буду жить около Алексѣя и что конспиративъ».

Послѣ отреченія царь сказалъ только: «Мнѣ стыдно будетъ увѣщать иностранныхъ агентовъ въ Ставку, и мнѣ неловко будетъ видѣть меня». «Слабый, безсильный, но хороший и чистый человѣкъ, замѣчаетъ Дубенскій, онъ никогда не за империализмы, ея безумнаго увлеченія Григоріемъ. Россія не могла простить этого»...

Придворные долго разговаривали, и Воейковъ, по настоянію Дубенскаго, пошелъ увѣщать царя, что онъ не имѣетъ права отказываться отъ престола такимъ «кустарнымъ образомъ», только по желанію временнаго правительства и командующихъ фронтами. Онъ, замѣчаетъ Дубенскій, отказался отъ престола, «наконецъ сдать эскадрѣ».

Въ 9 часовъ вечера изъ Пскова прѣхали Гучковъ и Шульгинъ, упомо-
помоченные Временнымъ Комитетомъ Государственной Думы, въ кото-

ромъ еще колебались между добровольнымъ сохраненіемъ монархii съ другимъ лицомъ, на новыхъ началахъ, и сверженіемъ царя и избраніемъ новыхъ политическихъ формъ. Предполагалось рекомендовать царю назначить только предѣдателя Совѣта Министровъ и отречься въ пользу сына, съ регентствомъ Михаила Александровича.

Въ эту ночь, по возвращеніи съ объѣзда вокзаловъ, Гучковъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ Временнаго Комитета Государственной Думы и Исполнительнаго Комитета Совѣта Солдатскихъ и Рабочихъ Депутатовъ.

По приѣздѣ въ Псковъ, Гучковъ хотѣлъ видѣть Рузскаго, чтобы ознакомиться съ настроеніями; но встрѣчавшій на вокзалѣ полковникъ сразу пригласилъ ихъ въ вагонъ царя, гдѣ Гучковъ и Шумьгинъ встрѣтили Фредерикса и Паришкина; потомъ пришелъ и Рузскій.

Вошедшій черезъ нѣсколько минутъ царь сѣлъ за маленький столикъ и сдѣлалъ жестъ, приглашающій сѣсть рядомъ. Остальные сѣли вдоль стѣны. Царь не обнаружилъ никакихъ признаковъ своего давняго недовольства къ Гучкову, но также и никакой теплоты. Онъ говорилъ спокойнымъ, корректнымъ и дѣловымъ тономъ. Паришкинъ вынулъ записную книжку и сталъ записывать.

Гучковъ сказалъ, что онъ приѣхалъ отъ имени Временнаго Комитета Государственной Думы, чтобы дать нужные совѣты, какъ вывести страну изъ тяжелаго положенія; Петербургъ уже всецѣло въ рукахъ движенія, попытки фронта не приведутъ ни къ чему, и всякая воинская часть перейдетъ на сторону движенія, какъ только подыметъ Петербургскимъ воз-
духомъ.

Рузскій поддерживалъ, сказавъ, что совершенно согласенъ съ А. И. и никакихъ запасныхъ частей послать въ Петроградъ не могъ бы.

«Поэтому, продолжалъ Гучковъ, всякая борьба для насъ бесполезна. Совѣтъ нашъ заключается въ томъ, что вы должны отречься отъ престола».

Разсказавъ, какъ представители царекосельскихъ воинскихъ частей пришли въ Думу и всецѣло присоединились къ новой власти, Гучковъ продолжалъ: «Я знаю, ваше величество, что я вамъ предлагаю рѣшеніе громадной важности, и я не жду, чтобы вы приняли его тотчасъ. Если вы хотите нѣсколько обдумать этотъ шагъ, я готовъ уйти изъ вагона и подождать, пока вы примете рѣшеніе, но, во всякомъ случаѣ, все это должно совершиться сегодня вечеромъ».

Царь, выслушавъ все очень спокойно, отвѣтилъ: «Я этотъ вопросъ уже обдумалъ и рѣшилъ отречься».

Гучковъ сказалъ, что царю, конечно, придется разстаться съ сыномъ, потому что сыну не рѣшится довѣрить судьбу и воспитаніе будущаго Государя тѣмъ, кто толчетъ страну до настоящаго положенія».

На это царь сказалъ, что онъ не можетъ разстаться съ сыномъ и передаетъ престолъ своему брату Михаилу Александровичу.

Гучковъ, предупредивъ, что онъ остается въ Псковѣ часъ или полтора, просилъ сейчасъ же составить актъ объ отреченіи, такъ какъ завтра онъ долженъ быть въ Петербургѣ съ актомъ въ рукахъ. Текстъ былъ напечатанъ и сброшенъ Шумьгинымъ, нѣкоторый поправки внесены Гучковымъ. Этотъ текстъ, не называя его дословно, въ качествѣ матеріала, передалъ царю: царь взялъ его и вышелъ.

Гучковъ, которому всѣ предшествовавшія событія не были извѣстны, пораженъ тѣмъ, что отреченіе далось такъ легко. Сцена произвела на него тяжелое впечатлѣніе своей обыденностью, и ему пришло въ голову, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ ненормальнымъ, съ пониженной сознательностью и чувствительностью. Царь, по впечатлѣнію Гучкова, былъ совер-

шенно лишены трагическаго пониманія событій: при самомъ жалѣзномъ самообладаніи можно было бы выдержать, но глотать у царя какъ будто дрогнуло только тогда, когда онъ говорилъ о разлукѣ съ сыномъ.

Въ вагонѣ ждали часъ или полтора: Рузскій, какъ и начальникъ его штаба генералъ Даниловъ, были, повидимому, сторонниками отреченія; съ Парышкинымъ разговора не было, большой Фредериксъ съ нимъ отдавалъ себѣ отчетъ въ прохожденіи и былъ изволнованъ извѣстіемъ, что его домъ сожженъ, безпокоился о большой женѣ; къ собесѣдникамъ присоединился Воейковъ, который также безпокоился о семьѣ и о своей женѣ (дочери Фредерикса).

Царь вернулся и передалъ Гучкову переписанный на машинкѣ актъ съ подписью Николая. Гучковъ прочелъ его присутствующимъ вслухъ. Шульгинъ внесъ двѣ—три незначительныя поправки. Въ одномъ мѣстѣ царь сказалъ: «Не лучше ли такъ выразить?» и поставилъ какое-то слово. Всѣ поправки были тотчасъ внесены и оговорены.

Гучковъ сказалъ, что, въ виду метущахъ происойи въ дорогѣ случайностей, слѣдуетъ составить второй актъ — не копию, а дубликатъ — и оставить его въ штабѣ главнокомандующаго. Царь нашелъ это правильнымъ и сказалъ, что такъ и будетъ сдѣлано.

Царь сказалъ, что онъ назначаетъ верховнымъ главнокомандующимъ великаго князя Николая Николаевича; Гучковъ ничего не возражалъ, а можетъ быть и подтвердилъ. Была составлена телеграмма Николаю Николаевичу.

Гучковъ сказалъ, что Думскій Комитетъ ставить во главѣ правительства князя Львова. Царь сказалъ, что онъ знаетъ его и согласенъ, сѣлъ и написалъ указъ Сенату о назначеніи князя Львова предѣтелемъ Совѣта Министровъ. Царь согласился со словами Гучкова о томъ, что остальныхъ министровъ предѣтель приглашаетъ по своему усмотрѣнію.

Такимъ образомъ царь назначилъ верховнаго главнокомандующаго и предѣтеля Совѣта Министровъ уже послѣ того, какъ скрѣпилъ актъ; но на слѣдующее утро, когда Гучковъ и Шульгинъ вернулись въ Петербургъ, на улицахъ уже были плакаты съ перечисленіемъ членовъ правительства.

Царь спросилъ о судьбѣ императрицы и дѣтей, отъ которыхъ два дня не имѣлъ извѣстій. Гучковъ отвѣтилъ, что все благополучно, больнымъ дѣтямъ оказывается помощь. Царь заговорилъ о своихъ планахъ, ѣхать ли ему въ Царское или въ Славку; Гучковъ не зналъ, что посоветовать. Они продолжали.

Гучковъ и Шульгинъ пришли въ вагонъ Рузскаго, гдѣ ждали, когда будетъ готовъ актъ отреченія. Присутствовать главный начальникъ снабженія Савицъ, Данилова не было, онъ зашифровывалъ актъ.

Въ тотъ же вечеръ, Гучковъ и Шульгинъ выѣхали въ Петербургъ, а бывший императоръ въ Монастырь со станціи Савинцы онъ послалъ сѣдующую телеграмму: Его Императорскому Величеству Михаилу Петровичу. Событій послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротнo на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если отвернулъ тебя и что не успѣлъ предупредить. Останусь навсегда твоимъ и преданнымъ братомъ. Возвращаюсь въ Славку и отсюда черезъ нѣсколько дней надѣюсь прибыть въ Царское Село. Горько жаль Ботѣ прощай тебя и твою роднѣ. Николай.

Въ пятницу, 3 марта утромъ, генералъ Ивановъ получилъ телеграммы отъ Родзянко и Гучкова. Родзянко телеграфировалъ: № 185. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ телеграфировалъ отъ сего числа № 1892 уведомляеть назначеніи главнокомандующимъ и членами петроградскаго окружнаго генераль-

лейтенанта Корнилова. Просить передать вашему высокопревосходительству приказание о возвращении ванинъ въ Мотилевъ.

Гучковъ телеграфировалъ: «Тороплюсь Петроградъ, очень сожалею, не могу заѣхать. Свиданіе окончилось благополучно».

Провѣривъ переданное Родзянскій распоряженіе Алексѣева по телеграфу, Ивановъ рѣшилъ вернуться въ Ставку. Долго не могли достать вагоновъ паровоза и ожидали, что по дорогѣ случится бѣда. Наконецъ, въ 12 часовъ благополучно добрались до станціи Дно, гдѣ Ивановъ, въ полночь съ 3 на 4 марта, узналъ отъ коменданта станціи, что Шумкинъ объявлялъ 3-го манифестъ, что царь отреченъ въ пользу наследника, и регентомъ будетъ великій князь Михаилъ Александровичъ.

4 марта Ивановъ подтвердилъ телеграммой коменданту станціи Дно свое приказаніе отпустить воеводу за нимъ въ Мотилевъ, задержанную въ Дно испровую станцію. 5-го въ 9 часовъ утра, по прибытіи въ Псковъ, Ивановъ получилъ извѣстія отъ 3 марта о дѣйствіяхъ Исполнительнаго Комитета Государственной Думы. Между Новосколыничками и Витебскомъ Ивановъ встрѣтился съ Корниловымъ. Въ Оршѣ, изъ приложения къ Витебской газетѣ, Ивановъ узналъ объ отказѣ Михаила Александровича. Черъ въ 3 — 4 дня 5 марта Ивановъ прибылъ въ Ставку, гдѣ получилъ личнаго приказъ объ отреченіи царя и Михаила Александровича и узналъ, что съ 1-го извѣстна князя Львова. Ивановъ, который во все время путешествія ни разу не сообщалъ батальону никакихъ свѣдѣній о положеніи, что въ батальонѣ неудовольствіе среди солдатъ, заставлялъ солдатъ служить и было и часто посылу Правительству, благодарилъ ихъ за службу и, прощаясь, говорилъ и подбуждалъ въ каждой ротѣ одного солдата за всю роту.

Въ этотъ день, послѣ разговора съ Алексѣевымъ, онъ удалился отъ себя въ Ставку, а на слѣдующій день просилъ уѣхать и Фредерикса.

8 марта батальонъ императора выѣхалъ изъ Ставки и былъ водворенъ въ Псковъ, гдѣ Александровичъ въ Оршѣ.

1917 - 1918.

Александръ Блюмъ.

Г. В. Плехановъ и III Отдѣленіе.

I.

Г. В. Плехановъ, предъ памятью котораго склоняются и его политическіе, и партійные враги, на революціонномъ поприщѣ выступилъ рано, въ очень молодыхъ годахъ. Плехановъ былъ замѣченъ сразу, какъ выдвигающійся революціонеръ, какъ талантливый ораторъ. И за время пребыванія его въ Россіи, въ молодыхъ годахъ, ему приходилось выполнять ответственныя порученія.

Былъ онъ замѣченъ и III Отдѣленіемъ, но не сразу, а въ извѣстной постепенности. Разыскъ въ 70-хъ годахъ былъ поставленъ далеко не блестяще. III Отдѣленіе не могло похвалиться находчивыми, предусмотрительными агентами. Недавно руковоитель сыска въ 1879 г. разочарованно воскликнулъ: «Опять случай... Никакой системы нѣтъ». Въ отношеніи Плеханова такого «случая» не было.

Составить біографію Плеханова, въ полицейскомъ смыслѣ этого слова, совершенно нельзя. Онъ былъ для полиціи неуловимъ. Вотъ одна изъ справокъ о Плехановѣ III Отдѣленію, датированная въ 1880 г., къ 18 апрѣля, когда представлялся на высочайшее имя докладъ о показаніяхъ Гр. Гольденберга:

«Плехановъ, Георгій Валентиновичъ, дворянинъ тамбовской губ., липецкаго уѣзда, бывшій юнкеръ Константиновскаго военного училища, а впоследствии студентъ юридическаго института. Въ липецкомъ уѣздѣ имѣетъ мать, а братъ его, Григорій Валентиновичъ, Плехановъ, служитъ поручикомъ 69 пѣх. Рязанскаго полка и находится въ г. Люблинѣ.

Первую извѣстность Георгій Плехановъ въ революціонной дѣятельности приобрѣлъ на демонстраціи на Казанской площади, но задержанъ не былъ и съ того времени разыскивается. Жена его была арестована съ прочими задержанными на площади людьми, но освобождена по недостаточности уликъ. Въ настоящее время имѣется свѣдѣніе о нахожденіи Плеханова въ Парижѣ».

И только... И это, надо сказать, самая богатая справка о Плехановѣ. Но факты ея не даютъ ничего для характера дѣятельности Плеханова. Факты ея основаны также не на самостоятельномъ матеріалѣ, а лишь на показаніяхъ, проверять которые въ то время для полиціи было невозможно. Она чувствовала Плеханова близко и ясно, но уловить его не могла. Въ этомъ отношеніи мы найдемъ любопытныя замечанія въ архивѣ. Плехановъ чудился близъ, и на одномъ изъ докладовъ о его участіи въ революціонной III Отдѣленію даже не вытерпѣвъ и написать: «Тутъ много сомнѣній... Тѣмъ не менѣе можно писать, что такъ».

Полицейская биографическая сводка о Плеханове окончательно была составлена в 1914 г.¹⁾ Сводка очень подробная, но фактически не всегда точная.

Разгадку неполноты сведений начальной деятельности Плеханова дает просмотр самых этих дел студента Шахматова. Дело о Казанской демонстрации не затрагивает совершенно имени Плеханова. В этом отношении Казанская демонстрация очень характерна. Главное лицо этого «первого» съезда русской революции, где почти впервые так ясно было заявлено о желаниях и ожиданиях русского народа, о его страданиях, — главное лицо осталось неизвестным для следствия. Плеханов исчез. В следствии осталось одно: «какой-то молодой человек, блондин, говорил рыв» (показание старости Каз. соб. Ребутовского). Официальный обвинительный акт²⁾ передает этот момент так: «изъ толпы молодежи, вышедшей на площадь, выступил высокий блондинъ, снявъ шапку и началъ громко говорить, размахивая руками» (Обвин. актъ, стр. 1).

Фамилия Плеханова в деле упоминается, но в связи с арестом его жены, ~~политикой на улицах в беззастенчивом союзе~~. В день демонстрации, 6 декабря, — ее взяли и держали, несмотря на ее положение, в доме предварительного заключения до 16 декабря, когда признано было нужным освободить «жену студента Наталью Плеханову, в виду отсутствия указаний, на предмет ее в показаниях свидетелей (не предъявлена была лично по близости), а также в виду того, что Плеханова находится в исходе 9-го месяца беременности, почему представляется вероятным предположение, что она была лишь зрительницей и не участвовала в самом беспорядке» (1876 г., д. 253, ч. 1).

Г. В. из ~~договора~~ ~~не фактически~~, и долгое время ~~III Отдѣленіе~~ не подозревало об участіи Плеханова въ демонстраціи. Да и сама за него не подозрѣвала. Организация демонстрацій была такова, что организаторы и главные ее деятели были мало кому известны, за исключеніемъ близкаго имъ друга. Но крайней мѣрѣ, сдѣлавъ изъ участниковъ демонстраціи, сосланный въ Сибирь, — И. Е. Гуровичъ, — смутно себя представлялъ «высокаго блондина», привнесшаго рывъ. Въ 1882 г. Гуровичъ расказалъ въ своихъ преслѣщеніяхъ и пожелалъ привести ползу III Отдѣленію. И самъ составилъ проектъ организаціи полицейской развѣдки, охватывающей не только Россію, но и заграничу. Предлагалъ свои услуги для руководства ~~женъ~~ ~~дѣломъ~~ и въ доказательство искренности своего обращенія расказалъ, что ~~зналъ о революціонной дѣятельности въ Россіи~~.

Какъ участникомъ Казанской демонстраціи, онъ и ей убѣждать довольно много мѣста, говоря о ея организаціи, программѣ, деятеляхъ. Объ ораторѣ на площади онъ говорилъ, что пригласившій его, Гуровичъ, на демонстрацію «будущаго оратора называлъ кого-то въ родѣ Плеханова, Плеханова, Плеханова — въ этомъ родѣ» (дело о Каз. демонстр. 1876 г., № 253, ч. IV).

В 1882 г. такими свѣдѣніями — неопредѣленными, неясными, — удивить конечно, полицію было трудно. Въ это время она уже знала Плеханова, какъ организатора демонстрацій, но ~~если установившаяся дѣлу, тогда III Отдѣленіе~~ получила эти свѣдѣнія, то приметъ къ этому обстоятельству въ 1879 г. До этого года Плехановъ состоялъ въ ~~политическомъ наблюдѣ~~.

А этотъ периодъ былъ наиболее дѣятельнымъ въ жизни Плеханова въ Петербургѣ. Кромѣ ~~Казанской демонстраціи~~ Плехановъ ~~имѣлъ~~ ~~роль~~ ~~въ~~ ~~тѣхъ~~ ~~пропагандныхъ~~ ~~артистическихъ~~ ~~работѣ~~. Работы эта ~~продолжалась~~ ~~въ~~ ~~это~~ ~~время~~ ~~пробы~~ ~~Плеханова~~ ~~въ~~ ~~Петербургѣ~~.

Что онъ ~~исключъ~~ въ 1876 и 1877 г., — пожалуй, удивляться этому не приходится. Въ это время Плехановъ былъ за границей. Назначеніи Жарнова къ этимъ годамъ приурочиваетъ пребываніе Плеханова въ Саратовѣ:

«Жоржъ съ пльмъ (Жарковымъ) хорошо знакомъ и собственно въ социаль-парошники вовлекъ его еще въ 1877 г., когда онъ проживалъ въ Саратовѣ, гдѣ довольно часто посѣщалъ его тогда въ качествѣ учителя, а по необходимости своей, взять былъ зимою 1878 г. полиціею, по подѣлаю, что онъ даетъ урски, ему удалось освободиться, давъ подписку о неопущеніи, послѣ чего тотчасъ же скрылся изъ Саратова».

Этотъ фактъ совершенно не былъ замѣченъ въ свое время полиціею, хотя для Плеханова это было началомъ нелегальнаго его существованія.

Вся дѣятельность Плеханова среди рабочихъ Петербурга до 1879 г. прошла также для III Отдѣленія незамѣченной, а въ этой области Плехановымъ было сдѣлано очень много. Съ его именемъ связаны стачки рабочихъ въ Петербургѣ (Новая Бумагопрядильня, фабрика Шней), формулировка ихъ требованій и сообщенія объ этомъ обществу, руководство рабочими кружками, какъ объ этомъ сообщаютъ и агентурныя свѣдѣнія (см. выше стр. 18 марта 1879 г.). Его «агентурный о русскомъ рабочемъ» въ этомъ отношеніи даютъ много матеріала для сужденія объ его роли. Не такъ ли «официальные» документы характеризуютъ Плеханова «ловкимъ». Онъ, дѣйствительно, ушелъ мастерски отъ официальной регистраціи.

Объ этомъ полиція получила свѣдѣнія тогда, когда Плехановъ обратилъ вниманіе на себя и назывался уже «извѣстнымъ».

II.

Въ 1879 г. дѣятельность Плеханова въ рабочей средѣ была замѣчена. Имъ заинтересовались и начали наблюдать. Но и здѣсь свѣдѣнія полиціи были очень туманны и основаны на фактахъ, агентуры. При элементарности постановки агентуры въ то время, эти свѣдѣнія носили больше въ сущности, въ не что фактичскій матеріалъ, для свѣдѣній. Эта была обычная черта тогдашнихъ этихъ турскихъ тѣхъ. Не исключеніе, что дѣятельность Плеханова была очень разнообразна, указывая на моральную сторону жизни, была сильна. Съ такимъ отношеніемъ имъ и поэтому большинство агентурныхъ данныхъ:

13 февраля 1879 г. въ связи съ дѣломъ о подпольныхъ типографіяхъ и пропагандѣ въ рабочей средѣ имѣется такая свѣдѣнія:

«Агентурныя свѣдѣнія послѣдняго времени дали положительныя указанія на то, что въ столицѣ находится и укрываются три лица, крупное значеніе которыхъ въ средѣ пропагандистовъ и революціонное участіе одного изъ этихъ лицъ въ дѣлѣ подпольной печати заставляють съ вѣроятностью предполагать о безусловно близкомъ отношеніи ихъ къ подпольной типографіи. Въ началѣ этихъ свѣдѣній извѣстно было только то, что одно изъ этихъ лицъ именуется Георгіемъ...

«Впоследствии оказалось, что именуемый себя Георгіемъ, есть никто иной, какъ бывший конюхъ Константиновскаго военнаго училища, а впоследствии студентъ горнаго института, Георгій Плехановъ, который устроивалъ демонстрацію на Казанской площади, читалъ на этой демонстраціи подѣлаю «Земля и Воля» рѣчь и успѣлъ скрыться, оставивши на площади беременную свою жену, арестованную вмѣстѣ съ прочими участвовавшими въ этомъ дѣлѣ и осужденную по неизмѣнно противъ нея уликъ».

Отсюда, съ которыми сообщеніями Георгіи Плехановъ, который, въ своемъ официальном тономъ, всему со-сво-сво-сво. Чувствую не признавая, ни въ какомъ, а желаніе убить нравственную личность. Поэтому, откровенно, разговаривая, не-статокъ фактичскій данныхъ:

Послѣдующее убѣждаетъ въ этомъ: «Дѣятельность Плеханова (Георга), съ точностью хотя и не опредѣляется, но крупное значеніе... въ преступной средѣ исключаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что этому значенію должна соответствовать и дѣятельность».

Какимъ-то способомъ добрались, что Плехановъ—ораторъ Казанской демонстраціи, но дальше уже только умозаключеніе. Умозаключеніе высказано не съ вѣтру. Были попытки узнать, что же изъ себя представляетъ Плехановъ. Былъ примененъ обычный способъ—подослать провокатора, или, выражаясь официальнымъ языкомъ,—агента. Онъ я далъ матеріалъ для заключенія о важномъ значеніи Плеханова.

«Это (значеніе Плеханова) до нѣкоторой степени подтверждается тѣмъ, что Плехановъ, познакомившись съ нашимъ агентомъ, имѣющимъ слесарную мастерскую, угостилъ его передать такую-то въ распоряженіе лицъ, во главѣ которыхъ стоятъ Плехановъ, какъ главный бунтарь, съ цѣлью въ этой мастерской устраивать сходки и совѣщанія».

Осторожность и деликатность выражений справки заслуживаютъ вниманія. «Главный бунтарь» самъ знакомится съ агентомъ, а не агентъ его ищетъ. Но и этотъ агентъ не спасъ положенія. Пришлось въ дальнѣйшемъ сказать, что «Плехановъ извѣстенъ» «болѣе по различнымъ сообщеніямъ», «давнѣйш. (?) возможность имѣть положительныя свѣдѣнія о примѣтахъ, о мѣстахъ, гдѣ бывалъ, и о лицахъ, отъ которыхъ не скрывался, пріемы же агентурныя мѣстныя, направленные къ тому, чтобы встрѣчать лая (Плеханова и Казенна) и представлять съ цѣлью обнаружить мѣста ихъ жительства были въ этомъ безуспѣшны».

Плеханова начали искать. Прежде всего устанавливалъ его внѣшность и примѣты. «Высокій блондинъ» Казанской площади опредѣляется уже точно: «Примѣты Плеханова,—лѣтъ 30, среднего роста, съ рыжей бородой, въ тѣхъ случаяхъ, когда т. е. щеки выбриты, одѣвается довольно прилично, носитъ траповую сѣрую шапку» (13 февраля 1879).

Черезъ мѣсяць (18 марта 1879) эти примѣты расширяются въ подробности: «Что касается его (Плеханова) примѣтъ, то въ этомъ отношеніи можно указать только на то, что онъ выше среднего роста, лѣтъ около 30, одѣвается различно, но носитъ дѣл. отъличительныя примѣты—рыскается бороду, волосы на подбородкѣ, отъ усовъ, щеки же или бриты, или коротко пострижены, или не имѣютъ растительности, такъ какъ (?) въ указанномъ въ тѣхъ бородѣ, волосахъ растительности. Затѣмъ вторая примѣта состоитъ въ томъ, что Плехановъ, за разными исключеніями, носитъ почти постоянно круглую, сѣрую, траповую шапку бѣл. цвета (1879 г. № 138, ч. 1).

Насколько то и другое опредѣленіе было основано на дѣйствительности, болѣе или менѣе продолжительномъ изслѣдованіи, можно видѣть изъ сопоставленія факт. Въ теченіе мѣсяца даны болѣе обширныя свѣдѣнія, но по существу это одно и то же; второе лишь болѣе распространенное и сглаженное, опять въ отношеніи вероятной условности.

На основаніи этихъ данныхъ поминъ о разыскиваніи Плеханова. Въ тѣхъ же 1879 г., при разслѣдованіи «о сборищахъ, происходившихъ по Шалеселлурскому тракту, въ селѣ Смоленскомъ» (1879 г., № 663), наблюдая за толпой, въ которой Плехановъ, гдѣ поселились незнакомыя лица, замѣтилъ, что ихъ замѣчаютъ такіе лица, которые по своему внѣшнему виду уже обратили на себя вниманіе: такъ, въ пятницу, 26 октября, въ нихъ вошелъ одинъ блондинъ, лѣтъ 33, блондинъ, съ русой бородой, среднего роста (примѣты походятъ на примѣты разыскиваемого Плеханова) и остался тамъ до 28 числа. Наблюдая за сего-

рина съ указаніемъ, что для полиціи градоначальства во всемъ этомъ нѣтъ ничего неожиданнаго,—она давно высладила всѣхъ студентовъ, упомянутыхъ въ дѣлѣ, и только дождалась случая (въ теченіе 3 мѣсяцевъ (?)), чтобы заарестовать,—начальники III Отдѣленія карантинномъ отчитались: «Тутъ много сочиненнаго, начиная съ того, что я не вѣрю, чтобы первое извѣстіе получено въ іюнь (докладъ градоначальника—18 сентября); три мѣсяца они бы не вытерпѣли. Списокъ студентовъ-медиковъ также заставляетъ задуматься... Наконецъ, они подозрѣваютъ Бонди и Плеханова. Такимъ образомъ, можно писать, что хочешь».

Подобная же замѣтка была сдѣлана и на поляхъ дополнительнаго списка заподозрѣнныхъ по этому дѣлу лицъ, представленнаго Зуринскимъ 24 сентября. На поляхъ списка законническая замѣтка карантинномъ: «Не отступаются ни отъ Бонди, ни отъ Плеханова».

III.

Въ этому времени, очевидно, Плехановъ былъ для полиціи тѣмъ лицомъ, которое, какъ свѣдѣбный генералъ, должно было быть включеннымъ въ каждое болѣе или мѣнѣе серьезное дѣло.

Связывая имя Плеханова съ выдающимися современными дѣлами, стремились установить, что сдѣлалъ Плехановъ. Въ этомъ имъ помогли Гольденбергъ и Жарковъ.

На основаніи показаній Гольденберга III Отдѣленіе такъ характеризовало дѣятельность Плеханова:

«Въ 1876 году революціонная партія, по видимому, бездѣйствовала, но въ слѣдующемъ году революціонно-полицейскія партіи «бохтаренъ», которыя по своему стремленію сходились съ кружками «блуждающихъ», но отличались отъ нихъ значительнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ пропаганды... Первоначально дѣятельность ея проявилась въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Киевской губерніи. Главными руководителями этой партіи были: бывший студентъ горнаго института Плехановъ, Радоничъ, Дейтъ, Стефановичъ, Бохановскій, Чубаровъ, Дебогаріо-Меніевичъ» (справка о Плехановѣ дана выше, 1879 г., № 668, ч. II: высочайшій докладъ отъ 18 апрѣля 1880 г.).

Но эта свѣдѣніи были далеко не полны, когда уже Плехановъ былъ въ предѣлахъ десятилѣтствъ. Въ списокъ лицъ, упомянутыхъ въ показаніяхъ Гольденберга, приложенномъ къ высочайшему докладу о Плехановѣ, мы находимъ:

«91 (по алфавиту). Плехановъ, Георгій Валентиновичъ, дворянинъ тамбовской губ., бывший юнкеръ Константиновскаго училища, а впоследствии студентъ горнаго института. Принималъ участіе въ политической демонстраціи на Казанской площади въ 1876 году, по которому не былъ. По политическимъ свѣдѣніямъ *) находится въ настоящее время въ Парижѣ» (примѣтка «размывается»).

Показанія Гольденберга въ существующихъ чертахъ были даны еще въ 1879 г. Сводка имъ была сдѣлана окончательна въ мартѣ 1880 г. Одновременно съ этимъ даны показанія и Жаркова. Жаркову приходилось имѣть съ Плехановымъ дѣло, и его показанія болѣе обширны и конкретны:

«Георгій Плехановъ: (Жарковъ) Ж. (арестъ) знаетъ хорошо, такъ какъ Плехановъ, же и коллега Ж. въ пропагандѣ, въ бытность его въ 1877 г. въ Саратовѣ: онъ проживалъ прежде въ Петербургѣ подъ фамиліей отставнаго учителя Николая Ивановича Михайлова, а въ октябрѣ предшлагаго года подъ именемъ тоже отставнаго учителя Николая Ивановича Пастова. Въ октябрѣ Плехановъ убѣждалъ на дѣлѣ

*) Агентурное, неprovѣренное свѣдѣніе. Болѣе точное свѣдѣніе о пребываніи Плеханова въ Парижѣ получено 31 марта 1880 г., съ указаніемъ парижскаго адреса. Л. К.

недѣлю въ Кіевъ съ какимъ-то порученіемъ и, возвратясь обратно, хотѣлъ ѣхать за границу, но социалисты не пустили его, чрезвычайно дорожа имъ, какъ членомъ думнымъ и обладающимъ замѣчательнымъ даромъ слова. Плехановъ и въ настоящее время въ Петербургѣ, но тѣмъ именно и подъ какой фамиліей—неизвѣстно; въ субботу, 2-го будущаго февраля, онъ намеренъ уѣхать, но наканунѣ отъѣзда Ж. набѣдетъ съ нимъ, увидѣется въ условленномъ мѣстѣ» (Далье, «Примѣты Плеханова»—см. выше).

Но та и другая справки были уже заняты. Плехановъ, действительно, уѣхалъ. Раньше же этого времени точныхъ свѣдѣній у полиціи не было, и ей приходилось или опираться на слухи и догадки о роли Плеханова и его мѣстоимительствѣ. Старанія же полиціи въ этомъ направленіи были велики и шли въ разныхъ направленіяхъ: 1) опровергнуть мѣстоимительство, 2) установить псевдонимы и характеръ работы, 3) установить знакомство и мѣста, гдѣ Плехановъ бываетъ.

Въ предѣлахъ этихъ трехъ вопросовъ и велась вся агентура.

Въ агентурномъ донесеніи отъ 13 февраля 1879 г. Плехановъ выступаетъ подъ именемъ «Георга» (именемъ, что само по себѣ никакъ не именуется «Георгомъ»). Въ пѣломъ рядѣ справокъ о немъ и фигурируетъ подъ этимъ именемъ до 22 іюня 1879 г., когда дана слѣдующая справка:

«Получено сообщеніемъ отъ помощника присяжнаго повѣреннаго и корреспондента типографіи плакатовъ и листовъ Л. С. что истиннымъ извѣстнымъ Георгу Плеханову — «Федька» и «Волькъ» (1879, № 138, ч. II).

Но эта справка мало дала путей для розыска. Въ дѣлахъ нѣтъ слѣдовъ, что указаннымъ псевдонимами воспользовались, и они, действительно, оказали услугу дѣлу. Въ розыскахъ дальнѣйшаго времени ни «Федька», ни «Волькъ» не встрѣчались. Извѣстны въ дѣлѣ о сборникахъ въ с. Смоленскомъ (1879, № 663) отъ 2 января мы имѣемъ, гдѣ извѣстно «Георга» и «Георгія».

Но дѣль въ этомъ отношеніи только въ Гамбургѣ. Минъ-Жарковъ, въ околицѣ разсѣвъ недоразумѣнія около Плеханова.

Жарковъ, лично знакомый и довольно близкій къ Плеханову человекъ, далъ въ руки полиціи нѣсколько путей.

На основаніи показаній Жаркова 23 января 1880 г. была составлена такая справка:

«Онъ (Жарковъ) знаетъ извѣстнаго въ преступномъ кружкѣ, подъ именемъ «Жарова», Георгія Плеханова, который про отъѣздъ его въ Кіевъ въ Петербургѣ и признавалъ псевд. фамилію отставнаго городского учителя Николаи Ивановича Михайлова, а въ отъѣздъ мѣсяцъ жилъ подъ именемъ тоже отставнаго городского учителя Николаи Ивановича Набатова».

Какъ и всѣ показанія Жаркова о Плехановѣ, и это было лишь исторической справкой, ибо въ это время Плехановъ уже былъ на отъѣздѣ. Воспользоваться было трудно. Указанія же Жаркова давали одно: иллюстрировали, какъ быть остороженъ Плехановъ. Въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ ему приходилось мѣнять паспорта. Въ указанномъ случаѣ это оправдывалось и обстоятельствами его жизни: въ октябрѣ 1879 г. Плехановъ уѣхалъ на двѣ недѣли въ Кіевъ. Возвратившись оттуда, онъ уже проживалъ по новому виду.

И дѣйствительно, при такой системѣ Плехановъ оставался неразсысканнымъ. Его мѣстоимительство было не только размытымъ, но результаты этого были слабы.

Въ началѣ (13 февраля) 1879 года агентурныя свѣдѣнія дали справку о Плехановѣ и его мѣстопробываніи:

«Они (Плехановъ и Клементъ) извѣстны болѣе по различнымъ сообщеніямъ о нихъ... прямыя же агентурныя дѣйствія, направленные къ тому, чтобы встрѣчать ихъ и прослѣдить съ цѣлью обнаруженія мѣсто ихъ жительства, были въ этомъ безуспѣшны».

Были приняты меры. Указывали, где живет, где бывает Плехановъ, съ кѣмъ онъ знакомъ. Одновременно съ вышеприведеннымъ указаніемъ было отмѣчено: «Георгій Плехановъ, близкій студентъ горнаго института, постояннаго мѣста жительства не имѣетъ, его теперь называютъ Георгіемъ, носитъ при себѣ оружіе, находится въ близкихъ отношеніяхъ и бываетъ у кандидата правъ Летошенко, проживающаго по Малой Дворянской, д. № 4, кв. 15, и посѣщаетъ публичную бібліотеку, ѣздитъ на хорошей лошади, вращается въ средѣ рабочихъ» (13 февраля 1879 г.).

Черезъ мѣсяцъ (18 марта) дается новая справка: «Получено свѣдѣніе, что извѣстный Георгій Плехановъ, остающійся по сіе время неразсыканнымъ (и подлежащій задержанію), имѣетъ будто бы постоянное пребываніе въ двухъ мѣстностяхъ: за Нарвскою и Московскою заставами, попеременно» (1879 г., № 138, ч. I).

Еще черезъ мѣсяцъ (18 апрѣля) новое свѣдѣніе, въ другой связи и въ дѣлѣ о самомъ Плехановѣ, а попутно съ разсѣдованіемъ объ Н. О. Анненскомъ:

«Получено свѣдѣніе, что дѣти арестованнаго надв. сов. Анненскаго, Андрей Никол. Анненскій, живущій по Надежн. ул., въ д. Яковлева, принадлежатъ къ социалистическо-революціонной партіи... Ранѣе этого было даже слѣдствіе о знакомствѣ его съ извѣстнымъ Георгіемъ Плехановымъ». (1879 г., № 143, ч. I).

Въ связи съ розысками В. Марковича опять упоминается на имя Плеханова. Въ запискѣ по дѣлу отъ 26 іюня читаемъ:

«По сообщенію извѣстнаго лица, въ Москвѣ находится въ качествѣ рабочаго на какой-то фабрицѣ.... Марковичъ, который былъ вмѣстѣ съ Плехановымъ организаторомъ Казанской демонстраціи, и у котораго во всякое время имѣются вещественныя доказательства принадлежности къ революціонной пропагандѣ». (1879 г., № 577).

Устанавливаются и другія знакомства Плеханова, хотя и преложительныя. Такъ, въ дѣлѣ «о политической неблагонадежности Любови Спиринъ Сердюковой» въ докладѣ сказано:

«Сердюкова и Корнилова были близко знакомы съ арестованнымъ Летошенко, пріятелемъ Георга Плеханова» (1879 г., № 750).

Въ связи съ тѣмъ «о сборищахъ въ с. Смоленскомъ», Плехановъ фигурируетъ уже съ большими деталями и подробностями его жизни. Дѣло это возникло на основѣ слуховъ о появленіи новаго подпольнаго органа (им. «Земли и Воли»). Были установлены наблюденія надъ цѣлымъ рядомъ лицъ. Это были «секретныя» наблюденія. Это слово «секретныя» дѣлѣ прихотится подчеркнуть, въ самомъ докладѣ тѣлется удареніе на этомъ словѣ, будто наблюденія были и не секретныя. «Секретныя» наблюденія, установленныя какъ слѣдствіемъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, Анной Богратъ, дали слѣдующіе результаты:

«Провѣщающую по Царск. вѣд. д. № 15, кв. 3, курортницу В. Ж. Курсовъ, Анну Богратъ очень часто съ извѣстнаго времени очень часто посѣщаетъ неопредѣленный пока человекъ «Георгій», на разговорахъ котораго съ Богратъ *) стало извѣстно, что онъ прибылъ недавно изъ Кіева. Георгій имѣетъ при себѣ фотографію Богратъ, принимаетъ крайнюю осторожность, закрываетъ разговоры, шепотомъ говоритъ, а извѣстныя присутствія поспѣваетъ. Когда тѣмъ «Георгій» посѣщаетъ провѣщающую въ томъ же домѣ женщину Дунаевъ, сообщеннаго къ Богратъ, у котораго являя остается и почеркъ. Богратъ о Георгіѣ разсказывала, что онъ женатъ, но по несчастно сложившимся для него обстоятельствамъ съ

*) О некоторыхъ этомъ есть такое указаніе въ персональной редакціи доклада: Богратъ посѣщаетъ некую неопредѣленную личность, которую она одному лицу, проживающему съ нею на одной квартирѣ, называетъ Георгіемъ. — Это зачеркнуто, но отмѣченнымъ мною курное слово показывать, каковыя способами редакція «секретные наблюденія».

женою не видеть, а также, что онъ сотрудничаетъ въ журналъ «Слово» и «Вестникъ (Врѣмя)»¹⁾ и въ одной изъ своихъ статей писалъ о млоканцахъ. 22 октября, въ 11^{1/2} ч. вечера, «Георгій» поступалъ съ улицы въ окно комнаты Боградь, а затѣмъ пошелъ въ квартиру, гдѣ между ними произошелъ разговоръ по поводу, изъ котораго удалось разяснить, какъ онъ спрашивалъ Боградь: послала-ли она Демьянъ, и затѣмъ отправился къ Дукагу. 25 числа, вечеромъ, Георгій снова былъ у Боградь и, пошелъ у нея около 10 минутъ, пошелъ къ Дукагу, а вечеромъ 26 числа изъ Боградь приходило 1 молодого человека, пошедшему, изъ евреевъ.

«Въ виду изложеннаго», — значить доложить о Боградь, — не подлежитъ сомнѣнію, что личность посвященнаго дѣвицу Боградь подъ именемъ Георгія есть не кто иной, какъ разсмѣянный Георгій Валентиновичъ Плехановъ» (1879 г., № 663).

Слѣвка началась въ это время за Плехановымъ обстоятельная. Слѣдили за нимъ, его близкіе, въ особенности «Слово».

Такая же слѣвка была установлена и за домомъ Назарова въ с. Смоленскомъ, гдѣ проживали бывъ прописки три лица. Агентъ подозрѣвалъ, что у нихъ типографія. Подозрѣвался это тщательностью ихъ жизни, себѣ, появившимся по поламъ въ отдаленныхъ комнатахъ, жизнью ихъ въ такой глухой мѣстности безъ прописки, посѣщеніемъ ихъ подозрительными лицами.

Наконецъ, такая слѣвка, которая по своему внешнему виду уже обратила на себя вниманіе: тамъ, въ пятницу, 26 октября, къ нимъ вошелъ одинъ господинъ, лѣтъ 33, блѣдный, съ русою бородой, средняго роста (примѣты подходить къ Гринблатъ, лица, посвященнаго Боградь подъ именемъ Георгія) и остался тамъ до 28 числа» (ibid).

IV.

И эти три на это, Плеханова все же не уловили. Старались очень — и старались всѣ. Было уже было привлечено дѣленіе градоначальника по дѣлу Кукушина и Назарова (1879 г., № 548), гдѣ даже III Отдѣленіе усумнилось, можно ли вездѣ и всегда видѣть Плеханова.

Въ этотъ моментъ характеренъ одинъ фактъ изъ пегорій розыска Плеханова. Въ началѣ 1879 г. (13 февраля) агентъ доносилъ, что Плехановъ въ средѣ съ популяристовъ, тамъ на хорошей лошади. Въ дѣлѣ «по обвиненію въ изданіи и разпространеніи возмущительныхъ брошюръ» мы находимъ и болѣе подробные свѣдѣнія объ этомъ.

«Изъ свѣдѣній, оныхъ (Плехановъ) не только не пужается, напротивъ, стараясь, какъ можно, привлечь вниманіе. Это послѣднее свѣдѣніе подтверждается тѣмъ, что Плехановъ — дѣла на — что значитъ профхационъ до Плеханову, но въ пегоріи, съ дѣломъ въ уголовной ротонкѣ. Основываясь на этихъ данныхъ, можно предположить, что Плехановъ находится въ близкихъ сношеніяхъ съ какими-то лицами, состоящими, а можетъ быть, даже и съ какою-либо женщиною, съ тѣмъ же средствомъ и содействующей дѣлу пропаганды, почему было бы весьма странно, еслибы при подобной личности на изложенный дѣлъ обстоятельство въ рѣшеніи Плеханова» (1879 г., № 138, ч. 1, отъ 18 марта).

Вниманіе при этомъ было, очевидно, направлено на эту парочку, развѣдывающую изъ ротонки и пазла. Показанія начала усердно слѣдить, привлеченная къ дѣлу Плеханова. Уже 22 марта она доноситъ рапортомъ начальнику пригородной полиціи:

¹⁾ Плехановъ, какъ развѣдывающій сотрудничаетъ въ журналахъ, относить въ другому лицу, неизвѣстному, но въ дѣлѣ Плеханова карандашомъ исправлено и поставлено въ связи съ Плехановымъ.

«При производстве розыска известного Плевахова обращено, между прочим, было внимание на то, что неизвестная личность весьма часто проезжала на Московское шоссе на щегольской паре, часто и с дамой, тщательно закутанные, а у Чесменской богадельни или у Средней Рогатки пересеживались в сани, запряженные тройкой сѣрых лошадей».

На слѣдъ будто бы попали. Картина ѣзды по Невскому, выѣзд за городъ, тщательное скриваніе лицъ,—все это было подозрительно, было похоже и на тактику осторожного Плевахова.

Но пришлось разочароваться,—съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть,—и поставить въ неловкое положеніе таинственную парочку. Тотъ же рапортъ начальника пригородной полиціи сообщать:

«По произведенному дознанію, положительно оказалось, что это бѣдильств. ст. сов. Влад. Александр. Ратковъ-Рокновъ, проживающій въ Царскомъ Селѣ, на собств. дачѣ, по Средн. ул., № 9, а въ Петербургѣ квартира его и лошади стоятъ въ Милліонной, въ собствен. домѣ, и, разумеется,—сентенціозно заканчивается рапортъ,—нѣтъ никакой связи съ разыскиваемымъ лицомъ» (1879 г., № 138, ч. I).

Но, конечно, положеніе Плевахова въ это время было тяжелое: трудно предположить, чтобы онъ не зналъ всего этого. Около него начали собираться тучи. Въ это время еще хорошимъ его знакомымъ былъ Жарковъ. Ему было известно, что по приѣздѣ изъ Кіева (въ октябрѣ 1879 г.) Плеваховъ уже собирался уѣхать за границу. Въ показаніяхъ Жаркова мы находимъ:

«Возвратясь обратно (изъ Кіева), хотѣлъ ѣхать за границу, но партія социаллистовъ его не пустила, какъ необходимаго агента. Имъ чрезвычайно дорожатъ, какъ лицомъ довольно ловкимъ: обладаетъ болынымъ красноречіемъ и весьма убѣдительно».

Что Плеваховъ былъ ловецъ въ дѣлѣ скриванія отъ полиціи, объ этомъ говорить не приводенные факты. Не въ концѣ концовъ и ему такая жизнь травленнаго волка, очевидно, уже становилась не въ ногу, и тотъ же Жарковъ показываетъ:

«При послѣднемъ свиданіи съ Жарковымъ, въ послѣднихъ словахъ подобно Жарковъ слышалъ отъ него, что трудно жить, и рѣшилъ уѣхать надо удирать за границу¹⁾».

Показанія Жаркова были слѣданы въ январѣ 1880 года. Въ мартѣ 1880 года при Высочайшемъ докладѣ по дѣлу Гольденберга о Плеваховѣ уже дана справка (29 марта): «по упомянутымъ свиданіямъ, находится въ настоящее время въ Парижѣ». Не помню, была ли эта справка отъ Жаркова — не знаю. (1879 № 668, ч. II).

И, действительно, онъ все же разыскивался. Объ этомъ говоритъ переписка о его семейныхъ съ тамбовскимъ губернаторомъ.

Тамбовскій губернаторъ отъ 28 ноября 1880 г. пишетъ въ III Отдѣленіе, очевидно, въ отвѣтъ на запросъ въ связи съ дѣломъ Кавскаго и Клунина²⁾.

«По поводу розыска обвиняемаго въ тяжкомъ государственномъ преступленіи дворянина Тамбовской губ., Георга Плевахова, липецкая городская полиція, наблюдая за передвиженіемъ его, обратила особенное вниманіе на трестовыхъ лицъ въ г. Липецкѣ родныхъ Плевахова, именно: на вѣдную сестру его, двинцу Барбару Валентиновну Плевакову и на двоюроднаго брата его, студента с.-петербургскаго университета, Николая Николаевича Плевакова, съ которыми Георгъ Плеваховъ былъ особенно близокъ, а также и на студента того же университета Николая

¹⁾ Курсивъ въ оригиналѣ.

²⁾ Дѣло началось 17 сентября 1879 г.

Иванова Иванова, приехавшего въ 1. Липецк къ живущей там родной матери его и находящегося въ близкихъ отношенияхъ съ Поздниковымъ и Варварою Плетановою. Студенты эти, проживавшіе въ 1. Липецкѣ, отличались оригинальностью костюмовъ, — они носили черныя чуръ длинныя колосы, синіе очки, длинные пальто, на выпускъ красныя сукоты и высокие личины сапоги, избегали всякаго знакомства, за исключеніемъ Варвары Плетановой, съ которой гуляли преимущественно по вечерамъ. При наблюдении полиціи, хотя за сказанными лицами ничего особеннаго замѣчено не было, но полиційскій приставъ изъ частнаго разговора съ теткою студента Иванова, мыщанкой Черномашенцевою и съ родственницею Поздникова, дворянкою Варварою Крылатою, узналъ, что Ивановъ изъ дома матери своей переходилъ на житье въ сарай при томъ же домѣ, куда къ нему по ночамъ приходили Поздниковъ и Плетанова и проводили у него цѣлыя ночи, но имѣли ли эти посѣщенія какую-либо преступную цѣль или имѣли характеръ обыкновенныхъ свиданій, опредѣлить невозможно, такъ какъ у Иванова никакой прислуги не было и добыть разъясняющихъ свидѣній было не отъ кого, между тѣмъ Ивановъ и Поздниковъ не рѣдко высказывали весьма рѣзкое неудовольствіе противъ правительственнаго порядка и служащихъ лицъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «правительство въ Россіи очень дурно и нигде не годится, правительственныхъ лицъ слѣдуетъ бить палками».

Въ виду такихъ неблагоприятныхъ дѣйствій студентовъ Поздникова и Иванова, мѣстный инспекторъ полагаетъ, что сказанными лицами собранія приводятъ къ тому убѣжденію, что таковыя собранія не въ мѣстѣ продолженія времени, а съ какой-либо оппозиціонно-уничтожающею цѣлью, такъ какъ Поздниковъ и Ивановъ проживаютъ въ Петербургѣ, гдѣ проживаетъ и Георгій Плетановъ. Въ настоящее время Поздниковъ и Ивановъ находятся въ Петербургѣ, куда они выѣхали изъ Липецка 23 мѣсячнаго сентября, а Варвара Плетанова и теперь живетъ въ Липецкѣ и за ней имѣется наблюдение, хотя въ образѣ жизни ея ничего предосудительнаго не замѣчается».

Заканчивается это поучительное донесеніе такими соображеніями:

«Въ виду ихъ прежнихъ близкихъ отношеній къ разыскиваемому Георгу Плетанову, нельзя не имѣть за ними секретнаго наблюденія, которое за дѣвицею Варварою Плетановою и ученою, но имѣется ли такое же наблюденіе за Ивановымъ и Поздниковымъ въ С.-Петербургѣ, объ этомъ ему, почтовому Поливанову (тамбовскому начальнику жандармовъ) неизвестно» (1879 г., № 548).

Донесеніе очень характерно: оно вскрываетъ методы наблюденій: разговоры съ тетками, разговоры съ кухаркой. — это источники свидѣній. Разъ ихъ нѣтъ, то свидѣнія кончаются. Интересно оно и тѣми соображеніями, которая высказываются по поводу починныхъ разговоровъ. Нѣтъ данныхъ — можно ихъ дополнить соображеніями правительственнаго порядка. Этими и дискредитировать. Пріемъ очень хитрый въ то время. Все же имѣетъ видъ очень хорошо подчеркиваетъ характеръ лѣвыхъ свидѣній о Плетановѣ, даже въ Петербургѣ. И зѣвъ агенты пользовались такими же источниками и приемами отвода и характера свидѣній — исключительно до выслѣживанія дѣйств. ст. совѣтника.

Для Плетанова это донесеніе было Тамбовой интеллигенціи уже не могло быть. Была въ это время свидѣній о его секретѣ. Понятно, они еще не были подтверждены, — Плетановъ былъ въ исторіи «разсказывающихъ», но черезъ некоторое время посылъ тамбовской Ассамблеи въ «общее русское эмиграціонное» проживающихъ въ Парижѣ за декабрь мѣсяць 1880 г., значится:

«Членъ законодательнаго комитета — Г. Плетановъ. 43. Boulevard Saint Michel» (1880 г., № 276. Заграничный свидѣній).

На этомъ заканчивается романъ и свидѣнія III Отдѣленія. Въ 1881 г. III Отдѣленіе узнало въ области исторіи. Все это была переписка изъ вѣдѣній департамента полиціи, наводной съ вѣдѣній россійскаго приставца въ розыскъ Плетанова и

полученно о немъ данныхъ. Что не удалось III Оидебергу, то уже де-партаменту. Въ его дѣлахъ находимъ ми болѣе подробный политическій и полицейскій біографическій матеріалъ. Скучныя данныя розыска до 1881 г. были пополнены. Кое-что исправлено, но весь этотъ матеріалъ, основанный на позднѣйшихъ данныхъ, все же абсолютной точности и безупречной вѣрности не достигаетъ. III Оидебергу со своимъ скучнымъ бытовымъ матеріаломъ дано слишкомъ мало для послѣдующаго. Зѣкъ былъ и завѣдомо ложная свѣдѣнія, какъ свѣдѣнія объ участіи Плеханова въ Чигиринскомъ дѣлѣ, на что указала Голденбергъ, но были и цѣльныя указанія Жаркова, по которымъ можно, хотя немного, установить и фактическую сторону дѣла — это пребываніе Плеханова въ Саратовѣ въ 1877 и 1878 гг., арестъ его тамъ и бѣгство послѣ попытки о невѣзѣ: его поѣздка въ 1879 г. въ Кіевъ. Но и показанія Жаркова были даны слишкомъ поздно, когда Плехановъ былъ уже въ достаточной степени опытенъ; въ то же время у него созрѣла мысль уѣхать за границу, гдѣ бы его меньше тревожила вся та скученная атмосфера, какая была въ 1879—1880 гг. въ Россіи.

Л. Ильинскій.

П. Л. Лавровъ въ 1870—1873 гг.

Вступительная статья къ письму П. Л. Лаврова.

7-го февраля 1920 года исполнилось 20-лѣтъ со дня смерти Петра Лавровича Лаврова, а между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ его біографіи. Вся его личная жизнь, внутренніе мотивы тѣхъ или иныхъ поступковъ намъ совершенно недоступны. Біографія его дѣло далекаго будущаго. До сихъ поръ еще не описанъ и не разобранъ громадный архивъ Лаврова. Личная переписка его съ семьей, близкими ему людьми и дѣлами рядомъ лишь не только не опубликована, но даже не собрана и не приведена въ извѣстность. Но этихъ условіяхъ всякое письмо Лаврова, появляющееся въ печати, почти всегда даетъ много новыхъ штриховъ для его біографіи, пріотвѣщая и давая надъ его личной жизнью. Въ этомъ отношеніи громадное значеніе имѣетъ печатаемое ниже письмо П. Лаврова къ своему сыну.

Письмо это касается наиболѣе важнаго шага въ жизни Лаврова, его эмиграціи изъ вологодской губ. во Францію. Вопросъ о тѣхъ мотивахъ, которыми руководился Лавровъ, совершая этотъ рискованный шагъ, совершенно не освѣщенъ въ русской печати. Одинъ изъ первыхъ біографовъ Лаврова Н. С. Русановъ полагалъ, что онъ бѣжалъ за границу, «желая участвовать въ живой политической борьбѣ»¹⁾. Начавъ собирать въ 1915 г. біографическій матеріалъ о Лавровѣ, я на его основаніи пришелъ къ совершенно инымъ выводамъ, чѣмъ Русановъ. По моему мнѣнію, конечно цѣлью побѣга Лаврова была несомнѣнно научная работа²⁾. Лавровъ—писатель и дѣлалъ, — по видимому, смотрѣлъ на бѣгство, какъ на вынужденный шагъ подъ вліяніемъ правительства, которое ради науки заставляетъ его побѣгать Границу³⁾.

Печатаемое теперь письмо «дастъ намъ возможность окончательно рѣшить этотъ вопросъ». Письмо духъ Лавра говоритъ, — пишетъ изъ дома Лавровъ, — и убѣждаетъ... что въ узкомъ городишкѣ я не имѣю никакой возможности продолжить свои серьезные труды... «Я обязанъ, — пишетъ онъ дальше, — представить себѣ положеніе, въ которомъ продолженіе моихъ учено-дѣлительныхъ трудовъ было бы возможно». Дѣло онъ считаетъ «безразличнымъ» продолжить подчиняться тѣмъ условіямъ, которыя существуютъ у него возможность «дѣйствовать полезно даже въ скромной сферѣ науки». Изъ всего этого положенія Лавровъ не бѣгнетъ сдѣлать некое личное политическое выходы — желаетъ попытаться продолжить свои работы

¹⁾ См. его книгу «Соціалисты Западна и Россіи». Сиб., 1909 г., 2-ое изданіе, стр. 228.

²⁾ См. мою брошюру «Семья Лаврова въ Вологодскую губернію и его значеніе антропологіи». Вологда, 1915 г., стр. 11.

³⁾ Ibidem, стр. 15.

за границей». Касаясь эмиграции, Лавров никому не советуя прибывать къ ней «безъ крайней необходимости и допускать ее лишь тогда, «когда отрѣзаны все пути къ полезной деятельности». Изъ этой фразы Лаврова видно, что онъ на свою эмиграцію смотритъ, какъ на вынужденный шагъ, до которого довело его само правительство.

Лавровъ былъ, несомнѣнно, правъ, смотря такъ на свое бѣгство. Ссылка на него вліяла самымъ губительнымъ образомъ. Помню на меня дѣйствовать вредно,—пишетъ онъ сыну. —Скорѣе въгонитъ дѣть и мотъ сдѣлаться совсемъ неспособнымъ къ продолженію работы. Между тѣмъ, все хлопоты за Лаврова въ Петербургъ его лучшаго друга Е. А. Штакенштейндеръ о переводѣ его изъ волгодонской губ. въ болѣе южныя губерніи окончились полнымъ отказомъ. Ея. имп. выс. поѣздки по этому поводу къ тогдашнему шефу жандармовъ графу Шувалову и управляющему 3-мъ отдѣленіемъ генералу Мезенцеву только лишний разъ подтвердили, какъ непримиримо относились къ Лаврову русское правительство ¹⁾. Все многочисленные прошенія и письма престарѣлой матери Лаврова къ министрамъ и даже самому государю съ просьбой о переводѣ ея сына въ другое мѣсто оставались безъ отвѣта или встрѣчались отказомъ. На одномъ изъ этихъ писемъ Александръ II собственноручно написалъ слѣдующую резолюцію: «если это тотъ Лавровъ, что читалъ въ Архивахъ письма Училищъ, то въ просьбѣ отказать» ²⁾.

Послѣдняя попытка Лаврова добиться перевода изъ ссылки легальнымъ путемъ, черезъ князя Суворова, окончилась также ничѣмъ. Въ своемъ письмѣ къ Суворову Лавровъ проситъ князя о томъ, «чтобы возобновить» его «добродѣтели, и чтобы изъ нихъ извлечь эту возможность» ³⁾. Въ сущности, — онъ проситъ, — они неосуществимы. Хотя и переводъ въ 1000 тамовъ своей библіотеки въ Тотьму, потому въ Вологду, а теперь въ Казань, но, не смотря на все мои старанія, я скоро пойму, что мои работы по исторіи наукъ и по исторіи мысли вообще вѣдь неосуществимы, и я долженъ ограничиваться эфемерными журналистскими статьями ⁴⁾. Въ заключеніе своего письма Лавровъ рисуетъ перстъ Суворову, въ безмысленное положеніе, въ которомъ онъ находится. Жить вѣдь,—говоритъ онъ,— значить отказываться отъ научной и научной работы въ будущемъ, потому что руки берутъ свои, и добровольно тыто къ бѣгству ⁵⁾.

Суворовъ, относившійся вообще добродѣтельно къ Лаврову и обѣщавшій Е. А. Штакенштейндеръ передать съ просьбъ Шуваловымъ, оказался совершенно безсильнымъ предъ всемогущимъ шефомъ жандармовъ. Просить же за Лаврова лично Александра II Суворовъ категорически отказался ⁶⁾. Такимъ образомъ, для Лаврова оказались отрезанными все легальные пути, чтобы выбраться изъ волгодонской губерніи. Оставался только одинъ выходъ—самовольно покинуть ссылку и бѣжать за границу. И Лавровъ рѣшительно всталъ на этотъ послѣдній путь.

Но на этотъ шагъ Лавровъ рѣшился не сразу. Были данныя, которыя указывали, что Лавровъ въ первое два года своей ссылки былъ убитъ, что русское правительство само исповедуетъ о немъ и возвращать его обратно въ Петербургъ. М. П. Сазановъ, находившійся тогда въ Лавровымъ въ

¹⁾ Подробно объ этомъ см. въ воспоминаніяхъ Штакенштейндеръ, «Голосъ Минувшаго», № 12, стр. 131—138.

²⁾ Ibidem, стр. 132.

³⁾ Ibidem, стр. 127.

⁴⁾ Ibidem, стр. 130.

⁵⁾ Ibidem, стр. 137.

Гор. Вологодъ (1868 г.), из своихъ воспоминанійхъ опредѣленно указываетъ, что Лавровъ былъ тогда еще христіанъ, что русское правительство вернеть его въ Петербургъ, такъ какъ онъ собственно ученый и человекъ обыкновенныхъ либеральныхъ взглядовъ, котораго довольно странно карать «сылкой»¹⁾.

О томъ, что Лавровъ питалъ такіа надежды, видно также и изъ его письма къ сыну. «Я ожидаю, — пишетъ онъ ему, — что раздраженіе противъ меня... пройдетъ, ожидаю, что моя двадцатилѣтняя дѣятельность, какъ преподавателя, будетъ взята въ соображеніе, и что я вернусь къ своимъ кабинетнымъ, ученымъ занятіямъ... Русская дѣятельность жестоко разбила эти надежды Лаврова и вынудила его окончательно, при помощи извѣстнаго революціонера Германа Лопатина, покинуть Россію»²⁾.

Впоследствии, находясь уже за границей, Лавровъ никогда не выражалъ сожалѣній по поводу своей эмиграціи, считая, что онъ въ данномъ случаѣ поступилъ вполне правильно. Такъ, напримеръ, въ своемъ письмѣ къ Шгагеншнейдеръ, написанномъ изъ Парижа, спустя 3 мѣсяца послѣ своего бѣгства (17 мая 1870 г.), Лавровъ, касаясь этого факта, пишетъ: «восхищаться тутъ особенно нечѣмъ, но я стою на томъ, что лишь слѣдовало такъ поступить»³⁾. Въ другомъ письмѣ изъ Цюриха, написанномъ черезъ два года послѣ своего бѣгства (1872 г.) Лавровъ указываетъ Е. А. Шгагеншнейдеръ, что у него, въ бытность его въ ссылкѣ, помимо эмиграціи, не было другого выхода. «Между прочимъ, — пишетъ онъ ей, — я встрѣтилъ здѣсь одного бывшаго товарища по Тотьмѣ»⁴⁾. Онъ прождалъ почти 6 лѣтъ, значить, былъ почти вдвое терпѣливѣе меня, а пришелъ окончательно къ тому же результату»⁵⁾.

Могли ли быть у Лаврова, помимо чисто личныхъ мотивовъ, еще и «политическія» соображенія при его бѣгствѣ изъ вологодской губ., такъ полагаютъ Н. Русановъ? Можно-ли вообще связывать начало социально-политической дѣятельности Лаврова съ его бѣгствомъ за границу, какъ это дѣлали до сихъ поръ почти всѣ писавшіе о Лавровѣ? На оба эти вопроса мы должны дать отрицательный отвѣтъ. Не надо забывать, что Лавровъ до своей ссылки занимался только литературно-научной работой, причемъ сотрудничалъ исключительно въ профессионально-либеральныхъ органахъ тогдашней печати, какъ то «Библіотека для чтенія», «Отечественныя Записки» (въ редакціи А. Курякова), «Сиб. Вѣдомости» (ред. Корня) и т. п. Съ болѣе радикальными другими литераторами, группировавшихся тогда вокругъ «Современника», Лавровъ не только не былъ близокъ, но даже имѣлъ съ ними литературную полемику (съ Н. Р. Чернышевскимъ и М. А. Антоновичемъ). Не этотъ счетъ мы имѣемъ прямой принадежности самого Лаврова. «Мои личные литературныя сношенія и работы въ концѣ 50-хъ и 60-хъ годахъ, — пишетъ Лавровъ, — не вызвали большой близости (курсивъ

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 118.

²⁾ Въ автобиографіи Лаврова есть указаніе, что къ его бѣгству имѣлъ отношеніе А. И. Герценъ (См. «Вѣсти Европы», 1910 г., № 10, стр. 110). Объ этомъ говоритъ также и Н. С. Русановъ. (См. его книгу «Соціаллисты Запада и Россіи», Сиб., 1909 г., 2-ое издан., стр. 228 и статью «Лавровъ, человекъ и мыслитель», «Русск. Богатство», 1910 г., № 2, стр. 230). Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ документовъ, чтобы можно было болѣе подробно освѣтить этотъ фактъ.

³⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 107.

⁴⁾ Въ этомъ городѣ вологодской губ. Лавровъ провелъ первый годъ своей ссылки.

⁵⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916, № 9, стр. 133.

мой. П. В—ев) между мною и тою радикальной группой литераторов, которой в это время имела самое решительное влияние на русские умы»¹⁾.

Съ радикальной и настроенной революционно-социалистически молодежью, Лавровъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, также не имѣлъ связей и не находился среди нея какого-либо популярностью. По свидѣтельству М. И. Сажина, Лавровъ «былъ тогда очень мало известенъ въ рядахъ молодежи. Знали только, что это ученый «философъ». Его считали попросту «либераломъ», причемъ, по словамъ того же Сажина, даже арестъ Лаврова прошелъ въ среде тогдашней радикальной молодежи «почти незамѣченнымъ» и рассматривался ею, какъ «преслѣдованіе либераловъ»²⁾. Самъ Лавровъ также подчеркиваетъ свою отдаленность отъ социально-революционной молодежи конца 60-хъ годовъ. «Радикальная молодежь Петербурга, — пишетъ онъ, — была вовсе не близка ко мнѣ въ послѣдніе годы моей Петербургской дѣятельности, и я не имѣлъ случая сблизиться съ нею ни во время моей ссылки (курсивъ мой. П. В—ев), ни при проѣздѣ черезъ Москву и Петербургъ при отъѣздѣ за границу»³⁾. Изъ этого важнаго признанія Лаврова видно, что даже за все время своей ссылки онъ не сблизился съ социально-революционной молодежью того времени и продолжалъ по прежнему стоять въ сторонѣ отъ нея. И Лавровъ былъ вполне правъ и глубоко искрененъ, когда онъ въ одной изъ своихъ заграничныхъ рѣчей заявилъ, что онъ, эмигрируя, «вынесъ съ собою изъ Россіи скорѣе репутацію умѣреннаго и несколько педантичнаго кабинетнаго дѣятеля»⁴⁾.

Откуда же, при всѣхъ этихъ условіяхъ, у Лаврова могли появиться «политическія» соображенія для своего бѣгства за границу? Какимъ образомъ, если учесть все сказанное, Лавровъ рѣшился бы сдѣлать политическую и революционную дѣятельность цѣлью своей жизни и ради этого даже покинуть самовольно Россію? Какъ мы видѣли выше, у Лаврова для этого не было ни малѣйшихъ данныхъ во всей его прошлой жизни. Остается, следовательно, предположить, что тѣ чисто личные мотивы своей эмиграции, какіе онъ изложилъ въ письмѣ къ своему сыну, были единственными. Другихъ у Лаврова не было и быть не могло.

Очень многие склонны начало социально-политической дѣятельности Лаврова связывать съ его «Историческими письмами», которыми онъ началъ писать въ Тотьмѣ и закончилъ въ Калужѣ. Роль этихъ писемъ въ русскомъ революционномъ движеніи была, конечно, громадна⁵⁾. Именно эти письма обмѣнами и связями Лаврова съ социально-революционной молодежью: въ 1872 г. группа читателей и поклонниковъ этихъ писемъ пришла къ Лаврову съ предложеніемъ издавать заграничный журналъ и принять на себя руководство тогдашнимъ социально-политическимъ движеніемъ. Такимъ образомъ, изъ «Историческихъ писемъ», въ известномъ смыслѣ, родился журналъ «Впередъ». Все это факты, которыхъ никто не станеть отрицать. Но какъ это ни странно, для самого Лаврова эти письма не играли совершенно никакой роли. Если онъ ими и началъ свою социально-политическую дѣятельность, то произошло это безъ всякой цѣли и какого бы то ни было желанія со стороны автора и буквально помимо его воли. Самъ

¹⁾ См. все же цѣлѣна въ біографическомъ отношеніи примѣчаніи Лаврова къ его книгѣ «Народники-пропагандисты 1872—78 годовъ». Спб., 1907 г., стр. 54.

²⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 113.

³⁾ См. «Народники-Пропандисты», стр. 56.

⁴⁾ См. его рѣчь «Три эпохи», Матеріалы для исторіи русск. соц.-револ. движенія. Приложеніе «Съ родины на родину» № 3. Женева, Октябръ, 1893 г., стр. 155.

⁵⁾ Подробно о значеніи «Историч. писемъ» см. въ моей статьѣ — Чѣмъ обложена русская общественность Лаврову? («Ежемѣсяч. Журналъ», 1915 г., № 2 и 3).

Лавровъ не придавалъ этимъ письмамъ никакого значенія и ихъ успѣхъ среди молодежи явился для него полной неожиданностью ¹⁾. Весьма любопытно, для подвѣрки этого, хотя бы личныя воспоминанія Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, гдѣ онъ говоритъ объ увлеченіи молодежи «Историческими письмами». «Для самого автора (т. е. Лаврова. П. В—ва), это было полной неожиданностью, — пишетъ Овсяннико-Куликовскій. — Помнится въ 70-хъ годахъ онъ (т. е. Лавровъ. П. В—ва) говорилъ мнѣ, что писалъ эти «письма» «между дѣломъ», больше — для заработка и не возлагать на нихъ особыхъ надеждъ ²⁾».

Изъ этого факта, что «Историческія письма» были написаны Лавровымъ въ періодъ его ссылки въ Вологодской губерніи, отнюдь нельзя дѣлать вывода, что именно съ этого момента онъ и вступилъ на путь социально-политической дѣятельности. За все время своей ссылки и въ первые два года своего пребыванія за границей, Лавровъ даже не зналъ о той громадной роли, которую играютъ среди русской молодежи его «Историческія письма». Даже въ 1872 г. Лавровъ, по его собственному признанію, «вовсе не зналъ объ успѣхѣ своихъ «писемъ» ³⁾. Всѣмъ этимъ и объясняется то обстоятельство, что Лавровъ, какъ онъ самъ пишетъ, «былъ вовсе не подготовленъ къ неожиданности, что изъ Россіи явятся къ нему делегаты съ предложеніемъ составить программу революціоннаго изданія и руководить имъ» ⁴⁾.

Изъ всего сказаннаго вполне ясно, что годы писанія Лавровымъ «Историческихъ писемъ» (1867—1868 г.г.) отнюдь не могли быть годами сознательнаго и планомернаго движенія къ социально-политической дѣятельности. Внутреннія мотивы Лаврова въ эту сторону, какъ мы увидимъ ниже, завершилась знаменитымъ познаніемъ. И въ этомъ отношеніи «Историческія письма», какъ это ни парадоксально, своимъ рикошетнымъ вліяніемъ на молодежь, опередилъ своего собственнаго автора чуть ли не на 3 года... Вотъ почему не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что «Историческія письма» не играли никакой роли въ личной жизни Лаврова во время его пребыванія въ ссылке. Связывать же шумный успѣхъ этихъ «писемъ» съ бѣгствомъ Лаврова за границу отнюдь не приходится. Эти два факта въ биографіи Лаврова всегда останутся совершенно обособленными и оторванными другъ отъ друга.

Съ какого же момента своей жизни П. Л. Лавровъ приобщился къ социализму и окончательно связалъ съ нимъ свою жизнь? Моментъ писанія и появленія «Историческихъ писемъ» долженъ быть нами, на основаніи всего сказаннаго выше, оставленъ въ сторонѣ. Бѣгство Лаврова, вопреки общепринятому мнѣнію, также въ данномъ случаѣ не является никакой помехой. Остается, следовательно, учесть вліяніе на Лаврова заграничной жизни въ періодъ его эмиграціи. Быть можетъ, эмиграція съ первыхъ же дней заставила его отъ науки сразу перейти къ социализму? Быть можетъ, это приобщеніе къ социализму началось со дня знаменитой Царикской Рѣзки (1871 г.), участникомъ которой былъ Лавровъ? Быть можетъ, рѣшительнымъ моментомъ для Лаврова было вселеніе его въ Интернаціональ (община Рѣбенъ), куда онъ былъ введенъ своимъ знакомымъ Варденкомъ осенью 1870 года? Быть можетъ, на Лаврова оказала вліяніе могучая личность Карла Маркса, съ которымъ онъ впервые встрѣтился въ маѣ 1871 г. при своей

¹⁾ Необходимо объ этомъ и уже писалъ въ своей брошюрѣ — «Ссылка Лаврова въ Вологодскую губ. и его занятія антропологіей», стр. 14.

²⁾ См. «Литературныя бесѣды», газета «Наша Жизнь», 1905 г., № 252.

³⁾ См. «Народники-Пропагандисты», стр. 55.

⁴⁾ Ibidem, стр. 55.

побѣдѣ въ Лондонѣ къ Генеральному Совету отъ имени Парижской Коммуны? Въ упоминаемые нами факты имѣли, конечно, громадное значеніе въ жизни Лаврова, но отнюдь не съ ними надо считать окончательное вступленіе Лаврова въ ряды социалистовъ.

По этому поводу мы имѣемъ крайне интересное и характерное признаніе самого Лаврова. Въ своей рѣчи, во время празднованія его 75-лѣтія, Лавровъ въ отношеніи на многочисленные привѣтствія сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: *Я игнорировалъ первые полтора моей жизни* (курсивъ мой, П. В.—вз) и говорилъ себѣ: здѣсь русскіе социалисты пришли поздравить товарища съ тѣмъ, что тому 25 лѣтъ, какъ онъ *живо и опредѣленно* (курсивъ мой, П. В.—вз) вступилъ въ ряды арміи социалистовъ; тому 25 лѣтъ группа русскихъ социалистовъ дѣлабрила ему руководство русскаго социалистическаго журнала. Будемъ считать мои годы не со дня случайнаго рожденія, а съ *минуты моего вступленія въ ту армію* (курсивъ мой, П. В.—вз), которой, какъ мы въ сѣбѣ, предположили завоевать міръ¹⁾. Эти слова были сказаны въ 1899 г., т. е. если Лаврову было угодно считать всею собранію, что въ этотъ годъ исполнилось всего только 25 лѣтъ, то, слѣдовательно, *годъ социалистическаго рожденія* его относится къ 1873 г. Въ это время Лавровъ, какъ развѣстно, выпустилъ первый томъ журнала «Впередъ!».

Изъ всего сказаннаго ясно, съ какого момента надо считать «минуту вступленія» Лаврова въ армію социализма. Оказывается, что только въ 1873 г. онъ «живо и опредѣленно» связалъ себя съ ней. Отсюда слѣдуетъ, что годы, предшествующіе журналу «Впередъ!», самъ Лавровъ въ отношеніи социализма считалъ «не живыми» и «неопредѣленными». Мало того, *какъ социалистъ*, онъ, попросту, *игнорировалъ первые полтора своей жизни*. Отсюда мы видимъ, что самъ Лавровъ оставляетъ за скобкой социализма и моментъ появленія «Историческихъ писемъ», и свое бѣгство изъ ссылки, и первые два года эмиграціи, и участіе въ Парижской Коммунѣ, и вступленіе въ Интернаціональ и даже знакомство съ Карломъ Марксомъ...

Мы никакъ не можемъ сомнѣваться въ истинности заявленія Лаврова. Тотъ же біографическій матеріалъ, какой пока имѣется въ нашемъ распоряженіи, только подтверждаетъ признаніе Лаврова.

Въ самомъ дѣлѣ, обратимся прежде всего къ первымъ двумъ годамъ жизни Лаврова въ эмиграціи. Чѣмъ онъ занимался? Что превалируетъ въ его жизни? Несомненно — материальная работа и забота до конца, прерываемые мечтой и сентимъ, научные труды. Очень хорошее подтвержденіе этого мы находимъ въ письмахъ Лаврова къ Шенкениндеръ. Такъ, въ письмѣ отъ 17-го и 1870 года, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда въ Парижъ, Лавровъ пишетъ: здѣсь веду жизнь очень суровую, сталъ членомъ антропологическаго общества, штархъ въ библіотекахъ, которая ниже, чѣмъ я описалъ. Если ли не придется мнѣ дѣлать иныхъ работъ вѣхать въ Германію²⁾. И такъ, Лавровъ, ради научныхъ работъ, даже готовъ покинуть Парижъ. Вся же перипетія его съ Шенкениндеръ заключается въ томъ, главнымъ образомъ, безконечныя просьбы прислать книги, устроить въ журналахъ его статьи, навести тѣ или нѣмъ литературныя ссылки и т. п. Въ письмѣ въ своемъ сѣну, написанному на 5-мъ мѣсяцѣ эмиграціи, Лавровъ заявляетъ явнымъ опредѣленно: *въ постоянную минуту продолженіе моихъ научныхъ трудовъ составляетъ главную и едва ли не единственную* (курсивъ мой, П. В.—вз) *цѣль моихъ занятій*.

¹⁾ См. брошюру Лаврова, «Изъ рукописей девяностыхъ годовъ», Женева Іюль 1899 г., стр. 41.

²⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 107—108.

Мы уже знаем, что Лавровъ покинулъ самовольно вологодскую губернію только ради науки. И действительно, сейчасъ же по своему приѣздѣ въ Парижъ, Лавровъ цѣлкомъ уходитъ въ научныя работы. 21-го апрѣля 1870 г. онъ становится действительнымъ членомъ Парижскаго Антропологическаго Общества ¹⁾. Здѣсь онъ дѣлательно работаетъ, выступая съ самостоятельными рефератами и принимая участіе въ преніяхъ на общихъ собраніяхъ Общества ²⁾. Благодаря своему участію въ названномъ обществѣ, Лавровъ довольно близко сошелся съ извѣстнымъ антропологомъ Брока и былъ приглашенъ послѣднимъ въ составъ редакціи журнала «Revue d'anthropologie» для обзоровъ русскихъ и нѣмецкихъ журналовъ и отчетовъ ³⁾.

Всего сказаннаго было бы чѣмъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ далеко былъ Лавровъ отъ социализма въ первые годы своей эмиграціи.

Занимаясь за границей чистой наукой Лавровъ еще продолжалъ искренно вѣрить, что онъ сможетъ вернуться въ Россію. Объ этомъ намъ вполнѣ опредѣленно свидѣтельствуютъ воспоминанія М. П. Сажина. Тотъ, въ 1870 г. Лавровъ, отказываясь отъ участія съ Вилкинсомъ въ предпологаемомъ тогда заграничномъ журналѣ, заявилъ Сагину, что онъ не сжегъ окончательно всѣхъ своихъ кораблей и что у него «есть еще надежда вернуться въ Россію». Мало того, онъ тогда былъ даже убежденъ, что русское правительство само «вернетъ его на родину» ⁴⁾. Объ этой надеждѣ Лаврова говорить и Г. А. Лопатинъ. «По началу Лавровъ въ Парижѣ,—пишетъ онъ,—продолжалъ надѣяться на скорое наступленіе въ Россію лучшихъ временъ и на возможность возвращенія на родину» ⁵⁾. Въ письмѣ къ сыну мы также видимъ эту готовность Лаврова вернуться въ Россію. И бы готовъ былъ,—пишетъ онъ ему,—вернуться въ Россію, если бы мнѣ дозволили спокойно «жить въ Петербургѣ и заниматься тамъ наукою».

Идея научной работы за границей и связанная съ ней надежда Лаврова на возвращеніе въ Россію, не покидали его, по крайней мѣрѣ, 2 года съ момента его эмиграціи. Только въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года Лавровъ принужденъ былъ прийти, наконецъ, къ выводу, что на возвращеніе въ Россію для него нѣтъ надежды ⁶⁾. Подобный выводъ, вѣроятно, не былъ неожиданнымъ.

¹⁾ См. списокъ членовъ Общества въ «Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris», Tome VI, 2-e série, Paris 1871, XXIII.

²⁾ Намъ извѣстны 4 реферата Лаврова: 1) «Sur les travaux anthropologiques de la société des naturalistes de Moscou» въ мѣсяцѣ 12 октября 1871 г. (см. «Bulletins», Tome VI, 2-e série, 1871 г., 176—178); 2) «L'idée du progrès dans l'anthropologie» въ засѣданіи 1 февраля 1872 г. (см. «Bulletins», Tome VII, 2-e série, 1872, 172—201); 3) «Sur l'idée du progrès dans l'anthropologie» Réponse à M. Pelletier въ засѣданіи 18 апреля 1872 г. (Ibidem, стр. 525—560); 4) «Sur l'adération des laes et des cours d'eau, et sur les légendes de villes submergées» въ мѣсяцѣ 16 мая 1872 г. (Ibidem, стр. 594—601). Въ томъ же VII томѣ «Бюллетеней» имѣются указанія на участіе Лаврова въ общихъ преніяхъ (См. стр. 485—487, 515—516 и 533) и на принятіе рефератовъ Лаврова г. Пелларюномъ (стр. 444—485 и 575—577).

³⁾ См. по этому поводу письмо Лаврова къ Иттеншпінгеру («Голосъ Минскъ», 1916 г., № 7—8, стр. 138 и 139). При обследованіи нами названнаго журнала мы нашли всего 3 небольшія замѣтки (см. «Revue d'anthropologie», Tome I, Paris, 1872, 137—142, 490—491, 531—536). Дальнѣйшее участіе Лаврова въ этомъ журналѣ ограничилось своего рода переводомъ въ Цюрихъ и подготовкой редакціи «Впередъ!» (конецъ 1872 г.).

⁴⁾ См. «Голосъ Минувш.» 1915 г., № 10, стр. 124.

⁵⁾ См. Лопатинъ «Къ разсказамъ о Лавровѣ»; «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 4, стр. 198.

⁶⁾ См. «Народники-пропагандисты», 1907 г., стр. 56. Также же извѣщеніе Лаврова мы встрѣчаемъ также въ одномъ изъ его писемъ къ Иттеншпінгеру, датированномъ 23-11-го 1872 г. (См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 9, стр. 129).

осле не убивать, то въ значительной степени подрывалъ идею заграничнаго пребыванія вдали отъ родины, только ради чисто научныхъ работъ.

Къ послѣднему выводу Лавровъ пришелъ, какъ видимъ, не сразу, а путемъ цѣлаго ряда тяжелыхъ переживаній и испытаній. Материальная нужда, въ которой находился Лавровъ въ эмиграціи, на что имѣется не мало указаній въ его перепискѣ съ Штакеншнейдеръ¹⁾, тоска по Россіи, оторванность отъ семьи и дѣтей, общія условія жизни эмигранта, политика русскаго правительства, окончательно ставшаго на пути репрессій и безпримиренной реакціи,—все это постепенно убивало и идею научной работы за границей, и главную вѣру Лаврова въ возвращеніе въ Россію, властно заставляя его эволюционировать отъ чистой науки въ сторону социализма и активной борьбы съ русскимъ царизмомъ²⁾.

Какую же роль въ этой эволюціи Лаврова играла Парижская Коммуна 1871 г.? Мы имѣемъ всѣ данныя, чтобы предполагать, что это событіе изъ заграничной жизни Лаврова болѣе, чѣмъ какое-либо другое, содѣйствовало его приобщенію къ социализму.

Какъ извѣстно, Лавровъ принялъ участіе въ коммунистической и поддерживалъ связи съ цѣлымъ рядомъ видныхъ коммунаровъ. Правда, его фактическое участіе въ коммунистической было не велико. Какъ ученый и теоретикъ, Лавровъ не былъ приспособленъ къ революціонной борьбѣ, которую вела Парижская Коммуна. Все-таки онъ предложилъ коммунарамъ черезъ извѣстнаго Виллена свои услуги «по организаціи школъ и вообще учебной части»³⁾. Но въ той судорожной и отчаянной борьбѣ, которую вела тогда коммуна, было, конечно, не до школъ. И Лавровъ очень скоро почувствовалъ свою безпомощность оказать активную помощь коммунарамъ. Тогда онъ рѣшилъ ѣхать въ Бельгію и Лондонъ, чтобы тамъ искать поддержки коммунистической у Генеральнаго Совѣта Интернаціонала. Въ своемъ письмѣ изъ Лондона (5 мая 1871 г.) Лавровъ говоритъ Штакеншнейдеръ о тѣхъ мотивахъ, которые заставили его такъ поступить. «Я надѣялся,—пишетъ онъ,—быть болѣе полезнымъ моимъ тамошнимъ пріятелямъ, находясь здѣсь (т. е. въ Лондонѣ. П. В.—ед.) съ перомъ въ рукѣ, чѣмъ тамъ, гдѣ приходилось вѣять въ руки лишь штурвалъ, что не совсѣмъ въ моемъ характерѣ»⁴⁾. Буквально тоже самое Лавровъ заявилъ и М. П. Сакину передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа. «Помоги оказать коммунарамъ я вообще не могу,—говорилъ онъ,—такъ изнѣ и человѣкъ науки. Гораздо больше я могу сдѣлать перомъ для нихъ въ Лондонѣ»⁵⁾. Покидая Парижъ, Лавровъ, тѣмъ не менѣе, искренно сожалѣлъ, что лишится этой возможности участвовать непосредственно въ коммунистической. «Я очень сожалѣю,—пишетъ онъ Штакеншнейдеръ,—что смѣшную кратковременную сношенія съ вѣнскими людьми настоящаго

¹⁾ Всѣ письма Лаврова буквально заполнены просьбами ускорить высылку денегъ, подыскать ему литературную работу и т. п. (см. «Голосъ Минувшаго» 1916 г. № 7—8, стр. 108, 113, 115, 116, 118, 120, 121—123, 127, 128 и 137; № 9, стр. 115, 122, 124, 129 и 131) «Мое положеніе чрезвычайно шатко, дѣла денежныя болѣе разстроены, чѣмъ я могу думать,—пишетъ Лавровъ.—Тяжело мнѣ чувствовать, что я теперь вкушаю самую горькую сторону жизни эмигранта, жизнь подачками, когда я могу и хочу работать».

²⁾ Отдѣльные моменты этой эволюціи читатели найдутъ въ воспоминаніяхъ М. П. Сакина, проникнутыхъ, впрочемъ, значительной долей пристрастія къ Лаврову (см. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10). Паслѣдний коррективъ къ нимъ данъ Г. А. Мопатинскимъ (см. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 1), который, однако, не отрицаетъ самой эволюціи (Ibidem, стр. 196—197 и 198).

³⁾ См. П. С. Русановъ «Соціалисты Запада и Россіи», стр. 232—233.

⁴⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

⁵⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 125.

движений не позволяють мнѣ участвовать достаточно энергически и достаточно полезно въ этомъ движеніи»¹⁾.

Въ воспоминаніяхъ Сажина пѣется крайне характерная фраза Лаврова, сказанная имъ наканунѣ своего отъѣзда въ Лондонъ. «Я твердо рѣшилъ,—заявить онъ,—выѣхать въ Лондонъ, ибо все здѣсь происходящее не является моимъ дѣломъ въ тѣсномъ смыслѣ слова (курсивъ мой. П. В.—сз)²⁾. Говоря такъ, Лавровъ былъ вполне искрененъ и последователенъ. Не надо забывать, что событія Парижской Коммуны застали Лаврова врасплохъ за чисто научными и литературными работами, которыя въ то время и составляли главную цѣль его пребыванія за границей. Соціалистомъ Лавровъ въ то время еще не былъ, а только начиналъ ему сочувствовать и эволюционировать въ его сторону. Вотъ почему коммуна не могла быть его дѣломъ «въ тѣсномъ смыслѣ слова». Участіе въ ней Лаврова носило скорѣе *эпизодическій* характеръ, но не было *органическимъ*, тѣсно связаннымъ со всею его личной жизнью, со всеми его тогдашними стремленіями и убѣжденіями... Съ другой стороны, сказанная Лавровымъ фраза могла относиться и къ его положенію среди коммунаровъ. Ему, какъ мы уже говорили выше, оставалось, по его собственнымъ словамъ, «взять лишь изъ руки штурмеръ». А это совершенно не соответствовало всему духовному складу Лаврова и ни въ коемъ случаѣ не могло явиться «его дѣломъ»...

У насъ имѣются чуть ли не документальныя данныя о томъ вліяніи, какое оказала на Лаврова Парижская Коммуна. Это—его письма къ Штакеншнейдеру, писанныя въ самый разгаръ событій. И изъ нихъ мы видимъ, что когда передъ Лавровымъ развернулись грандіозныя событія Парижской Коммуны, онъ проявилъ не только сочувствіе къ нимъ и живой интересъ, но выказалъ глубокое пониманіе ихъ и сумѣлъ дать имъ замѣчательную *историческую оцѣнку*. «Въ настоящую минуту мнѣ тяжело было бы убѣждать нѣтъ Парижа,—пишетъ Лавровъ (въ мартѣ 1871 г.) наканунѣ своего отъѣзда въ Лондонъ,—уже и потому, что здѣсь началось движеніе, которое имѣетъ громаднѣйшій интересъ (курсивъ мой. П. В.—сз). Въ первый разъ на политической сценѣ не честолюбцы, не болтуны, а люди труда, люди настоящаго народа... Я очень сочувствую этой партіи (курсивъ мой. П. В.—сз) и единственными административными связямъ мои, весьма незначительныя впрочемъ, въ этомъ кругу»³⁾. Особый же интересъ имѣетъ общая оцѣнка коммуны, данная Лавровымъ. Она замѣчательна тѣмъ, что писана имъ въ самый разгаръ борьбы коммуны за свою независимость. «Борьба Парижа,—пишетъ Лавровъ 5-го мая,—въ настоящую минуту—борьба историческая, и онъ дѣйствительно находится теперь въ первомъ ряду человечества. Если бы ему удалось отстоять себя, это бы подвинуло исторію значительно впередъ, но если онъ и падетъ, если реакція восторжествуетъ, идеи, засвидѣтельствованныя несколькими независимыми людьми, вышедшими изъ народа, настоящаго народа, и ставшими во главѣ управления, эти идеи не умрутъ»⁴⁾... А черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ коммуны у Лаврова срывалась замѣчательная фраза, которая можетъ служить самымъ лучшимъ эпиграфомъ на памятникъ Борьбамъ Парижской Коммуны. «Дайтъ же,—пишетъ онъ Штакеншнейдеру,—кто истинно желаетъ прогресса человечеству, кто знаетъ, что лишь на пути социальнаго переворота этотъ прогрессъ въ действительности возможенъ, кто

1) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

2) См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 126.

3) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 123, 124. Тотъ же интересъ къ коммуны и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказалъ Лавровъ въ бесѣдѣ съ Сажинимъ (См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 125).

4) См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 125.

привыкь вематриваться глубже въ ходъ исторіи и не пугается нѣкотораго количества крови и гноя, которые текутъ подь ея ланцетомъ изъ рапъ чело-вѣчества, для того Парижская Коммуна—одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій исторіи». И свое письмо Лавровъ заключаетъ слѣдующими проро-ческими словами: «Парижская Коммуна 1871 г. будетъ важною эпохою человѣческаго движенія, и эта дата не забудется»¹⁾...

Не подлежитъ сомнѣнію, что Коммуна оставила на Лавровѣ глубокий слѣдъ. «18 марта 1871 г.» явилось для Лаврова тѣмъ днемъ, съ котораго начала зарождаться его связь съ социализмомъ. И то обстоятельство, что Лавровъ шелъ къ социализму *черезъ коммуны* наложило особый отпечатокъ на все его послѣдующее социалистическое credo, развивавшееся впоследствіи на страницахъ журнала и газеты «Впередъ!». Тотъ глубоко социальный характеръ Парижской Коммуны, та атмосфера аполитичности, которой было окружено это движеніе, окрасили собой особымъ оттиномъ все социалисти-ческое міровоззрѣніе Лаврова и, несомнѣнно, отразились на программахъ «Впередъ!». Пересмотрите всѣ письма Лаврова послѣ коммуны и вы прежде всего поразитесь тѣмъ отвращеніемъ и ненавистью къ «политикѣ», какія стали проявлять Лавровъ послѣ 18 марта 1871 г. «Все въ политикѣ такъ от-вратительно, что лучше не говорить!»—восклицаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ Штаденшпендеръ²⁾. Обратите вниманіе на тѣ несчастные эпитеты, которыми награждаетъ Лавровъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей: «фра-зеръ Ротъ», «пустой говорунъ Лун-Ванъ», «итрититъ Гамбетта», а все они въ цѣломъ «фразеры социализма»³⁾. Мало того, во время выборовъ въ коммуну, Лавровъ приходитъ даже къ отрицанію вообще парламентскихъ выборныхъ органовъ. «Мнѣ кажется, пишетъ онъ, что все эти законные органы, все эти депутаты Париза и мэры его, могутъ только портить, по-тому что все это рутинеры, говорухи, трусы, все это извѣдено гилью»⁴⁾.

И такъ, фактъ на лицо: событія коммуны внушили Лаврову отвращеніе ко всей парламентской и вообще политической дѣятельности и заставили его признать первостепенное значеніе социальными вопросами. «Революція 1871 г., пишетъ онъ, не была социальной революціей, но она была при-ближеніемъ къ ней. Это ее несомнѣнная заслуга, и поэтому я считаю ее важ-ною эпохою въ исторіи»⁵⁾. Именно въ томъ фактѣ, что Лавровъ пришелъ къ социализму *черезъ коммуны* и идею борьбы, возмущенъ той аполитичности и той глубоко социальной окраской, которыми была такъ пронизана про-грамма журнала «Впередъ!»...

Вослѣдствіи въ своей книгѣ о Парижской Коммунѣ («18 марта 1871 г.»), написанной въ 1879 г., Лавровъ особенно подчеркивалъ ея вліяніе на русское социалистическое движеніе и даже попытку установить связь между событиями коммуны и возрожденіемъ русскаго социализма. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ этой попыткѣ и въ этомъ подчеркиваніи сказались личныя переживанія Лаврова. «Для меня лично (курсивъ мой. П. В. —сб), —пишетъ онъ затѣмъ, —составъ великихъ фактовъ и впечатлѣній сливаются въ несомнѣнное убѣжденіе, что эта связь существуетъ и что русское социалистическое движе-ніе 1873 и слѣдующихъ годовъ было коевенно вызвано впечатлѣніемъ

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 134, 135 и 136. Письмо дати-ровано 10-22 октября 1871 г.

²⁾ Такихъ мѣстъ въ письмахъ очень много. См., напримеръ, «Голосъ Минув-шаго» 1916 г., № 7—8, стр. 132, 138; № 9, стр. 115 и 121.

³⁾ См. «Голосъ Минувшаго» 1916 г., № 7—8, стр. 135; № 9, стр. 128.

⁴⁾ См. «Голосъ Минувшаго», 1916 г., № 7—8, стр. 122.

⁵⁾ См. «Гол., Минувшаго», 1916 г., № 9, стр. 127.

произведенным и на русскія умы событіями Парижской Коммуны¹⁾ Только тогда, когда мы учесть полностью все влияние коммуны на Лаврова мы поймем, почему он еще умел едино-дз беральных взглядов конца 60-х годов и мирной научной работы издательской паруть сразу переменить на не примиримой социалистической проповеди на страницах журнала «Впередь!»

Несмотря на это и громадное влияние на Лаврова Парижской Коммуны, отнюдь нельзя это время считать окончательным приобщением его к социализму. Коммуна явилась для него лишь одним из этапов (хотя бы из самых значительных) на пути к социализму. В самом деле, развѣ Лавров послѣ коммуны бросил научную работу и занялся социалистической дѣятельностью? Отнюдь нѣтъ. Из писемъ Лаврова въ Штатенштейн деръ мы знаемъ, что по своему возвращеніи въ Парижъ (іюль 1871 г.) онъ по прежнему цѣлкомъ ушелъ въ свои чисто научныя и кабинетныя работы, прерванныя бурными событіями Парижской Коммуны. «Работаю много и разнообразно, — пишетъ онъ ей, — и надѣюсь работать и еще сильнѣе, и еще разнообразнѣе. Что же больше и дѣлать?»²⁾ Такимъ образомъ, мы видимъ, что и послѣ коммуны идея научной работы не покидала еще Лаврова и онъ остается вѣрныи своимъ прежнимъ намѣреніямъ.

Событія Парижской Коммуны имѣли еще другое важное значеніе въ жизни Лаврова. Благодаря имъ, онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ и Фридрихомъ Энгельсомъ во время своей поездки въ Бельгію, а затѣмъ въ Лондонъ съ цѣлью дать поддержку для Коммуны въ федеральномъ бельгійскомъ совѣтѣ и Генеральномъ Совѣтѣ I Интернаціонала. Эта же поездка дала Лаврову возможность близко узнать Интернаціоналъ и его тогдашнихъ руководителей³⁾.

Какъ извѣстно, мировоззрѣніе Маркса оставило на Лавровѣ громадный, неизгладимый слѣдъ. Въ своей автобіографіи Лавровъ прямо заявляетъ, что признаетъ «себя ученикомъ Маркса съ тѣхъ поръ, какъ ознакомился съ его теоріей»⁴⁾. И это влияние Маркса можно прослѣдить во многихъ работахъ Лаврова, не исключая и самыхъ послѣднихъ⁵⁾. Но не надо забывать, что первая встрѣча Лаврова съ Марксомъ и Энгельсомъ въ Лондонѣ была слишкомъ кратковременна, что онъ еще могъ именно съ этого момента стать вѣрнымъ адептомъ социализма. Лавровъ самъ сознается, что сблизился съ нимъ «въ послѣдующіе годы»⁶⁾. Это сближеніе началось уже съ марта 1874 г., когда Лавровъ перенесъ тѣнѣ графіи и редакцію журнала «Впередь!» въ Лондонъ. Все-таки, не можно не отметить замѣчанію, что встрѣча Лаврова съ Марксомъ и связанное съ этимъ сближеніе съ его ученими не могли не отразиться на той эволюціи къ социализму, которую въ то время переживалъ Лавровъ. Эта эволюція черезъ Маркса — сложилась самымъ сильнымъ образомъ на программѣ журнала «Впередь!». Уже въ I томѣ можно найти не мало слѣ-

¹⁾ См. «Парижская Коммуна». Изд. Т-ства «Колосъ», 1919 г., стр. 208.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 120.

³⁾ Есть основанія предполагать, что Лавровъ въ это время познакомился также съ марксистскими политическими, социальными Цезаремъ де-Паномъ, игравшимъ громадную роль въ жизни I Интернаціонала, съ которымъ въ періодъ редактированія журнала «Впередь!» познакомился въ первый разъ (см. «Впередь!», т. III, 1874 г., Отд. III, стр. 80).

⁴⁾ См. «Вѣсти. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 90.

⁵⁾ См. напримеръ, его книгу «Взвѣсы и вѣснныя исторіи», вышедшую въ 1898 г., т. е. за два года до смерти Лаврова (2-ое изд. 1903 г., стр. 48), а также «Историческія письма», СПб., 1906 г., стр. 329 и 345 и «Переживанія доисторическаго періода», Женева, 1898 г., стр. 39. Отношеніе Лаврова къ Марксу дало поводъ П. Кропоткину написать эти Лаврова въ «социаль-демократическомъ» и П. С. Русанову обвинить его даже въ «эклетицизмѣ».

⁶⁾ См. «Вѣсти. Евр.», 1910 г., № 10, стр. 102.

довъ вліянія «марксизма» съ его выдвиганіемъ на первый планъ экономическихъ отношеній.

Наряду съ Парижской Коммуной былъ еще одинъ могучій факторъ на пути Лаврова къ социализму. Мы разумѣемъ Интернаціональ. Эмиграція Лаврова совпала съ расцвѣтомъ въ дѣятельности Интернаціонала съ его наивысшей кульминаціей. И то обстоятельство, что социализмъ Лаврова стался въ періодъ наиболее активной дѣятельности I Интернаціонала, внесло свою особую страницу во все его міровоззрѣніе. Мы знаемъ, что Лавровъ вступилъ въ Интернаціональ еще осенью 1870 г. Это былъ первый годъ его эмиграціи, когда Лавровъ былъ всецѣло поглощенъ идеей научной работы. И, конечно, не съ этой даты надо начинать считать фактическое вступленіе его въ ряды социалистовъ. Вступленіе Лаврова тогда въ Интернаціональ говорило только о его чисто теоретическомъ сочувствіи этому движенію. Но уже этотъ шагъ былъ весьма характернымъ для Лаврова.

Близко къ Интернаціоналу Лавровъ подошелъ, какъ мы видѣли, въ связи съ Парижской Коммуной. И уже то обстоятельство, что Лавровъ надѣялся найти въ немъ *дѣйствительную помощь* для коммунистовъ, довольно опредѣленно говоритъ о томъ, какъ Лавровъ смотрѣлъ тогда на Интернаціональ и какъ оценивалъ его силу и удѣльный вѣсъ. Повидимому, грандіозная мощь этого движенія особенно сильно отразилась на Лавровѣ въ періодъ его эволюціи отъ науки къ социализму. Впослѣдствіи Лавровъ самъ въ автобіографіи подвелъ итоги тому вліянію, какое оказало на него Интернаціональ. «Появленіе Интернаціонала,—пишетъ онъ,—и знакомство съ нимъ убѣдило его (т. е. Лаврова. *П. В—съ*), во-первыхъ, въ существованіи реальной почвы для социальнаго переворота, во-вторыхъ—въ существованіи непримиримой борьбы классовыхъ интересовъ»¹⁾.

Наглядное доказательство вліянія Интернаціонала на Лаврова можно найти въ «Впередѣ!». Вопросамъ Интернаціонала здѣсь было отведено особенно много мѣста. И Лавровъ былъ вполне правъ, когда впоследствии писалъ, что «интернаціональный элементъ социализма *ни на минуту* (курсивъ мой. *П. В—съ*) не упускался изъ виду въ этомъ органѣ» и что его, какъ редактора, можно упрекать «въ слишкомъ большой долѣ, отведенной этому элементу во «Впередѣ!»²⁾.

Мы подробно остановились на всѣхъ этапахъ, черезъ которые шелъ Лавровъ на своемъ пути къ социализму. Намъ теперь остается рассмотреть самый интересный моментъ въ жизни Лаврова—какимъ образомъ совершился *окончательный переходъ* его въ ряды социалистовъ? Какіе факты изъ его біографіи имѣли *рѣшающее значеніе* въ эту послѣднюю минуту? Являлись ли они результатомъ, чисто *внутренней* эволюціи Лаврова или они пришли *со стороны*, совершенно неожиданно для него самого?

На основаніи имѣющагося у насъ матеріала, мы можемъ вполне опредѣленно заключить, что *рѣшающую роль* здѣсь сыграли *два новыхъ факта* въ жизни Лаврова, которые совершенно неожиданно ворвались въ его жизнь и властно заставили его завершить свою эволюцію въ сторону социализма. Это—прежде всего неожиданное предложеніе изъ Россіи издавать за границей журналъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года и затѣмъ смерть А. П. Чаплицкой.

¹⁾ См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 99.

²⁾ См. «Народники-прогнандисты», Спб., 1907 г., стр. 99. Самъ Лавровъ, какъ это теперь удалось установить, посвящалъ Интернаціоналу каждую 1-ю главу отдѣла «Житіе рабочаго движенія» въ первыхъ трехъ книжкахъ журнала «Впередѣ!». Всѣ эти главы, сведенныя въ одно, издали Т-вомъ «Колосъ» подъ заглавіемъ «Очерки по исторіи Интернаціонала», Петроградъ, 1919 г.

Мы уже знаем, что все прошлое Лаврова по въ какомъ случаѣ не могло пригласить его къ этому крайне неожиданному и внезапному для него предложению. Въ этомъ исполнѣ откровенно сознается самъ Лавровъ. «Уезжая за границу и до самого марта 1872 г., я оставался въ полномъ убѣжденіи, — пишетъ онъ, — что мое участіе въ революціонномъ движеніи въ Россіи неизбежно и навсегда ограничится лишь кое-какимъ литературнымъ сотрудничествомъ въ неполной литературѣ, но что руководство какой-либо отраслью этой литературы никогда не можетъ перейти въ мои руки» (курсивъ мой. П. В—ва)¹). Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что не было и не могло быть знака равенства между этимъ фактомъ и всѣмъ тогдашнимъ психологическимъ настроеніемъ Лаврова, погруженного въ научную работу. На этотъ счетъ мы имѣемъ весьма цѣнные въ біографическомъ отношеніи признанія самого Лаврова въ его письмахъ къ Штакеншнейдеръ. «Не бросаешь ли бой, — пишетъ онъ ей по поводу изданія журнала «Впередъ!», — я не считаю себя куреньмъ; я думалъ, что на меня смотрятъ, какъ на нечто почтенное, но въ практическомъ дѣлѣ непригодное. Когда же меня вызвали, когда ко мнѣ пришли изъ той страны, которой единственно я могу служить съ пользою, когда мнѣ сказали: мы надѣемся на Васъ и на Васъ' однихъ, то я не имѣлъ права отказаться, хотя и весьма скептически относился ко всему дѣлу, хотя тогда (въ мартѣ 1872 г. П. В—ва) я имѣлъ и личную жизнь²), крѣпко связанную со мною, хотя я зналъ, что много непріятностей, разстройствъ въ этой жизни и разстройство матеріальныхъ принесетъ рѣшимости мой. Я чувствовалъ, что я долженъ идти и пошелъ, не колеблясь³). И такъ, не самъ Лавровъ первый пошелъ въ эту сторону, а его толкнули сюда извнѣ.

Надо отмѣтить, что, принимая предложеніе руководить журналомъ, Лавровъ самъ отнюдь не смотрѣлъ тогда (мартъ 1872 г.) на этотъ шагъ, какъ на начало революціонно-соціалистической дѣятельности. Онъ предполагалъ, что это предложеніе исходитъ отъ «представителей радикальной литературы», которыхъ русская реакція принудила имѣть свой нелегальный органъ печати для «литературной и политической борьбы». Но такъ какъ никто изъ нихъ не желаетъ ради этого «бросить Россію и отрѣзать себя пути возвращенія къ ней», то они и предлагаютъ ему стать во главѣ этого литературного органа. «Они обращаются ко мнѣ, потому что я уже (курсивъ самого Лаврова. П. В—ва) отрѣзалъ себѣ путь возвращенія на родину, — предполагалъ тогда Лавровъ, — и видятъ во мнѣ лишь литератора, въ сущности, не расходившагося съ ними въ оппозиціи существующимъ порядкамъ, и, можетъ быть, способнаго литературно вести новый органъ»⁴). Давая явившимся къ нему представителямъ свое согласіе стать во главѣ этого журнала и набросавши въ мартѣ 1872 г. проектъ программы новаго органа, Лавровъ, по его собственнымъ словамъ, принималъ въ соображеніе исключительно «ту рѣшительную связь литературно-политической оппозиціи, которая, по его предположеніямъ, образовалась въ Россіи за послѣдніе два года»⁵). Въ грядущее исполнѣ дело, какъ Лавровъ самъ смотрѣлъ на свой шагъ и на этотъ рода дѣятельность онъ связывалъ съ нимъ. Рѣшимость Лаврова стать за главѣ «литературно-политической оппозиціи» исполнѣ понятна и объяснима. Въ это время, какъ мы уже видѣли, Лавровъ пришелъ къ убѣжденію, что ему нечего ждать, что русское правительство «вернется»

¹ См. «Народники-пропагандисты», Спб., 1907 г., стр. 55.

² Лавровъ имѣлъ въ виду Чаплицкую, которая въ то время еще была жива.

³ См. Гол. Милл., 1916 г., № 9, стр. 135. Курсивъ въ этой цитатѣ мой.

⁴ См. «Народники-пропагандисты», стр. 56.

⁵ Ibidem, стр. 57.

его само въ Россію. Онъ долженъ былъ признать, наконецъ, что ему «уже отръзанъ» путь возвращенія на родину. При наличіи этихъ условій у Лаврова не было основанія отказываться отъ участія въ легальномъ, заграничномъ органѣ. Веди переговоры съ представителями этого журнала, Лавровъ допускалъ, между прочимъ, и свой отказъ отъ участія въ немъ, если его предположенія окажутся невѣрными или «ошибочными». «Я говорилъ себѣ,—вспоминалъ впоследствии Лавровъ,—что... если мои предположенія о литературно-политической организаціи и о «растущей силѣ» въ Россіи окажутся ошибочны, то дѣло ограничится проектомъ программы, и ничто не обязываетъ меня вести его далѣе»¹⁾.

Осенью 1872 г. выяснилось, что всѣ расчеты Лаврова оказались не только «ошибочными», но, по собственнымъ его словамъ, «совершенно фантастическими». Выяснилось, что «растущая сила» имѣется не среди «литературныхъ радикаловъ», какъ думалъ раньше Лавровъ, а среди революціонной молодежи, отъ которой и исходило предложеніе организовать заграничный органъ. «Предо мною,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Лавровъ,—становился вопросъ: не слѣдуетъ ли, не обязательно ли мнѣ содѣйствовать, насколько хватитъ способностей, этой новой «растущей силѣ», развивая ее въ томъ направленіи, которое мнѣ казалось наиболее правильнымъ?... Вотъ тотъ роковой вопросъ, который всталъ предъ Лавровымъ и отъ рѣшенія котораго зависѣла вся его дальнейшая жизнь, все его стремленія и желанія. Мы не знаемъ, какой бы отвѣтъ дать на него Лавровъ въ другое время. Въ тотъ же *неожидательный моментъ своей личной жизни*, какой переживалъ онъ тогда, ему ничего не оставалось, какъ отвѣтить на него положительнo. Рѣшающую роль въ этомъ, несомнѣнно, сыграла смерть А. П. Чаплинкой. Лавровъ самъ сознается въ этомъ, не называя впрочемъ имени Чаплинкой. «*Нѣкоторая совершенно личная обстоятельство* (курсивъ мой. П. В.—вз).—пишетъ онъ,—вызвали лично въ эту эпоху во мнѣ склонность принять участіе въ движеніи, которое мнѣ рисовали словесно и писемно, какъ возможное»²⁾. Какія же это «личныя обстоятельства» имѣли въ это время столь важное значеніе въ жизни Лаврова? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ—смерть Чаплинкой.

Къ сожалѣнію, мы до сихъ поръ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этой личности. А между тѣмъ, роль и значеніе Чаплинкой въ жизни Лаврова столь громадны, что, не имѣя о ней свѣдѣній, почти невозможно написать его біографію. Единственно, что имѣется о ней въ русской печати, это небольшое біблія упоминанія въ воспоминаніяхъ М. П. Сакина, который *впервые* *проникъ въ тайну въ связи съ П. П. Лавровымъ. Изъ этихъ воспоминаній* мы знаемъ, что Чаплинкой за польско-е возстаніе была выслана въ Вологодскую губ. въ г. Тотмъ, гдѣ въ это время находился и Лавровъ. Последний близко сошелся съ ней, горячо полюбилъ ее и жилъ съ ней гражданскимъ бракомъ за все время ссылки въ г. Тотмъ³⁾. Въ 1869 г. Чаплинкой *была за границею въ Парижѣ, что, повидимому, было связано по взаимному соглашенію съ Лавровымъ. Въ ономъ изъ арестовъ, что и Лавровъ въ томъ же году собирався бѣжать изъ Вологодской губерніи и только цѣлый рядъ случайныхъ обстоятельствъ задержалъ это бѣгство*⁴⁾. Въ Парижѣ Лавровъ опять сошелся съ Чаплинкой и жилъ съ ней въ теченіи 1870 и 71 гг.

1872 г. Чаплинкой сильно заболѣла и умерла, по свидѣтельству Са-

¹⁾ Ibidem, стр. 57.

²⁾ См. «Народники-пропагандисты», стр. 58.

³⁾ См. «Гол. Мин.», 1915 г., № 10, стр. 116—117.

⁴⁾ См. по этому поводу мою брошюру «Ссылка Лаврова въ Вологодскую губернію и его занятія антропологіей», Вологда, 1915 г., стр. 13 и 14.

жина, въ Брюссель. Точная дата этой смерти намъ пока не известна. Можно только предположить, на основаніи писемъ Лаврова къ Штакенштейндеръ, что это произошло въ августъ-сентябрь 1872 г. ¹⁾).

Смерть Чаплицкой самое трагическое событіе въ жизни Лаврова. Она порвала у него всякія нити съ личной жизнью, опустошивъ ее, создавъ всею этимъ полную бездѣльность въ его научной дѣятельности. «Смерть близкаго и любимата человека, каковою была для Лаврова Чаплицкая, страшно его потрясла,—свидѣтельствуетъ Сажинъ.—Ему, какъ онъ тогда рассказывалъ, *была противна и вся жизнь, и вся его научная работа и дѣятельность*» ²⁾).

Душевная драма Лаврова—со всеми ее мучительными переживаніями разворачивается предъ нами полностью въ послѣднихъ его восьми письмахъ къ Штакенштейндеръ ³⁾). Письма эти интереснѣйшій человѣческій документъ, лишний разъ свидѣтельствующій о томъ, какъ часто у самыхъ большихъ людей вся ихъ общественная и научная дѣятельность тѣсно зависитъ отъ ихъ личной жизни.

Умираетъ Чаплицкая. И вотъ Лавровъ, убѣжденнѣйшій рационалистъ, страстный проповѣдникъ критической мысли, поклонникъ точной науки, не допускающій никакой «слѣпой вѣры»,—впадаетъ вдругъ въ состояніе, очень близкое къ мистицизму. «Ужаснѣе всего улицы, гдѣ все углы полны воспоминаніями,—пишетъ Лавровъ.—Если бы я не очень уже выработалъ въ себѣ скептицизмъ и умышленную критику, я совершенно увѣренъ, что сталъ бы теперь спиритистомъ и былъ бы гораздо болѣе счастливъ и доволенъ, чѣмъ теперь. Но для этого нельзя уступать единственнаго достоинства человѣка—трезвой мысли. А признаюсь иногда хотѣлось бы»... Мы видимъ, что Лавровъ борется съ собою во имя своихъ убѣжденій, но все-таки, въ концѣ концовъ, ему приходится, быть можетъ, и безсознательно, а отдать дань слѣпой вѣрѣ въ «бессмертность духовъ»... «Когда я разбираю,—признается Лавровъ,—то, что я чувствовалъ, думалъ и дѣлалъ эти 1½ мѣсяца, то сознаю, что *поступалъ въ значительной долѣ такъ, какъ надо бы поступить, если бы я вѣрилъ въ бессмертныхъ духовъ или душъ, видящихъ насъ, слушающихъ насъ и могущихъ быть довольными или недовольными тѣмъ, что мы дѣлаемъ, могущихъ страдать или радоваться*. А я очень хорошо знаю, что почему быть довольнымъ или недовольнымъ, опасаться или радоваться; знаю, что *я самъ съ собою наеданъ бабкою. Но поступаю, будто бы зналъ иное или вѣрилъ въ иное*... Долго еще мени будутъ посѣщать призраки, но они побѣдѣдѣютъ, я это знаю; таковъ законъ природы» ⁴⁾)... Изъ этого письма видимъ мы, какую душевную рану нанесла Лаврову смерть Чаплицкой и въ какомъ ужасномъ психическомъ состояніи онъ находился въ это время...

И вотъ въ эту наиболѣе трагическую минуту въ жизни Лаврова къ нему приходитъ призваніе отъ молодежи взять на себя редактированіе заграничнаго журнала. Предъ Лавровымъ встаетъ вопросъ о служебнн молодежи,

¹⁾ Въ письмахъ этихъ, относящихся къ 1872 г., имѣется перерывъ съ іюля по октябрь мѣсяць, причемъ первое же письмо Лаврова послѣ этого двухмѣсячнаго промежутка (22/10 октября) сразу говоритъ о какомъ то надрывѣ и трагедіи въ личной жизни. Повидимому, болѣзнь Чаплицкой и ея смерть и были причиной этого перерыва въ перепискѣ Лаврова съ Штакенштейндеръ.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1915 г., № 10, стр. 121.

³⁾ Къ сожалѣнію, редакція «Гол. Минувшаго» по недосмотру или незнанію не сличила эти письма соотвѣствующимъ примѣчаніемъ. Поэтому для читателей журнала совершенно непонятно, что случилось съ Лавровымъ и чѣмъ названы эти столь странныя письма.

⁴⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 132. Курсивъ вездѣ въ цитатѣ мой.

новой «растущей силѣ». Ему начинаетъ казаться, что онъ «тутъ какъ будто действительно *нуженъ*» (курсивъ Лаврова. II. В—65), за неимѣніемъ другихъ болѣе компетентныхъ¹⁾. Трудно сказать, какъ рѣшилъ бы этотъ вопросъ Лавровъ въ другое время. Но въ эту минуту случается *психическое состояніе* предложенія, идущаго извнѣ, съ психическимъ состояніемъ Лаврова, стоящаго на развалинахъ своей личной жизни. И мы знаемъ, какъ былъ профин Лаврова, что онъ «*съ радостью принялъ*» на себя обязанность социалистическаго пропагандизма въ Россіи, когда ему предложили *предложить*. Вѣдь онъ! *)

Такимъ образомъ, переломъ совершился. и Лавровъ отъ чистой науки перешелъ въ ряды активнаго социализма. Но постарайтесь приподнять теперь завѣсу надъ этимъ фактомъ въ жизни Лаврова, загляните въ его душу и вы увидите какимъ мучительнымъ путемъ Лавровъ пришелъ къ этому. Вы поймете тогда всю горечь той «радости», съ которой Лавровъ принялъ это предложеніе. Вы увидите тогда, что оно являлось для него буквально той соломинкой, за которую хватается утопающій...

Вотъ предъ вами дословная и подчасъ тяжелая исповѣдь самого Лаврова о томъ, почему онъ такъ поступалъ. «Между тѣмъ,—пишетъ онъ,—рухнуло у меня подъ ногами все, все, что составляло мою личную жизнь; мнѣ рѣшительно ничѣмъ было дорожить; если бы не было *вѣдѣній* и *обязанности*, то самая обязанность *жить* обращалась въ *манипуляцію*, такъ какъ *силы* *создавать* *себѣ абстрактные интересы* *ученой работы* *или какъ бы то ни было личные интересы* я *вовсе не чувствовалъ*. Служба обществу, польза общества одна могла быть цѣлью, а объ жертвахъ теперь не было и рѣчи: я ничѣмъ не жертвую, ровно ничѣмъ, потому что у меня теперь и нѣтъ ничего, чѣмъ бы я могъ жертвовать. Мои *ученныя работы* *могутъ для другихъ иметь значеніе, но не скоро еще онѣ получатъ интересъ для меня...* Повторяю: я теперь *ровно ничѣмъ не дорожу* и потому *ровно ничего не приношу въ жертву*»³⁾.

Изъ этой исповѣди Лаврова мы видимъ, что отъ всей его жизни оставался груда развалинъ, среди которой стоять онъ съ опустѣвшей душой... Личная жизнь «рухнула», интересъ къ наукѣ атрофировался, ничего дорогаго, что бы могло его привязать къ жизни, у него не оказалось... Оставался одинъ выходъ—«служба обществу». И Лавровъ вполне логично ставитъ предъ Штакеншнейдеръ *следующій вопросъ* *и спрашиваетъ*, я могу бы отказаться отъ дѣла, которое я считаю полезнымъ, *вовсе не безнадежнымъ, а главное нравственно обязаннымъ для себя, какъ только я къ нему вызванъ? Для чего?»*⁴⁾. Отвѣта на этотъ вопросъ Лавровъ не нашелъ.... «Благоразуміемъ назвать этого нельзя,—говоритъ Лавровъ въ другомъ письмѣ, имѣя въ виду редактированіе предложеннаго ему журнала,—но теперь я не очень ставлю высоко то, что считается *благоразумнымъ*. Къ чему?»⁵⁾. И на этотъ вопросъ у Лаврова не нашлось отвѣта.

Какой же выходъ могъ быть у Лаврова, кромѣ согласія принять на себя руководство новымъ журналомъ? Такого выхода у него не было. Оставалось только одно—отдаться всецѣло служенію *могущей и путевой* *силы* *и* *единственной* *возможности*, за которую «*съ радостью*» ухватился Лавровъ. «Вамъ,—пишетъ онъ Штакеншнейдеръ—а еще болѣе другимъ, не знающимъ моего *психического состоянія*, можетъ казаться, что я точно приношу «все въ жертву идеѣ», какъ Вы пишете. Но

1) См. «Народники-пропагандисты», стр. 57.

2) См. «Вѣстн. Евр.», 1910 г., № 11, стр. 110.

3) См. «Гол. Минув.», 1916 г., № 9, стр. 136. Күренъ вездѣ мой.

4) Ibidem, стр. 137.

5) Ibidem, стр. 137.

я Вамъ сказать уже, что это иллюзія, что я ничего не приношу въ жертву, потому что *подхожу къ жертвеннику съ пустыми руками*. И такъ, не отговариваніе меня, мой добрый другъ, отъ дѣла, неизбежно совершающагося, оно подошло ко мнѣ, *невызванное мною*, какъ нравственная обязанность въ то же время, какъ неумолимый и безсозпательный законъ природы¹⁾ *разривала все нити, которыя могли мнѣ мѣшать и уравновѣшивать частію мои влеченія къ этой обязанности*. Повѣрьте, что я вовсе не обольщенъ какими-либо надеждами. Но есть сознаніе, что *можно* (курсивъ Лаврова). II. В—въ) быть полезнымъ на этомъ пути, что *должно* (курсивъ Лаврова). II. В—въ) идти по нему, а терять рѣшительно нечего. Я даже считаю, что съ чисто эгоистической точки зрѣнія, я поступаю *разсудительно*: *авось это подниметъ меня, а вѣкъ этого ничего нѣтъ*²⁾.

Итакъ, мы видимъ, что въ тотъ моментъ, когда предъ Лавровымъ всталъ вопросъ объ активномъ вступленіи въ ряды социалистовъ, были уже «разорваны» «все нити» личной жизни, которыя могли бы «уравновѣшивать его влеченіе въ эту сторону или мѣшать» имъ. Подъ его «погами рухнуло все» — и идея научной работы, и личная жизнь, и весь смыслъ его дѣйствительнаго пребыванія за границей. Образовалась бездна, которая грозила его поглотить, образовалась жизненная пустота, которую *ничѣмъ было заполнить*. И въ этотъ моментъ совершенно неожиданно предъ Лавровымъ выросла новая жизненная идея — служеніе русской молодежи «волнующейся, энергической», возможность содѣйствовать ей развитію въ ту сторону, которую она считала нужнымъ. Откройте нѣсколько выписокъ Лавровымъ изданныхъ *своихъ статей въ Цюрихѣ*, тамъ будетъ тотъ центръ русской учащейся молодежи, и вы сразу увидите, съ какими цѣлями туда ѣхалъ Лавровъ. Можетъ быть, я тамъ могу быть полезенъ, — пишетъ онъ. — Тамъ есть группа русской учащейся молодежи обоюдо пола и, по многимъ письмамъ, мною получаннымъ, ей недостаетъ опытныхъ и развитыхъ совѣтниковъ... Можетъ быть, удастся устроить какой-либо курсъ для молодежи... Вѣдь я теперь дѣйствительно ничѣмъ и ничѣмъ не связанъ... Помните, Вы мнѣ говорили въ Цюрихѣ наканунѣ войны, что я впервые свободенъ. Я не возражалъ, но это было *не совсемъ такъ*. Теперь оно такъ³⁾...

Нужно ли теперь искать много объясненій, чтобы понять, почему Лавровъ съ радостью ухватился за эту новую, столь спасительную для него идею? Она дала ему возможность найти успокоеніе или утѣшеніе для себя въ новой для него дѣятельности, она перебрасывала измѣнивъ рухнушаго новую мостикъ между его личностью и всей жизнью. И теперь намъ становится понятнымъ, почему Лавровъ пишетъ Шгакенштейндеръ, что онъ «съ чисто эгоистической точки зрѣнія» поступаетъ «разсудительно». Это была, послѣ всего пережитаго Лавровымъ, послѣдняя жизненная ставка, та соломенка, за которую хватается утопающій. «Авось, это *подниметъ меня*, а вѣкъ этого ничего нѣтъ», — приходитъ къ окончательному выводу Лавровъ.

Переходъ Лаврова отъ чистой науки къ революціонно-соціалистической дѣятельности находитъ себѣ только такое *психологическое* объясненіе въ его биографіи. Подтвержденіе этого мы имѣемъ въ воспоминаніяхъ Г. А. Лопатина, который явился въ эти годы самымъ близкимъ другомъ Лаврова и *потому былъ боленъ, чѣмъ кто-либо, посвященъ въ его личную жизнь*. Лопатинъ довольно удачно и мѣтко опредѣляетъ этотъ новый шагъ Лаврова,

¹⁾ Въ такихъ выраженіяхъ Лавровъ всегда говорилъ о смерти (см. напримѣръ, изреченіе В. П. Никитиной въ «Вѣст. Нар.т. Вост.» 1886 г., № 5, стр. 179 и книгу Русакова «Соціалисты Запада и Россіи», Сиб., 1909 г., стр. 261).

²⁾ Ibidem, стр. 137. Курсивъ вездѣ мой.

³⁾ См. «Гол. Мнѣ», 1916 г., № 9, стр. 30 и 131.

какъ «исканіе забвенія». «Практическое участіе въ политикѣ», — пишетъ П. Лавровъ. — опъ (т. е. Лавровъ. П. В—въ) считалъ не свойственнымъ себѣ дѣломъ и всѣчески ограничился отъ него. И только когда жизнь выяснила всю тщетность его ожиданій (возвращенія въ Россію. П. В—въ) и когда внезапная смерть А. П. Чаплицкой опустошила его личную жизнь и побудила его искать забвенія въ какой-либо болѣе захватывающей дѣятельности, чѣмъ подцензурная литература, только тогда опъ обратился къ заграничной анти-правительственной агитаціи»¹⁾.

И, повидимому, Лавровъ въ Цюрихѣ, соприкоснувшись съ русской молодежью, нашелъ, наконецъ, то «забвеніе» или «успокоеніе», которыя ему были такъ нужны и 필요 въ это время. Вчера вечеромъ, — пишетъ опъ изъ Цюриха Штакельштейнеръ 13-го 1873 г., — читаю публичную лекцію о введеніи въ философію, о томъ, что такое философія? Чего бы Вы ни говорили, а *гигіенически* (курсивъ мой. П. В—въ) или мели Цюрихъ очень полезенъ; а *значительно успокоился* (курсивъ мой. П. В—въ), по крайней мѣрѣ, вообще, если не въ частности; даже вчера, когда постъ моей лекціи стали пѣть русскія пѣсни, я не убивалъ и не поднималъ никакого скандала. Время, время и занятія общими вопросами — *всѣмъ гигиеническое средство* (курсивъ мой. П. В—въ), а послѣднихъ нигдѣ мнѣ не нашлось бы въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь въ Цюрихѣ²⁾. И все-таки, несмотря на «радость», съ которой Лавровъ принялъ предложеніе вести социалистическій органъ, несмотря на «гигіеническое» дѣйствіе на него Цюриха, этотъ послѣдній шагъ дался ему не безъ тяжелыхъ душевныхъ переживаній. За вынужденной «радостью» настоящего таилось сличеніе многого горечи прошлаго, столь дорогого для Лаврова. Когда опъ прѣхалъ въ Цюрихъ для окончательной ликвидаціи своихъ дѣлъ и переѣзжа въ Цюрихъ, это прѣдвѣстіе сказалося. «Вотъ я двѣ недѣли въ Цюрихѣ», — пишетъ Лавровъ 16 февраля 1873 г., — весь въ подготовкѣ къ отъѣзду. Дней черезъ 10-ть я оставлю Цюрихъ, надѣюсь совѣмъ. Такія разнообразныя мысли и разномыслия встаютъ при этомъ во мнѣ, такъ странно и горько видѣть... (неразобр.) тамъ, гдѣ думалъ найти отдыхъ и тенный уголокъ усталой души³⁾; непримѣтность надеждъ и стремленій такъ ярко обрисовывается, что чувствую себя совѣмъ и старымъ и разбитымъ. А между тѣмъ, мнѣ нужна сила, нужна энергія. Въ то же время никогда такъ ясно не могла предо мною развѣрнуться и мелочи, и жалкія формы цюрихской жизни — моей будущей жизни, — какъ въ послѣднее время моего пребыванія въ Цюрихѣ и въ недолгое время моего отъѣзда⁴⁾. И тѣмъ не менѣе, Лавровъ, опъ не переставалъ по новому пути. Повидимому, *сознаніе долга, которое было совершенно свободно въ духовномъ складѣ Лаврова*, имѣло здѣсь рѣшающее значеніе.

Былъ ли Лавровъ подготовленъ въ то время, когда неожиданно выпала на него съ 1873 г.? *Психологически* въ это время Лавровъ былъ почти подготовленъ къ новой деятельности. Переживанія, связанные съ Парижской Коммуной, съ Интернационаломъ, когда онъ уже видѣлъ, остылъ на немъ *неправительственный складъ и антипатическое прѣдвѣстіе* его къ социализму. *Теоретически* Лавровъ былъ болѣе чѣмъ подготовленъ къ новому характеру своей дѣятельности. Обладая всесторонней эрудиціей по всѣмъ отраслямъ знанія, интересуясь особенно гуманитарными науками, Лавровъ въ совершенствѣ зналъ всѣ теоретическія проблемы социализма. Задачи

¹⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 4, стр. 198.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 134.

³⁾ Такъ Лавровъ неоднократно называетъ себя въ письмахъ къ Штакельштейнеръ (см. напримѣръ, «Гол. Мин.», 1916 г., № 9, стр. 130).

⁴⁾ Ibidem, стр. 134.

«практической философии» Лаврова или же построения его антропологической этики еще в петербургский период литературной деятельности заставили его во многом соприкоснуться с вопросами социализма, в особенности с его утопической разновидностью первой половины XIX века. Встречи с К. Марксом, Ф. Энгельсом и Цезарем де-Паном, деятельность I Интернационала направляли теоретический интерес Лаврова и его эрудицию в сторону экономических вопросов, в сторону изучения научного социализма в лице его лучшего тогдашнего представителя К. Маркса. Итак, подготовка Лаврова в области теории социализма не может внушать никаких сомнений. Достаточно просмотреть журнал и газету «Впередь», чтобы убедиться, как широко и разносторонне Лавров был пашитан тогда во всех вопросах социализма.

Орган Лаврова страдал именно названной научностью и теоретичностью, что делало его довольно скучным, сухим и всем этим отрывало его от жизни. Лавров оказался совершенно не подготовленным как раз к практическим задачам тогдашнего революционного движения. Весь социализм Лаврова был пронитан духом научного кабинета. Вся прошлая деятельность Лаврова здесь сказалась особенно сильно.

Подойдя к своей эволюции в 1873 г. довольно близко к социализму, Лавров тем не менее психологически был еще далек от тогдашней русской молодежи. Понять ее ему, привыкшему к ней от чисто научной работы, первое время было очень трудно. Весьма характерны в этом отношении первые шаги Лаврова в Цюрих. Найти хотя бы его занятия, которые он там читал. В своей автобиографии Лавров сам сознается, что зам был тогда читаны лекции о роли славян в истории мысли, об истории мысли вообще, о роли христианства в истории мысли и тому подобному¹⁾. К этому перечню надо еще добавить — Введение в философию, которую особенно любил читать Лавров. Сказки, на языках которых прошли первые шаги Лаврова в Цюрих, рассказывают, что он начал даже читать лекции по математике, но принужден был прекратить такое же отсутствие слушателей. «Лавров», — пишет Сахаров, — совершенно не хотел понять и не учитывал тех вопросов, которые волновали тогда молодежь. Его речь сводилась к разглагольствованию историко-философских вопросов, причем, если молодежь была занята другим, Лавров неминуемо сводил беседу на намеченную им тему.²⁾ Читать же лекции об Интернационале, великой французской революции, Парижской Коммуне Лавров тогда категорически отказывался, считая, что «молодежь нуждается только в положительных знаниях»³⁾. Все это наглядно показывает, как трудно было Лаврову первое время от чисто научных теоретических работ перейти к вопросам социализма. Вообще влияние всей прошлой научной и кабинетной деятельности Лаврова очень сильно сказывалось на первых шагах его на новом поприще. Здесь достаточно хотя бы напомнить его усиленную проповедь анализа и пробатации для русских социал-демократов, что явилось характерной особенностью его журналистики.

Журнал «Впередь» был последним этапом Лаврова на его пути к социализму. С этого момента (1873 г.) он навсегда связал свою жизнь с русскими социальными-революционными движениями, которые, из своего очередь, тесно соединены с именем П. Лаврова.

П. Витковский.

¹⁾ См. «Вестн. Евр.», 1910 г., № 10, стр. 103.

²⁾ См. «Гол. Мин.», 1915 г., № 10, стр. 141.

³⁾ Ibidem, стр. 142.

Неизданное письмо П. Л. Лаврова къ сыну ¹⁾.

Михаилу Петровичу Лаврову—въ С.-Петербургѣ, за Нарескую заставу, по Петергофскому шоссе, на 10-ю версту, дача колониста Егора Шеффера № 82.

Парижъ, 24 іюля (5 авг.) 1870 г.

Я получилъ довольно поздно твое письмо отъ 4 Іюля, посланное чрезъ антропологическое общество. Оно побуждаетъ меня отвѣтить тебѣ довольно ¹⁾ длиннымъ объясненіемъ моей дѣятельности, моего удаленія изъ Россіи и моего нынѣшняго положенія.

Я занималъ болѣе двадцати лѣтъ кафедру преподавателя ²⁾ и могу сказать безъ похвалы, что занималъ ее добросовѣстно. Въ эти двадцать лѣтъ я былъ постоянно въ сношеніяхъ съ рядомъ поколѣній молодежи, но никто не могъ меня обвинить и не обвинялъ въ томъ, что я воспользовался своимъ положеніемъ для распространенія среди моихъ учениковъ противоправительственныхъ идей. Порученную мнѣ обязанность я исполнялъ независимо отъ моихъ политическихъ убѣжденій. Въ моего преподаванія я пользовался орудіемъ слова, письма и печати, чтобы проводить свои убѣжденія, но и эта дѣятельность, начиная съ 1855 г., не была тайною. Какъ литераторъ, какъ членъ земства и думы ³⁾, точно также какъ и преподаватель, я старался добросовѣстно исполнять свою обязанность, и каждая изъ этихъ дѣятельностей была совершенно независима отъ другихъ. Между тѣмъ, едва я былъ арестованъ, меня удалили изъ артиллерійской академіи, прежде слѣдствія и суда, и въ моемъ дѣлѣ я не видѣлъ слѣда вопроса, сдѣланнаго моему начальству объ исполненіи мною обязанности преподавателя; не видѣлъ слѣда заступничества со стороны артиллерійскаго вѣдомства, которое знало меня болѣе четверти вѣка. Меня обвинили и сослали за пункты столь пустые, что они подходятъ лишь подъ эластичное

¹⁾ См. выше статью П. Витязева. *Ред.*

²⁾ Педагогическая дѣятельность Лаврова продолжалась съ іюля 1844 года по апрѣль 1866 г. Преподавалъ онъ математическія науки сначала въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ училищѣ, а затѣмъ занялъ кафедру высшей математики въ Артиллерійской Академіи, прінявъ ее отъ знаменитаго русскаго математика—академика М. В. Остроградскаго. Кроме того, Лавровъ еще читалъ курсы высшей математики въ спеціальному классѣ Константиновскаго Военнаго училища. Подробная характеристика Лаврова, какъ педагога, содержится въ воспоминаніяхъ Фирсова, Н. Н. (см. «Истор. Вѣстн.», 1907 г., № 1 и 2) и *Фонъ-Лавала*, Н. Р. (см. Воспоминанія педагога «Рус. Старина», 1901 г., № 8, 9 и 11).

Н. В.—въ.

³⁾ Лавровъ былъ членомъ петербургской думы и земства. Объ этой сторонѣ дѣятельности Лаврова никакихъ матеріаловъ, къ сожалѣнію, не сохранилось.

Н. В.—въ.

понимать необходимость, а также обвинитель придавший этим пустякам столь значительное значение, что главный пункт обвинения, письмо къ Тиблену¹⁾, не повелъ ни къ одной ставке съ нимъ, ни даже къ его допросу, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ въ февраль 1866 г. Я принялъ мою ссылку и удаление отъ всякой деятельности какъ выраженіе неудовольствія на меня въ сторону Императора и Его Совета за то, за что судъ обвинилъ меня не мнѣ, за жесткія выраженія объ Олѣй партизанитѣ Государя. Я никакъ не обрадовался, что стихотворенія, писанныя мною въ молодое царствование²⁾, были представлены противъ цесаря Императора, что онѣ могли показаться оскорбительными Его Величю, и что неудовольствіе самодержавнаго Государя, обходя пункты закона, можно выразиться даже чрезъ то, чтобъ удалялись меня отъ «столицы, Свѣта Императора, престола руси-»

1) Н. М. Тибленъ — жилъ въ 60-хъ годахъ книгопродавецъ и книгопечетель. Онъ первый въ Россіи началъ издавать сочин. Спенсера (въ 7 томахъ). Въ 60-хъ г.г. Тибленъ былъ однимъ изъ тѣхъ центровъ, гдѣ собирались тогдашній литературный Петербургъ. Звѣзд на вечерахъ бывали — Чернышевскій, Костомаровъ, Страховъ, Давыдовскій, Бибикозъ, А. Н. Бекетовъ, Солонинъ (авторъ «Синтетическаго») и мнѣ-то другіе. Въ числѣ прочихъ, довольно часто бывалъ у Тиблена и Лавровъ, который со времени 60-хъ годовъ всуеиничъ съ нимъ въ дѣловыя отношенія по его издательству. Тамъ онъ взялъ на себя редакцію перевода «Классификація науки» Спенсера (Спб. 1866 г.). Самъ Тибленъ, переведши эту книгу въ своемъ предисловіи въ ней пишетъ: «если русское изданіе окажется удовлетворительнымъ, то это будетъ только благодаря содѣйствію Н. М. Тиблена, указанными имъ которого постоянно пользовался переводчикъ». Писавъ арестъ Лаврова и ссылки его въ восточную сибирь, Тибленъ не терялъ съ нимъ связи и старался всесторонне поддерживать Лаврова. Въ 1868 г. онъ основалъ съ тѣмъ съездомъ редакцію «Современнаго Обозрѣнія» — при участіи В. В. Леваева, Н. К. Михайловскаго (псевдонимъ Аркадій Протасовъ), Ю. Якубовскаго и др. Къ этому журналу Тибленъ поочередно привлекалъ и Н. М. Лаврова, который посвятилъ этому журналу рядъ своихъ работъ («Развитіе ученія о животныхъ върваніяхъ», «Антропологическіе этюды», «Задачи поэтики» и др.). Къ сожалѣнію, на шестой книжкѣ этого журнала закрылся, г. к. Тибленъ разорился и былъ принужденъ отъ неоплатимыхъ долговъ бѣжать за границу. О Тибленѣ см. у М. Ф. Пантелеева «Изъ воспоминаній прошлаго», Спб. 1905 г., с. 196—198 и у Н. К. Михайловскаго Собр. Сочин., т. VII, стр. 49—50.

Письмо Лаврова къ Тиблену напечатано въ запискѣ къ процессу Н. М. Лаврова (Былое, 1906 г., № 8, стр. 35).

Н. В.—вз.

2) Н. М. арестъ съ ссылкой и ссылки чувствовалъ большую склонность къ стихотворенію. Въ архивѣ Лаврова находится даже болѣе половины его юношескихъ стихотвореній, еще ни въ не напечатанныхъ. Изъ этихъ стихотвореній только одно — «Будущее» было помѣщено въ «Библиотекѣ для чтенія» (см. т. 46, 1841 г., стр. 5—7). Въ срединѣ 50-хъ годовъ Лавровъ написалъ довольно много стихотвореній политическаго характера съ цѣлью, равно и популяризаціи выраженій и рѣчковой критикой партизанитѣ Николая I-го, какъ то: «Къ русскому народу», «Пророчество», «На смерть императора Николая I-го», и т. п. (см. замѣтку «Къ процессу Н. М. Лаврова», «Былое», 1906 г., № 8, гдѣ приведены отрывки изъ нѣкоторыхъ стихотвореній, а также книгу Н. С. Русакова «Соціаллисты Завида и Россіи», Спб., 1909, стр. 211—213). Тѣмъ же стихотвореніямъ анонимно хотѣли въ русско-славянскихъ сѣдѣхъ и въ сѣдѣхъ русско-славянскихъ обществъ въ 50-хъ годахъ, Успенско и др. издательствъ, и мнѣ-то въ тогдашнихъ литературныхъ салонахъ (см. по этому поводу «Дневникъ Е. А. Щедрина» 1855—1858, въ «Гол. Мин.», 1915 г., № 11, стр. 181). Изъ стихотвореній «Къ русскому народу», рукописи которой попали въ руки правительствъ, были привлечены къ ответственности и допрошены А. С. Хитковъ, по дѣлу связанъ съ нѣмъ, хотя Лавровъ, узнавъ объ этомъ, и протестовавъ, хотѣлъ даже признать свое авторство. Два стихотворенія — «Пророчество» и къ «Русскому народу» были помѣщены Лавровымъ А. Н. Горюну и послѣдній напечаталъ ихъ въ своемъ изданіи «Гол. Мин.», 1915 г., № 11, стр. 181. Изъ стихотвореній «Къ русскому народу», рукописи которыхъ попали въ руки правительствъ, были привлечены къ ответственности и допрошены А. С. Хитковъ, по дѣлу связанъ съ нѣмъ, хотя Лавровъ, узнавъ объ этомъ, и протестовавъ, хотѣлъ даже признать свое авторство. Два стихотворенія — «Пророчество» и къ «Русскому народу» были помѣщены Лавровымъ А. Н. Горюну и послѣдній напечаталъ ихъ въ своемъ изданіи «Гол. Мин.», 1915 г., № 11, стр. 181. Изъ стихотвореній «Къ русскому народу», рукописи которыхъ попали въ руки правительствъ, были привлечены къ ответственности и допрошены А. С. Хитковъ, по дѣлу связанъ съ нѣмъ, хотя Лавровъ, узнавъ объ этомъ, и протестовавъ, хотѣлъ даже признать свое авторство.

Н. В.—вз.

кальниа реформы въ Государствѣ, наследованномъ Имъ отъ Отца, и реформы именно въ томъ направленіи, которое выражалось въ моемъ стихотвореніи, писанномъ въ день Его коронаціи¹⁾.—самъ Императоръ не могъ находить ничего существенно-предосудительнаго въ неудовольствіи противъ общественнаго строя, Имъ измысленнаго. И ожидать, что раздраженіе противъ меня за оскорбленіе прежняго Императора пройдетъ, ожидалъ, что мои двадцатилѣтняя дѣятельность, какъ преподавателя, будетъ взята въ соображеніе, и что я вернусь къ своимъ кабинетнымъ ученымъ занятіямъ. Я не просилъ милости, потому что не чувствовалъ себя виноватымъ²⁾.

Я считалъ себя способнымъ дѣйствовать на трехъ путяхъ: на педагогическомъ, на учено-литературномъ и какъ выборный представитель земства. Мое быстрое удаленіе съ кафедры, прежде слѣдствія и суда, убѣдило меня, что педагогическая дѣятельность для меня на всегда закрыта. Мое нахожденіе подъ судомъ закрывало мнѣ и дѣятельность по выборамъ, которая, при пылкомъ жалкомъ положеніи земства, и не представляла значительнаго интереса. Оставалась дѣятельность учено-литературная. Это былъ единственный путь, которому я могъ посвятить себя, и мои труды по исторіи науки, пачатые публично, официально³⁾, могли свидѣтельствовать, что на этомъ скромномъ пути, не касаясь никакихъ политическихъ опасныхъ сферъ, я въ состояніи быть не безполезнамъ для русской науки и для русской серьезной литературы. Если меня ставили въ число писателей оппозиціонныхъ, то я все-таки считалъ возможнымъ допустить въ лицахъ высокостоящихъ въ Россіи, столько же патріотической любви къ Россіи и къ русской мысли, сколько и самъ чувствовалъ; я полагалъ, что эти лица не только не станутъ препятствовать, но будутъ содѣйствовать предпріятію

¹⁾ Стихотвореніе это называлось—«Новому Царю». Полный текстъ его въ русской печати не появился за исключеніемъ небольшого отрывка (см. «Былое», 1906 г., № 8, стр. 37).
II. В—въ.

²⁾ О полномъ нежеланіи Лаврова подавать какія-либо прошенія о смягченіи своей участи свидѣлствуютъ въ своихъ воспоминаніяхъ также и М. П. Сазанинъ, бывший вмѣстѣ съ Лавровымъ въ заключѣ въ г. Вологдѣ. «На мое предложеніе,—разсказываетъ Сазанинъ,—написать о себѣ прошеніе, Лавровъ отвѣтилъ самымъ рѣзкимъ отказомъ». По мнѣнію Лаврова, правительственно должно было первое «вспомнить о немъ и заглянуть передъ нимъ своего ошибку. Самъ же онъ никакихъ прошеній писать не желаетъ» (см. статью «Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ», «Голосъ Мин.», 1915 г., № 10, стр. 118).
II. В—въ.

³⁾ Лавровъ извѣтъ въ виду свою работу «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ», составленную изъ лекцій, читанныхъ имъ въ лабораторіи Артиллерійской Академіи (см. «Морской Сборникъ» и «Артиллерійскій журналъ» за 1865 и 1866 г.г., гдѣ этотъ трудъ печатался). Работа осталась незаконченной въ виду ареста Лаврова 25 апрѣля 1866 г. Последніе параграфы этого труда о Діофантѣ и о концѣ древняго міра были набраны и Лавровымъ уже была просмотрѣна корректура, но напечатать ихъ послѣ ареста Лаврова редакція «Морского Сборника» не рѣшилась. (См. по этому поводу автобіографію Лаврова, «Вѣстникъ Европы», 1910 г., № 10, стр. 99). Также прекратилъ печатаніемъ «Очерки» и «Артиллерійскій Журналъ», побоявшись перепечатать даже тѣ главы, которые уже были помѣщены въ «Морскомъ Сборникѣ».

Изъ другихъ работъ Лаврова того времени изъ исторіи наукъ имѣютъ отношеніе его три лекціи—Взвѣсно развитіе точныхъ наукъ на ученіи военнаго дѣла и въ особенности артиллеріи, читанныя имъ для офицеровъ артиллеріи (см. «Артиллерійскій журналъ», 1865 г., № 4, 6 и 7, а также отдѣльное изданіе Сиб. 1865 г.). Характерно, что послѣ ареста Лаврова отдѣльное изданіе этихъ лекцій было все извѣсто изъ обращенія среди офицеровъ артиллеріи и почти исключительно уничижено. Въ русской литературѣ эта сторона дѣятельности Лаврова еще не получила достаточной оцѣнки. До сихъ поръ намъ извѣстна только двѣ статьи-рецензіи объ этихъ трудахъ Лаврова, принадлежавшія В. А. Зайцеву, которая пока является единственной въ нашей литературѣ (см. «Русское Слово», 1865 г., № 8 и 9).
II. В—въ.

полезному для русской мысли и не представляющему никакой опасности въ политическомъ отношеніи.

На этомъ основаніи, какъ только я былъ арестованъ, я написалъ письмо къ Великому Князю Константину Николаевичу, который, какъ Предѣдатель Государственнаго Совѣта, занимать первое мѣсто въ Имперіи послѣ Императора, постоянно выказывалъ, какъ говорили, сочувствіе русской наукѣ, и, по своимъ личнымъ отношеніямъ, могъ, какъ мнѣ казалось, лучше другихъ противодействовать вреднымъ проявленіямъ диктатуры Графа Муравьева. Я не имѣлъ никогда личныхъ сношеній съ Великимъ Княземъ, но обращался къ нему во имя русской науки, съ просьбою исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе заниматься исторіею науки во время ареста. Я отвѣта не получилъ ¹⁾...

Послѣ двухъ лѣтъ ссылки я убѣдился, что въ уѣздномъ городѣ я не имѣю никакой возможности продолжать свои серьезныя труды ²⁾. Окончательныя ссылки не предвидѣлось въ скоромъ времени, такъ какъ меня подъ самымъ пустымъ предлогомъ выслали снова изъ губернскаго города въ уѣздный по приказанію министра, опять прежде слѣдствія и суда; трудность же губернатора и мелочная придирчивость всемогущаго жандармскаго штабъ-офицера не дозволяли надѣяться на энергическое заступничество мѣстной власти ³⁾. Между тѣмъ годы шли; я старѣлся; климатъ дѣйствовалъ на меня вредно; чрезъ нѣсколько лѣтъ я могъ сдѣлаться совсемъ неспособнымъ къ продолженію работъ, особенно при образѣ жизни, который я велъ. Я сказалъ себѣ, что я не въ правѣ подчиняться приговору, не имѣющему даже достаточныхъ формальныхъ основаній, что я обязанъ доставить себѣ положеніе, въ которомъ продолженіе моихъ учено-литературныхъ трудовъ было бы возможно; если же продолжаясьея неудовольствіе

¹⁾ Упоминаемое Лавровымъ письмо съ черновой рукописи было напечатано полностью (см. «Два письма П. Л. Лаврова въ вел. кн. Константину Николаевичу», «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 7—8, стр. 219—222). По поводу этого письма къ Константину Николаевичу Е. А. Штагенштейндеръ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что великій князь «не только не принялъ никакого участія въ Лавровѣ, но и послѣднимъ увѣрилъ Муравьева, который не на шутку на него косился въ то время, что онъ въ глаза не видалъ Лаврова и никогда не подавалъ ему ни малѣйшаго повода обращаться къ нему». (См. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 7—8, стр. 109).

²⁾ Мысль о бѣгствѣ изъ вологодской губерніи явилась у Лаврова, повидимому, на второмъ году ссылки (въ 1869 г.), но онъ не могъ ее осуществить. На это имѣются прямые указанія въ воспоминаніяхъ Дюпатина (см. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 9, стр. 137), Сакина («Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 122) и Е. А. Штагенштейндеръ («Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 12, стр. 125). Большую роль въ этомъ отношеніи сыграло бѣгство изъ вологодской губерніи Чаплинкой (1869 г.) Подробно объ этомъ см. въ моей брошюрѣ «Ссылка Лаврова въ Вологодск. губернію и его занятія антропологіею», Вологда, 1915 г., стр. 13 и 14. II. В—въ.

³⁾ Въ началѣ своей ссылки въ вологодскую губ. Лавровъ жилъ въ гор. Тотмѣ. Въ 1868 г. ему удалось при помощи Е. А. Штагенштейндеръ (см. по этому поводу ея воспоминанія въ «Голосѣ Минувшаго» за 1915 г., № 12, стр. 124 и 132) добиться разрѣшенія жить въ губернскомъ гор. Вологдѣ, откуда онъ по доносу начальника вологодскаго жандармскаго управленія полковника Мерклина, былъ высланъ въ захолустный уѣздный городокъ Кадниковъ. (Обо всемъ этомъ подробно см. въ моей статьѣ «П. Л. Лавровъ въ воспоминаніяхъ современниковъ», «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 10, стр. 117, 119, 120 и брошюрѣ — Ссылка П. Лаврова въ Вологодской губерніи и его занятія антропологіею, Вологда, 1915 г., стр. 3 и 6). Вологодскимъ губернаторомъ во время пребыванія тамъ Лаврова былъ Хоминскій — человекъ довольно привычный и мягкій, но странно близкій Мерклину (см. о Хоминскомъ у Л. Ф. Потемкина «Изъ воспоминаній президента», Спб., 1905 г., стр. 267 и 273 и II. Забодина «Страницы изъ литературныхъ воспоминаній», «Истор. Вѣстн.», 1904 г., № 5).

Императора и Его Семьи закрывает для меня столицу, то мнѣ остается попытаться продолжать свои работы за границею.

Но разорвать связи съ отечествомъ, даже временно, очень тяжело, и тотъ, кто можетъ быть для него полезнымъ, остается въ его предѣлахъ, сохраняя съ нимъ формальную связь, — тотъ достигаетъ сохранить ее. Мнѣ было очень больно эмигрировать и никому я не советую сдѣлать это безъ крайней необходимости; лишь тогда, когда отрезаны все пути полезной дѣятельности въ отечествѣ, — лишь тогда извинительная или обязательная эмиграція. Мнѣ пути были отрезаны.

Тѣмъ не менѣе я сдѣлалъ послѣднее усиліе. Я обратился съ письмомъ къ Князю Суворову ¹⁾, излагая ему мое положеніе и прося его ходатайствовать лично у Императора за мнѣю внутренней сессіи для меня семейною за границу на то время, въ продолженіи котораго Правительство считаетъ нужнымъ не допускать меня въ Петербургъ. Такимъ образомъ я могъ бы продолжать свои занятія при пособіи библиотекъ иностранныхъ столицъ и университетскихъ городахъ, не разрывая связи съ Россіею и выжидая, когда мнѣ будетъ можно въ нее вернуться. Я имѣлъ очень мало надеждъ на успѣхъ моего обращенія къ Князю Суворову, но считалъ своею обязанностью сдѣлать все, отъ меня зависящее, чтобы не приблизить къ послѣдней тяжелой мѣрѣ — къ эмиграціи. Князь Суворовъ отвѣтилъ словесно, отклонивъ отъ себя подобнаго рода ходатайство ²⁾.

Я выждалъ еще окончаніе трехлѣтія ссылки. Въ это время я убѣдился, что и ходатайство Начальника губерній недостаточно даже для того, чтобы меня перевели изъ уѣзднаго города въ губернской. Напротивъ, положеніе сельскихъ ухудшилось, притѣсненія увеличились, и даже пересылка ученыхъ книгъ вызвала сотни непріятностей. Я считалъ безправственнымъ долѣе подчиняться мѣрамъ, которыя не находилъ справедливыми и которыя отнимали у меня возможность дѣйствовать полезно даже въ сферѣ наукъ. Три года исполнились. Я оставилъ Россію. Я остался въ разъ своихъ намѣреній ³⁾...

Я бы готовъ былъ вернуться въ Россію, если бы мнѣ дозволили спокойно жить въ Петербургѣ и заниматься тамъ наукою при пособіи тамъ имѣющихся

¹⁾ Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ, близкій генералъ-губернаторъ г. Петербурга, въ 60-хъ г.г. пользовался широкой популярностью, какъ добрый и гуманный человѣкъ. Онъ имѣлъ вліяніе на Александра 2-го и умѣлъ снискать его особенное довѣріе и расположеніе. Великъ интересъ и образованность обращенія Лаврова къ Суворову. (Подробно о Суворовѣ см. у Л. Ф. Пантелеева «Изъ воспоминаній прошлого», стр. 241—245, 281 и 282). Письмо Лаврова къ Суворову напечатано полностью въ «Голосѣ Минувшаго» (см. № 12, 1915 г., въ статьѣ «Изъ воспоминаній Е. А. Штагенштейнъ о Лавровѣ» стр. 126—131). Въ сущности, въ этомъ письмѣ въ сравненіи съ подлинникомъ имѣется очень много грубыхъ опечатокъ и пропусковъ, иногда мѣняющихъ смыслъ письма). Датировано это письмо — 10 марта 1869 г. Въ это время Суворовъ былъ въ отставкѣ и жилъ въ «опалу» за свое явное несогласіе всей политикой самодержавнаго тогда графа Муравьева.

П. В.—63.

²⁾ Письмо къ Суворову было послано Лавровымъ черезъ Е. А. Штагенштейнъ, которая лично отнесла его и вручила князю. Подробно обо всемъ этомъ см. въ ея воспоминаніяхъ («Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 12, стр. 124, 137 и 138).

П. В.—63.

³⁾ Дочь П. П. Лаврова — Марія Петровна Петрескулъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что она очень сдѣлала терпѣливо и такъ три года. Если по окончаніи этого срока его не вернутъ въ Петербургъ, что ему было необходимо для научной работы, онъ уйдетъ за границу» (см. «Голосъ Минувшаго», 1915 г., № 9, стр. 141). Лавровъ прибылъ въ новое место губерндіи 15 февраля 1867 года, а бывалъ при помощи Германа Монахова 15 февраля 1870 года. Такимъ образомъ, Лавровъ съ цинтуационной точностью исполнилъ свое обѣщаніе. М. П. Петрескулъ очень часто любила говорить, что она очень въ дѣлѣ своемъ оправдала заглавіе «математика».

П. В.—63.

библіотекъ, такъ какъ ни одинъ городъ Россіи внѣ Петербурга не представляетъ для моего труда достаточныхъ средствъ. Но Петербургъ мнѣ закрытъ волею Императора; при возвращеніи, меня немедленно сослали бы въ какой либо глухой уголокъ Россіи; слѣдовательно мнѣ приходится жить заграницей.

Я остаюсь Русскимъ въ душѣ; расширеніе истины и справедливости въ моемъ отечествѣ составляло и составляетъ мое искреннѣйшее желаніе и цѣль, достиженію которой я готовъ содѣйствовать всѣми своими силами...

Будущая моя дѣятельность зависить отъ обстоятельствъ, которыя я предвидѣть не могу, но въ настоящую минуту продолженіе моихъ научныхъ трудовъ составляетъ главную и едва ли не единственную цѣль моихъ занятій.

Полагаю, любезный Мишель, что это письмо совершенно опредѣляетъ мое положеніе относительно русскаго Государства, относительно насъ, моихъ дѣтей. Я не имѣю въ виду переходить въ другое подданство, пока это будетъ мнѣ возможно, и считаю себя Русскимъ. Знаю, что произвольное удаленіе изъ предѣловъ Государства и изъ мѣста ссылки вызываетъ кару закона. Предоставляю судить другимъ, на сколько въ настоящемъ случаѣ представляется облегчающихъ обстоятельствъ и на сколько это единственное нарушеніе закона заслуживаетъ кары. Мое удаленіе не случайно, но обдуманно, и я не предвижу случайностей, которыя прекратили бы въ скоромъ времени мое нынешнее положеніе. Вы можете естественнымъ путемъ занять мое мѣсто въ гражданскомъ порядкѣ. Будьте счастливы; отъ всей души желаю, чтобы вы могли въ продолженіи всей вашей жизни служить Россіи въ ея предѣлахъ съ тою любовью, которую я къ ней сохраняю и здѣсь.

С. М. Гинсбургъ въ Шлиссельбургѣ.

Изъ всѣхъ узниковъ Шлиссельбургской тюрьмы Софья Михайловна Гинсбургъ,—послѣдняя изъ попавшихъ туда по народолюбивскимъ дѣламъ, была въ то же время и самой кратковременной гостьей въ стѣнахъ крѣпости. Въ то время, какъ изъ другихъ, наиболее недолговѣчныхъ узниковъ Шлиссельбурга, М. Клименко пролежалъ въ крѣпости 2 мѣс. 5 дней, Е. П. Мишаковъ—1 мѣс. 21 день,—С. М. Гинсбургъ пробыла въ крѣпости всего 1 мѣс. 7 дней; она была водворена въ нее 1 декабря 1890 г., а уже 7 января 1891 г. покончила тамъ свою жизнь самоубійствомъ. Эти 48 дней пребыванія С. М. Гинсбургъ въ крѣпости является одной изъ наиболее темныхъ страницъ въ исторіи Шлиссельбурга,—о нихъ мы не знаемъ почти ничего.

Департаментъ полиціи, посылая С. М. въ Шлиссельбургъ, позаботился о тщательной изоляціи ея отъ всѣхъ остальныхъ заключенныхъ. Съ самаго начала она была посажена въ старую тюрьму (въ камеру № 4), откуда для этой цели были сѣбно эвакуированы все находившіеся раньше тамъ мастерскія другихъ заключенныхъ. Единственными соседями С. М. были болящие, помещенные въ ула Кошаревскій и Н. П. Щербакинъ, постоянно подвергавшіеся жестокому издѣвательству со стороны караульных жандармовъ,—издѣвательству, какъ извѣстно, сыгравшему столь крупную роль въ принятіи С. М. рѣшенія о самоубійствѣ.

Остальные узники Шлиссельбурга даже не подозрѣвали, что соедемъ близко отъ нихъ, въ соседнемъ за стѣною зданіи, находится еще одинъ товарищъ по заключенію; о пребываніи Гинсбургъ въ тюрьмѣ имъ стало извѣстно лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти изъ отрывочныхъ разсказовъ жандармовъ. Эти разсказы были очень кратки, безъ всякихъ деталей, но только ихъ могли воспроизвести намъ авторы воспоминаній о Шлиссельбургѣ, а такъ какъ до самаго послѣдняго времени эти мемуары являются почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о жизни крѣпости, то и мы знали о послѣднихъ дняхъ С. М. только то, что разсказали заключеннымъ жандармы ¹⁾.

Документы, найденные нами въ архивѣ штаба корпуса жандармовъ, также далеки отъ желанной полноты; такъ намъ не удалось обнаружить тамъ той остаточной послѣ С. М. тетради, о которой упоминается въ приво-димыхъ выше документахъ,—поэтому, эта тетрадь погибла въ дѣлахъ департамента полиціи. Тѣмъ не менѣе найденные документы чрезвычайно цѣнны, такъ какъ они впервые даютъ возможность точно возстановить хотя бы вслѣднюю сторону событій этихъ 48 дней.

¹⁾ Объ этихъ же дняхъ говоритъ одинъ документъ, опубликованный Мещниковымъ-Ивановымъ въ № 13 «Былого»; этотъ документъ мы приводимъ ниже.

1 ноября 1890 г. особое присутствие правительствующаго сената С. М. Гинсбургъ, вмѣстѣ съ тремя другими обвиняемыми по сѣ процессу М. В. Стояновскимъ, Л. В. Фрейфельдомъ и А. В. Оточко,—была приговорена къ смертной казни черезъ повѣсненье, нѣтъ подсудимыхъ, поруч. Дурневскій получилъ три мѣсяца тюремныхъ. О трехъ изъ подсудимыхъ — Стояновскомъ, Фрейфельдѣ и Оточко—судъ возбудилъ ходатайство о замѣнѣ имъ казни каторжными работами—первому на 4, второму—на 10 лѣтъ, а Оточко—ссылкою на поселенье. О С. М. Гинсбургѣ ходатайства судъ не возбуждалъ¹⁾.

С. М. прошенія о помилованіи не подавала, но, повидимому, она знала, что такія прошенія поданы съ матерью и на имя наръ, и на имя царини²⁾, по всякомъ случаѣ С. М. не ждала казни, прошеніе, поданное ею въ департаментъ полиціи, въ дни ожиданія конфирмаціи приговора (9 ноября 1890 г.), свидѣтельствуешь объ этомъ; въ немъ она пишетъ:

«Въ виду того, что я осуждена, меня могутъ перевезти въ крѣпость. Прощу ваше превосходительство оставить меня здѣсь еще недѣли двѣ. Моя мать остается въ Петербургѣ до конфирмаціи и переводъ въ крѣпость слишкомъ бы напугалъ ее. Софья Гинсбургъ».³⁾

Мы не знаемъ, была ли удовлетворена эта просьба (помѣтка на прошеніи гласитъ: «къ свѣд...» т. е. «къ свѣдѣнію»), по томъ, въ которомъ написано прошеніе, свидѣтельствуешь, что авторъ его не ожидаетъ казни. Казни дѣйствительно не было,—царь замѣнилъ ее безсрочной каторгой. Объ этой царской «милости» министръ юстиціи бумажю отъ 19 ноября 1890 г. уведомилъ департаментъ полиціи и въ тотъ же день на этой бумагѣ была положена (писана рукою Дурново) слѣдующая резолюція (приводимъ лишь пунктъ о С. Гинсбургѣ⁴⁾:

«1) Составить докладъ министру (т. е. министру внутреннихъ дѣлъ) о заключеніи С. Гинсбургъ въ Шлиссельбургъ».

Этого доклада намъ разыскать не удалось, и точная дата постановленія о заключеніи С. М. въ Шлиссельбургъ намъ неизвѣстна, но мы знаемъ, что это было сдѣлано въ промежутокъ между 19 и 26 ноября, ибо послѣднимъ числомъ помѣчено слѣдующее уведомленіе, посланное департаментомъ полиціи (по V дѣлопроизводству, № 3990⁵⁾ въ арестъ отъѣзжаго корпуса жандармовъ.

По приказанію господина министра внутреннихъ дѣлъ съмысло-каторжная государственная преступница Софья Гинсбургъ подлежитъ заключенію въ Шлиссельбургскій корпусъ.

Сообщивъ начальнику С.-Петербургскаго жандармскаго управленія о препровожденіи Софій Гинсбургъ изъ С.-Петербургскаго дома предварительнаго заключенія въ Шлиссельбургъ, въ сопровожденіи одного офицера и двухъ унтеръ-офицеровъ, департаментъ полиціи о вышеизложенномъ имѣетъ честь уведомить, что въ отъѣзжаго корпуса жандармовъ, Директоръ П. Дурново».

¹⁾ Свидѣнія о дѣлѣ С. М. смотри въ обвинительномъ актѣ (напечатанъ въ № 4 Железскаго «Соціалдемократа» за 1892 г., а также въ «Обзорѣ важнѣйшихъ дѣланій» за 1889 г. Превосходную характеристику С. М. далъ П. П. Лавровъ (см. «Гол. Мин.», 1917 г., № 7—8).

²⁾ Архивъ Департамента Полиціи, дѣло № 47 за 1889 г., IV дѣлопр., т. VIII, л. 61.

³⁾ Тамъ же, л. 60.

⁴⁾ Тамъ же, л. 63.

⁵⁾ Архивъ Департамента Полиціи Штаба Корпуса Жандармовъ, д. № 1887 г. (по канцеляріи), л. 158.

На этой бумагѣ имѣется карандашная пометка: «переговорить». Рѣчь шла, повидимому, о переговорахъ съ департаментомъ полиціи объ условіяхъ содержанія Гинсбургъ въ крѣпости. Результатомъ этихъ переговоровъ явилось слѣдующее «предложеніе», посланное штабомъ начальнику Шлиссельбургскаго жандармскаго управленія (отъ 2 декабря 1890 г. за № 167)¹⁾.

«Въ огражденіе спокойствія и порядка между содержащимися въ Шлиссельбургской тюрьмѣ арестантами, предлагаю вашему высокоблагородію принять къ соображенію, не будетъ-ли болѣе соответственнымъ по доставленіи государственной преступницы Софіи Гинсбургъ помѣстить ее въ старой тюрьмѣ, если только сообразно настоящаго распредѣленія камеръ окажется возможнымъ такимъ способомъ изолировать ее отъ перестукиванія и всякихъ сношеній съ прочими арестантами. О послѣдующемъ вы имѣете миѣ своевременно донести. Начальникъ штаба генеральнаго штаба генералъ-маіоръ (Петровъ)».

Мысль объ изоляціи Гинсбургъ полк. Кореневу (тогдашній начальникъ шлиссельбургскаго жандармскаго управленія) понравилась, и онъ захотѣлъ даже расширить кругъ изолируемыхъ на всѣхъ женщинъ вообще; его отвѣтъ, датированный 5 декабря 1890 г. (за № 159), гласилъ:

«Государственная преступница Софія Гинсбургъ немедленно по доставленіи ея сюда помѣщена была въ камеру № 4 старой тюрьмы, откуда заблаговременно всѣ помѣтившіяся тамъ ранѣе арестантскія мастерскія перемѣщены были въ свободныя (менѣе удобныя для работы) камеры новой тюрьмы и такимъ образомъ вновь прибывшая арестантка вполнѣ изолирована отъ всякихъ сношеній съ прочими арестантами.

«На предписаніе отъ 2 декабря за № 167, доносъ о семъ. Вашему превосходительству, обязываясь доложить, что въ видахъ общаго спокойствія заключенныхъ было бы весьма полезно на будущее время такимъ же способомъ изолировать и остальныхъ женщинъ отъ всякихъ сношеній съ мужскими, — припоровивши для устройства камеръ (по производствѣ необходимыхъ инженерныхъ работъ) замурованное нынѣ и ничѣмъ не занятое пространство въ двухъ-этажномъ зданіи, находящемся между казармою нѣшей команды (за канитальною для нея стѣною), Свѣтлицною баніею и старою тюрьмою. Изъ этого проекта, изъясненному мною инженеръ-полковнику Воронову, онъ отнесся съ полнымъ одобреніемъ, удостовѣривъ, съ своей стороны, что въ означенномъ пустующемъ зданіи действительно могутъ быть устроены 4 или 5 хорошихъ, вполнѣ изолированныхъ камеръ — въ верхнемъ этажѣ, а въ нижнемъ ванна для тѣхъ же камеръ и хорошее помѣщеніе для караульныхъ жандармовъ...»

«Примѣрная сообразованія и смету стоимости этихъ работъ я просилъ полковника Воронова составить и по полученіи буду имѣть честь представить на усмотрѣніе вашего превосходительства.

«Неправляющей должностъ начальника управленія подполковникъ Кореневъ²⁾».

Взвѣсивъ на столѣ замечанное описаніе, этотъ планъ полк. Кореневъ не встрѣтилъ сочувствія ни въ штабѣ корпусъ, ни, конечно, въ департаментѣ полиціи, хотя Кореневъ и возвращался къ нему въ дальнейшемъ.

¹⁾ Тамъ же, л. 159; хранившійся въ дѣлѣ черновикъ датированъ явно ошибочно 2 ноября; дата «2 декабря» устанавливается изъ текста приводимаго ниже отвѣта начальника шлиссельбургскаго жандармскаго управленія. Тотъ фактъ, что послѣдній предупредилъ предложенный штабомъ мѣры изоляціи С. М., свидѣтельствуетъ о существованіи аналогичнаго предложенія со стороны департамента полиціи, отправленнаго въ Шлиссельбургъ до прибытія туда С. М. Гинсбургъ.

²⁾ Тамъ же, л. 160.

и даже представлять нужную сумму. Проект изоляции женщин-заключенных так и не был осуществлен, и онъ даже не узнали, какая гроза на нихъ надвигалась.

Старая тюрьма, въ которую попала С. М., уже не разъ была описана (наиболѣе подробное описаніе далъ М. В. Новорусскій ¹⁾), тѣмъ не менѣе мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь описаніе этой тюрьмы, за время пребыванія въ ней С. М., данное въ официальномъ документѣ—въ «Отчетѣ о санитарномъ состояніи Шлиссельбургской тюрьмы въ 1890 г.», представленномъ старшимъ врачомъ шлиссельбургскаго жандармскаго управленія — Нарышкинымъ въ штабъ корпуса въ самомъ началѣ января 1891 г.²⁾ Въ этомъ отчетѣ мы читаемъ: «Зданіе старой тюрьмы одноэтажное, съ трехъ сторонъ, почти вплотную, окружено стѣнами 4-хъ саженой высоты, одна только сторона, обращенная на востокъ, и несколько свободная и отстоитъ отъ стѣны сажень на десять. Вслѣдствіе такой обстановки, воздухъ какъ на дворѣ, такъ и въ самомъ зданіи тюрьмы застаивается и слабо вентилируется, и прямымъ слѣдствіемъ является необыкновенная сырость, тѣмъ болѣе, что уровень половъ въ тюрьмѣ немногимъ превышаетъ уровень двора.

«Всѣ камеры, за исключеніемъ двухъ, обращены на западъ. Отапливаніе камеръ и коридора, при помощи круглыхъ желѣзныхъ печей (для каждой камеры по одной печи), производится изъ общаго коридора. Вентилированіе камернаго воздуха производится при помощи одной грушевидной печи, заложеной посреди коридора, къ ней подведены изъ каждой камеры по одному вентиляционному каналу. Слѣдствіемъ такой обстановки является неизбежная сырость въ окружности зданія, а въ особенности камеръ. Лучи солнца освѣщаютъ только по утрамъ коридоръ и двѣ боковыя камеры, а остальные же навсегда лишены солнечнаго освѣщенія, что составляетъ громадный недостатокъ въ гигиеническомъ отношеніи, такъ какъ близость къ стѣнѣ лучи солнечныя освѣщаютъ только крышу тюрьмы. Одна грушевидная печь, назначенная для вентилированія камернаго испорченнаго воздуха, крайне недостаточна для всего помѣщенія, а въ особенности, если тонки вентиляционной печи производится неаккуратно, или какъ было въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, печь совершенно не топили, по причинѣ протерѣннаго дна. Надобно при этомъ замѣтить, что двойныя рамы камеръ, плотно пригнанные двери въ камерахъ вентиляцію естественную дѣлаютъ почти невозможной. При этихъ условіяхъ воздухъ въ камерахъ былъ спертымъ, душный (въ зимнее время), на что неоднократно работавшіе арестанты въ камерахъ заявляли претензіи (большинство камеръ старой тюрьмы были приспособлены для работъ), только, со времени открытія рамъ въ камерахъ и коридорѣ, воздухъ камерный сдѣлался болѣе естественнымъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда всѣ камеры и коридоры были снабжены термометрами, можно было регулировать и температуру. Открываніе рамъ для провѣтриванія камеръ и коридора производилось только въ лѣтнее время и при этомъ въ часы, когда арестанты не занимались работами. Съ введеніемъ въ зимняго времени провѣтриванія камеръ и коридоровъ, для лучшей открытія рамъ, было приспособлено. При условіяхъ, какъ видно, не особенно благоприятныхъ въ гигиеническомъ отношеніи, въ зданіи старой тюрьмы содержались два арестанта, страдающіе разстройствомъ психической сферы, которыхъ необходимо было удалить изъ зданія новой тюрьмы по причинѣ ихъ неадекватности, который они производили въ зданіи, въ безумномъ состояніи мозга и который (шумъ) сильно беспокоилъ арестантовъ.

¹⁾ «Былое» 1907 г., № 6, стр. 6—7, «Въ Шлиссельбургской крѣпости».

²⁾ Архивъ штаба Корпуса жандармовъ, д. № 11 за 1891 г., по канцеляріи, л. 16.

стантовъ. Было упомянуто, что большинство камеръ старой тюрьмы были превращены въ мастерскія, сапожную, столярную, токарную. Съ декабря же мѣсяца, по случаю заключенія арестантки № 33 ¹⁾ въ старую тюрьму, всѣ мастерскія были переведены въ камеры нижняго этажа новаго зданія.

Между тѣмъ попавшая въ такую обстановку С. М. Гинсбургъ съ самаго момента прибытія въ тюрьму начала страдать нервнымъ разстройствомъ. Въ отчетахъ врача о ней имѣются слѣдующія упоминанія: въ отчетѣ за декабрь 1890 г. (отъ 5 января 1891 г., за № 12 ²⁾:

Арестантка № 33 прибыла совершенно здоровой, заключенная въ одну изъ камеръ старой тюрьмы, при условіяхъ не особенно благопріятныхъ для здоровья, физически чувствовала себя хорошо, но страдала бессонницей и крайней возбудительностью всей нервной системы, которая выражалась въ бессонницѣ и слезахъ.

Приблизительно также средактировано упоминаніе о С. М. въ годовомъ отчетѣ врача ³⁾:

«№ 33. При общемъ изслѣдованіи, состояніе здоровья найдено вполне удовлетворительное. Въ теченіе декабря мѣсяца хворала экземою и общимъ разстройствомъ нервной системы. Была постоянно въ возбужденномъ состояніи и страдала бессонницей.»

О томъ, каковы были переживанія С. М., мы узнаемъ изъ ея прошенія, поданнаго ею на имя командира отдѣльнаго корпуса жандармовъ 18 декабря 1890 г.; вотъ его полный текстъ ⁴⁾:

Его превосходительству господину командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Софій Гинсбургъ. Прошеніе.

«Умоляю ваше превосходительство назначить мнѣ другое мѣсто для отбыванія каторги, гдѣ допускается переписка съ матерью и гдѣ не приходится быть въ одиночномъ заключеніи. Клянусь всѣмъ святымъ для меня, что я правдиво объяснила назначеніе воззванія и что покушенія я не подготовляла ⁵⁾. Я глубоко и искренно раскаяна въ моемъ преступленіи желаніи содѣйствовать какому нибудь противоправительственному дѣлу, и раскаиваюсь не съ тѣхъ поръ, какъ попала въ Шлиссельбургъ; но съ того дня, когда оставила воззваніе у Татаринова. Я не высказывала этого до сихъ поръ,

¹⁾ Всѣ заключенные Шлиссельбургской тюрьмы обозначались номерами, подѣ № 33 въ 1890—91 г.г. проходитъ С. М. Гинсбургъ.

²⁾ Дѣло штаба корп. жанд., № 9 за 1887 г., л. 187.

³⁾ Дѣло № 11 за 1891 г., л. 23.

⁴⁾ Дѣло № 9 за 1887 г., л. 199.

⁵⁾ Главною, почти единственною уликою на судѣ противъ С. М. былъ проектъ воззванія, объяснявшаго мотивы убійства цари (это воззваніе С. М. забыла въ магазинѣ Татаринова, который его досталъ въ полицію). Департаментъ полиціи, за нимъ и судѣ, связали это воззваніе съ бомбами, неудачные опыты съ которыми въ это время производили народоутоляющіе Шинцарин (Дембо, Дембскій и др.) и создали дѣло о заговорѣ противъ царя. С. М. объясняла, что это воззваніе ей продиктовано однимъ «человѣкомъ изъ общества», слышавшимъ за либерала, но оказавшагося большимъ радикаломъ, для сообщенія его, какъ изложенія его точки зрѣнія, П. Л. Лаврову (см. обвин. актъ).

На судѣ С. М. отрицала наличность замысла организовать такое-либо покушеніе, указывая, что ея «легкомысленное отношеніе къ лицамъ знакомымъ указываетъ прямо, что она не принадлежитъ къ «террору». Себя она признавала «виновной лишь въ томъ, что вовлекла близкихъ ей людей», всѣ же остальные подсудимые рѣшительно ни въ чемъ не виновны: «они жертвы случайнаго совпаденія обстоятельствъ». Къ этому послѣднему пункту С. М. возвращается не разъ, и послѣдними ея словами на судѣ была обращенная къ суду просьба, отнестись внимательнѣе къ другимъ обвиняемымъ (свидѣнія заимствованы изъ отчета о ходѣ суда, составленнаго присутствовавшимъ на судѣ представителемъ департамента полиціи; хранится въ архивѣ департамента полиціи: дѣло 17, т. 8, — V дѣл. 1889 г., л. 48).

чтобы не подать повода сомневаться въ правдивости моихъ показаній относительно другихъ сообщаемыхъ, пострадавшихъ изъ за меня и ради меня, я даже преднамеренно оговаривала себя, желая искупить свою вину. Сознано теперь, что это была ошибка, я лено вижу, что судъ лишь потому не повѣрилъ моимъ показаніямъ, что я не воспользовалась должнымъ образомъ правомъ защиты, не поданіемъ своего волненія, чтобы изложить передъ судомъ всѣ данныя, доказывающія мою правдивость.

«Полтора года я была въ одиночномъ заключеніи, никого не видя, ни съ кѣмъ не говоря, такъ какъ не имѣла даже свиданій, и по одному этому обстановка суда ошеломила меня. На волѣ не было у меня никого, чтобы во время приглашенія защитника, а мой приглашенія, покуда прошли черезъ всѣ инстанціи, дошли такъ поздно, что только надѣлали путаницу, и до вечера 29 ноября, кануна суда, я даже не знала, кто будетъ меня защищать. Начальникъ дома предварительнаго заключенія могъ подтвердить это. Отъ приглашеннаго адвоката пришлось отказаться, такъ какъ я думала, что назначенный мнѣ особый присутствіемъ Андріевскій уже изучилъ дѣло и приготовился къ защитѣ, между тѣмъ въ 8 часовъ веч. 29 ноября онъ занесъ ко мнѣ и сообщилъ, что былъ такъ занятъ своими дѣлами, что о моемъ и подумать не успѣлъ. Даже со мною не могъ поговорить о немъ, потому что спѣшилъ по своимъ дѣламъ. Меня это страшно разстроило. Тутъ же неожиданно въ тотъ самый вечеръ пріѣхала моя мать. Онъ же я узнала потрясающія вѣсти о братѣ Семѣѣ Стояновскомъ. Въ день суда узнала, что и Михаилъ (Стояновскій ²⁾) боленъ чахоткою. Все это лишило меня всякой возможности разсуждать и мои усилія были направлены на то, чтобы самой съ ума не сойти и не положить на себя руки. Двухъ словъ связать я не въ состояніи была на судѣ. Я даже не обратила вниманія суда на то, что среди всѣхъ лицъ, арестованныхъ со времени взрыва въ Цюрихѣ, слѣдствіе не нашло моихъ знакомыхъ, что я не имѣла никакихъ связей съ революціоннымъ кружкомъ, существовавшимъ тогда въ Петербургѣ и состоявшимъ въ связи съ иностранной, какъ заключила я изъ допросовъ. Меня допрашивали въ губернскомъ жандармскомъ управленіи по поводу многихъ арестованныхъ, ни смѣло сказать на свидѣтельствующихъ производившихся слѣдствіе. Все же тѣ, съ которыми я была близка и сталкивалась, по послѣдствію этихъ признаній давали суду не принадлежавшіе къ преступному сообществу, а только изъ личной привязанности укрывавшіе меня. Всѣ показанія подтвердили, что главной моей заботой было примаскировать заплѣтъ и что, будучи таковой, я работала съ 6 час. утра до 9 час. веч. Какъ же я могла не приготовить покушеніе, когда не было у меня ни знакомыхъ въ революціонномъ мірѣ, ни денежныхъ средствъ, даже къ собственному существованію, ни чего бы то ни было компрометирующаго ни у меня, ни у лицъ, судившихся вмѣстѣ со мною. Опыетельно же воззванія я сама чистосердечно признала, что оставила его у Татариннова и, хотя писано и составлено оно не мною, и хотя Татаринновъ указывалъ на другое лицо, будто бы оставившее его. И не обратила вниманія суда на восклицательныя и вопросительныя знаки, которыми непереносимо воззваніе. Видѣ что яено доказываетъ несогласіе съ содержаніемъ не только переписки, но и мое тѣло. Судъ совершенно притупилъ, что я хранила воззваніе для отправки. Какъ же могла я оставить эти знаки, если бы авторомъ была я, или если бы желала послать его, какъ вызовъ къ террору. Все это въ извѣстной степени вѣдныя обстоятельства, а я имѣю о

²⁾ Стояновскіе—двоюродные братья С. М., изъ показаній М. Стояновскаго на слѣдствіи извѣстны такіе, что С. М. была его гражданской женой (см. обвин. актъ).

нихъ не сказала суду. Конечно, особое присутствіе не могло знать, въ какомъ состояніи я нахожусь и почему не оправдываюсь, почему мои защитники ничего не сказать, кромѣ нѣсколькихъ общихъ, ничего не значущихъ фразъ. Въ этомъ самомъ оно могло усмотрѣть лучшее доказательство моей виновности. Вотъ почему я безропотно подчиняюсь приговору и прошу только о перемѣщеніи въ менѣ тяжелыя условія. Заключение въ Шлиссельбургѣ мнѣ невыносимо, но я позволю себѣ обратиться къ вашему превосходительству съ настоящей просьбой лишь потому, что на моей совѣсти не тяготеетъ никакихъ преступныхъ дѣяній, а въ моей тяжелой долѣ я не имѣю никакихъ желаній, кромѣ одного: своимъ терпѣніемъ утѣшить мать и не лишить ее надежды, что поведеніемъ на каторгѣ я заслужу смягченія приговора и когда-нибудь еще выйду на волю, чтобы пожить съ нею. Вѣрьте мнѣ, ваше превосходительство, что все, сказанное въ этомъ прошеніи, истинно; что это молитва человѣка, покончившаго всѣ расчеты съ жизнью и готовато во всякую минуту съ чистой совѣстью предстать предъ возмущеннымъ и всевидящимъ Судьею. Я съ радостью подчинюсь какому угодно матеріальнымъ лишеніямъ, буду исполнять какія угодно тяжелыя работы, только перемѣстите меня въ условія, не угрожающія моему психическому состоянію и допускающія сообщенія съ родными.

«Какое бы ни было ваше рѣшеніе, прошу ваше превосходительство отвѣтить мнѣ на это прошеніе. Софія Гинсбургъ».

Это прошеніе С. М. было препровождено командиру корпуса жандармовъ при слѣдующей сопроводительной бумагѣ исп. должности начальника шлиссельбургскаго жандармскаго управленія подп. Коренева ¹⁾.

«Представляю при семъ къ подлинникѣ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, врученное сего числа мнѣ при посѣщеніи тюрьмы арестанткой № 33 прошеніе и доношу, что арестантка это все время была собою здѣсь вполне безупречно, хотя одиночное заключеніе и производить на нее видимо подавляющее и весьма сильное впечатлѣніе. И. д. нач. управленія подполк. Корень».

Въ этой бумагѣ, несмотря на ея официальную сухость, проскальзываетъ нотка сочувствія къ С. М. Гинсбургъ, — очевидно, тяжести ея положенія и искренность страданій дѣйствовали даже на тюремщиковъ. Въ еще большей степени эта нотка сочувствія къ С. М. Гинсбургъ замѣтна въ другой бумагѣ того же подп. Коренева ²⁾:

«№ 163.

Секретно

«Командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ товарищу министру внутреннихъ дѣлъ заведывающему полиціею.

Рапортъ.

«Вчерашняго числа при посѣщеніи мною старой тюрьмы, арестантка № 33, видимо находившаяся въ возбужденномъ состояніи, подъ вліяніемъ одиночнаго заключенія, обратилась ко мнѣ съ просьбою разъяснить ей нѣкоторыя, особенно интересующіе ее, вопросы, какъ напримѣръ—дозво-

¹⁾ Дѣло штаба, № 9 ва 87 г., л. 198, отношенія отъ 19 дек. 90 г. за № 171.

²⁾ Тамъ же, л. 201, къ дѣлу пришта копія, на которой дата не сохранилась, потому что, къ которому относится приводимый разговоръ, точно установить не удастся, однако, несомнѣнно, что рѣчь идетъ о послѣднихъ дѣяхъ 1890 г.

лется ли заключеннымъ здѣсь: переписка, свиданія съ родственниками можетъ ли она всё, принадлежащія ей собственныя деньги (42 р. 68 к.) пожертвовать полностью на вынѣску, по ея указанію, нѣкоторыхъ книгъ для чтенія заключенныхъ здѣсь арестантовъ, на какой срокъ заключеніи здѣсь и прочіе, а затѣмъ, выслушавши сдѣланныя мною, въ предѣлахъ инструкціи, утвержденной 4 августа 1884 года, разъясненія на всё эти вопросы, повидимому, уже болѣе спокойно, но со слезами на глазахъ, заявила мнѣ, что готова совершить вновь такого рода преступленіе, за которое согласно, вывѣшеннаго на стѣнѣ ея камеры печатнаго экземпляра статей изъ вышеприведенной инструкціи, должна быть приговорена къ смертной казни.

«Донеся о вышеизложенномъ вашему превосходительству, обязываюсь присовокупить, что въ теченіе прошедшихъ послѣ моего посѣщенія, сутокъ упомянутой арестантка вела себя спокойно, что за нею имѣется тщательное наблюденіе, незамѣтное для заключенной, и что сообщеніе желаемыхъ свѣдѣній о ея ближайшихъ родныхъ, на что (въ виду бывшихъ примѣровъ милостиваго вниманія вашего превосходительства къ такого рода просьбамъ) я считъ возможнымъ дать ей нѣкоторую надежду, могло бы, по моему мнѣнію, послужить къ успокоенію заключенной, еще не освоившейся со своимъ вполнѣ изолированнымъ положеніемъ здѣсь, видимо, угнетающимъ ее по новости впечатлѣній. Исправляющій должность начальника управленія подполковникъ Горюновъ».

Департаментъ полиціи не такъ легко поддавался «сентиментальностямъ», какъ поды Горюновъ, и удовлетвореніе прошенія С. М. тамъ было признано «нежелательнымъ»¹⁾. Какъ видно изъ дѣлъ, единственное обязательство, которое было признано возможнымъ допустить по отношенію къ Гинсбургъ, было разрѣшеніе работать, — ей выдали все необходимое для шитья. Гинсбургъ охотно воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ: въ вѣдомости работъ, сдѣланныхъ арестантками за январь 1891 г., значится, что «арестантка № 33» сшила одну кофту и одинъ женскій кальсонъ изъ бѣлаго холста»²⁾. Но нужного душевнаго равновѣсія С. М. это не принесло, и 7 января она покончила свою жизнь самоубійствомъ. Официальные документы³⁾ рисуютъ слѣдующую картину этого самоубійства.

№ 14

Секретно.

«Командиру отдѣльнаго корпуса жандармовъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ завѣдывающему полиціею.

Р а п о р т ъ.

«Вчерашняго числа въ пеходѣ четвертаго часа пополудни старшій помощникъ подполковникъ Федоровъ доложилъ мнѣ, что содержащаяся въ камерѣ № 4 Старой тюрьмы арестантка Софья Михайлова Гинсбургъ, (№ 33) сарказмъ выданными ей для занятія швейною работою книжками. Осиревшійся немедленно по этому докладу на мѣсто происшествія, куда вслѣдъ за мной прибылъ старшій врачъ сего управленія статскій совѣтникъ

1) «Вѣстникъ» № 13, стр. 60.

2) Дѣло № 11, за 1891 г., л. 32.

3) Тамъ же, л. 12; рапортъ и судебно-медицинскій актъ вскрытія хранились вмѣстѣ въ запечатанномъ пакетѣ съ подписями: «Совершенно секретно» и «пріобщена къ дѣлу канцеляріи Штаба 1891 г. № 11 въ запечатанномъ конвертѣ въ виду важности секрета о сообщеніемъ. И. д. секретари штаба Нестеровъ».

Нарышкинъ, мы възвѣнную выше арестантку, нашедшую въ занимаемой ею камерѣ на койкѣ — спящую; причемъ голова была поворочена нѣсколько на правую сторону лицомъ къ стѣнѣ. Въ виду того обстоятельства, что заключенная находилась въ безчувственномъ состояніи, старшимъ врачомъ были приняты надлежащія медицинскія мѣры къ приведенію ея въ чувство. Когда всѣ усилія въ этомъ направленіи оказались безплодными, и было положительно констатировано, что передъ нами находится безжизненный трупъ, то и было приступлено къ судебно-медицинскому изслѣдованію его. Копію составленнаго по этому поводу акта при семъ представляю. Затѣмъ къ выясненію обстоятельствъ настоящаго случая мною приступлено было къ производству дознанія, по которому оказалось, что заключенная нѣсколько ночей плохо спала, а ночь на прошлой недѣлѣ много плакала, что все время съ прибытія сюда вела себя тихо, подобно, въ виду чего и для разсвѣянія скуки одиночнаго заключенія, ей на основаніи §§ 38, 42, 44 инструкціи, утвержденной 4 августа 1884 года, было разрѣшено заниматься шитьемъ бѣлья, для чего выданы были нужные матеріалы, иголки, нитки и ножницы (совершенно тупоконечными съ закрученными концами), что вчерашнее число до обѣда Софія Гинсбургъ проводила въ обычныхъ занятіяхъ, а послѣ обѣда прилегла на койку, сначала безъ одѣяла, а потомъ прикрывшись имъ до лица, что безъ 20 минутъ въ 4 часа пополудни она вскрикнула, и что по этому поводу дежурнымъ унтеръ-офицеромъ Германомъ вызванъ былъ въ тюрьму сначала вахмистръ Пригубскій, а затѣмъ, по распоряженію послѣднимъ, и начальникъ тюрьмы, что самоубійство совершено посредствомъ поминутныхъ вышекъ ножницъ, лежа на койкѣ — подъ прикрытіемъ одѣяла. По осмотру камеры все въ ней найдено въ должномъ порядкѣ, на столѣ стояли обѣднная посуда, книги, выданныя для чтенія изъ тюремной бібліотеки и выданный рубль закладочной кассы, которая при семъ присутствіи не подавалась, а на койкѣ бѣлыя трупа лежали окровавленные ножницы, тѣ самыя, которыя были выданы начальникомъ тюрьмы заключенной для кройки бѣлья, никакихъ другихъ оружіевъ и инструментовъ въ камерѣ не найдено.

По производствѣ къ вышеозначенному дознанію мною производствъ, что сего числа въ 5 часовъ пополудни трупъ умершей арестантки преданъ землѣ за стѣною крѣпости, въ саду Свѣтлицкой садовъ. Исправительной должности начальника управленія, подполковникъ *Корнева*.

Судебно-Медицинскій актъ о скоропостижно умершей арестанткѣ, заключенной въ Шлессельбургской тюрьмѣ, Софіи Гинсбургъ.

«Сего 1891 года, января 7-го, въ исходѣ четвертаго часа пополудни въ присутствіи исправительной должности начальника шлессельбургскаго жандармскаго управленія подполковника Корнева, помощника его подполковника Федорова и дежурныхъ унтеръ-офицеровъ Германа, Ермолика и Сергіенко, въ зданіи старой тюрьмы, въ камерѣ № 4, было произведено судебно-медицинское изслѣдованіе трупа скоропостижно умершей арестантки Софіи Гинсбургъ, для опредѣленія причины смерти.

«Н а р у ж и м ы о с м о т р ѣ. Въ камерѣ арестантка лежала на кровати, прикрытая одѣяломъ, съ согнутыми немного ногами въ колѣнномъ сгибѣ и съ лицомъ, повернутымъ къ стѣнѣ. Одѣя подушки подъ голову и плечи были пропитаны кровью, покрыты и склеены слезками свернувшейся крови; часть стѣны и постель подъ кроватью, на уровнѣ головы, были

залиты свернувшейся кровью, на пространстве квадратного фута. Ноги лица крайне блѣднаго цвѣта, губы и слизистыя оболочки безкровны, глаза полузакрыты, неподвижны, зрачки расширены и на свѣтъ не реагировали. Вся передняя и задняя поверхность шеи запачкана кровью, частью свернувшейся. Спереди, на срединѣ шеи, какъ разъ на продолженіи вертикальной оси тѣла, имѣется рана эллиптической формы, съ продолженнымъ діаметромъ около дюйма, который направленъ сверху внизъ и справа нѣсколько поперечный діаметръ раны полдюйма. Краи раны гладкіе, поверхность раны покрыта свернувшейся темнаго цвѣта кровью. При изслѣдованіи раны палецъ легко проникаетъ въ каналъ, который имѣетъ направленіе спереди назадъ, сверху внизъ и справа нѣсколько и въ глубину проникаетъ около полдюйма дюйма. Общая сонная артерія и внутренняя яремная вена порѣзаны. Вся задняя поверхность кофты на арестанткѣ, рубашки, а также и все постельное бѣлье и матрацъ пропитаны кровью. Количество вылившейся крови изъ раны можно полагать до двухъ съ половиною фунтовъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ тѣла, кромѣ крайней блѣдности общихъ покрововъ, никакихъ поврежденій не замѣчено. Признаки жизни въ началѣ осмотра уже отсутствовали.

С в ѣ д ѣ н і я п р е д в а р и т е л ь н ы я. По настоящему дѣлу мнѣ извѣстно, что арестантка пять недѣль тому назадъ была доставлена совершенно здоровой, только имѣла незначительную экзематозную сыпь на лѣвой щецѣ, отъ которой чрезъ нѣсколько дней и излечилась. Во все время заключенія арестантка вела себя хорошо; при разспросахъ о здоровьи всегда отвѣчала, что совершенно здорова, жаловалась только на безсонницу, отъ чего разъ и получила лекарства; кромѣ того, было замѣчено, что она все время была въ возбужденно-нервномъ состояніи. Въ теченіе пяти недѣль прогулкою она не пользовалась ни разу. Въ послѣднее время ей стали давать матеріалъ для шитья и необходимыя принадлежности: нитки, иглы и ножницы.

М и ѣ н і е. На основаніи вышеприведенныхъ фактическихъ данныхъ можно предполагать, что самоубійство произведено съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ; орудіемъ же послужили данныя ей для работы ножницы, и, можно предполагать, что оно было совершено на кровати слѣдующимъ образомъ: ножницами сначала была разрѣзана кожа на шеѣ, съ подкожною клетчаткою, до мышечнаго слоя, постѣ, въ сдѣланную рану были введены вѣтви ножницъ справа нѣсколько, сверху внизъ и спереди назадъ, но направленію общей сонной артеріи и внутренней яремной вены, которыя и были вскрыты однимъ ударомъ ножницъ. За вскрытіемъ главныхъ кровеносныхъ сосудовъ смерть должна была постѣдовать въ нѣсколько минутъ, смотря по количеству вылившейся крови. При такомъ раненіи своевременное поданіе медицинскаго пособія и сохраненіе жизни было невозможно.

З а к л ю ч е н і е. Весь осмотръ сдѣланъ по сущей справедливости и совѣсти, согласно правиламъ медицины, долгу службы и приязни. въ чемъ подписью и приложеніемъ именной печати удостоверяю. Января 7-го дня 1891 года.

Подлинный подписалъ старшій врачъ шлисельбургскаго жандармскаго управленія статскій совѣтникъ *Нарышкинъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно: исправляющій должность начальника шлисельбургскаго жандармскаго управленія, подполковникъ *Кореневъ*.

Тетрадь, оставшаяся послѣ С. М., такъ, мы уже отвѣдали, намъ итакъ не удалось, а между тѣмъ только она одна могла бы вскрыть дѣйствителъную причину самоубійства Гинсбургъ. Единственный, имѣющійся въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніи о ней, — это данныя, опубликованныя въ № 13 заграничнаго «Вѣстога». Ихъ мы приносимъ поспѣшно.

1.

«18 января 1891 г.

«Въ тетради, оставленной послѣ умершей государственной преступницы Софій Гинсбургъ, наѣбется, между прочимъ, такая записъ: «Обращаю вниманіе начальства тюрьмы на положеніе сумасшедшаго заключеннаго. Жандармы для времяпрепровожденія останавливаются у его дверей и начинаютъ всячески издѣваться надъ нимъ, доходя до невѣроятной животной гнусности... И два раза останавливала жандармовъ, но такое обращеніе къ ихъ правственному чувству было недостаточно, и лишь угроза пожаловаться начальству заставила ихъ отказаться отъ этого дикаго развлеченія».

«По докладѣ сего г. директору, его превосходительство позволилъ приказать сообщить коню этой записки полковнику Кореневу и просить его представить по ней объясненіе...»

«Дѣлопроизводитель *Зволинскій*».

2.

«22 января 1891 г.

«Для разъясненія случая, упомянутого въ вышеслѣ. приложенной къ требованію департамента полиціи отъ 19-го числа сего мѣсяца за № 283, своевременно было произведено негласное разслѣдованіе, по которому оказалось, что 26-го числа минувшаго декабря мѣсяца унтеръ-офицеры: Мелентовичъ, Вичуенниковъ и Голушко были дежурными въ Старой тюрьмѣ, куда послѣ обѣда прибыли нестроевой Марковъ, пачавшій развозить дрова и топить камерныя печи, а унтеръ-офицеръ Вичуенниковъ, помогая ему, подкладывать въ вытяжной каминъ (находившійся въ корридорѣ по сосѣдству съ камерою № 4, гдѣ содержалась арестантка № 33) коксъ. мѣшалъ его по чертогу; въ это время безъ всякой побудительной причины, арестантка № 3-й въ порывѣ буйнаго помѣшательства, подошла къ двери своей камеры, началъ громкогласно кричать, произнося самыя неприличныя слова и матерную брань противъ жандармовъ, какъ это бывало съ нимъ и ранѣе неоднократно, за что собственно, какъ нарушающій общее спокойствіе заключенныхъ, онъ и перемѣщенъ сюда изъ Новой тюрьмы; эти-то крики и брань, совершенно неожиданно испугавшіе арестантку № 33, побудили ее, посредствомъ стука въ дверь своей камеры, вызвать дежурнаго унтеръ-офицера Мелентовича, который немедленно явился и въ которомъ она обратилась съ вопросомъ: «скажите, пожалуйста, отчего тотъ арестантъ такъ шумитъ?» А когда Мелентовичъ объяснилъ ей, что на арестанта этого напелъ кризисъ бывавшихъ съ нимъ болѣзненныхъ припадковъ, когда онъ самъ не знаетъ, что дѣлать, то арестантка № 33, видимо, не довѣряя такому объясненію, возразила: «вы его (т. е. арестанта) не трогайте, а то я буду жаловаться начальству». Обо всемъ происшедшемъ, какъ значится выше, въ тотъ же день и 27 числа декабря, когда болѣзненный припадокъ у арестанта № 3 окончился, было нахаженомъ доложено начальнику тюрьмы, который, уже лично объяснивъ арестантку № 33, въ чемъ дѣло, окончательно ее успокоилъ. Надо полагать, что это самое обстоятельство и записано было въ тетрадь умершею арестанткою. Къ вышесказанному добавляю, присовокупить, что при всѣхъ посѣщеніяхъ моихъ Старой тюрьмы, я всегда спрашивалъ означенную арестантку, не беспокоить-ли ее болѣзней своимъ произвольнымъ крикомъ. И она всегда отвѣчала, что пока не знала, въ чемъ дѣло, то сильно волновалась, придавая ему преувеличенное значеніе; теперь же въ этихъ случаяхъ будетъ отношеніемъ совершенно покойно, такъ какъ сама непосредственно увидавъ уже убѣдиться, что съ заключенными здѣсь обращаются по человѣчески и содержатъ ихъ хорошо. Иск. д. иск. упр. подп. *Кореневъ*».

Сообщилъ Б. И. Николаевскій.

Достоевскій о „Братьяхъ Карамазовыхъ“.

Неизданныя письма 1879.—1881 гг. ¹⁾.

Весь 1878 годъ у Достоевскаго пошелъ на писаніе «Братьевъ Карамазовыхъ»²⁾. Печатаніе этого крупнѣйшаго и любимѣйшаго произведенія, — о которомъ въ № 307 «Московскихъ Вѣдомостей» 1878 г., отъ 2 декабря, было помѣщено извѣщеніе, что «печатаніе новаго романа Ф. М. Достоевскаго «Братья Карамазовы» начнется съ январской 1879 г. книжки «Русскаго Вѣстника», — заняло у Достоевскаго цѣлыхъ два года—1879 и 1880³⁾. Изъ публикуемой ниже переписки, не требующей большихъ поясненій, видно, какъ много хлопотъ вышло на долю Достоевскаго въ связи съ изданіемъ романа, сколько затрудненій и осложненій — и внутренняго, и вѣшняго порядка — пришлось ему пережить прежде, чѣмъ онъ увидѣлъ въ печати эпилоть своей эпопеи.

1.

Петербургъ, 30 Января/79.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Завтра, т. е. 31 января, высылаю Вамъ продолженіе романа моего (Карамазовы), книгу третью (всю). Этой книгой третьей заканчивается вся первая часть романа. Такимъ образомъ, первая Часть состоитъ изъ трехъ книгъ.

¹⁾ Раннія письма Достоевскаго къ редакторамъ «Русскаго Вѣстника» М. Н. Каткову и П. А. Любимову напечатаны въ № 14 «Былого» въ статьѣ «Достоевскій—сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“».

²⁾ «Работаю романъ», — писалъ Достоевскій В. О. Пудиковичу изъ Старой Руссы 29 августа 1878 г., «но дѣло идетъ какъ-то туго, и я только лишь въ началѣ, такъ что я очень недоволенъ собой» («Московский Сборникъ», изд. С. Шарановымъ, Москва, 1887 г., стр. 7). «Романъ я началъ и пишу, сообщалъ онъ С. А. Юрьеву 11 іюня 1878 г., изъ Старой Руссы, но онъ далеко не доконченъ, — онъ только что началъ... Когда я послѣ долгаго сотрудничества въ «Русскомъ Вѣстникѣ» напечаталъ мой романъ „Подростокъ“ у Некрасова, по предложенію послѣдняго, хотя зналъ этого романа „Русскій Вѣстникъ“, я увѣдомилъ М. Н. Каткова, что все-таки считаю себя преимущественно его сотрудникомъ. Вотъ почему на счетъ теперешняго романа уже вошелъ съ Мих. Никифоровичемъ и даже взялъ изъ нихъ редакцію 2.000 руб. впередъ (какъ и всегда прежде бралъ впередъ). Тѣмъ не менѣе о романѣ моемъ мы съ нимъ окончательно не рѣшили, по причинамъ, которыя, по подробностямъ яхъ, трудно уместить въ письмо, по которымъ, въ сущности, заключаются въ обстоятельствахъ постороннихъ, до литературной сущности романа не относящихся, по могущихъ случиться и быть разьясненными, лишь въ концѣ сентября или въ октябрѣ сего 1878 года». («Въ память С. А. Юрьева», Сборникъ, Москва, 1890 г., стр. 279).

³⁾ «Русскій Вѣстникъ» 1879 г., №№ 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 1880 г., №№ 1, 4, 7, 8, 9, 10 и 11.

Всего Частей будетъ три и каждая Часть будетъ соответственно дѣлиться на книги, а книги—на главы.

Въ этой третьей книгѣ всего восемьдесятъ восемь моихъ полулистковъ, что и составитъ, кажется, ровно $5\frac{1}{2}$ листовъ «Русскаго Вѣстника».

Такимъ образомъ, вся 1-я Часть романа будетъ содержать въ себѣ отъ 13-ти до 14-ти печатныхъ листовъ «Русскаго Вѣстника». Вмѣстѣ съ симъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, сиблю Васъ заранѣ предупредить, что на Мартовскую книжку «Русскаго Вѣстника» я ничего не могу (не въ силахъ) прислать, такъ что печатаніе 2-й Части начнется съ 4-й, т. е. съ Апрельской книжки «Русскаго Вѣстника», и эту вторую Часть я тоже напечатать желаю бы непрерывно, до самаго ея окончанія.

Съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ буду ожидать изъ Редакціи корректуръ 2-й Части. Всѣ корректуры буду высылать заказными. (Н.В. Третью Часть романа высылаю теперь тоже въ заказномъ пакетѣ, равно какъ и это письмо).

Такъ ли я адресуя, и хорошо ли, что я слишкомъ подробно прибавляю въ адрессъ: «На Страстной бульварѣ» и т. д.?

Я до сихъ поръ въ чрезвычайномъ безпокойствѣ: дошли ли до Васъ съ высылки корректуръ первой Части? Только одну послѣднюю корректуру, послѣ Вашей телеграммы, я послалъ заказною. Первые же три отослалъ незаказными. Это меня чрезвычайно безпокоитъ, тамъ было не много поправокъ, но онѣ существенныя.

И такъ съ нетерпѣніемъ жду корректуръ этой третьей, высылаемой теперь книги. Кстати: убѣдительнѣе прошу Васъ напечатать эту третью книгу ($5\frac{1}{2}$ листовъ) въ Февральскомъ № «Русскаго Вѣстника» всю, безъ перерыва, не дробя, напримѣръ, на Мартъ, въ который я не могу дать текста. Совершенно нарушится гармонія и пропорція художественная. Я же эту третью Книгу, теперь высылаемую, далеко не считаю дурною, напротивъ, удавшеюся. (Простите великодушное маленькое самохвальство. Вспомните Ап. Павла: «Меня не хвалить, такъ я самъ начну хвалиться»).

Убѣдительнѣе прошу Васъ передать глубочайшее мое уваженіе Вашей супругѣ.

Засимъ примите и Вы увѣреніе въ моемъ уваженіи и лучшихъ къ Вамъ чувствахъ.

Вашъ слуга

Федоръ Достоевскій.

Въ послѣднемъ письмѣ, отъ 10 мая 1879 г. встрѣчаю обычныя у Достоевскаго сужденія объ анархизмѣ и социализмѣ: аналогичныя мысли высказалъ онъ и въ письмѣ къ В. Ф. Душникову, писанномъ нѣдѣлю раньше — 3 мая 1879 г. (см. «Московский Сборникъ», подъ ред. Струка Шаранова, Москва, 1887, стр. 11—12; ср. тамъ же стр. 7—8).

2.

10 Мая/79. Старая Русса.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Согласно извѣстать на Ваше имя въ Редакцію Р. Вѣстника два съ половиною (шестнадцать) листа текста Братьевъ Карамазовыхъ для предстоящей Майской книги Р. Вѣстника.

Это Книга пятая, озаглавленная Pro и Contra, но не вся, а лишь половина ея. 2-я половина этой 5-й книги будет выслана (своевременно) для Гильдии книги и заключать будет три листа печатных. Я потому принужденъ быть разбить на 2 книги Русскаго Вѣстника эту 5-ю Книгу моего романа, что, во 1-хъ Если бы даже и напрячь все усилія, то кончилъ бы ее развѣ къ концу Мая (за сборами и переѣздомъ въ Старую Руссу слишкомъ запаздывалъ), стало быть не получилъ бы корректуръ, а это для меня важнѣе всего; во 2-хъ Эта 5-я Книга въ моемъ взрѣвѣ есть кулиминаціонная точка романа, и она должна быть закончена съ особенною тщательностью. Мысль ея, какъ Вы уже увидите изъ посланнаго текста, есть изображеніе крайняго богохульства и зерна идеи разрушенія нашего времени въ Россіи, въ средѣ оторвавшейся отъ дѣйствительности молодежи и рядомъ съ богохульствомъ и анархизмомъ—опроверженіе ихъ, которое и готовится съ мною теперь въ послѣднихъ словахъ умирающаго Старца Зосимы, одного изъ лицъ романа. Такъ какъ трудность задачи, возной мною на себя, очевидна, то Вы, конечно, поймете, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, и извините то, что я лучше предпочелъ растянуть на 2 книги, чѣмъ испортить кулиминаціонную главу моего послѣдностью. Въ цѣломъ глава будетъ исполнена движенія. Въ томъ же текстѣ, который я теперь выслалъ, я изображаю лишь характеръ одного изъ главнѣйшихъ лицъ романа, выражающаго свои основныя убѣжденія. Эти убѣжденія есть именно то, что я признаю Силитозомъ современнаго русскаго анархизма. Отрицаніе не Бога, а смысла его созданія. Весь социализмъ вывелъ и началъ съ отрицанія смысла исторической дѣйствительности и дошелъ до программы разрушенія и анархизма. Основныя анархисты были, во многихъ случаяхъ, люди искренно убѣжденные. Мой герой беретъ тому, по моему, прототипомъ: безсмысленнаго страданія дѣтей и вывести изъ нея абсурдъ всей исторической дѣйствительности. Не знаю, хорошо ли я выполнилъ, но знаю, что лицо моего героя въ высочайшей степени реальное. (Въ Вьсахъ было множество лицъ, за которыхъ меня укоряли, какъ за фантастическія, потомъ же, вѣрнее-ли, они все оправдались дѣйствительностью, стало быть вѣрно были угаданы. Мнѣ передавали, напримѣръ, К. П. Полюдоносцевъ о двухъ, трехъ случаяхъ изъ задержанныхъ анархистовъ, которые поразительно были схожи съ изображенными мною въ Вьсахъ). Все, что говорится моимъ героемъ, въ посланномъ Вамъ текстѣ, основано на дѣйствительности. Съ анекдоты о дѣтяхъ случились, были, напечатаны въ газетахъ, и я могу указать, гдѣ.—ничего не выдуманно мною. Генералъ, затравившій собаками ребенка, и весь фактъ—дѣйствительное происшествіе, было опубликовано публициею зимой, кажется, въ «Архивѣ» и перепечатано во многихъ газетахъ. Богохульство же моего героя будетъ торжественно опровергнуто въ слѣдующей (Гильдийской) книгѣ, для которой и работаю теперь съ страхомъ, трепетомъ и благоговѣніемъ, считая задачу мою (разбитіе анархизма) гражданскимъ подвигомъ. Пожалуйста мнѣ усилѣхъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Корректуръ жду съ превеликимъ нетерпѣніемъ. Адресъ: Старая Русса, О. М-чу Досозобову.

Въ посланномъ текстѣ кажется нѣтъ ни одного неприличнаго слова. Есть лишь одно,—что ребеночка 5 лѣтъ мучили, воспитавшіе его, за то, что она не могла проситься ночью, обмывали ей же каломъ. Но это прошу, умоляю не выкидывать. Это изъ текущаго уголовного процесса. Во всѣхъ газетахъ (особѣ 2 мѣсяца назадъ, Мекленбургъ, мать—Толстая) сохранено было слово калъ. Нельзя смѣяться, Николай Алексѣевичъ, это было бы слишкомъ, слишкомъ грустно. Не для 10 лѣтнихъ же дѣтей мы пишемъ. Впрочемъ, я убѣжденъ, что Вы и безъ моей просьбы сохранили бы весь мой текстъ.

Еще объ одномъ пустякѣ. Павелъ Смердиловъ поетъ лакейскую пѣню и въ ней куплеты:

Славная корона,
Видѣли вы какъ царица вѣнчалась

Пѣсня мною не сочинена, а записана в Москвѣ. Слышала ее еще 46 лѣтъ назадъ. Сочинилась она у купеческихъ приказчиковъ 3-го разряда и перешла къ лакеямъ, писемъ никогда изъ собирателей не записана и у меня въ первый разъ является.

Но настоящій текстъ куплета:

Царская корона,
Была бы моя милая здорова.

А потому, если найдете удобнымъ, то сохраните, ради Бога, слово Царская вмѣсто славная, какъ я переимѣнилъ на случай. (Славная-то само собой пройдетъ).

Какое здоровье Михаила Никифоровича? Будьте такъ добры, передайте ему мое наиглубочайшее уваженіе.

Свидѣтельствую все почтеніе Вашей супругѣ.

Примите, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, искреннее увѣреніе въ самыхъ лучшихъ моихъ къ Вамъ чувствахъ.

Вашъ покорный слуга

Ф. Достоевскій!

P. S. Нельзя ли включить на послѣдней страницѣ извѣщеніе: Окончаніе 5-й Книги Pro и Contra въ слѣдующемъ № 8.

На Юльскую книжку пришлю текстъ къ 10-му Іюня (самое позднее), а то и раньше того. Такимъ образомъ, войду въ сроки и буду приплачивать еще ранѣе 10-го числа каждаго мѣсяца. Буду печатать каждый мѣсяць безъ переимовъ.

Разсказъ о генералѣ, затравившемъ собаками крѣпостного мальчика за то, что онъ зашилъ камнемъ ногу его любимой гончей, а также о 5-лѣтней дѣвочкѣ, которую истязали ея родители, забирая на всю ночь въ отхожее мѣсто, и подвергали ее другимъ мученіямъ. — вложенъ въ уста Ивана Карамазова, то время бесѣды его съ Алешей Карамазовымъ въ IV главѣ (Бунтъ) книги Пятой (Pro и Contra), появившейся въ майскомъ № «Русскаго Вѣстника» 1879 года. Подробное изложеніе происходившаго въ Харьковѣ, въ окружномъ судѣ, въ мартѣ 1879 г., разбирательства дѣла объ иностранцахъ Александрѣ и женѣ его Евгеніи Брунстѣ, обвинявшихся въ истязаніяхъ своей 5-лѣтней дочери Эмилии, было дано въ 3-хъ фельетонахъ «Голоса» (№№ 79, 80 и 82) за 1879 г. подъ заглавіемъ «Мекленбургъ-Шверинская мать» (Отъ корреспондента «Голоса»). Въ письмѣ къ В. Ф. Пуцкоичу отъ 21 января 1880 г. Достоевскій опять вспоминалъ ужасный случай съ истязуемой дѣвочкой: «Только что сейчасъ развернулъ «Варшавскій Дневникъ»... и прочелъ статью отъ 17 января, въ которой редакція стоитъ за истязаніе дѣтей. Оамфиваютъ идею объ обществѣ покровительства дѣтямъ. Стоять за дѣтей и истязуемыхъ — значитъ по ихнему разрушать семейство. Какая пелѣньность! Но то семейство, гдѣ отцы мажутъ 5-лѣтнюю дѣвочку г... , кормятъ ее г... и запрашиваютъ въ морозную ночь въ пужиникъ, — то семейство развѣ снатины, развѣ ужъ оно не разрушимо?» («Московский Обозритель», подъ ред. Сергея Шарова, СМВ., 1887 г., стр. 13).

Въ пѣснѣ Смердякова (въ главѣ «Смердяковъ съ гитарой») «Русскій Вѣстникъ» не побоялся напечатать:

Царская корона,
Была бы милая здорова.

(«Русскій Вѣстникъ», 1879 г., кн. 5, стр. 382); равнымъ образомъ и въ разсказѣ объ истязуемой дѣвочкѣ Любимовъ оставилъ грубое слово, о сохраненіи котораго умолялъ Достоевскій (стр. 401).

Старая Русса, 17 Мая/79 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Я хоть и откладывалъ до сихъ поръ расцѣпить «Русскимъ Вѣстникомъ» какъ какъ съ самаго начала забралъ впередъ, но теперь крайнія обстоятельства заставляютъ меня поневолѣ Васъ обезпечить моею просьбою, что мнѣ очень непріятно, ибо рассчитывалъ сдѣлать это гораздо позже. Счеты наши, къ счастью, очень просты, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Я печатаюсь по 300 р. за листъ, забралъ же впередъ всего на всего 4.000 руб., такимъ образомъ, если сосчитать все напечатанное, по листамъ и по страницамъ, то выйдетъ уже излишекъ противъ 4.000 руб. уже заработанный, и это я считаю лишь по отпечатанному. Два же съ половиною листа (печатныхъ) тексту, доставленныхъ съ недѣлю назадъ для текущей Майской книжки, въ счетъ не вошли.

Но бѣда въ томъ, что мнѣ теперь нужны деньги опять значительныя, не менѣе 2.000 руб., какъ и въ прошломъ году. (NB. Замѣтите, что къ 10 Юня я вложилъ тексту уже на Юньскій №, и тогда выйдетъ заработаннаго мною уже болѣе, чѣмъ на 2000 руб.). Вотъ почему и обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслать мнѣ сюда, въ Старую Руссу (Ст. Русса, О. М. Достоевскому) эти 2.000 руб., чѣмъ крайне обяжете. Вѣрю себя вполне Вашему по мнѣ благорасположенію, которое не разъ извѣдалъ. Хотѣлъ было къ рѣзу нанять и Михаилу Никифоровичу, но боюсь обезпечить, а потому и рѣшился поручить все эти заботы Вашему доброму посредничеству.

Примите, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, искреннѣйшее увѣреніе въ моемъ полнѣйшемъ уваженіи и преданности.

Вашъ всегдашній слуга

Ф. Достоевскій.

Р. С. Текстъ на Юньскій № прибѣдетъ въ Редакцію къ 10-му Юня, и минутъ позже ¹⁾... корректуру.

Въ слѣдующемъ письмѣ Достоевскаго — опять находимъ горячіе выпады противъ социализма по поводу посланной въ редакцію страшной пророческой V главы («Великій инквизиторъ»). Главы VI («Пока еще не очень ясная») и VII («Съ умнымъ человекомъ и поговорить интересно») были посланы одновременно и вошли въ Юньскую книжку, закончивъ Книгу Пятую и Часть Вторую «Братьевъ Карамазовыхъ». Въ письмѣ этомъ, весьма важномъ для пониманія Достоевскаго, онъ точно формулируетъ свои идеи, такъ сказать, «ставитъ точки на і» въ опредѣленіи характера Ивана Карамазова и его убѣжденій и выясняетъ свое «сredo»: по его убѣжденію, «истинный, истинный христіанинъ — это не отвлеченное, и образно реальное, возможное, во-сможное предостойное», а «христіанство — есть единственное убѣжденіе Русской земли отъ всѣхъ ея золъ»...

¹ Изъ письма, съ послѣдней строкой, отрѣзаетъ.

Старая Русса, 11 Июня/79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Третьяго дня я отправилъ въ Редакцію «Русскаго Вѣстника» продолженіе Карамазовыхъ на Іюньскую книжку (окончаніе 5-й главы Pro и Contra). Въ ней закончено то, что «говорятъ уста гордо и богохульно». Современный отрицатель, изъ самыхъ ярыхъ, прямо объявляетъ себя за то, что совѣтуетъ дьяволъ, и утверждаетъ, что это вѣрнѣе для счастья людей, чѣмъ Христосъ. Нашему русскому, дурацкому, но страшному социализму—(потому что въ немъ молодежь)—указаніе, и кажется энергическое: хлѣбы, Вавилонская башня (т. е. будущее царство социализма) и полное порабощеніе свободы совѣсти—вотъ къ чему приходитъ отчаянный отрицатель и атеистъ. Разница въ томъ, что наши социалисты (а они не одна только подпольная нигилистка,—вы знаете это)—сознательные іезуиты и лгуны, не признающіеся, что идеалъ ихъ есть идеалъ насилія надъ человѣческой совѣстью и низведеніе человѣчества до стаднаго скота. а мой социалистъ (Иванъ Карамазовъ)—человѣкъ искренній, который прямо признается, что согласенъ съ взглядомъ «Великаго Инквизитора» на человѣчество, и что Христова вѣра (будто бы) вознесла человѣка гораздо выше, чѣмъ стоитъ онъ на самомъ дѣлѣ. Вопросъ ставится у стѣны: «Презираете вы человѣчество или уважаете, вы, будущіе еи спасители?»

И все это будто бы у нихъ во имѣ любви къ человѣчеству: «Тяжелъ, дескать, законъ Христовъ и отвѣщенъ, для слабыхъ людей невыносимъ»,—и вмѣсто закона Свободы и Просвѣщенія несутъ имъ законъ цѣпей и порабощенія хлѣбомъ.

Въ слѣдующей книгѣ произойдетъ смерть Старца Зосими и его предсмертныя бесѣды съ друзьями. Это не проповѣдь, а какъ бы рассказъ, повѣсть о собственной жизни. Если удастся, то сдѣлаю дѣло хорошее: заставлю сознаться, что чистый, идеальный христіанинъ—дѣло не отвѣщенное, а образно реальное, возможное, вообщію предстоящее, и что христіанство есть единственное убѣжище Русской Земли отъ всего ей злого. Молю Бога, чтобы удалось, вещь будетъ патетическая, только бы достало вдохновенія. А главная тема такая, которая никому изъ теперешнихъ писателей и поэтовъ и въ голову не приходитъ, стало быть совершенно оригинальная. Для нея пишется и весь романъ, но только чтобы уда ось, вотъ что теперь тревожитъ меня. Пришлю же непременно на Іюльскую книгу, и тоже 10 Іюля, не позже. Въ этомъ постараюсь изо всѣхъ силъ.

Получилъ Ваше письмо, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, на счетъ высылки денегъ и жду съ нетерпѣніемъ обѣщанной тысячи. Нахожусь почти безъ денегъ, а занимать не желаю бы. А потому чрезвычайно прошу выслать эту тысячу рублей, какъ можно скорѣе, если возможно, то ни мало не медля, потому что постоянно нужно.

Гдѣ проживаетъ Михаилъ Никифоровичъ, въ Москвѣ или имѣнии, и какъ его здоровье? Передайте ему отъ меня мой горячій привѣтъ и поклонъ.

А теперь, если у Васъ есть ко мнѣ хотя бы нѣкоторое дружелюбіе (сужу потому, какъ мы вѣдѣлись и говорили), то не откажете ли мнѣ, если можете, одно добродѣтельное, уважаемое Николай Алексѣевичъ. Я вамъ писалъ какъ-то разъ письмо о Пушкинѣ, бывшемъ платателѣ Гражданина. Онъ писалъ мнѣ, что Михаилъ Никифоровичъ обѣщалъ ему выслать что-то помѣсячно за корреспонденцію въ Берлинъ. Между тѣмъ, онъ до сихъ поръ (пишетъ мнѣ) до самой крайней нищеты въ Берлинѣ. Человѣкъ же онъ весьма и весьма педурной. Теперь онъ оставилъ на мысли, съ виду рискованной, но право педурной—издавать «Гражда-

пистъ въ Берлинѣ помѣсячно, выпусками, книжками. Хотите рискнуть печатать въ кредитъ, потому что даже и на Бду у него денегъ нѣтъ. Полости онъ не напишетъ никогда, а литературный органъ Русскій, хотя бы и заграничный, издаваемый въ хорошемъ направленіи—дѣло недурное. Если бы возможно было его поддерживать, хотя бы чѣмъ нибудь самымъ малымъ (буквально), какой нибудь сотней или двумя рублей, то онъ падать бы первый №. а тамъ бы можно было поспѣть, что изъ этого выйдетъ. Его бы можно было руководить и направлять. Надѣется онъ на подписку, хотя бы сначала и малую.—Я васъ просилъ бы убѣдительно: лишь о томъ, чтобы Вы, переговоривъ съ Михаиломъ Никифоровичемъ, сообщили мнѣ: каковъ его взглядъ на Пуцковича и правда ли, что Михаилъ Никифоровичъ officialъ ему высылать помѣсячно (за корреспонденцій) нѣкоторую сумму въ Берлинъ? По крайней мѣрѣ онъ самъ мнѣ положительно это писалъ. Жду Вашего сообщенія объ этомъ.

Пожалуйста, добрый Николай Александровичъ, укажите время и черкните мнѣ хоть 2 словечка о семъ предметѣ. Этотъ Пуцковичъ мнѣ жалокъ, и я его нѣсколько люблю. Самъ же онъ погибаетъ и почти въ отчаяніи.

Засимъ

Съ великимъ уваженіемъ и преданностію.

Вашъ

Ф. Достоевскій.

P. S. Мое почтеніе Вашей многоуважаемой супругѣ.

Адресъ Пуцковича: Berlin, Dorotheen Strasse, 60. Wictor Putzykovitch.

Викторъ Феофиловичъ Пуцковичъ (род. 1843)—писатель и публицистъ консервативнаго направленія, сотрудникъ «Гражданина», секретарь его редакціи, затѣмъ, съ 1874 г., послѣ Достоевскаго, его преемникъ въ должности редактора, а съ 1877 г.—и собственникъ журнала. Въ письмѣ къ Пуцковичу отъ 3 мая 1879 г. Достоевскій изъ Старой Руссы писалъ: «Не стѣснѣлъ Васъ ничего до сихъ поръ въ Берлинѣ за сѣ рами въ Старую Руссу, изъ-за которыхъ запустилъ и доставку романа въ «Русскій Вѣстникъ». Заключая ужасно и на этотъ мѣсяцъ отдалаюсь не раньше 15 мая, тогда и напишу Вамъ еще, а теперь лишь нѣсколько строкъ, чтобы Вы не подумали, что я Васъ забылъ... Вы ничего точнаго не пишете, изъ чего заключаю, что и въ самой теменной Вашей судьбѣ есть неточность ужасная. Напримѣръ, Вы не объявили, до сихъ поръ, съ какими средствами Вы отправились за границу, что у Васъ было въ карманѣ и что въ надеждахъ? Во-вторыхъ: какія надежды? Если officialъ Вамъ что-нибудь Катковъ, то что именно? И, наконецъ, и officialъ ли что дѣйствительно или все только въ одномъ предположеніи? Не знаи всего этого, нельзя и сумѣть о Вашемъ положеніи. Я вотъ хотѣлъ было написать Каткову и наговорить о Васъ, но какъ я сдѣлаю, ничего не знаи? Корреспондентъ ли Вы его, и и нѣтъ? Вы пишете, что уже отказались въ «Московскія Вѣдомости» кое что изъ Берлина, но не было напечатано. Тутъ самое важное: формальный ли Вы корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» по уговору, или послали корреспонденцій такъ много, что-то изъ нихъ, которъ вы и думать не могли бы написать, что нибудь? Все это время Катковъ былъ очень боленъ, карбункуломъ на колѣнѣ, который ему взрѣзали и который онъ получилъ при паденіи на лѣстницѣ моей квартиры, когда дѣлалъ мнѣ визитъ въ Петербургъ... Я написалъ о Васъ недавно Любимову два словечка: не лези ли, дескать, Михаилу Никифоровичу, но написалъ чуть-чуть, осторожно, потому, что писалъ не самому Каткову...»¹⁾ Поклоненіе Ваше безпокоитъ меня до крайности...²⁾ Кроме 5 писемъ Достоевскаго (1874—

¹⁾ Письма этого въ нашемъ собраніи письма Достоевскаго къ Любимову нѣтъ.

²⁾ „Московский Сборникъ“, подъ ред. Сергія Шарапова, М. 1887, стр. 9—11.

1880 г.г.), опубликованных Пуциковичем в «Московском Сборнике» Сергея Шарапова (М. 1887, стр. 5—15), он в «Берлинском Листке» 1903 г. (№ 1, февраль—март) напечатал еще письма Достоевского к себе и воспоминания о писателе; другие воспоминания о нем же он поместил еще в «Московских Ведомостях» 1910 г., № 22 и 130, наконец, в «Новом Времени» 1902 г., № 9292, от 16 января) напечатал очень ценное сообщение по поводу легенды о «Великом Инквизиторе» и в разъяснение полемики о происхождении легенды между «Инфолио» и В. В. Розановым: первый указал на аналогичные мотивы у Гете и Вольтера, а второй—спаривал всякое заимствование, находя, что герой легенды только по виду испанский инквизитор, а в сущности—«Русский интеллигент-фантазер». Пуцикович сообщал по этому поводу свою беседу с Достоевским, который, во-первых, утверждал самостоятельность темы, им выношенной в своей душе почти в течение всей жизни, а во-вторых, объяснял, что легенда направлена против католичества и папства—а именно самого ужасного периода католичества, т. е. инквизиционного его периода, имевшего столь ужасное действие на христианство и все человечество¹⁾.

В 1879 г. Пуцикович издавал в Берлине «Русский Гражданин». Журнал политический и литературный; здесь, в № 5, от 31 июля, было помещено «Письмо к редактору» Ф. М. Достоевского. О Пуциковиче упоминает в своих Воспоминаниях и издатель «Гражданина» князь В. П. Мещерский (ч. II, 1865—1881, СПб., 1898). Ср. еще в конце следующего письма.

5.

Старая Русса, 8 Июля/79

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Считаю совершенно необходимым известить Вас о моих обстоятельствах и прошу любезного Вашего ко мне внимания.

По разстроенному здоровью моему безотлагательно прописано съезжать в Эмсе на 6 недель лечения. Просьбу о паспорт я подал отсюда, из Старой Руссы, и так как в качестве бывшего ссыльного я получаю заграничные паспорта каждый раз особым (медленным) путем, то надеюсь получить его к 15—20-му Июля. Возвращусь в Старую Руссу из конца Августа. Поезда работ не помню, напротив, в Эмсе, в совершенном уединении, я еще свободнее, но об этом потом.

Главнее же в том, что на нынешний месяц (на Июльскую, 7-ю книжку) я бы очень просил Вас не требовать от меня продолжения Карамазовых²⁾. Оно почти готово, и, при некотором усилии, я бы мог выслать и в нынешнем месяце. Но важное для меня в том, что эту будущую, 6-ю Книжку (Pater et Fils, Смерть старца) я считаю кульминационной точкой романа, а потому желалось бы отделить ее как можно лучше, просмотреть и почистить еще раз; беру ее с собой в Эмсе и из Эмса вышлю в Редакцию Русского Вестника не позже (ни в как бы случае) 10—12 числа будущего Августа, т. е. к этим числам она уже будет в Редакции. Таким образом появится она 31 Августа в

¹⁾ См. еще «Литер. Вестн.» 1902 г., кн. 2 стр. 222—226 и 4 Встреченный (Вас. Е. Чешинин): «О. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и замечаниях», М., изд. Сытина, 1912 г., стр. 169—160, где перепечатана часть сообщения Пуциковича.

²⁾ В Июльской книжке «Карамазовы» не печатались, а появились, опять, как просил Достоевский, в августовской и продолжались затем ежемесячно до полубриской, после чего возобновились с январской,—опять так, согласно желанию самого автора.

Р. Вѣстникъ (до 3-хъ печатн. листовъ). З-тѣмъ послѣдуетъ 7-я Книга на Сентябрь и Октябрь (по 2 1/2 листа на каждый мѣсяць; впередъ заявляю, что эффе́ктивная), и этой 7-й Книгой закончится 2-я Часть романа Бр. Карамазовыхъ.

И вотъ я теперь у самого главнаго пункта! Въ романѣ есть еще 3-я Часть (не столь великая числомъ листовъ, какъ 2-я, но такого же объема, какъ и первая). Закончить же ее въ пятииномъ году я положительно не могу. Не рассчиталъ, принимаясь за романъ, силъ моего здоровья. Кромѣ того, работы стало гораздо меньше и, наконецъ, смотрю на это сочиненіе мое строже, чѣмъ на всѣ прежнія. Хочу, чтобъ закончилъ съ хорошо, а въ немъ есть мысль, которую хотѣлось провести, какъ можно яснѣе. Въ ней судъ и казнь и постановка одного изъ главнѣйшихъ характеровъ, Ивана Карамазова. Однимъ словомъ, считаю долгомъ, сообщить вамъ и предложить на Ваше согласіе слѣдующее. Послѣ окончанія 2-й Части (въ Октябрьской книжкѣ) я починаюся до будущаго года, до Января, и 3-я Часть появится въ Январской книжкѣ. Эта 3-я Часть (въ 10 или 11 листовъ) будетъ закончена.—а съ нею вмѣстѣ и романъ,—въ Январѣ, Февралѣ и Мартѣ (никакъ не долѣе), а можетъ быть даже въ Январѣ и въ Февралѣ, но чтобы не было газетныхъ (фельетонныхъ) обвиненій на Русскій Вѣстникъ (какъ при Аннѣ Карениной), что редакция нарочно растягиваетъ романъ на нѣсколько лѣтъ. Я въ Октябрьской же книжкѣ сего года, т. е. при окончаніи 2-й Части, пришлю Вамъ мое письмо для печатанія въ этой же книжкѣ, за мою подписью, въ которомъ принесу извиненіе, что не могъ кончить работу въ этомъ году по нездоровью, и что виноваты передъ публикой выхожу одинъ только я. Письмо пришло будетъ предварительно на Ваше рассмотрение ¹⁾. Такъ какъ я считаю все это для меня весьма важнымъ, то и попрошу Васъ очень, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, извѣстить меня объ этомъ хоть краткимъ письмецомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ попрошу Васъ передать объ этомъ и Михаилу Никифоровичу. По нѣк-торымъ соображеніямъ моимъ мнѣ кажется, что планъ мой въ моемъ положеніи для меня лучшій, да и исходу другого не вижу.

Если напишете мнѣ, то адресуйте въ Старую Руссу на мое имя. Мнѣ, если бы я и увидалъ уже въ Эмѣ, жни перешлетъ во всякомъ случаѣ тотчасъ же.

Я 3-го дня и слалъ въ Редакцію Р. Вѣстника телеграмму съ просьбой выслать мнѣ подъ № 6-й, Юльскій № Р. Вѣстника, который я не получилъ до сихъ поръ, слалъ въ Старую Руссу. Предыдущіе 2 № были высланы мнѣ сюда, въ Старую Руссу. Этотъ №, вѣроятно, забыли. Весьма прошу Васъ, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, выслать мнѣ его немедленно. Во 1-хъ, авторское вѣтерѣніе, а во 2-хъ необходима книжка даже для справокъ.

Общину 2-ю тысячу рублей (изъ обещанныхъ 2 мѣсяца назадъ двухъ) особенно попрошу Васъ выслать или выслать сюда, въ Старую Руссу, на имя жены моей: Анны Григорьевны Достоевской. Старая Русса, собственный домъ. Обѣ прежнія присылки по 500 руб. (съ тѣхъ поръ, какъ я въ Старой Руссѣ) высылались на Ахенбаха и Колли въ Петербургъ, что повергло меня въ болѣе хлѣпоты, ибо не вѣдалъ же въ Петербургъ за 300 верстъ получать ихъ. Черезъ 300 руб. былъ высланъ отъ Ахенбаха и Колли даже извѣстный случайной посылки въ Петербургъ жены моей, 2-я же присылка на Ахенбаха и до сихъ поръ лежитъ у меня въ столѣ, до тѣхъ поръ, какъ поѣду самъ въ Петербургъ, чтобы оттуда отправиться въ Эмѣ. А потому чрезвычайно прошу выслать впередъ деньги, пока я не поѣду на зиму въ Петербургъ, кредити ми билетами.

Весьма благодарю Васъ за отвѣтъ на счетъ Г-на Пуцковича. Поступокъ его съ Михаиломъ Никифоровичемъ теперь осмыслилъ вполне и считаю самымъ и поединкомъ мнѣ. Между тѣмъ, это человекъ не худого сердца и не глупый, но у него въ внутренности ума нѣтъ, зары въ головѣ. Въ Берлинѣ пробовалъ работу

¹⁾ См. его ниже, подъ № 12.

потацию, въ которой онъ нуждается. А за сими прошу принять завершеніе въ мѣстѣ полагашимъ уваженіи и преданности къ Вамъ и супругѣ Вашей.

Θ. Достоевскій.

P. S. Чрезвычайно прошу передать Михайлу Никифоровичу мой низжайшій поклонъ и лучшія пожеланія.

Простите за поправки въ письмѣ, рѣдко могу написать безъ поправокъ.

Д.

6.

Эмсъ, 25 Іюля (6 Августа)/79.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Вчера я пріѣхалъ сюда въ Эмсъ для леченія и вчера же получилъ уже ожидавшее меня здѣсь письмо жены моей изъ Старой Руссы, *poste restante*. Она уведомила меня, между прочимъ, что на друг-й день моего выѣзда изъ Старой Руссы полученъ былъ изъ редакціи Русскаго Вѣстника переводъ въ 500 р. опять на имя Ахенбахъ и Колли въ Петербургъ. Между тѣмъ, я, жней за 10 еще до отъѣзда моего въ Эмсъ, просилъ Гасъ особенно, вслѣдствіе моего отъѣзда высылать деньги уже на имя жены моей, Анны Григорьевны Достоевской, въ Старую Руссу и уже не переводомъ на Ахенбахъ и Колли, а прямо кредитными билетами. При семъ я объяснилъ въ письмѣ моемъ къ Вамъ, какъ совершенно невозможно, живя въ Старой Руссѣ, вѣдѣть каждый разъ, бросая все, къ Ахенбаху и Колли въ Петербургъ за полученіемъ 500 руб. Теперь же, когда меня уже нѣтъ въ Старой Руссѣ—жена поставила мнѣ полную невозможность получить деньги по переводу, дажѣ, еслибы и поѣхала къ Ахенбаху и Колли, такъ какъ я не могу же ей отсюда высылать довѣренность на полученіе.

Смущаетъ меня чрезвычайно, что можетъ быть Вы и совсѣмъ не получили письма моего. Письмо это было для меня очень важное,—въ немъ я, между прочимъ, излагалъ причины, почему не вышлю ничего на Іюльскую книгу, а вышлю на Августовскую и потомъ на Сентябрьскую и Октябрьскую кряду, чѣмъ и закончуся 2-я Часть и останется послѣдняя—Третья. Если Вы, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, дѣйствительно не получили того письма, то прошу Васъ убѣдительноше увѣдомить меня о семъ, сюда въ Эмсъ, дабы я могъ вновь изложить Вамъ то, что составляло главную тему того письма.

Во всякомъ же случаѣ позвольте мнѣ, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, твердо гадать, я, что Вы уже ни одной минуты болѣе не оставите меня въ сомнѣніи, что просьба моя о высылкѣ денегъ на имя жены моей, Анны Григорьевны Достоевской въ Старую Руссу кредитными билетами (а не на Ахенбаха и Колли) будетъ на сей разъ исполнена тѣмъ, которымъ Вы поручаете высылку. То же обстоятельство, что деньги высылаются не на мое имя, а на имя жены моей, никакъ въ Вашихъ глазахъ не имѣетъ значенія, ибо нѣтъ ниша счѣты съ журналомъ ведутся до сихъ поръ какъ между довѣряющими другъ другу людьми, а не формальнымъ образомъ.

На Августовскую книжку вышлю отсюда сначала Августа, а между 10-мъ и 12-мъ числомъ посылка будетъ уже у Васъ въ редакціи.

За сими прошу принять завереніе въ моемъ самомъ искреннемъ и глубочайшемъ уваженіи.

Вашъ слуга

Θ. Достоевскій.

Emms, Allemagne. A M-r Theodor Dostoevsky, *poste restante*.

Эмсъ, 7/19 Августа/79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Спѣшу выслать Вамъ при семъ Книгу шестую Карамазовыхъ, всю, для напечатанія въ 8-й (Августовской) книгѣ «Русскаго Вѣстника». Назвалъ эту 6-ю книгу: «Русскій Инокъ» — названіе дерзкое и вызывающее, ибо закричатъ всѣ нелюбящіе насъ критики: «Таковъ ли Русскій Инокъ, какъ смѣлъ ставить его на такой пьедесталъ?»

Но тѣмъ лучше, если закричатъ, не правда-ли? (А уже я знаю, что не утерпѣть). Я же считаю, что противъ дѣйствительности не погрѣшилъ: не только какъ идеаль справедливо, но и какъ дѣйствительность справедливо.

Не знаю, только, удалось ли мнѣ. Самъ считаю, что и 1/10-й доли не удалось того выразить, что хотѣлъ. Смотрю однако на эту Книгу шестую, какъ на кульминаціонную точку романа. Само собою, что многое изъ поученія моего старца Зосимы (или, лучше сказать, способъ ихъ выраженія) принадлежитъ лицу его, т. е. художественному изображенію его. Я же хоть и имѣлъ тѣхъ же мыслей, какія и онъ выражаетъ, но еслибъ лично отъ себя выражалъ ихъ, то выразилъ бы ихъ въ другой формѣ и другимъ языкомъ, снѣ же не могъ ни другимъ языкомъ, ни въ другомъ духѣ выразиться, какъ въ томъ, который я придалъ ему. Иначе не создалось бы художественнаго лица. Таковы, напримѣръ, разсужденія старца о томъ, что есть иннокъ, или о слугахъ и господахъ, или о томъ, можно ли быть судьей другого человека и проч. Взявъ я лицо и фигуру изъ древне-русскихъ иноковъ и святителей. При глубокомъ смиреніи надежды безпредѣльны, навѣяны о будущемъ Россіи, о нравственномъ и даже политическомъ ея предпазначеніи. Св. Серій, Пѣтръ, Алексѣй Митрополиты развѣ не имѣли всегда въ этомъ смыслѣ Россію въ виду?—

Чрезвычайно прошу Васъ (умоляю), многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, поручить корректуру надежному корректору, такъ какъ самъ эту книгу за отсутствіемъ не могу корректовать. Особенно прошу обратить вниманіе на корректуру отъ 10 до 17 полулиста включительно (главка подъ рубрикой: О священномъ Писаніи въ жизни отца Зосимы). Эта глава восторженная и поэтическая; прототипъ взять изъ нѣкоторыхъ поученій Тихона Задонскаго, а наивность изложенія — изъ книги Страпствованій Цюка Паросенія ¹⁾. Присмотрите сами Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, будьте отцомъ роднымъ. — Когда корректуры всей книги будутъ отсмотрѣны, то сообщите Михаилу Никифоровичу. — Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ прочелъ и сказалъ свое мнѣніе, ибо очень дорожу его мнѣніемъ.

Въ этой книгѣ, надѣюсь, ничего не найдете вычеркнуть или поправить какъ редакторъ, — ни словечка, за это ручаюсь.

Очень еще прошу сохранить всѣ раздѣленія на главы и подглавы, какъ есть у меня. Тутъ вводится въ романъ какъ бы чужая рукопись (Записка Алексѣя Карамазова), и само собою, что эта рукопись разграфирована Алексѣемъ Карамазовымъ по своему. Здѣсь вставляю ронущее NBene: въ Юрьской книгѣ, въ главѣ «Великій Инквизиторъ» не только нарушены мои рубрики, но даже все напечатано

¹⁾ По утверженію Н. Н. Страхова, „Страпствія Цюка Паросенія“ Достоевскій бралъ съ собою въ заграничную побѣду, среди другихъ книгъ, еще въ 1867 г. („Биографія писателя и замѣтки изъ записной книжки О. М. Достоевскаго“, СПб., 1883, стр. 298). Страпствіемъ Паросенія въ 1878 году интересовался также и графъ Л. Н. Толстой (см. Толстовскій Музей. Томъ II. Переписка Л. Н. Толстого съ Н. Н. Страховымъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго. СПб., 1914, стр. 155, 156, 160, 165, 166 и 167).

сплошь, страницъ 10 сряду, безъ перенесенія на другую строчку даже. Это очень меня огорчило и на это приношу Вамъ мою сердечную жалобу.

Слѣдующую, 7-ю Книгу подъ названіемъ: «Грушенька»¹⁾, которою закончится въ этомъ году 2-я Часть Карамазовыхъ, вышлю неуклюжю примѣрно къ 10-му Сентября и уже изъ Старой Руссы. Эта 7-я Книга, предназначена мною на 2 книги Русскаго Вѣстника: Сентябрскую и Октябрскую. Будетъ всего въ Книгѣ 7-й листа 4, такъ что на Сентябрь придется всего лишь листа 2, не болѣе, но что дѣлать: въ этой 7-й Книгѣ два отдѣльные эпизода, какъ бы двѣ отдѣльныя повѣсти. За то съ окончаніемъ этой 2-й Части восполнится совершенно духъ и смыслъ романа. Если не удастся, то моя вина какъ художника. 3-ю же Часть романа (не болѣе числомъ листовъ 1-й Части) отлагаю, какъ уже и писалъ Вамъ, до слѣдующаго года. Здоровье, здоровье помѣшалось! 2-я Часть выйдетъ, такимъ образомъ, какъ бы несоразмѣрно длинна. Но что было дѣлать, такъ пришлось.

Приношу Вамъ чрезвычайную благодарность мою за снѣтъ исполненія просьбы моей о порядкѣ высылки денегъ жень въ Старую Руссу, она меня уже увѣдомила.

Заранѣ спѣшу и еще объ одной просьбѣ. Августовскую книгу Р. Вѣстника не забудьте, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, приказать выслать своевременно въ Старую Руссу. Я именно приѣду домой къ ея выходу.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ и искреннемъ моемъ уваженіи.

Вашъ всегдашній слуга

Федоръ Достоевскій.

Всего въ высланной Книгѣ шестой: Русскій Иннокъ 53 почтовыхъ полулистка.

* * *

Слѣдующее письмо послано уже изъ Старой Руссы, по возвращеніи Достоевскаго изъ Эмса послѣ курса леченія.

8.

Старая Русса, 8 Сентября/79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Я воротился въ Старую Руссу, но такъ былъ изнуренъ дорогой, что едва продолжать работу (на Сентябр. №) только третяго дня. Пишу Вамъ теперь съ тѣмъ лишь, чтобъ увѣдомить Васъ, что на этотъ № принужденъ буду сильнѣйшимъ образомъ опоздать присылкою продолженія романа, т. е. не получиться въ Редакціи все (для Сентябр. №) не ранее, какъ между 15 и 20 числами Сентября (за то ужъ никакъ не позже). Торопиться же слишкомъ я не могу, хотя бы и хотѣлъ, ибо предстоитъ закончить сцену изъ канцелярскихъ въ цѣломъ романѣ и хочется сдѣлать свою возможную лучше. Такимъ образомъ и въ крайнемъ безпокойствѣ, не зная вѣрно: опоздаю я теперь по невозможности написать (съ моимъ срокомъ отъ 15 до 20) или еще и къ тѣмъ. Вѣроятно все будетъ въ 2½ печатныхъ листа, — кажется не болѣе. — отдѣльная и законченная сцена, или лучше сказать, эпизодъ. Мнѣ бы чрезвычайно, чрезвычайно же

¹⁾ Потомъ Достоевскій назвалъ эту Седьмую Книгу Части Третьей (а не Второй, какъ онъ сначала предполагалъ, ср. даже въ «Письмѣ къ Редактору Русскаго Вѣстника» отъ 2 декабря 1879 г.) — «Алепа».

жалось, чтобъ появилось въ Сентябрѣ ¹⁾. Само собою разумѣется, что корректуры я уже ждать не буду, а по примѣру Августовскаго № (за корректуру котораго, довольно по тщательную, изъявляю Вамъ полнѣйшую мою благодарность)—прошу продержитъ имѣющее быть прислано продолженіе также тщательно, какъ и Августовскій отрывокъ. Общину не опаздывать въслѣдствіи такъ ужасно. Во всякомъ случаѣ считалъ нужнымъ написать Вамъ все это, чтобы увѣдомить. Весьма можетъ быть, что пришлю гораздо раньше 20-го—я взялъ нарочно самый отдаленный срокъ.

Примите увѣреніе, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, въ моемъ искреннемъ и глубочайшемъ уваженіи

Вашъ слуга

Фед. Достоевскій.

Нъ 25 Сентября, примѣрно, перебираюсь въ Петербургъ. Петербургскій адрессъ мой тотъ же, что и прежде: Кузнечный переулокъ, близъ Владимірской церкви, домъ № 5, кварт. № 10, Ф. М. Д.

9.

Старая Русса, 16 Сентября/79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Вмѣстѣ съ симъ высылаю въ Редацію Р. Вѣстника Книгу седьмую Карамазовыхъ, для Сентябрскаго книжка, въ числѣ 41 полулистка. Въ этой Книгѣ четыре главы: три высылаю, а 4 вышлю черезъ два дня, получится въ Редацію 20 числа. Въ этой 4-й главѣ всего будетъ 4 страницы печатныхъ, но она важнѣйшая и заключительная. Выслалъ бы вмѣстѣ, но припадокъ надучей болѣзни заставилъ на два дня отложить работу. Но по крайней мѣрѣ высылаю 41 полулистъ и ихъ можно сейчасъ начать набирать (получится 18 Сентября), остальные же 3 полулистка (т. е. 4-я глава), которую на два дня задержалъ, не составлять много и не задерживать, если только Вы рѣшитесь печатать все, не смотря на позднюю высылку. А какъ бы я желалъ теперь не дробить. Вся моя надежда на Васъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ.

Я къ 25 Сентября переѣзжаю въ Петербургъ (прежній адрессъ). А потому корректуры опять ждать не могу. Кажется переписано четко. Передайте отъ меня, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, покорнѣйшую мою просьбу корректору, чтобъ не утопилъ меня и на этотъ разъ, за прошлый же № большое ему спасибо.

Умоляю Васъ, Николай Алексѣевичъ, въ этой Книгѣ ничего не вычеркивать, да и нечего, все въ порядкѣ. Есть одно только слово (про трупъ мертвца): про во я л ѣ. Но выговариваетъ его отецъ Ѳерапонтъ, а онъ не можетъ говорить иначе, и еслибъ даже могъ сказать: про па х ѣ, то не скажетъ, а скажетъ про во я л ѣ. Пропустите это ради Христа. Больше ничего вѣтъ. Кромѣ развѣ про пурганецъ. Но это написано хорошо и притомъ оно существенно, какъ важное о вѣщеніе. Последняя глава (которую вышлю) Капа Г а л и л е й с к а я—самая существенная во всей книгѣ, а можетъ быть и въ романѣ. Съ этой высылкой кончаю съ монастыремъ: больше о монастырѣ ничего не будетъ. Въ слѣ-

дующей Книжѣ (на Октябрь) закончится часть и будетъ перерывъ, какъ я уже и увѣдомилъ.

А теперь примите увѣреніе въ моемъ самомъ искреннемъ уваженіи.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Достоевскій.

Петербургскій мой адресъ: Кузнецкій переулокъ, близъ Владимірской церкви, домъ № 5, квартира № 10, Ф. М.—чу Достоевскому.

Одно маленькое Nota bene на всякій случай. Не подумайте, ради Бога, что я бы могъ себѣ позвѣлить въ сочиненіи моемъ хотя малѣйшее сомнѣніе въ чудодѣйствіи мощей. Дѣло идетъ лишь о мощахъ умершаго монаха Зосимы, а ужъ это совсѣмъ другое. Подобный переполохъ, какой изображенъ у меня въ монастырѣ, былъ разъ на Афонѣ и рассказанъ вкратцѣ и съ трогательною наивностью въ «Страствованіи Инокъ Паревенія».

Достоевскій.

Р. С. Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, особенно прошу хорошенько прокорректировать легенду о Луковикѣ. Эта драгоценность записана мною со словъ одной крестьянки и ужъ конечно записана въ первый разъ. Я, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ никогда не слыхалъ.

Достоевскій.

На оборотѣ: Его Превосходительству Николаю Алексѣевичу Любимову.
Отъ Ф. М. Достоевскаго.

10.

Петербургъ, 8 Октября /79..

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Сиѣшу увѣдомить Васъ, что для Октябрьской книжки Р. Вѣстника опять принужденъ опоздать, по винѣи нещемѣнно. Продолженіе Карамазовыхъ получится въ Редакціи 16 или 17 октября, — изъ всѣхъ силъ постараюсь. Само собой, что не буду ждаль корректуры (маневатанное въ Сентябрской книгѣ прокорректировано почти безукоризненно, за что принимаю великую благодарность). Вышло опять отъ 2½ до 3 печати. листовъ, — почти ровно столько же какъ и на Сентябрскую книгу. Дѣло въ томъ, что работа для меня трудная, и хотѣлось бы отдѣлать по возможности лучше.

Увѣдомляю Васъ тоже, что въ Октябрьской книгѣ не закончится еще то, что опредѣлено мною закончить въ нынѣшнемъ году, по доставлю еще и на Ноябрьскую книгу Р. Вѣстника и тогда уже пришлю и то письмо, о которомъ писалъ Вамъ мѣсяца два назадъ на счетъ объясненія съ публикой о послѣдней Части Карамазовыхъ, которую я, по оплошности моей, принужденъ перевести на будущій годъ. Въ 17-му числу напишу Вамъ и еще письмецо, Николай Алексѣевичъ, въ которомъ подробнѣе объясню пѣкоторые необходимыя въ немъ, и чрезвычайно боюсь, что это перепишное письмо мое, которое посылаю, для скротости незаказнымъ, какъ-нибудь не дойдетъ до Васъ и пропадетъ дорогою.

А теперь, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, примите мое сердечное увѣреніе въ почтеніи и преданности, съ которыми пребываю

Вашимъ всегданнымъ слугою

Ф. Достоевскій.

С.-Петербургъ.

Кузнецкій переулокъ, домъ № 5, кварт. № 10, близъ Владимірской церкви,
Ф. М. Достоевскому.

Петербургъ, 16-Ноября /79.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Вчера отправилъ къ Вамъ окончаніе 8-й Книжки Карамазовыхъ, которое вѣроятно уже и получено въ Редакціи. Еще разъ очень извиняюсь, что опоздалъ. Во всей этой 8-й Книжкѣ появилось вдругъ много совсѣмъ новыхъ лицъ, и хоть немножко, но каждое надо было очертить въ возможной полнотѣ, а потому книжка эта вышла больше, чѣмъ у меня первоначально было намѣчено, и взяла больше и времени, такъ что опоздалъ на этотъ разъ совсѣмъ и для себя неожиданно. Чрезвычайно прошу Васъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, о корректурѣ, такой же прекрасной, какъ и до сихъ поръ.

Я вамъ писалъ, что въ Ноябрѣ закончу и остановлюсь до будущаго года, а между тѣмъ обстоятельства сдѣлались иначе, ибо и на Декабрскую книжку пришлю еще 9-ю новую Книжку, чтобы тѣмъ закончить часть. Эта 9-я Книжка возникла у меня тоже внезапно и неожиданно. Дѣло въ томъ, что первоначально я хотѣлъ лишь ограничиться однимъ судебнымъ слѣдствіемъ уже на судѣ. Но, совѣтуясь съ однимъ прокуроромъ (большимъ практикомъ), увидаль вдругъ, что цѣлая, чрезвычайно любопытная и чрезвычайно хромающая у насъ часть нашего уголовного процесса (большое мѣсто нашего уголовного процесса) у меня въ романѣ, такимъ образомъ, безслѣдно исчезнетъ. Эта часть процесса называется «Предварительнымъ слѣдствіемъ» съ старою рутинною и съ новейшею отвѣтственностію въ лицѣ молодыхъ правовѣдовъ судебныхъ слѣдователей и проч. А потому, чтобы закончить Часть, и пришлю еще 9-ю Книжку подъ названіемъ «Предварительное слѣдствіе», которую и доставлю Вамъ въ декабрѣ по возможности раньше. Кому же намѣчу еще сильнѣе характеръ Миши Карамазова: онъ очисти́тся сердцемъ и совѣстью подъ грозой несчастья и ложнаго обвиненія. Принимаетъ душой наказанія не за то, что онъ сдѣлалъ, а за то, что онъ былъ такъ безобразенъ, что могъ и хотѣлъ сдѣлать преступленіе, въ которомъ ложно будетъ обвиненъ судебной ошибкой. Характеръ вполнѣ русскій: громъ не грянетъ—мужикъ не перекрестится. Православное очищеніе его начинается уже во время нѣсколькихъ часовъ предварительнаго слѣдствія, на которое и предназначаю эту 9-ю Книжку. Миѣ, какъ автору, это очень дорого. Одно неловко: вся-то эта девятая Книжка выйдетъ, можетъ быть, всего листа въ полтора печатныхъ. Но за то Книжка выйдетъ цѣлая и законченная.

И такъ доставлю эту 9-ю Книжку въ Декабрѣ, и тогда же и извинительное письмо въ Редакцію (для напечатанья), по поводу перенесенія окончанія романа въ будущій годъ, о которомъ (письмѣ) я вамъ писалъ еще лѣтомъ. Это письмо миѣ непременно хочется напечатать, на совѣсти моей лежитъ ²⁾.

Но въ письмѣ этомъ будетъ приносочка, имѣнно: теперь тянется еще только 2-я Часть романа, раздвинувшаяся на 20 печатныхъ листовъ. Я первоначально дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать лишь въ 3-хъ Частяхъ. Но такъ какъ пишу Книгами, то забылъ (или пренебрегъ) поправить то, что давно замыслилъ. А потому и пришлю при письмѣ въ Редакцію и приписку, чтобы эту вторую часть считать за двѣ части, т. е. за 2-ю и 3-ю, а въ будущемъ году напечатана будетъ, стало быть, лишь послѣдняя Четвертая Часть. Такимъ образомъ 4-я, 5-я и 6-я

¹⁾ Книжка 9-я («Предварительное слѣдствіе») появилась уже въ январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1880 г.

²⁾ См. его даше, № 12.

Книги романа составить вторую Часть, а 7-я, 8-я и 9-я Книги составить 3-ю Часть. Во всѣхъ трехъ частяхъ будетъ такимъ образомъ въ каждой по три Книги, и почти по ровному числу печатныхъ листовъ. Такова же будетъ и 4-я Часть, т. е. въ 3-хъ книгахъ и отъ 10 до одиннадцати печатныхъ листовъ. Объ этомъ обо всемъ нахожу необходимымъ извѣстить Васъ, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, теперь, т. е. заранѣе. Въ случаѣ если найдете какія препятствія, то еще есть время порѣшить предварительно. Но надѣюсь, что препятствій Вы не найдете, дѣло неважное.

У меня въ томъ, что теперь выслалъ, выведены два поляка, которые говорятъ или чисто по польски (между собою), или ломаную смѣсью русскаго съ польскимъ. Фразы чисто польскія у меня правильны, но въ смѣшанной рѣчи польскія слова, можеть быть, вышли нѣсколько и дико, но я думаю тоже правильно.

Желательно мнѣ очень, чтобы въ этихъ польскихъ мѣстахъ корректура была продержана по возможности тщательнѣе. Переписано же у меня кажется четко.

Вставленъ анекдотъ о Папѣ Подвысоцкомъ—легендарный анекдотъ всѣхъ мелкихъ польскихъ игровишекъ передъ ригивателей въ карты. Я этотъ анекдотъ слышалъ три раза въ моей жизни, въ разное время и отъ разныхъ поляковъ. Они и не садятся въ «банчишку», не рассказавъ этотъ анекдотъ ¹⁾. Легенда относится къ 20-мъ годамъ столѣтія. Но тутъ упоминается Подвысоцкій, фамилія, кажется, извѣстная (въ Черниговской губерніи есть тоже Подвысоцкій). Но такъ какъ въ этомъ анекдотѣ собственно о Подвысоцкомъ не говорится ничего обиднаго, позорнаго или даже смѣшного, то я и оставилъ настоящую фамилію. Не думаю, чтобы кто нибудь, когда нибудь могъ обидѣться и быть въ претензіи ²⁾.

И такъ вышлю еще въ Декабрѣ.

Примите, многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, мое искреннѣйшее уваженіе.

Вашъ покорный слуга

Ф. Достоевскій.

PS. Если не Подвысоцкій, то можно бы напечатать: Подвисоцкій, но-польски совсѣмъ другой смыслъ, но лучше, если оставить «Подвысоцкій», какъ у меня.

Д.

НВ. Пѣсня, пропѣтая хоромъ, записана мною съ натуры и есть дѣйствительно образчикъ повѣйшаго крестьянскаго творчества ³⁾.

«Письмо къ издателю «Русскаго Вѣстника» было напечатано въ этомъ журналѣ, какъ хотѣлъ того Достоевскій, въ 12-й, декабрской книжкѣ (въ самомъ ея концѣ, на стр. 907—908), но не вполнѣ точно по рукописи; даемъ, поэтому, его теперь здѣсь съ автографа Достоевскаго.

12.

Письмо къ издателю «Русскаго Вѣстника».

Милостивый Государь

Михаилъ Никлфоровичъ,

Въ началѣ нынѣшняго года, начиная печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» мой романъ «Братья Карамазовы», я помню это, далъ Вамъ твердое обѣщаніе окончить

¹⁾ См. въ главѣ VII-й Книги Восьмой: «Прекій и безспорный».

²⁾ Фамлія Подвысоцкаго была сохранена.

³⁾ Въ главѣ VIII-й («Вредъ»).

его въ этомъ же году. Но я рассчитывалъ на прежнія мои силы и на прежнесъ здоровье и вполнѣ былъ убѣжденъ, что данное обѣщаніе сдержу.

Къ моему несчастію случилось иначе: я успѣлъ написать лишь часть моего романа, а окончаніе его принужденъ перенести въ будущій 1880 годъ. Даже и теперь для Декабрской книжки не успѣлъ выслать въ Редакцію ничего, и девятую Книгу моего разсказа принужденъ отложить на январскій номеръ «Русскаго Вѣстника» будущаго года, тогда какъ еще мѣсяцъ тому назадъ увѣренно обѣщавъ Редакціи закончить эту девятую Книгу въ Декабръ. И вотъ вмѣсто нея посылаю Вамъ лишь это письмо, которое и прошу убѣдительно напечатать въ уважаемомъ Вашемъ журналѣ. Это письмо дѣло моей совѣсти. Пусть обвиненія за неоконченный романъ, если будутъ они, падутъ лишь на одного меня, а не коснутся Редакціи «Русскаго Вѣстника», которую если и могъ бы въ чемъ упрѣкнуть въ данномъ случаѣ иной обвинитель, то развѣ въ чрезвычайной деликатности ко мнѣ, какъ къ писателю, и въ постоянной терпѣливой снисходительности къ моему ослабѣвшему здоровью.

Кстати, пользуюсь случаемъ, чтобъ исправить одну мою ошибку, вѣрнѣе простой недосмотръ. Романъ мой «Братья Карамазовы» я пишу «Книгами». Вторая часть романа началась съ четвертой Книги. Когда же закончилась шестая Книга, я забылъ обозначить, что этою шестою книгою окончилась вторая часть романа.

Такимъ образомъ третью часть надо считать съ седьмой Книги, а закончится эта третья часть именно тою девятою Книгою, которая предназначалась на Декабрскій номеръ «Русскаго Вѣстника» и которую обѣщаю теперь выслать непременно на Январскій номеръ будущаго года.

Такъ что на будущій годъ останется лишь четвертая и послѣдняя часть романа, которую и попрошу Васъ начать печатать съ Мартовской (третьей) книги «Русскаго Вѣстника»¹⁾.

Этотъ перерывъ въ одинъ мѣсяцъ мнѣ опять нѣобходимъ, все по той же причинѣ: по слабому моему здоровью, хотя и надѣюсь, начавъ съ Мартовской книжки, окончить романъ уже безъ перерывовъ.

Примите увѣреніе и проч.

Ф. Достоевскій.

2 Декабря /79 г.

13.

Петербургъ, 8 Декабря /79 г.

Милостивый Государь,

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Опять я выхожу до крайности виноватымъ передъ Вами и передъ «Русскимъ Вѣстникомъ». Обѣщанную столь утвердительно «Девятую Книгу» Карамазовыхъ на Декабръ—я не могу прислать въ Декабръ. Причина та, что я заработался до болѣзни, что тема книги (Предварительное Слѣдствіе), удлинилась и усложнилась, а главное, главное—что эта Книга выходитъ одна изъ важнѣйшихъ для меня въ романѣ и требуетъ (я вижу это) такой тщательной отдѣлки, что еслибъ я попытался и скомкать, то повредилъ бы себѣ, какъ писателю и теперь, и на вѣки.

Да и идея моего романа слишкомъ бы пострадала, а она мнѣ дорога. Романъ читаютъ всюду, пишутъ мнѣ письма, читаютъ молодежь, читаютъ въ высшемъ обществѣ, въ литературѣ ругаютъ или хвалятъ и никогда еще, по произведенному

¹⁾ Начало Четвертой части (Книга X) появилась не въ Мартовской, а въ Апрѣльской книгѣ «Русскаго Вѣстника».

кругомъ впечатлѣннѣю, я не имѣлъ такого успѣха. Вотъ почему и хочется кончить дѣло хорошо.

А потому простите меня, если можете. Эту девятую Книгу я пришлоу Вамъ на Январскій М. Будетъ въ ней три листа минимумъ, можетъ быть 3½ (столько же, какъ и въ Ноябрьской). Девятая Книга эта закончить три части Карамазовыхъ. Четвертую же часть напечатаю въ будущемъ году, начавъ съ Мартовской книги (т. е. пропустивъ Февральскую). Этотъ перерывъ мнѣ рѣшительно необходимъ. За то кончу уже безъ промежутковъ.

Тѣмъ не менѣе, я рѣшительно прошу Васъ, Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, напечатать въ Декабрской теперешней книжкѣ Русскаго Вѣстника мое письмо въ Редакцію, о которомъ я писалъ Вамъ еще прежде. Письмо это пришлоу Вамъ около 14 Декабря, т. е. въ этотъ день можетъ быть и получите. Въ газетахъ я уже самъ читалъ раза три обвиненія и инсинуаціи на Редакцію Русскаго Вѣстника въ томъ, что она нарочно (для какихъ-то причинъ непонятныхъ) растягиваетъ романы (Льва Толстого и мой) на два года. Въ письмѣ моемъ я именно объявляю, что виноваты одинъ я въ томъ, что обѣщала кончить романъ въ одинъ годъ и оттянула на другой, и что отъ Редакціи Русскаго Вѣстника видѣлъ лишь самое деликатное и просвѣдѣнное къ себѣ вниманіе, какъ къ (автору) писателю. (Это въ отвѣтъ на другія инсинуаціи). Постараюсь написать прилично и убѣдительно (пройдемъ черезъ Вашу цензуру). Вместе съ тѣмъ, объявляю въ письмѣ какъ и когда я намѣренъ продолжать романъ. Можетъ быть кстати скажу нѣсколько словъ объ идеѣ романа для читателей, но не знаю еще. Вообще постараюсь не написать лишняго. По моему соображенію это письмо совершенно необходимо напечатать въ Декабрской книжкѣ, главное для меня необходимо, — это дѣло моей совѣсти.

Теперь позвольте мнѣ, столь виноватому передъ Вами, обратиться къ Вамъ съ самой убѣдительнѣйшей просьбой. Къ празднику я остаюсь совершенно безъ денегъ, и къ тому же долженъ раздать очень много и имѣю долги. Цельза ли будетъ поэтому выслать мнѣ къ празднику на Ахенбахъ и Колли рублей тысячу. Если же будетъ можно и побольше, то было бы для меня просто спасительно, потому что ужасъ, какъ нуждаюсь. Всего лучше, еслибъ къ 20-му Декабря. А позже такъ у Ахенбаха и Колли пожалуй еще запрется Контора.

Извините за настойчивость просьбы, и еслибъ не нужда, я бы не сталъ беспокоить.

Отъ всего сердца благодарю Васъ, что такъ скоро и охотно исполнили просьбу мою касательно выдачи денегъ 60 р., племянницѣ моей Иннѣ Александровнѣ Ивановой¹⁾. Она мнѣ написала и ужасно Вамъ благодарна.

И такъ, повторяю, къ 14 Декабря (или раньше) получите письмо мое въ редакцію для напечатанія²⁾.

Еще разъ испрививая извиненіе, прошу Васъ, Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, принять искреннее мое увѣреніе въ глубочайшемъ моемъ къ Вамъ почтеніи и преданности.

Покорный слуга Вашъ

Ф. Достоевскій.

P.S. Позвольте еще поблагодарить за хорошее исправленіе польскихъ словъ въ моей послѣдней книгѣ.

¹⁾ Дочь сестры Достоевскаго — Вѣры Михайловны Ивановой.

²⁾ Оно помѣчено 2-мъ декабря и помѣщено выше.

11.

Петербургъ, 12 Декабря /79 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Прилагаю при семъ письмо «Къ Издателю Русскаго Вѣстника», о которомъ уже два раза извѣщаль Васъ прежде и которое убѣдительнѣе прошу напечатать въ Декабрской Книжкѣ¹⁾. Въ этомъ письмѣ, какъ Вы сами знаете, все правда, отъ перваго до послѣдняго слова. Другое дѣло, какъ выражено. Если найдете нужнымъ, что либо измѣнить и исправить, то сдѣлайте это, но чрезвычайно просилъ бы ничего не выбрасывать изъ него. Озаглавилъ я письмо «Къ Издателю Русскаго Вѣстника» и пишу на имя Михаила Никифоровича. Вы, конечно, ему покажете. Если сочтете нужнымъ озаглавить письмо иначе, т. е., напримѣръ, болѣе вообще «Въ Редацію Русскаго Вѣстника», то поступите какъ найдете удобнѣе. Я на все согласенъ, только было бы напечатано письмо.

Я хотѣлъ было прибавить (о чемъ и писалъ Вамъ въ послѣдній разъ) нѣкоторые разъясненія идеи романа для косвеннаго отвѣта на нѣкоторые критики, не называя никого. Но, размысливъ, нахожу, что это будетъ рано, надѣясь на то, что по окончаніи романа Вы удѣлите мнѣ мѣстечко въ «Русскомъ Вѣстникѣ» для этихъ разъясненій и отвѣтовъ, которые, можетъ быть, и я напишу, если къ тому времени не раздумаю.

Девятую Книгу «Предварительное Слѣдствіе» приняло по возможности раньше для Январскаго нумера; хоть опоздалъ, но надѣюсь ее отдѣлать получше.

Меня очень безпокоитъ, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, что я оказался столь несостоятельнымъ передъ «Русскимъ Вѣстникомъ», не приславъ на Декабрь. Живу теперь съ искренними угрызѣніями совѣсти и упрѣкаю себя поминутно,—вѣрьте мнѣ.

Примите увѣреніе въ мою совершенномъ услаженіи и искренней преданности

Чокорѣйшій слуга Вашъ

Ф. Достоевскій.

15.

Петербургъ, 8 Января /80 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Во первыхъ поздравляю Васъ съ Новымъ Годомъ и желаю Вамъ всего самаго лучшаго. Убѣдительнѣе прошу передать мое привѣтствіе и поздравленіе многоуважаемому Михаилу Никифоровичу.

Письмо это пока только уведомленіе. Книга 9-я Карамазовыхъ почти вся уже готова, и на дняхъ вышло. Вспавшая болѣзнь жены моей, моей помощницы въ работѣ (она стенографируетъ съ написаннаго мною и потомъ переписываетъ), поставила меня вдругъ въ самое затруднительное положеніе, ибо, не буди этой бѣды надо мной, уже теперь бы Вамъ все писалъ.—Эта 9-я Книга, къ тому же, вышла не равнѣнно длиннѣе, чѣмъ я предполагалъ: сидѣлъ я за нею 2 мѣсяца и

¹⁾ См. его выше, подл. № 12.

отдѣливалъ до послѣдней возможности тщательно. Всего будетъ, безъ малаго развѣ, до 5-ти печатныхъ листовъ. Что дѣлать! За то настолько же, неминуемо, сократится 4-я Часть, ибо сказанное въ «Предварительномъ Слѣдствіи» въ 4-й Части естественно можетъ быть теперь перелано уже не въ подробности. Я думаю, что 11-го Января вышло Вамъ 4 листа и 12-го Вы получите ихъ въ редакціи. Затѣмъ остальное, около $\frac{3}{4}$ -й листа, переписю для три спустя, такъ что полагаю, что и этотъ кончикъ прибудетъ въ редакцію не позже 15-го и максимумъ 16-го Января. Все это пишу утвердительно, если даже и самому придется все переписывать (ибо уже все написано).

Задерживаютъ тоже разныя мелочи, наиримѣръ, надо перечитать все одному бывшему (провинціальному) прокурору, чтобъ не случилось какой важной ошибки или абсурда въ изложеніи «Предварительнаго Слѣдствія», хотя я писалъ его, все время совѣтуясь съ этимъ же прокуроромъ.—Такимъ образомъ къ 16-му въ Редакціи будетъ около 5 листовъ, то есть вся законченная 9-я Книга, изъ коихъ 4 листа прибудутъ въ Редакцію не 16-го, а 12-го Января.—Боюсь, что Вы не найдете возможнымъ выслать мнѣ корректуры (а я бы ихъ вмѣстѣ отсмотрѣлъ и обратилъ назадъ).

Ну вотъ пока и все, о чемъ надо было увѣдомить. О дальнѣйшемъ напишу при отправкѣ. А пока примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ уваженіи и преданности.

Покорный слуга Вашъ

Ф. Достоевскій.

* * *

Въ письмѣ отъ 15 января 1880 г. Достоевскій писалъ одной своей корреспонденткѣ: «Прежде всего простите, что замедлилъ отвѣтомъ: двѣ недѣли сряду сидѣлъ день и ночь за работой, которую только вчера изготавилъ и отправилъ въ журналъ, гдѣ теперь печатаюсь. Да и теперь отъ усиленной работы голова кружится». («Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго», СПб., 1883, прил., стр. 340). Черезъ недѣлю, 21 января онъ тоже сообщалъ въ Берлинъ, В. О. Пущиковичу: «Давно не писалъ къ Вамъ и давно отъ Васъ ничего не получалъ. Съ моей стороны причина одна: страшная каторжная работа, выше силъ моихъ. Въ послѣдніе три мѣсяца написалъ и сдалъ до 12 печатныхъ листовъ! Разстроилъ здоровье, запустилъ все: визиты, посѣщенія, письма. Вѣра отправилъ послѣдніе 5 листовъ моего романа въ «Русскій Вѣстникъ» и теперь принимаюсь за послѣднюю часть романа, а пока имѣю недѣлю или даже 10 дней отдыха» («Московскій Сборникъ» подъ ред. С. Шарапова, М. 1887, стр. 12).

Печатаніе «Карамазовыхъ» возобновилось съ Апрельской книги «Русскаго Вѣстника», которой и касается слѣдующее письмо Достоевскаго.

16.

Петербургъ, Апрѣля 9/80 ¹⁾

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Имѣю къ Вамъ одну покорительную и настоятельную просьбу: когда Редакція станетъ высывать мнѣ корректуру Апрельской книжки Р. Вѣстника, то пусть

¹⁾ Въ этотъ же день Достоевскій писалъ еще А. С. Юрьеву, по поводу предстоящаго Пушкинскаго праздника (см. „Въ память С. А. Юрьева“. Сборникъ, М., 1890, стр. 250).

выслать всю эту корректуру въ 2-хъ экземплярахъ, т. е. въ 2-хъ оттискахъ. Всю лишнюю цѣну, которую возьметъ почтатъ, поставьте на мой счетъ.—Здѣсь затѣвается (на Святой) Чтеніе въ пользу Славянскаго благотворительнаго общества, и меня просятъ прочесть что нибудь изъ этого Апрельскаго № «Карамазовыхъ», еще неизвѣстнаго публикъ.¹⁾ Можетъ быть и можно будетъ что нибудь прочитать съ необходимыми сокращеніями. Вотъ для чего и нужны мнѣ теперь лишніе оттиски.

Есть и еще одно маленькое обстоятельство, которое капелъку меня смущаетъ: это то, что у меня въ этой книгѣ «Маленькіе мальчики» упомянуто о прогимназій. И вотъ, уже отправивъ къ Вамъ рукопись, я вдругъ сообразилъ, что у меня всѣ эти мои мальчики одѣты въ партикулярныя платья. Ясправился здѣсь у знающихъ дѣло и мнѣ сказали, что 13 лѣтъ тому назадъ (время дѣйствія въ моемъ романѣ) гимназисты имѣли все таки какую то форму, хоть и не теперешнюю. Приготовительные же классы (особенно если дѣти бѣдныхъ родителей) могли ходить и въ партикулярныхъ платьяхъ. Пальтишки же были какіе угольно, равно и фуражки. Но такъ ли это? И не нужно ли будетъ что нибудь измѣнить на счетъ платья въ корректурѣ. Если нужно, черкните мнѣ одну строчку сверху 1-го листочка корректуры, и я измѣню, что можно. Если же не очень нужно, то сойdetъ и такъ.

Очень прошу исполнить эти обѣ мои просьбы. Надѣюсь, что письмо мое не запоздастъ.

Ради Бога, простите пометки въ письмѣ, не сочтите за небрежность и примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и преданности Вашего покорнѣйшаго слуги

Ф. Достоевскій.

* * *

На чтеніи въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Общества (которое состоялось 27 апрѣля 1880 г.—см. ниже, въ письмѣ № 28), Достоевскій собирався выступать потому, что онъ былъ давнишъ дѣйствительнымъ членомъ Общества (съ 21 января 1873), и 3 февраля 1880 года былъ избранъ (утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 14 апрѣля) Товарищемъ Предсѣдателя Общества (въ томъ же засѣданіи Предсѣдателемъ былъ избранъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, а другимъ Товарищемъ П. А. Васильчикъ въ). Въ качествѣ представителя именно Славянскаго Благотворительнаго Общества Достоевскій выступилъ со своею знаменитою рѣчью о Пушкинѣ 6 іюня 1880 года. Черезъ годъ Общество, лишившись Достоевскаго, посвятило его памяти цѣлое засѣданіе 14 февраля 1881 года, на которомъ произнесли рѣчи: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, О. Ф. Миллеръ (прочитавшій стихотвореніе К. К. Случевского и рѣчь А. Н. Майкова), Н. Н. Страховъ, М. А. Хитрово (стихотвореніе) и О. Ф. Миллеръ²⁾.

* * *

Слѣдующее письмо, какъ и многія предыдущія, показываетъ, какъ заботился Достоевскій о правильности различныхъ деталей въ своихъ произведеніяхъ, какъ волновался отъ дѣйствительныхъ, а иногда воображаемыхъ только промаховъ и противорѣчій,—столь, конечно, возможныхъ при исключительной напряженности и снѣжкѣ его работы.

¹⁾ См. объ этомъ чтеніи ниже.

²⁾ См. въ книгѣ «Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», СПб., 1883 г., стр. 616, 618, 619, 647—665 (рѣчи въ засѣданіи памяти Достоевскаго), 821—822 (слово проф. І. К. Иконникова 5 февр. 1881 г.), 843 и 862. См. также въ книгѣ «Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки О. М. Достоевскаго», СПб., 1883, статью: «Участіе и поминки О. М. Достоевскаго въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ», прилож. стр. 47—84.

Петербургъ, 13 Апрѣля /80 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ,

Благодарю Васъ за Ваше сегодня мною полученное письмо. Благодарю за обещанную высылку корректуры, и, главное, за Ваше сужденіе объ этой девятой Книжѣ. Радъ, что Вамъ понравились мои мальчики. Мнѣ же Ваше о Колѣ Красоткинѣ самъ вполне готовъ раздѣлить. Но вотъ беда: я въ корректуру не исправилъ и сегодня корректуру ужъ отослалъ. Будетъ ли въ такомъ случаѣ возможность поправить мою ошибку, и будетъ ли наконецъ время, если Вы сами Многоуважаемый Николай Алексѣвичъ, захотѣли взять на себя это исправленіе? И не будетъ ли хлопотливо для Васъ (еслибъ и оказалось время), ибо во многихъ мѣстахъ въ книгѣ надо, въ такомъ случаѣ, переимѣнить цифру, т. е. накинуть Колѣ Красоткину одинъ годъ. Во 1-хъ, при началѣ біографіи, на 1-й страницѣ, гдѣ говорится о вдовѣ Красоткиной, что мужъ ея умеръ столько то лѣтъ назадъ (если поправить, то помѣстить 13 лѣтъ). Во 2-хъ, на желѣзной дорогѣ съ мальчиками, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Коля сердится, что его принимаютъ за маленькаго. Эти «четырнадцатилѣтвіе»,—надо будетъ переимѣнить и поставить: 15-лѣтніе. Наконецъ, когда онъ стоитъ у забора и ждетъ Алешу и думаетъ о своемъ маломъ ростѣ: надо сказать, что Боровниковъ (забылъ фамилію) и 13 лѣтъ, да выше его ростомъ (вмѣсто 12, поставленныхъ у меня). Наконецъ, когда говорить съ Алешей, то надо вставить, вмѣсто того, когда онъ говоритъ про свои лѣта: «14, 14, а не тринадцать, черезъ 2 педѣли 14». А Алеша долженъ спросить его вмѣсто: «Вамъ, кажется, 12 лѣтъ?»—«Вамъ, кажется, только 13 лѣтъ?»—Можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ придется кое-гдѣ выправить. Однимъ словомъ, я вполне согласенъ накинуть годъ (всего одинъ), но въ томъ непремѣнно, смыслѣ, что ему 13 лѣтъ, но почти 14, т. е. черезъ двѣ педѣли 14. Этого, мнѣ кажется, довольно. А потому, если только возможно еще это сдѣлать, т. е. если есть время и Вы захотѣли бы это исправить сами, то чрезвычайно бы меня одолжили. Жена моя (которая Вамъ отъ души кланяется) еще раньше Вашего сдѣлала мнѣ точъ въ точъ такое же замѣчаніе, какъ Вы.

А въ заключеніе Христосъ Воскресе и примите увѣреніе въ моемъ самомъ горячемъ уваженіи и глубокой преданности.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Ф. Достоевскій.

PS. Убѣдительнѣе прошу передать отъ меня поздравленіе съ всемірнымъ христіанскимъ праздникомъ и Многоуважаемому Михаилу Никифоровичу. Перодовъ Моск. Вѣдомостей читаю съ наслажденіемъ. Онъ производитъ глубокое впечатлѣніе.

Петербургъ, Апрѣля 29/80 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Повѣрьте, что мнѣ слишкомъ тяжело писать Вамъ это письмо. Какъ я не бился, а на Майскій (будущій) № Русскаго Вѣстника опять ничего не могу доставить. Но черезъ недѣлю увязкаю съ семействомъ въ Старую Руссу и въ 3 мѣсяца кончу весь романъ. Такимъ образомъ продолженіе можетъ начаться (если одобрится) съ Июньской книжки, кончится четвертая Часть въ Августовской книжкѣ и затѣмъ будетъ на Сентябрскую книжку еще заключеніе 1½ листа печатныхъ (нѣсколько словъ о судьбѣ лицъ и совершенно отдѣльная сцена: похороны Илюши и надгробная рѣчь Алексѣя Карамазова мальчикамъ, въ которой отчасти отразится смыслъ всего романа) ¹⁾. Не могъ же написать теперь къ Майской книжкѣ потому, что здѣсь буквально не даютъ писать, и надо скорѣе бѣжать изъ Петербурга.

Винovati же въ томъ опять такіе «Карамазовы». По поводу нихъ ко мнѣ ежедневно приходитъ столько людей, столько людей ищутъ моего знакомства, зовутъ меня къ себѣ,—что я рѣшительно здѣсь потерялся и теперь бѣгу изъ Петербурга! Не знаю, какъ Вы, Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ, но я на счетъ собственно помѣщенія въ лѣтніе мѣсяцы романа въ Р. Вѣстникъ не смущаюсь, ибо лѣтомъ даже больше читаютъ, чѣмъ зимой. Тяжело мнѣ писать Вамъ это письмо: Союсъ, страшно боюсь, чтобъ Вы и Многоуважаемый Михаилъ Никифоровичъ не заключили обо мнѣ, что я злоупотребляю Вашою безконечною ко мнѣ деликатностью. Сегодня только узналъ, что Михаилъ Никифоровичъ въ Петербургѣ, отъ К. П. Побѣдоносцева, и по указанію его пошелъ обѣдать къ Гн. Мещерскому въ надѣждѣ, что встрѣчусь, можетъ быть, съ Михаиломъ Никифоровичемъ, но услышалъ тамъ, что онъ уже уѣхалъ. А то лично изложилъ бы ему все. Будьте столь добры передайте ему мой нижайшій поклонъ. Черкните мнѣ, если будете столь безконечно добры, сердитесь Вы на меня или нѣтъ? (Адресъ прежній, дойдетъ гдѣ бы я ни былъ). Кстати, я очень доволенъ, что книга «Мальчики» (имѣющая явиться въ Апрельскомъ №) столь отдѣльна и эпизодна: читатель будетъ не столь претендовать, какъ если бы на самомъ неоконченномъ мѣстѣ вдругъ прервать и поставить: продолженіе будетъ. Вчера, 27 числа, читалъ эпизодъ изъ этой книги на Литературномъ вечерѣ въ пользу Славянскаго благотворительнаго общества,—и эффектъ, безъ преувеличенія и похвалы, могу сказать, былъ чрезвычайно сильный.

Примите увѣреніе въ наглубочайшемъ моемъ уваженіи и совершенной преданности.

Вашъ покорный слуга

Ф. Достоевскій.

Любопытное свидѣтельство Достоевскаго о томъ, какъ въ это время онъ обремененъ былъ посѣщеніями, знакомствами, перепискою,—подтверждается и другими его о томъ сообщеніями и письмами его къ неизвѣстнымъ ему лично корреспондентамъ, обращающимся къ писателю по различнымъ поводамъ, для разъясненія мучившихъ ихъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, извиняясь передъ незнакомой намъ по имени корреспонденткой за продолженіе въ отвѣтъ, онъ пишетъ ей 11 апрѣля

¹⁾ Послѣ Апрельской книги «Русскаго Вѣстника», въ которой была помѣщена вся Десятая Книга «Карамазовыхъ» («Мальчики»), продолженіе явилось не въ Июньскомъ №, а въ Июльскомъ (первыя 5 главъ Книги Одинадцатой).

1880 г.: «моя жизнь проходить въ такомъ беспорядочномъ книжномъ и даже въ такой суетѣ, что, право, я рѣдко когда принадлежу весь себѣ» («Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки *Ф. М. Достоевскаго*», СПб. 1883, прилож., стр. 341). «Въ послѣдніе годы,—свидѣтельствуеъ Н. И. Страховъ,—особенно съ начала «Дневника Писателя», онъ былъ заваленъ перепиской и замученъ посетителями. Къ нему писать и шли люди совершенно незнакомые, со всѣхъ концовъ Петербурга и краевъ Россіи. Приходили съ просьбами о помощи, такъ какъ онъ усердно помогать бѣднымъ и принималъ участіе въ чужихъ затрудненіяхъ и несчастіяхъ, но также безпрерывно приходили съ выраженіями своего поклоненія, съ вопросами, съ жалобами на другихъ и съ возраженіями противъ него. Такого же рода были и письма. Нужно было разговаривать, разспрашивать, отписываться, обдѣлывать. Популярность его радовала; много онъ встрѣтилъ заявленій, которыя покзывали, что слова его не пропали даромъ; много узналъ людей, принесшихъ ему отраду своими душевными качествами. Эти сношенія онъ считалъ прямымъ долгомъ поддерживать и направлять въ хорошую сторону. Особенно онъ былъ внимателенъ къ молодымъ людемъ, къ студентамъ, къ курсисткамъ¹⁾. Затѣмъ—сыпались приглашенія на заведенія всякихъ обществъ, на обѣды по разнымъ случаямъ, на литературныя чтенія съ благотворительною цѣлью²⁾. Нужно было стовариваться о времени, выбирать, что прочесть, готовиться и читать. Но нельзя было вовсе забросить и знакомыхъ и хоть изрѣдка да не побывать у нихъ въ заведеніи среды или субботы. И все это помимо домашнихъ и семейныхъ и родственныя дѣла и заботы, тоже бравшихъ время и силы... Понятно, что онъ жилъ въ постоянномъ напряженіи, что внутри его кипѣла непрерывная работа, о которой не имѣютъ понятія люди, не занимавшіеся писательствомъ... Онъ сверхъ того былъ человекъ болѣзливый, принадлежалъ «священной болѣзни» (падушей), такъ часто совмѣщающейся съ высокими нервными организаціями, отнимали у него память, приводили его въ мрачное настроеніе... («Биографія» и т. д., стр. 316—317). Немудрено, что Достоевскій мечталъ «объѣхать» изъ Петербурга и, вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ и зѣломъ—Пушкинымъ—мысленно восклицалъ: «Пора, мой другъ, пора, Покоя сердце просить!»

Побѣдоносцевъ, о которомъ здѣсь уже вторично упоминаеть Достоевскій въ перепискѣ своей съ Любимовымъ, по поводу смерти писателя такъ высказался о немъ въ письмѣ къ И. С. Аксакову отъ 30 января 1881 года: «Тяжко, пишешь ты, еще не зная о кончинѣ *Ф. М. Достоевскаго*. А вѣдь у сто гроба и вдвое тяжко. Я близко зналъ этого человека. Для него исключительно у меня былъ назначенъ вечеръ субботній, и онъ изрѣдка приходилъ проводить его время со мною. И своего «Зосиму» онъ задумывалъ по моимъ указаніямъ: много было и жду пани задушевныя рѣчи. Пасъ облизало время его редакторства въ «Гражданинѣ». Тогда, изъ участія къ его отчаянному положенію, я цѣлое лѣто работалъ съ нимъ вмѣстѣ, и мы весьма сошлись. Въ нынѣшнюю пору³⁾ какъ разъ бѣтъ прищесъ то времени. И теперь незамѣнимъ, ибо стоялъ самъ по себѣ. (Новое Время. 1909 г., № 12118, иллюстр. прилож.).

Книжъ Мещерскій, упоминаемый въ серединѣ письма Достоевскаго—знаменитый *Владиміръ Петровичъ* (родной, по матери, внукъ Карамзина), основатель и долготлѣтній издатель «Гражданина»; органъ этотъ, въ началѣ своего существованія и редакторства Достоевскаго (1873—1874) отнюдь не носилъ того одиознаго, рѣзко-ретроград-

¹⁾ Любопытное указаніе на эти сношенія Достоевскаго съ его многочисленными читателями см. въ Воспоминаніяхъ о немъ метранныа М. А. Александрова—«Русск. Стар.» 1892 г., т. LXXIV, стр. 208—207. *В. М.*

²⁾ Одна записка Достоевскаго къ И. И. Вейнбергу по поводу чтенія на вечерѣ въ и лѣзу дѣтей (недатированная, но относящаяся, конечно, къ послѣднимъ годамъ жизни писателя) воспроизведена факсимиле въ книгѣ «Опись рукописей А. Е. Бурцева», СПб. 1901. стр. 6—7 *В. М.*

³⁾ Письмо писано за мѣсяцъ до 1 марта. *В. М.*

ного отпечатка, что въ 1890-е и 1900-е годы, удерживая за собой характеръ изданія консервативнаго направленія, боревшагося лишь съ крайними теченіями. Меншерекій, посвятившій въ своихъ мемуарахъ одну главу Достоевскому, характеризуетъ послѣдняго, какъ убѣжденнаго консерватора. Выразили удивленіе тому, какимъ образомъ Достоевскій, будучи человекомъ, политически вполнѣ «благонадежнымъ», могъ попасть въ заговоръ Петрашевскаго, а потомъ на каторгу, Меншерекій пишетъ: «Я не видѣлъ на своемъ вѣку болѣе полнаго консерватора, не видѣлъ болѣе убѣжденнаго и преданнаго своему знамени монархиста, не видѣлъ болѣе фанатичнаго приверженца самодержавія, чѣмъ Достоевскій!... И даже: «Такого цѣльнаго и полнаго консерватора я никогда не видѣлъ и не встрѣчалъ... Мы все были маленькими передъ его грандіозною фигурою консерватора... Апостолъ правды во всемъ, въ крупномъ и въ мелочахъ, Достоевскій былъ какъ аскетъ строгъ и какъ неофитъ фанатиченъ въ своемъ консерватизмѣ... И тутъ какая оригинальность въ сопоставленіи того, чѣмъ Достоевскій былъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ слылъ для массы русскаго интеллигентнаго люда, искавшаго въ немъ, благодаря его эпохѣ, какого-то фтиша либеральной революціонной картинѣ и т. д. (Мои воспоминанія». Часть вторая. (1865—1881)», СПб. 1898, стр. 178, 179).

По поводу упоминанія Достоевскаго о своемъ выступленіи на Литературномъ вечерѣ въ пользу Славянскаго Благотворительнаго Общества, приведемъ извлеченіе изъ разсказа одного современника о чтеніи Достоевскимъ отрывка изъ «Карамазовыхъ» 9 марта 1879 г. на вечерѣ Литературнаго Фонда... «Послѣ антракта первымъ вышелъ на эстраду Ф. М. Достоевскій. Глубокое волненіе охватило меня, когда я... услышала этотъ давно неслышанный голосъ. Разомъ вспомнилось все: наша работа за однимъ столомъ, почтенныя бесѣды на чердакѣ, филиппики противъ «либераловъ» и таинственныя возвышенія объ антихристѣ... Онъ читалъ главу изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»... Для многихъ, въ томъ числѣ и меня, это было чѣмъ то въ родѣ откровенія всѣхъ судебъ... Это была мистерія подъ заглавіемъ: Страшный Судъ или Жизнь и Смерть... Это было анатомическое вскрытіе больного гангреною тѣла, — вскрытіе язва и недуга нашей притупленной совѣсти, нашей неадовой, тиндой, все еще крѣпостнической жизни... Пласть за пластью, язва за язвой..., гной, сироды..., томительный жаръ агоніи... предсмертныя судороги... и ослѣпляющія, цѣлительныя улыбки... и краткія, боль утѣляющія слова сильнаго здороваго существа, у ора умирающаго. Это былъ разговоръ старой и новой Россіи, разговоръ братьевъ Карамазовыхъ—Дмитрія и Алехи... Проникновенный, страстный голосъ (Достоевскаго) до глубины и трясалъ намъ сердца. Не я одна.—весь залъ былъ взволнованъ. И я помню, какъ нервно вздрагивалъ и валихалъ сидѣвшій надъ мною и знакомый мнѣ молодой человекъ, какъ онъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, судорожно вѣтрихивалъ головой и сжималъ пальцы, какъ бы съ трудомъ удерживая ихъ отъ невольныхъ рукоплесканій. И какъ, наконецъ, загремѣли эти рукоплесканія... Все хлопало, все было въ волненіи. Эти ввезанія рукоплесканія, не во время прервавшихъ чтенія, какъ будто разбухши Достоевскаго. Онъ вздрогнулъ и съ минуту неподвижно оставался на мѣстѣ, не отрывая глазъ отъ рукописи. Но рукоплесканія становились все громче, все продолжительнѣе. Тогда онъ поднялся, какъ бы съ трудомъ освобождаясь отъ слѣдствія сна, и, сдѣлавъ обійскъ поклонъ, опять сѣлъ читать. И опять послышался таинственный разговоръ на странную, совсѣмъ не «современную», даже «первобытную» тему:

Вѣрь тому, что сердце скажетъ:
Нѣтъ залоговъ отъ небесъ!

говорила одна съ ядовитой и страстной ироніей. А другой отвѣчалъ ему съ такою же страстной, изступленной лаской: «Я не жегить хочу! Я простить хочу!» — Мы слушали это съ возрастающимъ волненіемъ и съ трепетомъ сердца тоже хотѣли простить! И вдругъ все въ насъ чувствѣйственно перемѣнилось: мы вдругъ по-

чувствовали, что не только не надо нам «погодить», но именно нельзя медлить ни на минуту... Нельзя потому, что каждый миг нашей жизни приближает нас к вечному сумраку или к вечному свету, — к евангельским идеалам или к звёриям. А неподвижной середины не существует..., нет остановок для мыслящего ума, как нет покоя для живущего сердца. Или — «чортова ахилея» и укусы тарантула, или «возьми свой крест и иди за Мною». Или «блаженны алчущие и жаждущие правды», — и тогда «не убей», «не укради», «не пожелай!» Или — ходи по трунам зачавших и рви кусок из чужого рта, бди верхом на других и илой на всяческие завилы!..» и т. д. (Из воспоминаний В. В. Починиковской — «Историч. Вѣстн.», 1904 г., № 2; цит. по книге Ч. Вятринского, «О. М. Достоевский», М. 1912, стр. 155—157). Впечатлѣніе о выступленіи автора «Карамазовыхъ» передано здѣсь вѣрно и безъ утрировки: таковы показанія и другихъ современниковъ отъ чтеній Достоевскаго, — напр., репортера газеты «Голосъ», который, давая отчетъ о томъ же литературномъ вечерѣ 9 марта 1879 г. въ залѣ Влгороднаго Собранія (онъ былъ устроенъ Литературнымъ Фондомъ и на немъ выступали: Салтыковъ, Плеще въ, Пегѣйкинъ, Полонскій и Тургеневъ), писалъ: «Вторая часть вечера открылась чтеніемъ О. М. Достоевскаго. Нѣсколько секундъ рукоплесканія не давали О. М. Достоевскому начать чтеніе. Чрезвычайно удачный выборъ отрывка изъ романа «Братья Карамазовы» — «Разсказъ по секрету» — признанья Дмитрія Карамазова младшему брату своему Алексѣю, — въ которомъ отразились всѣ особенности дарованія и манеры автора, и прочувствованное чтеніе произвели сильное впечатлѣніе. Въ одно мѣтѣ даже наша публика, холодная и непитливая, не выдержала и прервала чтеніе нѣсколькими разъ и приветствованъ шумными рукоплесканіями» («Голосъ» 11 марта 1879 г., № 70). Приведемъ, наконецъ, разсказъ еще одного очевидца — метранпажа М. А. Александрова, который въ воспоминаніяхъ своихъ о Достоевскомъ разсказываетъ о чтеніи имъ отрывка изъ «Карамазовыхъ» на томъ самомъ литературномъ вечерѣ (въ Влгородномъ Собраніи) 27 апрѣля 1880 г. (въ Омино воскресеніи), о которомъ пишетъ Достоевскій Любимову: «Когда по программѣ пришла очередь до выхода на эстраду Федора Михайловича, въ залѣ водворилась необыкновенная тишина, свидѣтельствующая о напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствующіе устремили свои взоры на эстраду, гдѣ вотъ-вотъ появится авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ», писатель давно знаменитый, но недавно признанный такъ высокъ... И вотъ, когда этотъ моментъ наступилъ, среди напряженной тишины раздался взрывъ рукоплесканій, длившійся то чуть чуть ослабѣвая, то вновь вдругъ возрастая, около пяти минутъ. Федоръ Михайловичъ, дѣловую поступью вышедшій изъ-за кулисъ, и направившійся къ столу, стоявшему посрединѣ эстрады, остановился на полъ дороги, поклонился нѣсколько разъ приветствуяшему его партнеру и продолжалъ, тою-же дѣловой поступью путь къ столу: но едва онъ сдѣлалъ два шага, какъ новый взрывъ рукоплесканій остановилъ его вновь. Поклонившись опять направо и налево, Федоръ Михайловичъ поспѣшилъ было къ столу, но оглушительныя рукоплесканія продолжались и не давали ему сѣсть за столъ, такъ что онъ еще съ минуту стоялъ и раскланивался. Наконецъ, выждавъ, когда рукоплесканія нѣсколько притихли, онъ сѣлъ и раскрывъ рукопись, потопчаясь имъ, вслѣдствіе новаго врыва рукоплесканія, долженъ былъ снова встать и раскланиваться. Наконецъ, когда рукоплесканія стихли, Федоръ Михайловичъ принялся читать. Читалъ онъ въ тотъ вечеръ ненапечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ» главу изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Чтеніе его было по обыкновенію, мастерское, ясное и настолько громкое или, вѣрнѣе, лютное, что слышнѣе въ самомъ отдаленномъ концѣ довольно большой залы Влгороднаго Собранія, выходящей изъ себя болѣе тысячи одинокихъ человѣкъ, слышали его превосходно. Нечего и говорить, что публика горячо апплодировала чтенію Федора Михайловича, когда онъ окончилъ назначенное по программѣ, и просила его еще что-нибудь прочесть. Но

смотря на продолжительность только что оконченного чтения. Федоръ Михайловичъ чувствовалъ себя настолько бодрѣмъ, что охотно исполнилъ эту просьбу. Передъ многочисленнымъ собраніемъ публички онъ чувствовалъ себя такъ же хорошо и держалъ себя такъ же свободно, какъ бы въ дружескомъ кружкѣ...». Далѣе Александровъ подробно разсказываетъ, какъ Достоевскій мастерски прочелъ сперва «Власа» Некрасова, а потомъ «Илью Муромца» графа А. К. Толстого, вызвавъ бурю рукоплесканій и овацій (см. «Русск. Стар.» 1892 г., т. XIV, стр. 320—322).

* * *

Быть можетъ, въ веснѣ 1880 г. надо отнести слѣдующую записку Достоевскаго къ Каткову или Любимову, писанную на визитной карточкѣ Достоевскаго. Въ Кузнецкомъ переулкѣ Достоевскій проживалъ съ 1878 года до самой смерти («Визитная карточка» и т. д., стр. 301).

19.

Слышалъ отъ К. П. Побѣдоносцева о Вашемъ прибытіи. Хотѣлъ сказать Вамъ два слова о чрезвычайно для меня важномъ. Главное уѣзжаю завтра, въ 10 часовъ вечера, въ Старую Руссу. Буду завтра дома отъ 2-хъ до 3-хъ. Еще дома ежедневно отъ 6 до 7. Если нельзя Вамъ ко мнѣ, то не дадите ли знать по городской почтѣ, когда я завтра могъ бы застать Васъ.

Вашъ весь

Ф. Достоевскій.

Кузнецкий переулокъ, домъ № 5, кв. 10, близъ Владимірской церкви.

20.

Старая Русса, 6 Іюля /80 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Выбѣтъ съ этимъ письмомъ отправляю (отъ 6-го жъ) въ Редакцію Р. Вѣстника и Карамазовыхъ. Будетъ три початныхъ листа. Продолженіе этой (одиннадцатой) Книги не замедлю выслать своевременно для Августовской книжки. Затѣмъ на Сентябрьскую книжку послѣдуетъ и уже безъ всякаго перерыва послѣдняя, 12-я Книга Карамазовыхъ (Судъ), чѣмъ и заключается 4-я Часть романа (и послѣдняя). Затѣмъ на Октябрьскую книгу послѣдуетъ (и непремѣнно тоже безъ перерыва) коротенькій Эпизодъ романа (1½ или 2 початныхъ листа не болѣе), чѣмъ и закончится весь романъ.

Въ этой части (которую высылаю) надѣюсь ничего не найдете неудобнаго для Р. Вѣстника.

Работаю довольно легко, ибо все уже давно записано и приходится лишь восстанавливать. Задержался немного изданіемъ Дневника (единственнаго № 1880-й г.; выйдетъ въ концѣ Іюля), въ которомъ воспроизведу мою рѣчь въ Общ. Люб. Р. Словесности, съ предисловіемъ довольно длиннымъ и, кажется, съ послѣсловіемъ, въ которомъ хочу отвѣтить нѣсколько словъ моимъ милымъ критикамъ. Не думаю, чтобы задержало меня болѣе 5 дней. Слѣдующій, Августовскій № Карамазовыхъ вышлю, я думаю, тоже не позже 10-го будущаго Августа мѣсяца.

Гуляете ли Вы въ Вашемъ Люблинѣ, пользуетесь ли лѣтомъ? Какъ жалко, что не могъ все время бытности въ Москвѣ воспользоваться Вашимъ милымъ приглашеніемъ побывать на Вашей дачѣ. Но Вы знаете, какъ я была занята.—въ послѣднюю недѣлю, такъ приходилось даже почти не спать по ночамъ. Погода у насъ здѣсь восхитительная, то ли у Васъ? Свидѣтельствую мое глубочайшее уваженіе Вашей супругѣ. Убѣдительнѣйше прошу передать отъ меня глубокой и душевный поклонъ Михаилу Никифоровичу.

Буду ждать съ нетерпѣніемъ корректуру. Правда, сюда, въ Старую Руссу, почта приходитъ изъ Москвы днемъ позже, чѣмъ въ Петербургъ. Но я не задержу ни на секунду. Адресъ мой: Старая Русса, Новгородской губерніи.

Θ. М. Достоевскому.

За границу я не поѣду и до 1/2 Сентября все буду жить здѣсь, въ Старой Руссѣ. Примите увѣреніе въ искреннѣйшемъ и глубокомъ моемъ уваженіи.

Вашъ неизмѣнно преданный

Θ. Достоевскій.

* * *

Говоря о предстоящемъ выходѣ «Дневника Писателя», Достоевскій упоминаетъ о своей знаменитой рѣчи «Пушкинъ», произнесенной имъ 8 іюня 1880 г. въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Слоvesности¹⁾. На Пушкинскихъ торжествахъ онъ участвовалъ въ качествѣ представителя Славянскаго Благотворительнаго Общества²⁾, коего былъ Товарищемъ Предсѣдателя. Слово Достоевскаго было триумфомъ его: оно вызвало бурю восторга, встрѣчено было съ единодушнымъ восхищеніемъ. Вотъ какъ рассказываетъ онъ самъ о своемъ торжествѣ и о послѣдовавшихъ за нимъ событіяхъ въ письмѣ къ В. Θ. Пудинскому отъ 18 іюня, изъ Старой Руссы: «20 Мая отправился въ Москву на праздники Пушкина, — и вдругъ послѣдовала кончина Императрицы. Затѣмъ праздники все складывали и складывали, и такъ шло до 6-го Іюня, а въ Москвѣ нѣтъ не давали даже выпитъся, — такъ я безпрерывно былъ занятъ и окруженъ новыми лицами! Затѣмъ послѣдовали праздники и затѣмъ, буквально измученный, воротился въ Старую Руссу. Здѣсь тотчасъ же засѣлъ за Карамазовыхъ, написалъ три листа, отослалъ и затѣмъ тотчасъ же, не отдохнувъ, написалъ одинъ № «Дневника Писателя» (въ который войдетъ моя рѣчь), чтобъ издать его отдѣльно, какъ единственный № въ этомъ году. Въ немъ и отвѣты критикамъ, преимущественно Градскому. Дѣло уже идетъ не о самолюбіи, а объ идѣ. Новый, неожиданный моментъ, проявившійся въ нашемъ обществѣ на праздники Пушкина (и послѣ моей рѣчи) еще присилъ записывать и затирать, испугавшись новаго настроенія въ обществѣ, въ высшей степени ретрограднаго по ихъ понятіямъ. Надо было вѣтановить дѣло, и я написалъ статью, до того ожесточенную, до того разрывающую съ ними въ связи, что они теперь меня проклинаютъ на свои соборы. Такимъ образомъ, — заключаетъ Достоевскій, — въ мѣсяцъ по возвращеніи изъ Москвы я написалъ всего буквально шесть листовъ печати. Теперь разломать и ночи болеть. (Московский Сборникъ подъ ред. Сергея Шаранова, М. 1887 г., стр. 14—15). Исканувъ, 17 іюля, Достоевскій писалъ Еленѣ Андреевнѣ Штакелленицкѣ слѣдующія любительныя строки: «11-го іюля я воротился изъ Москвы въ Руссу, ужасно усталый, но тотчасъ же сѣлъ за Карамазовыхъ и залпомъ написалъ три листа. Затѣмъ,

¹⁾ Соображенія Достоевскаго по поводу сдѣланнаго ему С. А. Юрьевымъ предложенія выступить съ рѣчью на этомъ праздникѣ см. въ письмѣ его отъ 5-го мая 1880 г. («Въ память С. А. Юрьева. Сборникъ», М., 1890, стр. 280—281).

²⁾ См. тамъ же, стр. 282.

отправивъ, принялся перечитывать все написанное обо мнѣ и о моей московской рѣчи въ газетахъ (чего до сихъ поръ и не читалъ, занятый работою) и рѣшилъ отбывать Градовскому, т. е. не столько Градовскому, сколько написать весь нашъ *profession de foi* на всю Россію: ибо знаменательный и прекрасный, совѣсть и новый моментъ въ жизни нашего общества, проявившійся въ Москвѣ на праздники Пушкина, былъ злонамеренно затертъ и искаженъ. Въ прессѣ нашей, особенно Петербургской, буквально испугались чего-то совѣсть новаго, ни на что прежнее не похожаго, объявившагося въ Москвѣ: значить, не хочетъ общество одного подхихикиванія надъ Ро сіей и одного оклеванія ея, какъ доселѣ: значить, настоянне захотѣло много. Надо это затерть, уничтожить, осмѣять, искажить и всехъ разувѣрить.. Я еще въ Москвѣ рѣшилъ, напечатать мою рѣчь въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», сейчасъ же издать въ Петербургѣ одинъ № «Дневника Писателя»—единственный номеръ на этотъ годъ, и въ немъ напечатать мою рѣчь и нѣкоторое въ ней предисловіе, пришедшее мнѣ въ голову буквально въ ту минутку на эстрадѣ, сейчасъ послѣ моей рѣчи, когда, вмѣстѣ съ Аксаковымъ и всеми, Тургеневъ и Анепковъ тоже бросились лобызать меня и, пожимая мнѣ руки, настойчиво говорили мнѣ, что я написалъ вещь гениальную. Увы! такъ ли они теперь думаютъ о ней? И вотъ мысль о томъ, какъ они подумиваютъ о ней сейчасъ, какъ опомнились отъ восторга, и составляетъ тему моего предисловія. Это предисловіе и рѣчь я отправилъ въ Петербургъ, въ типографію, и уже и корректуру получилъ, какъ вдругъ и рѣшилъ написать и еще новую главу въ «Дневникѣ», *profession de foi*, съ обращеніемъ къ Градовскому: вышло два печатныхъ листа, написалъ—всю душу положилъ и сегодня, всего только сегодня, отослалъ ее въ Москву въ Типографію». («Русск. Арх.», 1891 г., кн. III, стр. 307—308). Въ «Вѣстникѣ Европы» 1908 г. (кн. I, стр. 215—218) напечатано еще письмо Достоевскаго къ графинѣ С. А. Толстой (вдовѣ поэта графа А. К. Толстого), отъ 13 іюня 1880 г., на другой день по возвращеніи изъ Москвы, въ которомъ Достоевскій передаетъ такіа любопытныя подробности о впечатлѣніи отъ его пламеннаго слова: «Вѣрите-ли... что въ публикѣ, послѣ рѣчи моей, множество людей, плача, обнимали другъ друга и клялись другъ другу быть впредь лучшими, и это не единичный фактъ,—я слышалъ множество разказовъ отъ лицъ совѣсть мнѣ незнакомыхъ даже, которыя стѣснились кругомъ меня и говорили мнѣ изстунненными словами (буквально) о томъ, какое впечатлѣніе произвѣла на нихъ моя рѣчь. Два сѣдыхъ старика подошли ко мнѣ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «Мы двадцать лѣтъ были другъ другу врагами и двадцать лѣтъ дѣлали другъ другу зло: послѣ вашей рѣчи, мы теперь, сейчасъ помирились и приняи ванъ это заявить». Это были люди мнѣ незнакомые. Такихъ заявленій было множество, а я былъ такъ потрясенъ и измученъ, что самъ былъ готовъ упасть въ обморокъ, какъ тотъ студентъ, котораго привели ко мнѣ въ ту минуту студенты-товарищи и который упалъ передо мной на полъ въ обморокъ отъ восторга... А сколько женщинъ приходили ко мнѣ въ Лоскутную гостиницу (иныя не называлъ себя) съ тѣмъ только, чтобы, оставшись со мной, припасть и цѣловать мнѣ руки». Въ томъ же письмѣ Достоевскій даетъ опредѣленіе основныхъ двухъ положеній своѣй рѣчи о Пушкинѣ (1) всемірная отзывчивость Пушкина и способность перевоплощенія его въ идеи чужихъ націй и 2) Пушкинъ—народный поэтъ) и указывать, что главнымъ въ рѣчи онъ считаетъ то, что сказалъ въ концѣ ея,—т. е. «формулу, слово примиренія для всехъ нашихъ партій» и указалъ исходъ къ новой эрѣ».

№ «Дневника Писателя», вышедшій въ Августѣ 1880 г., былъ слѣдующаго содержанія: Глава I. Объяснительно: слово по поводу печатанной ниже Рѣчи о Пушкинѣ. Глава II. Пушкинъ (очеркъ) Произнесено 8 іюня въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности. Глава III. Придирка къ случаю.—Четыре лекціи по поводу одной лекціи, прочитанной мнѣ г. А. Градовскимъ.—Съ обращеніемъ

ль г. Градовскому. I. Объ одномъ самомъ основномъ дѣлѣ.—II. Алеко и Дерки-морда.—Страдания Алеко по крѣпостному мужику.—Анекдоты.—III. Дѣй половинки: IV. Одному смирился, а другому гордился.—Вуря въ стаканчикѣ.—Книгой разсказъ о впечатлѣніи отъ Пушкинскаго праздника вообще и о рѣчи Достоевскаго въ частности см. въ воспоминаніяхъ А. О. Кони: «На жизненныхъ путяхъ», т. II, СПб., 1912, стр. 88—95, а равно разсказъ другого очевидца—Н. Н. Сирахова въ упомянутомъ сборникѣ «Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки О. М. Достоевскаго», СПб., 1883, стр. 304—313 (ср. еще въ Приложеніяхъ, стр. 343).

21.

Старая Русса, 10 Августа /80 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Видѣть съ этихъ письмомъ препроводить въ Редакцію «Русскаго Вѣстника» «Карамазовыхъ» на Августовскую книжку: окончаніе «Книги одиннадцатой», 72 почтовыхъ полулиста и 3½ печатныхъ листа ровно.

Убѣдительнѣе прошу пристать своевременно корректуру. Не задержу ни минуты.

Двѣнадцатая, послѣдняя Книга Карамазовыхъ придетъ въ Редакцію и уклонно около 10-го или 12-го будущаго (Сентября) мѣсяца. Величиной будетъ тоже въ три—въ 3½ листа, не болѣе. Затѣмъ останется эпилогъ романа, всего въ 1½ печатныхъ листа—это уже на Октябрьскую книгу.

Теперь о высылаемомъ.

6-ю, 7-ю и 8-ю главы считаю самъ удавшимися. Но не знаю, какъ Вы посмотрите на 9-ю главу, Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Назовите, можетъ быть, слишкомъ характерною! Но право я не хотѣлъ оригинальничать. Долгомъ считаю, однако, Васъ уведомить, что я давно уже справлялся съ мнѣніемъ докторовъ (и не одного). Они утверждаютъ, что не только подобныя кошмары, но и галюцинаціи передъ «бѣлой горячкой» возможны. Мой герой, конечно, видитъ и галюцинаціи, но смѣшиваетъ ихъ и съ своими кошмарами. Тутъ не только физическая (близнеиная) черта, когда человѣкъ начинаетъ временами терять различіе между реальнымъ и призрачнымъ (что почти съ каждымъ человѣкомъ хоть разъ въ жизни случалось), но и душевная сродняющаяся съ характеромъ героя: отрицая реальность призрака, онъ, когда исчезъ призракъ, стоитъ за его реальность. Мучимый безвѣріемъ, онъ (безсознательно) желаетъ въ то же время, чтобъ призракъ былъ не фантазія, а нѣчто въ самомъ дѣлѣ.

Впрочемъ, что я толкую. Прочтя, все увидите сами, Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Но простите моего чорта: это только чортъ, малый чортъ, а не Сатана съ «опытными крыльями». Не думаю, чтобъ глава была и слишкомъ скучна, хотя и длиновата. Не думаю тоже, чтобъ хоть что-нибудь могло быть нецензурно, кромѣ, развѣ, двухъ словечекъ: «истерическіе вазизги херувимовъ». Ужасно, пропустите такъ: что нѣтъ чорта говорить, онъ не можетъ говорить иначе. Если же никакъ нельзя, то вѣсто истерическіе вазизги—поставьте: радостные крики. Но нельзя ли вазизги? А то будетъ очень ужъ прозаично и не въ томъ.

Не думаю, чтобъ что-нибудь изъ того, что жетъ мой чортъ, было нецензурно.—Два же разсказа о неповѣдальныхъ будочкахъ, хотя и легко-

мысленны, но уже вовсе, кажется, не слыны. То ли иногда врет Мефистофель въ обихъ частяхъ Фауста?

Считаю, что въ X-й и послѣдней главѣ достаточно объяснено душевное состояніе Ивана, а стало быть и кончѣнъ 9-й главы. Медицинское же состояніе, повторяю, опять, проверяль у докторовъ.

Хоть и самъ считаю, что эта 9-я глава могла бы и не быть, но писалъ я ее почему-то съ удовольствіемъ и самъ отнюдь отъ нея не отрекаюсь.

Бѣлая горячка поразила моего героя изступленнымъ припадкомъ именно въ минуту, когда онъ дастъ показаніе въ судѣ (это уже въ двѣнадцатой, будущей Книгѣ).

И такъ выразилъ Вамъ всѣ свои сомнѣнія, Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ. Буду ждать съ чрезвычайнѣйшимъ петербургнѣмъ корректуръ.

Какъ Вы поживаете и все ли еще на дачѣ? Благословилъ-ли Васъ Богъ погодой? У насъ восхитительнѣйшая, только чтобъ не слезить, а въ Петербургѣ дождь,—казалось бы такъ близко. Здѣсь я только здоровѣю, несмотря на работу.

Буду имѣть большое удовольствіе прислать Вамъ мой «Дневникъ Писателя», который выйдетъ 12 Августа въ Петербургѣ—единственный номеръ на этотъ годъ.

Глубочайшій поклонъ мой Вашей супругѣ. Будьте столь добры, передайте мое глубочайшее уваженіе Михаилу Никифоровичу.

При семъ прилагаю р. списку въ полученіи тысячи рублей. Премного благодарю за своевременное исполненіе просьбы.

Августовскую книжку «Русскаго Вѣстника» умоляю прислать мнѣ въ Старую Руссу. Июльскую получилъ съ благодарностію.

Примите увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи моемъ и совершенной преданности.

Вашъ всегдашній слуга

Ф. Достоевскій.

Окончаніе «Братьевъ Карамазовыхъ» Достоевскій писалъ съ такимъ великимъ напряженіемъ, что трудъ свой сравнивалъ съ каторгою: «Я здѣсь какъ въ каторжной работѣ»,—писалъ онъ О. Ф. Миллеру 26 августа 1880 г.: «сижу день и ночь за работой—кончаю Карамазовыхъ. Кончу только къ самому концу сентября»; 28 числа онъ сообщалъ П. С. Аксакову: «Вы не повѣрите, до какой степени я занятъ, день и ночь, какъ въ каторжной работѣ! Именно—кончаю Карамазовыхъ, слѣдственно подвожу итогъ произведенію, которымъ, я, по крайней мѣрѣ,—дорожу, ибо много въ немъ легло меня и моего. Я же и вообще то работаю нервно, съ мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то боленъ даже физически. Теперь же подводится итогъ тому, что 3 года обдумывалось, составлялось, записывалось. Надо сдѣлать хорошо, т. е. по крайней мѣрѣ сколько я въ состояннн. Я работы изъ за денегъ на почтовыхъ не понимаю. Но пришло время, что всетаки надо кончить и кончить не оттягивая. Врите-ли, не смотря, что уже три года записывалось,—иную главу напишу, да и забракую, вновь напишу и вновь напишу. Только вдохновенныя мѣста и выходятъ сразу, залпомъ, а остальное все—протяженная работа». («Биографія... Достоевскаго», прилож. стр. 343, 344—345). Черезъ два сличкомъ мѣсяца, 4 ноября, уже изъ Петербурга, онъ писалъ тому же Аксакову, упоминая о предстоящемъ письмѣ: «Какъ была въ каторжной работѣ тогда, такъ состою и теперь. Все кончаю мой романъ и не могу кончить. Но на дняхъ, кажется, кончу сочиненіе». (Тамъ же, стр. 346). Въ приложенномъ письмѣ въ Любимому Достоевскій ссылается дважды на мнѣнія докторовъ о правильности слѣдственно имъ изображеннаго душевнаго состоянія Ивана Карамазова; въ этомъ отношеніи, въ называя позднѣйшихъ специальныхъ статей врачей-психиатровъ (В. Чика и др.).

укажемъ любопытное письмо Достоевскаго къ врачу А. О. Влагонравову, отъ 19 декабря 1880 г., въ отѣтъ на его письмо съ мнѣніемъ по поводу мастерскаго изображенія галлюцинаціи Ивана Карамазова; письмо это напечатано въ сборникѣ «Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки О. М. Достоевскаго» (СПб., 1883, прилож., стр. 351—352; перепечатано въ сборникѣ Ч. Вѣтринскаго, стр. 303—304).

22.

Старая Русса, 8 Сентября 1880 г.

Милостивый Государь

Многоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Какъ ни старался кончить и прислать Вамъ всю двѣнадцатую и послѣднюю книгу Карамазовыхъ, чтобъ напечатать заразъ, но увидѣлъ, наконецъ, что это мнѣ невозможно. Прервалъ на такомъ мѣстѣ, на которомъ дѣйствительно рассказъ можетъ представлять нѣчто цѣлое (хоть, можетъ быть, и не столь эффектное), да и дѣйствіе, кстати, у меня на время прерывается. Это «Суди». Не думаю, чтъ бы я сдѣлалъ какія-нибудь техническія ошибки въ рассказѣ: совѣтовался предварительно съ двумя прокурорами еще въ Петербургѣ. Остановилъ рассказъ на перерывѣ предъ «Судебными преніями». Остаются рѣчь прокурора и защитника, — и тутъ надобно дѣло сдѣлать по возможности лучше, тѣмъ болѣе, что и адвокатъ, и прокуроръ представляютъ у меня отчасти типы нашего современнаго суда (хотя и ни съ кого лично не списанные) съ ихъ нравственностью, либерализмомъ и воззрѣніемъ на свою задачу. Этими двумя рѣчами я теперь и занимаюсь, и онѣ, съ «приговоромъ» и закончатъ двѣнадцатую и послѣднюю Часть романа. Останется Эпилогъ въ 1½ печатныхъ листа. Но у меня твердое намѣреніе и желаніе окончить и напечатать окончаніе 4-й Части вмѣстѣ съ Эпилогомъ. Это уже будетъ на Октябрьскую книгу «Русскаго Вѣстника», а покамѣстъ на Сентябрьскую посылаю лишь часть двѣнадцатой Книги (проза, большію) = 5 главъ. Будетъ, безъ очень малаго (безъ двухъ-трехъ страницъ) 3 листа. Ужасно и убѣдительно буду просить Васъ прислать мнѣ и теперь, какъ и въ прошлый разъ, то время корректуры. Я зѣбѣ, въ Старой Руссѣ, минимумъ до 25 сентября. — Это прекраснѣе. Передайте мое глубочайшее уваженіе Вашей супругѣ. Жена отъ всего сердца Вамъ кланяется и желаетъ Вамъ всего лучшаго. Мой глубокий поклонъ и привѣтъ Михаилу Никифоровичу.

Примите, глубокоуважаемый и дорогой Николай Алексѣевичъ, горячее изъясненіе моей сердечной и искреннѣйшей преданности.

Вашъ всегдашній слуга

О. Достоевскій.

Такую статью какъ «Противъ теченія» давнымъ бы давно надо пустить въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Къ тому же у насъ все до сихъ поръ преданіи 48 года. Луи Вланъ, Ламартинъ. Особенно для молодыхъ умовъ назидательно.

Старая Русса, Новгородской губерніи,

О. М.—чу Достоевскому.

Упомянутая только что статья «Противъ теченія» — принадлежала перу Н. А. Любимова; о ней мы сказали нѣсколько словъ въ предисловіи къ письмамъ.

23.

[Петербургъ], Нолбръ 8/80 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Вмѣстѣ съ симъ отсылаю въ Редакцію «Р. Вѣстника» заключительный Эпизодъ Карамазовыхъ, которымъ и оконченъ романъ. Всего 31 полулистокъ почтовой бумаги и, кажется, не болѣе чѣмъ $1\frac{3}{4}$ листа «Р. Вѣстника».

Я убѣдительно и особенно прошу выслать мнѣ корректуру въ 2-хъ экземплярахъ (а не въ одномъ). Второй экземпляръ мнѣ совершенно здѣсь необходимъ для предстоящихъ публичныхъ чтеній въ концѣ Ноября (послѣ 20-го). Я все свое перечиталъ, а тутъ новое.

Прочту послѣднюю главу: Похороны Илюшечки и рѣчь Алешаи мальчишамъ. По опыту знаю, что такіе мѣста въ чтеніяхъ производятъ нѣкоторое впечатлѣніе.

Ну вотъ и конченъ романъ! Работалъ его три года, печаталъ два—знаменательная для меня минута. Къ Рождеству хочу выпустить отдѣльное изданіе. Ужасно сирашиваются и здѣсь, и книгопродавцы по Россіи; присылають уже деньги ¹⁾.

Мнѣ же съ Вами позвольте не прощаться. Вѣдь я памѣренъ еще 20 лѣтъ жить и писать. Не поминайте же лихою ²⁾.

Хотѣлъ было сейчасъ по окончаніи Карамазовыхъ побывать въ Москвѣ, но кажется не удастся. Крѣпко жму Вамъ руку и благодарю Васъ за Ваше участіе. А пожалуй и за редакторскую ферулу: она иногда мнѣ необходима.

Вашъ послѣдній № удивительно составленъ. Но будутъ-ли продолжаться статьи: «Противъ теченія». Онѣ здѣсь сильно замѣнены. Если бѣ въ Ноябрь и въ Декабрь помѣстить! Повѣрьте онѣ необходимы, ибо рѣшительный успѣхъ ³⁾.

Мое глубочайшее уваженіе глубокоуважаемой супругѣ Вашей. Будите такъ добры, передайте отъ меня искренній привѣтъ глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу.

Жена моя шлетъ Вамъ глубокій поклонъ.

Примите сердечное увѣреніе въ моей искренней и всегдашней приверженности.

Вашъ весь

Ф. Достоевскій.

С.-Петербургъ. Кузнечный переулокъ, домъ № 5, квартира № 10 (близъ Введенской церкви).

Ф. М-чу Достоевскому.

¹⁾ Отдѣльное изданіе „Братьевъ Карамазовыхъ“ было выпущено въ двухъ томахъ, съ посвященіемъ А. Г. Достоевской, въ Петербургѣ, въ концѣ 1880 г., хотя и помѣчено 1881 г. („Биографія“ и т. д., стр. 302, 303, 315).

²⁾ Достоевскій скончался черезъ 2 мѣсяца и 3 недѣли послѣ написанія этихъ словъ.

³⁾ Въ предисловіи мы привели рядъ отзывовъ объ этихъ статьяхъ Любимова.

24.

Петербургъ, 29 Ноября /80 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Имѣю къ Вамъ двѣ чрезвычайныя и самыя покорѣйшія просьбы, и только боюсь, какъ бы не обезпечить Васъ во время. Первая просьба состоитъ въ томъ, что такъ какъ „Вр. Карамазовъ“ кончился (а теперь должно быть вышла уже и Ноябрьская книга Р. Вѣстника), то не соблаговолите-ли Вы составить намъ окончательный счетъ и выслать его мнѣ. Но до составленія и высылки счета, нельзя ли будетъ, дорогой и глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ, выслать мнѣ теперь же рублей 1500 на Ахенбаха и Голли! Я нахожусь въ чрезвычайной нуждѣ. Къ тому же публиковалъ на будущій годъ изданіе „Дневника Писателя“, когда-то еще начнется подписка, а наличныя деньги все-таки нульны до крайности. Если можно—удовлетворите просьбу. Не нуждаюсь бы, то и не беспокоить бы.

Вторая просьба моя въ томъ: дней уже 10 назадъ, какъ жена моя послала въ Редакцію «Московскихъ Вѣдомостей» для напечатанія объявленіе мое объ изданіи въ будущемъ году «Дневника Писателя» и однако же объявленіе еще не появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» до сихъ поръ. Сегодня она послала еще разъ это объявленіе и просьбу помѣстить его въ отдѣленіи объявленій. Денегъ за напечатаніе объявленія мы и приложили, имѣя въ виду, что въ Редакціи Московскихъ Вѣдомостей есть еще мои деньги за напечатанную лѣтомъ «Речь» по повелѣ Пушкина. Не вышло ли тутъ какихъ затрудненій? Повѣрите, что мнѣ тяжело обременять Васъ лишними просьбами по дѣлу совсемъ другой Редакціи. Но окажите мнѣ эту чрезвычайную дружескую помощь; не можете ли Вы справиться лично въ Редакціи Моск. Вѣдомостей, что именно помѣшало напечатанію моего объявленія о «Дневникѣ Писателя», и, такимъ образомъ, ускорить это дѣло. Объявленіе въ Московск.хъ Вѣдомостяхъ для меня необходимо. Оно идетъ въ глубь Россіи, а Голосъ, Новое Время и проч. гуляютъ болѣе по окраинамъ.

Еще разъ прошу извиненія. Не стѣйте, что Васъ утруждаю. Безъ нужды не сталъ бы беспокоить.

Жена Вамъ искренно кланяется. Передайте мое глубочайшее уваженіе Вашей глубокоуважаемой супругѣ.

При свиданіи съ Михаиломъ Никифоровичемъ сообщите ему любезно о моемъ почтеніи, уваженіи и всегдашней искренней преданности моей теперь, впредь и вообще.

А за сѣмъ примите и сами искреннѣйшее увѣреніе въ моей всегдашней и совершеннѣйшей преданности, съ которою пребываю

Преданнѣйшимъ слугою Вашимъ

В. Достоевскій.

Н.В. А трудное дѣло предпринять теперь такое изданіе, какъ, напримѣръ, «Дневникъ». Сильно меня это волнуетъ.

Упомянутый здѣсь Январскій № «Дневника Писателя» вышелъ уже послѣ неопозданной смерти Достоевскаго, 31 января 1881 г. (наканунѣ похоронъ), былъ быстро распроданъ и на другой день былъ вынужденъ вторымъ изданіемъ, въ траурной рамкѣ. Следующее письмо—последнее въ серіи писемъ Достоевскаго къ Любимову и, вѣроятно, послѣднее въ его жизни: 26 января у него случилось сильное кровоотеченіе горла, и черезъ два дня, 28 января, въ 8 ч. 38 м. вечера писателю не стало.

[Петербургъ], Января 26/81 г.

Милостивый Государь

Глубокоуважаемый Николай Алексѣевичъ,

Такъ какъ Вы, столь давно уже и столь часто, были постоянно благосклонны ко всемъ моимъ просьбамъ, то могу ли надѣяться и еще разъ на вниманіе Ваше и содѣйствіе къ моей темеренней, послѣдней можетъ быть просьбѣ. По счету, присланному мнѣ изъ Редакціи «Русскаго Вѣстника», мнѣ остается доплатить за Карамазовыхъ еще 4000 рублей съ чѣмъ-то. Въ настоящее время я крайне нуждаюсь въ деньгахъ. Будьте такъ добры, сообщите о томъ Глубокоуважаемому Михаилу Никифоровичу. Не возможно ли будетъ сдѣлать распоряженіе о высылкѣ мнѣ всей суммы? Вы не повѣрите, какъ Вы тѣмъ одолжите меня. Я именно предпринимаю одну затрату и нуждаюсь въ деньгахъ до крайности, иначе дѣло уйдетъ изъ рукъ.

Простите, что, не дождавшись собственнаго распоряженія Конторы «Русскаго Вѣстника», ускоряю дѣло моей просьбою. Въ особой надобности не рѣшился бы. Свидѣтельствую глубочайшее уваженіе Вашей глубокоуважаемой супругѣ и прошу Васъ очень передать таковое же Михаилу Никифоровичу.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ пребываю Вамъ вопіюще и вполне преданный

Ф. Достоевскій.

Письмо это писано все собственноручно, твердымъ, отчетливымъ и, какъ всегда, почти каллиграфическимъ почеркомъ, — и только фраза о «послѣдней можетъ быть просьбѣ» содержитъ въ себѣ зловѣщій намекъ на то, что, писавши его, Достоевскій уже предчувствовалъ свой конецъ. Приведемъ здѣсь статью «Московскихъ Вѣдомостей» (№ 30 отъ 30 января), набросанную Катковымъ по полученіи рокового извѣстія и заключающую въ себѣ извлеченіе его чувствъ по поводу понесенной утраты:

«Какъ громъ поразило насъ вчера ночью извѣстіе о кончинѣ Федора Михайловича Достоевскаго. Еще наканунѣ, 27 января, получили мы отъ него собственноручное письмо, писанное твердымъ почеркомъ и не возбуждавшее никакихъ опасеній. Было однако въ этомъ письмѣ зловѣщее слово, которое тогда скользнуло для насъ незамѣтно. Прося на т. объ одномъ дѣлѣ, онъ прибавилъ: «это быть можетъ моя послѣдняя просьба». Только теперь сталъ намъ повѣстель скорбный смыслъ этого слова, «послѣдняя». Въ немъ оказалось предчувствіе смерти еще прежде, чѣмъ совершилось роковое кровоизліяніе, которое такъ быстро погасило дорогую жизнь нашего друга. Но предчувствіе смерти не нарушило миѣ и ясности его души. Тонъ этихъ предсмертныхъ строкъ с.о совершенно спокоенъ. Онъ входитъ въ нѣкоторыя дѣловые подробности и шлетъ поздравы друзьямъ.

«Прости, добрый и вѣрный на русской землѣ! Мы еще много знали отъ тебя, но довольно и сдѣланного, чтобы имя твоё сохранилось навсегда въ русской народной памяти. Земля возьметъ свое, тѣло твое предается тѣлу, но духовное послѣдствіе твое останется навсегда дорогимъ достояніемъ твоихъ соотечественниковъ.

«Дарство твоё небесное! Ты заслужилъ это, ты его выстрадалъ, сколько людямъ дозвоительно судить о томъ».

«Въ субботу, 31 января, въ Сергіевской, что на Большой Дмитровскѣ, перенесъ совершена по усопшему заупокойная служба и панихида.

«Сейчас получили мы депешу, что Государь Императоръ повелѣлъ назначить пенсію вдовѣ покойного и воспитывать его дѣтей на счетъ казны».

«Завтра получимъ мы подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ и минутахъ Федора Михайловича».

Вдова Достоевскаго, Анна Григорьевна, столь много сдѣлавшая для распространения его сочиненій и для увековѣченія его памяти въ Москвѣ—мѣстѣ его рожденія—образованіемъ при Московскомъ Историческомъ Музеѣ особаго отдѣла его имени,—по газетнымъ сообщеніямъ скончалась лѣтомъ 1918 года гдѣ-то на Кавказѣ или въ Крыму: о судьбѣ дѣтей Достоевскаго ¹⁾ въ настоящее время намъ ничего неизвѣстно, какъ не извѣстно и то, что стало съ цѣпнѣйшимъ архивомъ писателя и съ его домомъ въ Старой Руссѣ. Будемъ, однако, надѣяться, что судьба, преслѣдовавшая Достоевскаго въ продолженіе всей его многострадальной жизни, хоть на этотъ разъ и въ этомъ отношеніи не окажется мачехою и сохранитъ для насъ въ вихрь пережитыхъ и переживаемыхъ грозныхъ стихійныхъ событій, съ такою прозорливостію предвидѣнныхъ Достоевскимъ, его литературное наслѣдіе: оно, конечно, много поможетъ изслѣдователямъ въ выясненіи сложнаго и до многомъ еще неразгаданнаго облика гениальнаго писателя.

4 дек. 1918.

Б. Модзалевскій.

¹⁾ Ихъ было четверо, изъ коихъ отца пережили сынъ Федоръ (род. 16 іюля 1871 г. и дочь Любовь (род. 14 сентября 1869 г.), пробавившая силъ на литературномъ поприщѣ; дочь же Софья (род. 22 февраля 1868) и сынъ Алексѣй (род. 12 августа 1875 г.) скончались въ младенчествѣ: первая—12 мая 1868 г., а второй—16 мая 1878 г.

Нѣсколько словъ о казни цареубійцъ 3-го апрѣля 1881 года.

Въ номерахъ 10—11 журнала «Былое», посвященныхъ 1-го марта 1881 г., помѣщенъ официальный отчетъ о казни пяти цареубійцъ 3 апрѣля того же года въ С.-Петербургѣ на Семеновскомъ плацу. По обязанностямъ службы мнѣ пришлось присутствовать на этой казни, причемъ я находился въ 20—30 шагахъ отъ эшафота. Видѣть казнь мнѣ довелось въ первый разъ въ жизни. Она произвела на меня сильное впечатлѣніе, и все подробности глубоко вѣзались въ память.

Въ официальномъ отчетѣ о казни есть существенный пропускъ и нѣсколько характерныхъ небыльностей. Полагаю, что читатели «Былого» заинтересуются ими. За точность передаваемого ручаюсь, такъ какъ видѣлъ все своими глазами, а не говорю съ чужихъ словъ.

Въ то время Семеновскій плацъ не былъ застроенъ, какъ теперь: тиръ, бѣговой кругъ, зданія инженернаго вѣдомства, все это возникло значительно позже, а въ 1881 году плацъ представлялъ огромную пустую площадь. 3-го апрѣля на ней толпились несметныя массы народа; люди сидѣли также на крышахъ Семеновскихъ казармъ, станціонныхъ зданій и вагоновъ Царскосельской желѣзной дороги.

Первымъ былъ повѣшенъ, какъ и указано въ отчетѣ, Кибальничъ, причемъ, повидимому, отъ быстрого, рѣзкаго выдергиванія ступенекъ изъ-подъ ногъ и отъ тяжести тѣла произошло поврежденіе спинныхъ, точнѣе, шейныхъ позвонковъ, и смерть была моментальной, безъ всякихъ судорогъ.

Вторымъ былъ повѣшенъ Михайловъ. Вотъ тутъ-то и произошелъ крайне тизелый эпизодъ, вовсе не упомянутый въ отчетѣ: не болѣе какъ черезъ одну-двѣ секунды ность вынутія ступеньчатой скамейки изъ-подъ ногъ Михайлова, петля, на которой онъ висѣлъ, разорвалась, и Михайловъ грузно упалъ на эшафотную настилку. Гулъ, точно прибой морской волны, пронесся по толпѣ; какъ мнѣ пришлось слышать потомъ, многіе полагали, что даже по закону фактъ срыва съ висѣлицы разсматривается, какъ указаніе свыше, отъ Бога, что приговоренный къ смерти подданный помилованъ; этому ожиданію почти вѣдь.

Несмотря на связанныя руки, на саванъ, стѣсанный его движенія, и на бѣднѣе, мѣшавшій видѣть, Михайловъ поднялся съ земли направиленнымъ, но не поддерживаемымъ помощниками падая, извошелъ на ступеньки скамейки, поставленной подъ петлю падаемъ Фроловымъ. Последний быстро сбѣжалъ новую петлю на укрѣпленной веревкѣ и черезъ 2—3 минуты Михайловъ висѣлъ уже вторично. Секунда, двѣ... и Михайловъ вновь срывается, падая на помостъ! Больше прежняго запумѣло море

людское! Однако палачъ не растерялся и, повторивъ уже разъ продѣланную манипуляцію съ веревкой, въ третій разъ повѣсилъ Михайлова. Но замѣтно было, что нравственныя и физическія силы послѣдняго истощились; ни встать, ни подняться на ступеньки безъ помощи сотрудниковъ Фролова онъ уже не могъ.

Медленно завертѣлось тѣло на веревкѣ. И вдругъ какъ разъ на кольцѣ подъ перекладиной, черезъ которое была пропущена веревка, она стала перетираться, и два стершіеся конца ея начали быстро и замѣтно для глаза раскручиваться. У самого эшафота раздались восклицанія: «Веревка перетирается! Опять сорвется!» Палачъ взглянулъ на верхъ, въ одно мгновеніе подтянулъ къ себѣ сосѣднюю петлю¹⁾, влѣзъ на скамейку и накинулъ истло на висѣвшаго Михайлова. Такимъ образомъ, тѣло казненнаго поддерживалось двумя веревками, что и показано совершенно ясно на рисункѣ, сдѣланномъ фотографомъ Насвѣтовичемъ (стр. 323-я «Былого»).

Весь этотъ эпизодъ въ официальномъ отчетѣ пропущенъ, вѣроятно, умышленно.

Рысаковъ упорно цѣплялся ногами за скамейку, какъ это и указано въ отчетѣ. Помощники палача, опасаясь, повидимому, повторенія того, что было съ Михайловымъ, выдвигали скамейку крайне осторожно и медленно. Тогда-же Фроловъ и толкнулъ впередъ тѣло Рысакова, причемъ ноги его соскользнули съ табуретки.

Перовская, все время крѣпившаяся и имѣвшая бодрый видъ, сдала въ послѣднія минуты: силы, а, можетъ быть, и сознаніе начали покидать ее; помощники вынуждены были энергично поддерживать ее подъ руки при поднятій на скамейку и во время надѣванія петли.

Остается исправить еще одну неточность официального отчета: на эшафотѣ подблудымъ простилась не только Желябовъ и Михайловъ съ Перовской, но и все осужденные другъ съ другомъ, и одна только Перовская отвернулась отъ Рысакова, когда онъ потонулъ къ ней. Такое же враждебное отношеніе къ Рысакову имѣли и Перовская и во время естественныхъ заключеній. Неудачные вводились въ залъ поочередно, причемъ позже входящие обвивались рукопожатіями съ ранее прибывшими; не было этого привѣтствія только между Рысаковымъ и Перовской, которая демонстративно отверчивалась отъ него.

В. Н. 2).

1) Эта шестая петля предназначалась для Геси Гельфманъ, казнь которой была отсрочена, а потомъ замѣнена каторгой.

2) Эта существенная и важная поправка къ официальному отчету о казни первоартовцевъ принадлежитъ весьма видному боевому представителю прозаики нашей арміи. По некоторымъ соображеніямъ авторъ не считъ возможнымъ помѣстить свою фамилію полностью, но редакция можетъ зафигурить ея авторитетность. Въмѣстѣ съ тѣмъ редакция «Былого» проситъ и другихъ свидѣтелей очевидцевъ смертной казни первоартовцевъ подѣлиться своими впечатлѣніями объ этомъ трагическомъ эпизодѣ нашего прошлаго.

Любовь въ рavelинѣ.

1.

Это случилось въ С.-Петербургѣ, весной 1851 года, въ первыхъ числахъ мая.

Императоръ Николай только что отбылъ по важнымъ государственнымъ дѣламъ въ Варшаву на свиданіе съ прусскимъ королемъ; отсюда онъ проѣхалъ въ Ольмюцъ и видѣлся здѣсь съ австрійскимъ императоромъ. Въѣстъ съ Николаемъ уѣхалъ и всегдашній его спутникъ въ путешествіяхъ, начальникъ III Отдѣленія и шефъ корпуса жандармовъ князь А. Ѳ. Орловъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ остался править столицей, а править III Отдѣленіемъ сталъ генералъ-лейтенантъ Л. В. Дубельтъ, правая рука графа Орлова. Ежедневно летѣли изъ С.-Петербурга фельдъегери и курьеры съ краткими докладами Дубельта своему шефу обо всемъ выдающемся, о всѣхъ петербургскихъ происшествіяхъ не только „для распоряженія“, но и „для свѣдѣнія“. Эти доклады графъ читалъ самъ, на поляхъ писалъ резолюціи и просто мѣткія и давалъ на прочтеніе Николаю.

5 мая случилось происшествіе, не имѣвшее никакого отношенія къ революціоннымъ пропискамъ, лишенное какого бы то ни было политическаго и государственнаго значенія, но оно кончилось заключеніемъ въ важнѣйшей государственной тюрьмѣ—Алексѣевскомъ рavelинѣ. Событіе это привлекло такой повышенный къ себѣ интересъ, какъ въ верховномъ носителѣ русской государственной власти, поглощенномъ въ это время высокой дипломатической игрой съ нѣмецкими монархами, такъ и въ высшихъ представителяхъ власти, вызвало такой приливъ жандармской энергіи и привело къ такому взрыву административнаго восторга, какой обычно наблюдается въ моменты острой борьбы съ революціонной гидрой: исторія, разнравляющаяся вокругъ этого происшествія, въ своихъ бытовыхъ подробностяхъ необычайно интересна и характерна для послѣднихъ лѣтъ Николаевской Россіи, снаружи какъ будто мощно блестящей, внутри уже разваливающейся и прогнившей, характерна для системы блестяще организованнаго безпорядка, каковыя въ сущности были николаевщина.

6 мая Дубельтъ доложилъ наслѣднику:

„Вчера вечеромъ у сына коммерцій совѣтника Жадмировича похищена жена, урожденная Брагура. Ее, какъ известно, увезъ отставной офицеръ Федоровъ, но не для себя, а для князя Сергія Васильевича Трубецкаго. Федоровъ привезъ ее въ домъ брата своего, на Караванной, и передалъ князю Трубецкому; такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ мужъ, который съ давняго времени замѣтилъ, что князь

Трубецкой обратилъ на жену его какое-то особенное вниманіе и былъ съ нею въ тайной перепискѣ. Докладывая о семъ Вашему Императорскому Высочеству, осмѣливаюсь испрашивать соизволенія довести объ этомъ случаѣ графу Орлову". Александръ Николаевичъ написалъ на докладъ Дубельта: „Я давно этого ожидалъ, ибо никакая мерзость со стороны князя Сергѣя Трубецкого меня не удивляетъ“.

7 мая Дубельтъ донесъ о случаѣ графу Орлову, присоединивъ самое послѣднее извѣстіе: „сейчасъ узналъ я, что полиція окружила домъ князя Трубецкого для отысканія жены Жадимировскаго“. Графъ Орловъ, прочитавъ докладъ Дубельта, наложилъ резолюцію: „Пронесеніе довольно скверное по своему соблазну, тѣмъ болѣе, что Государю, какъ и всемъ, кн. С. Трубецкой извѣстель закоренѣлымъ по-вѣсой“.

Оставаясь въ сторонѣ отъ полицейскихъ розысковъ, Дубельтъ съ безпечною продолжалъ сообщать наслѣднику и графу Орлову подробности пикантнаго пропешества.

10. мая онъ доложилъ наслѣднику: „въ городѣ посятся слухи, что князь Трубецкой съ женою Жадимировскаго бѣжали за-границу чрезъ Финляндію, что она переодѣлась въ мужское платье, а онъ выбрилъ себѣ бороду, досталъ четыре, на разныя имена, паспорта и у своихъ родныхъ 40 тыс. рубл. серебромъ и что они уже находятся въ Стокгольмѣ“. Наслѣдникъ подчеркнул слова доклада „досталъ у своихъ родныхъ 40.000“ и не безъ проныи написалъ сбоку „послѣднее невѣроятно“. 11 мая Дубельтъ въ своемъ ежедневномъ донесеніи Орлову повторилъ буквально свой докладъ наслѣднику и единственно для развлеченія графа сдѣлалъ еще добавленіе: „А графиня Разумовская рассказываетъ, что они, напротивъ, уѣхали въ Тифлисъ, и что князь Трубецкой, черезъ два мѣсяца, продастъ Жадимировскую въ сераль турецкаго султана“. Но столь безпечное отношеніе должно было моментально исчезнуть послѣ извѣщенія высочайшей воли.

12 мая графъ Орловъ въ своемъ докладѣ царю сообщилъ: „по полученнымъ свѣдѣніямъ, въ С.-Петербургѣ совершенная тишина и, благодаря Бога, все благополучно. Но долженъ сказать Вашему Величеству, что ни жены Жадимировскаго, ни кн. Сергѣя Трубецкого по сіе время отыскать не могутъ“. Вотъ тутъ-то и произошло высочайшее волеизъявленіе: „стыдно, что не нашли, надо Дубельту взять для того строгія мѣры“,—написалъ царь. Пересылая листокъ съ этой резолюціей изъ Варшавы въ Петербургъ къ Дубельту, графъ Орловъ хотѣлъ немного смягчить тяжелое впечатлѣніе, которое должна была произвести на Дубельта царская резолюція, и принисалъ: „вотъ собственноручная отмѣтка государя, я ему говорилъ, что это не наше дѣло, а мѣстной полиціи, но онъ возразилъ, чтобы я написалъ къ тебѣ, чтобы всѣ средства къ отысканію употреблены были. Непремѣнно исполни“. А немного позже, читая упомянутое выше донесеніе Дубельта, графъ Орловъ вернулся къ обидѣ, причиненной своему помощнику. „Справедливы ли эти слухи или нѣтъ, неизвѣстно и потому непременно должно достичь правды. Часто бываетъ, что распускаютъ эти слухи или сами виновники, или ихъ приверженцы. Я долженъ тебѣ сказать, что я сегодня опять осмѣлился спорить съ государемъ, что по этому дѣлу мы совсѣмъ не виноваты, сей разговоръ занесъ отъ того, что онъ мнѣ сказалъ, что онъ велѣлъ тебѣ сдѣлать замѣчаніе. Я бѣжалъ ему повторилъ, что сіе принадлежитъ къ обязанностямъ

мѣстной полиціи, что когда у насъ требуютъ пособія, мы никогда не отказывали, но даже и съ общими усиліями человѣку, личность скрывая, изъ Петербурга выѣхать легко и найти его весьма трудно, когда прежде онъ "...¹⁾

Какъ старая полковая лошадь, услышавшая звукъ трубы, пришла въ движеніе и волненіе отецъ и командиръ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, узнавъ высочайшую волю. Онъ сталъ распоряжаться. Въ погоню за Трубецкимъ онъ немедленно отправилъ жандармскихъ офицеровъ: поручика Чулкова до Тифлиса и поручика Эка до Одессы. Поручикамъ была дана подробная инструкция и разрѣшеніе „въ случаѣ надобности быть въ партикулярномъ платѣ“. Поручики должны были „стараться всемѣрно“, открыть слѣды бѣглецовъ и, куда бы они ни отправились, достигъ и задержать ихъ, а по задержаніи отправить немедленно въ С.-Петербургъ съ особымъ жандармскимъ офицеромъ или при себѣ и съ двумя конвойными жандармами, а г-жу Жадимировскую подобнымъ же образомъ, по отдѣльно отъ него, черезъ нѣсколько часовъ позже и въ особомъ экипажѣ“. Поручики были снабжены дорожными на три лошади, открытыми листами на взиманіе обывательскихъ лошадей, открытыми листами объ оказаніи имъ содѣйствія со стороны мѣстныхъ властей и отношеніями къ высшимъ начальникамъ—кавказскому намѣстнику, графу М. С. Воронцову для поручика Чулкова и къ исправляющему должность новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора ген.-лейт. Федорову для поручика Эка. Кромѣ того Дубельтъ предложилъ окружнымъ жандармскимъ властямъ оказать всяческое содѣйствіе поручикамъ. Управляющій въ округѣ корпуса жандармовъ въ Тифлисѣ полковникъ Юрьевъ обязанъ былъ содѣйствовать поручику Чулкову, управляющій въ округѣ ген.-лейт. Шнелъ въ Одессѣ—поручику Эку. Но такъ какъ Трубецкой могъ скрыться въ Финляндіи, то Дубельтъ предписалъ гельсингфорскому жандармскому полковнику Регенкампу „произвести немедленно самое вѣрное познаніе: не были-ли бѣглецы въ Або. Гельсингфорсѣ, въ окрестностяхъ этихъ городовъ или не проѣзжали ли другою дорогою по направленію“ къ границѣ и т. д. Регенкампу были сообщены примѣты бѣжавшихъ: „Кн. Трубецкой высокаго роста, темнорусый, худощавъ, имѣетъ видъ пестопеннаго человѣка, носить бороду. Г-жа Жадимировская очень молода, весьма красивой наружности, съ выразительными глазами“. Жандармское рвеніе разыгрывалось во всю. Корпуса жандармовъ капитанъ Герасимовъ доложилъ Дубельту: „Трубецкой съ Жадимировскою, какъ слышно, проживаютъ въ Воронежской губерніи“. Тотчасъ же III Отдѣленіе потребовало самыхъ тщательныхъ розысканій въ Воронежской губерніи отъ воронежскаго губернатора Лангеля и воронежскаго жандармскаго полковника Каверина. Но распоряжался не только Дубельтъ: и с. петербургскій военный генераль-губернаторъ Шульгинъ отъ себя вошелъ въ сношенія съ кавказскимъ намѣстникомъ и исправляющимъ должность новороссійскаго и бессарабскаго генераль-губернатора.

Итакъ полицейскій и жандармскій аппаратъ былъ приведенъ въ дѣйствіе и пущенъ полнымъ ходомъ. Было написано и отправлено огромное количество всяческихъ предписаній, донесеній и т. д., ра-

¹⁾ Последняя фраза неграмотна, но такъ перѣдко выражался графъ Орловъ.

зосланы гонцы, потревоженъ рядъ мѣстныхъ властей... и изъ-за чего? изъ-за какой государственной нужды?..

Первыя попытки къ изловленію романтической пары были неудачны. Наслѣдъ напали, но догнали не скоро. 15 мая Дубельтъ въ своемъ обычномъ допосеніи графу Орлову извѣстилъ графа, что „квартильный Гринеръ, командированный (не III Отдѣленіемъ, а до него петербургскимъ генералъ-губернаторомъ Шульгинимъ) для отысканія кн. Трубецкаго и Жадимировскаго, донесъ, что они были въ ночь на 7 мая въ Крестцахъ и оттуда отирались по Московскому тракту, а Гринеръ поѣхалъ ихъ догонять“. Графъ Орловъ рекомендовалъ Дубельту не доверять этому сообщенію: „не вѣрю,—написалъ онъ на докладѣ,—онъ долженъ быть за границей: это распускаютъ его друзья“. 17 мая Дубельтъ сообщалъ новыя вѣсти о розыскахъ Гринера: „квартильный надзиратель Гринеръ, пріѣхавъ въ Москву, узналъ, что кн. Трубецкаго и Жадимировскаго выѣхали изъ Москвы, по направленію къ Тулѣ, 9 мая; Гринеръ испросилъ у графа Закревскаго курьерскую подорожную и отправился догонять бѣжавшихъ“. Но графъ Орловъ продолжалъ не вѣрить: „и это меня не удовлетворяетъ, надобно быть дураку такое взять направленіе“,—отмѣтилъ онъ на запискѣ Дубельта. Въ это время вниманіе графа дѣлилось между двумя событіями: поисками квартильного Гринера и только что состоявшимся въ Ольмюцѣ свиданіемъ трехъ монарховъ (русскаго, прусскаго и австрійскаго). И непосредственно послѣ замѣтки о Гринерѣ графъ Орловъ продолжалъ свою записку любопытнѣйшимъ сообщеніемъ о послѣднемъ событіи, которое по важности въ глазахъ графа, да и самаго царя, почти что шло въ уровень съ дѣломъ Трубецкаго. Это сопоставленіе записей, эта связь событій даетъ ключъ къ проникновенію въ психологическую сущность вещей той эпохи. „Сегодня 20,—пишетъ графъ Орловъ,—мы (т. е. государь и онъ) возвратились изъ Ольмюца, т. е. 19 мы уже ночевали въ Скверневицахъ, откуда сегодня послѣ обѣдни въ лагерѣ при Ловичѣ государь сюда пріѣхалъ; отъ смотровъ я такъ усталъ, что не знаю, что и дѣлать, впрочемъ, долженъ признаться, что весело сердцу русскому видѣть, на какую степень царь поставилъ Россію во всей Европѣ. Свиданіе съ королемъ Прусскимъ обошлось гораздо лучше, нежели я полагалъ, сперва дружественно, а потомъ совершенно родственно. Молодой Императоръ (рѣчь идетъ о Францѣ Юсифѣ) принялъ царя, какъ отца и избавителя, со всѣми почтенными его генералами, какъ представителями цѣлой арміи; словомъ сказать, были видны общій восторгъ и истинное благодареніе. Фельдмаршалъ нашъ былъ принятъ отменно и насъ ничтожныхъ сильно ласкали. Войска много сдѣлали усѣховъ, мы видѣли до 25 тыс. подъ ружьемъ. Много что разсказать, но усталъ и лично разскажу. Но со всѣмъ тѣмъ, со всею поверхностною тишиною дѣлать не надо и держать ухо востро: время пришло, что всѣмъ благомыслящимъ надо соединиться вмѣстѣ и идти противъ одного общаго врага, бѣлначалія и злодѣйства. Будемъ смотрѣть, чтобы за рѣку эта не проникла къ намъ. Да сохранитъ насъ Богъ! Государю цесаревичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и поблагодари его за милостивое обо мнѣ воспоминаніе, которое передалъ мнѣ вчерашній курьеръ.“ Но если съ молодымъ императоромъ и прусскимъ королемъ все обстояло хорошо, то хорошее настроеніе парилъ квартильный Гринеръ. Своимъ обычнымъ допосеніемъ 19 мая Дубельтъ началъ съ сообщенія о Гринерѣ: „квартильный офицеръ Гринеръ, посланный

преслѣдовать князя Трубецкого и жену Жадимировскаго, доѣхавъ до Тулы, возвратился въ Петербургъ, по той причинѣ, что у него не стало денегъ; — а какъ съ одной стороны ему, въ Крестцахъ и Москвѣ, стаціонные смотрители описали наружность лицъ, проѣхавшихъ по подорожной отставного офицера Федорова, совершенно сходную съ наружностью князя Трубецкого и Жадимировской, а съ другой государь императоръ на запискѣ вашего сіятельства изволилъ написать, чтобы я принялъ строгія мѣры къ отысканію князя Трубецкого и Жадимировской, чего я до сего времени дѣлать не имѣлъ права, то независимо отъ распоряженій, сдѣланныхъ генераль-губернаторомъ, я счелъ нужнымъ послать и послалъ, по тракту къ Тифлису и Одессу, двухъ офицеровъ для отысканія бѣжавшихъ. Это сообщеніе о Гринерѣ взорвало Николая Павловича. Собственной своей рукой карандашемъ онъ „соизволилъ начертать“: „непростительно, что Гринеръ не вытребовалъ денегъ отъ губернатора, предъявивъ, зачѣмъ посланъ; подобныя глупости дѣлаются только у насъ; за это Гринера посадить до окончанія дѣла подъ арестъ“...

О Гринерѣ Дубельтъ сообщалъ въ началѣ своего донесенія, въ концѣ его онъ возвращался вновь къ дѣлу Трубецкого и своей обидѣ: „Сю минуту получилъ я увѣдомленіе вашего сіятельства отъ 14 мая. Ваше сіятельство, не повѣрите, съ какимъ сокрушеннымъ сердцемъ читалъ я о томъ, что Государь Императоръ повелѣлъ сдѣлать мнѣ замѣчаніе. Скажите сами, чѣмъ же я виноватъ? вѣдь я не имѣю власти распорядительной, слѣдовательно могъ-ли я, имѣлъ-ли я право вмѣшиваться въ дѣло, зависящее непосредственно отъ распоряженія генераль-губернатора. Но лишь только получилъ я записку вашего сіятельства отъ 12 мая, на которой Его Величество изволилъ написать: „Надо Дубельту принять строгія мѣры“—я въ ту же минуту началъ распоряжаться, какъ изволите усмотрѣть изъ вышеописаннаго моего донесенія, и съ той минуты дѣлаю все, чтобы поймать бѣжавшихъ, и, доколь станеть у меня разумнѣя и силы, не упущу ничего, чтобы исполнить волю моего Государя“.

Дѣйствительно, Дубельтъ дѣлалъ изъ кожи. 21 мая онъ сообщалъ графу: „безпрерывно думая, какъ отыскать князя Трубецкого, я просилъ позволенія генераль-губернатора видѣться съ арестованнымъ Федоровымъ. Онъ дозволилъ мнѣ видѣть его завтра. Ижели Федоровъ извѣстно, куда скрылся князь Трубецкой, то я постараюсь вывѣдать у него объ этомъ.“ 23 мая Дубельтъ донесъ о результатахъ посѣщенія Федорова и самостоятельнаго воздѣйствія на него: „отставной капитанъ-ротмистръ Федоровъ, котораго я долго допрашивалъ, утвердительно честнымъ словомъ, что похищеніе жены Жадимировскаго совершилось слѣдующимъ образомъ: князь Трубецкой просилъ Федорова стать съ каретою у англійскаго магазина и привезти къ нему ту женщину, которая сядетъ къ нему въ карету.“

„Федоровъ желалъ знать, кто та женщина, но Трубецкой отвѣтилъ, что скажетъ ему о томъ завтра, и Федоровъ, не подозревая, чтобы тутъ было что-либо противозаконнаго, согласился на просьбу Трубецкого, пріѣхавъ къ англійскому магазину и лишь только остановился, то женщина, покрытая вуалемъ, села къ нему въ карету и сказала: „Au nom de Dieu, dépêchons nous“. Федоровъ, давъ князю Трубецкому слово не смотрѣть на нее и не говорить съ нею, сдержавъ слово и привезъ ее къ Трубецкому, который ожидалъ ее у порога

Федорова дома. Тутъ карета остановилась, она вышла, и, бывъ встрѣчена Трубецкимъ, сейчасъ съ нимъ и удалилась.

„Далѣе, утверждаетъ Федоровъ, онъ ничего не знаетъ. Что же касается до того, что, по открытымъ слѣдамъ, князь Трубецкой уѣхалъ въ Тифлисъ, то это Федоровъ объясняетъ такъ: онъ, по болѣзни, хотѣлъ ѣхать на Кавказъ и оттуда посѣтить Тифлисъ; для этого онъ приготовилъ себѣ подорожную, которая и лежала у него въ кабинетѣ на столѣ, и только на другой день побѣга Трубецкого замѣтилъ онъ, что подорожная у него похищена.

„Подорожная Федорова, взятая имъ подъ предлогомъ поѣздки въ Тифлисъ, бросаетъ на него тѣнь сильнаго подозрѣнія, что онъ зналъ о намѣреніи князя Трубецкого и способствовалъ его побѣгу, но несмотря на то, что я именемъ государя требовалъ говорить истину, онъ, безъ наипамѣйшаго замѣнательства, клянется Богомъ и всеми святыми, утверждалъ, что болѣе того, что поспешно имъ выше, ему ничего не извѣстно“.

Дубельтъ немного успокоился, когда получилъ отъ графа Орлова записку отъ 23 мая изъ Варшавы: „Я государю показывалъ твою записку, онъ одобрилъ взятые тобой мѣры и ни мало не гнѣвается на тебя, все обратилось теперь на непомѣрную глупость посланнаго полицейскаго офицера, изъ всего видно, что ему приказанія даны отъ начальника весьма обыкновенныя“.

2.

А тѣмъ временемъ жандармскіе поручики уносились на курьерскихъ все далѣе и далѣе, не успѣвая считать верстовые столбы, по слѣдамъ Трубецкого. Они установили, что князь прибылъ въ Москву въ полночь 9 мая и въ три часа утра выѣхалъ на Тулу, съ 9 на 10 мая онъ переѣхалъ за Тулой станціи Ясенки и Лапотково. Отсюда поворотъ на трактъ къ Воронежу. Добравшись до этого пункта, поручики здѣсь разстались: поручикъ Экъ покатить на Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Полтаву, Елисаветградъ, Николаевъ въ Одессу, а поручикъ Чулковъ отправился на Воронежъ, Новочеркасскъ, Ставрополь, Тифлисъ и далѣе. 12 июня поручикъ Экъ послѣ общенной толки вернулся въ Петербургъ и доложилъ, что все предписанное инструкціей онъ выполнилъ, по слѣдовъ князя Трубецкого не нашелъ. Въ оба конца поручикъ Экъ сдѣлалъ 4.058 верстъ.

Послѣдствовало поручику Чулкову. 30 мая въ 6 часовъ вечера онъ прикатилъ въ Тифлисъ прямо къ управляющему 6 округомъ корпуса жандармовъ полковнику Юрьеву. Самого полковника не случилось дома: пакетъ III Отдѣленія распечаталъ старшій адъютантъ майоръ Сивериковъ и немедленно вмѣстѣ съ Чулковымъ направился къ начальнику гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ князю Бебутову. Бебутовъ вскрылъ пакетъ на имя князя Воронцова и поручилъ майору Сиверикову предпринять экстренно все необходимыя розыски. Сивериковъ дознался, что князь Трубецкой пріѣхалъ въ Тифлисъ въ 11 ч. утра 24 мая и на другой день выѣхалъ на вольныхъ лошадяхъ по направленію къ Кутаису. Князь Бебутовъ направилъ за нимъ поручика Чулкова съ открытымъ предписаніемъ. Въ Кутаисѣ Чулковъ узналъ, что бѣглецы выѣхали въ Редутъ-Кале. О его дальнѣйшихъ похожденияхъ князь Бебутовъ сообщать въ III Отдѣленіе: „Не найдя возможности, въ 16 верстахъ за Кутаисомъ переправиться черезъ рѣчку Губисъ-

Цкали по случаю разлѣтія ея, поручикъ Чулковъ возвратился въ Кутансъ и, явившись къ управляющему Кутанской губерніи вице-губернатору полковнику Колубакину, объяснилъ ему о цѣли своей поездки. Въздѣіе чего полк. Колубакинъ тотчасъ командировалъ кутанскаго полицмейстера штабсъ-капитана Мелешко, который, прибывъ въ Редуть-Кале 3 іюня, напелъ тамъ князя Трубецкаго и Жадимировскую, собиравшихся къ выѣзду за-границу, и первый изъ нихъ тотчасъ арестованъ“.

Наконецъ, Дубельтъ могъ вздохнуть свободно. 26 іюня онъ доложилъ графу Орлову: „Сію минуту получилъ я изъ Тифлиса частное извѣстіе, что посланный мною поручикъ Чулковъ поймалъ князя Трубецкаго и жену Жадимировскаго. Между тѣмъ, независимо отъ officialнаго донесенія, которое еще не получено, старшій адъютантъ 6 корпуса жандармовъ майоръ Сивериковъ, пишетъ къ нашему дежурному штабъ-офицеру полковнику Брячанинову слѣдующее: „князь Трубецкой захваченъ въ Редуть-Кале, за два часа до отправленія его въ море, и 8 іюня доставленъ въ Тифлисъ, гдѣ и посаженъ на гаутвахту, а г-жа Жадимировская прѣхала въ Тифлисъ съ поручикомъ Чулковымъ только вчера и остановилась въ гостиницѣ Чавчавадзеа. Вывезти ихъ изъ Тифлиса будетъ не прежде 14 іюня, потому что не готовы экипажи, въ которыхъ ихъ отправятъ. У князя Трубецкаго найдено денегъ 842 полу-имперіала и нѣсколько вещей, но совершенно незначительной цѣнности“.

Прочелъ графъ Орловъ докладъ Дубельта и немедленно представилъ его царю, написавъ: „вотъ нѣкоторыя подробности о поймѣ князя Трубецкаго“ Царь положилъ резолюцію: „не надо дозволить везти ихъ ни вмѣстѣ, ни въ одно время и отпущу не видѣться. Его прямо сюда въ крѣпость, а ее въ Царское Село, гдѣ и сдать мужу“.

29 іюня былъ доставленъ въ Петербургъ князь Трубецкой, а 30 іюня съ поручикомъ Чулковымъ прибыла Жадимировская.

Навстрѣчу поручику Чулкову посланъ былъ изъ Петербурга офицеръ съ приказаніемъ, чтобы Чулковъ съ Жадимировскою ѣхалъ прямо въ Царское Село, но Чулковъ разѣхался съ офицеромъ и прибылъ въ Петербургъ. Дубельтъ въ ту же минуту отправилъ его въ Царское Село, вмѣстѣ съ Жадимировскою, такъ что „здѣсь ее рѣшительно никто и не видѣлъ“,—по увѣренію Дубельта въ докладѣ 30-го іюня. Въ этомъ докладѣ Дубельтъ сдѣлалъ приписочку о душевномъ состояніи изловленныхъ влюбленныхъ: „Кн. Трубецкой все полагалъ, что его везутъ въ 3-е Отдѣленіе и во время всей дороги былъ покоенъ, но когда онъ увидѣлъ, что его везутъ на Троицкій мостъ и слѣдовательно въ крѣпость,—заплакалъ. Жадимировская всю дорогу плакала“.

Командантъ с.-петербургской крѣпости, генераль-адъютантъ Набоковъ 29 іюня представилъ всеподданнѣйшій рапортъ: „Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, что доставленный во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія отставной штабсъ-капитанъ князь Сергѣй Трубецкой, сего числа во вѣренной мнѣ крѣпости принять и помѣстить въ домъ Адамовскаго равнина въ покоѣ № 9-мъ“.

На этомъ рапортѣ Николай Павловичъ изложилъ свою волю: „велѣ съ него взять допросъ, какъ онъ осмѣлился на сдѣланный поступокъ, а къ Чернышеву—объ нарядѣ военного суда по 3 пунктамъ: 1) кражу жены чужой; 2) кражу чужого паспорта; 3) попытку на побѣгъ за-границу, и все это послѣ данной имъ собственноручной

подписки, что вести себя будетъ прилично. Объ ней подробно донести, что говоритъ въ свое оправданіе, и какъ и кому сдана подъ расписку“.

Графъ Орловъ отослать рапортъ Дубельту при слѣдующей запискѣ: „по приложенной бумагѣ и собственноручнымъ рѣшеніямъ, ты увидишь, любезный другъ, Леонтій Васильевичъ, волю Государеву.

„На мой вопросъ, что мужа нѣтъ въ Царскомъ Селѣ, а онъ въ Москвѣ, Высочайше повелѣть остановиться въ Царскомъ Селѣ, увѣдомить мать ее, чтобы она пріѣхала за дочерью, и сдать ее матери, взять съ нее расписку, то есть съ матери. Нашими жандармами онъ доволенъ, и что ты все дѣло своими распоряженіями поправилъ, но издержки все вѣдѣть обратитъ на счетъ генерала Шульгина и Галахова, не взирая на мои по сему предмету возраженія“.

Такъ излился царскій гнѣвъ, искусно отвѣщенный графомъ Орловымъ отъ III Отдѣленія, на голову высшей столичной полиціи. Генералъ Шульгинъ—петербургскій генералъ-губернаторъ, а Галаховъ—оберъ-полицеймейстеръ. Можно представить себѣ изумленіе и огорченіе полицейскихъ генераловъ. Сумма, потраченная на поски Трубецкаго, была весьма значительна по тому времени: 2,272 р. 72⁵/₇ к. серебромъ. Присылая свою половину, Шульгинъ писалъ графу А. Ф. Орлову: „не могу умолять предъ вашимъ сіятельствомъ, что послѣдовавшее въ настоящемъ случаѣ повелѣніе тѣмъ болѣе для меня чувствительно и прискорбно, что я опасаясь встрѣтить въ немъ высочайшій гнѣвъ, болѣе всего мени тяготящій“... Надо сказать, что впоследствии въ добрый часъ графъ Орловъ передоложилъ царю вопросъ объ издержкахъ, и царь приказалъ вернуть деньги полицейскимъ генераламъ и взыскать ихъ съ подеудимаго, князя Трубецкаго.

3.

Поручикъ Чулковъ представилъ слѣдующій рапортъ о Жадимировской, доложенный самому Николаю: „жена Жадимировскаго, во время слѣдованія изъ Редутъ-Кате до Тифлиса чрезвычайно была разстроена, непрерывно плакала и даже не хотѣла принимать пищи. Отъ Тифлиса до С.-Петербурга, разговоры ея заключались только въ томъ: что будетъ съ княземъ Трубецкимъ и какое наложить на него наказаніе. Приводила ее въ тревогу одна только мысль, что ее возвратитъ мужу; просила, чтобы доставить ее къ генералъ-лейтенанту Дубельту, и при увѣреніи, что ее везутъ именно въ III Отдѣленіе,—успокаивалась. Привязанность ея къ князю Трубецкому такъ велика, что она готова идти съ нимъ даже въ Сибирь на поселеніе; если же ихъ разлучатъ, она намѣрена провести остальную жизнь въ монашествѣ. Далѣе и непрерывно говорила она, что готова всю вину принять на себя, лишь бы спасти Трубецкаго. Когда братъ ея прибылъ въ Царское Село для ея принятія, онъ началъ упрекать ее и уговаривать, чтобы забыла князя Трубецкаго, котораго поступки, въ отношеніи къ ней, такъ недобросовѣстны. Она отвѣчала, что всему виновата она, что князь Трубецкой отказывался увозить ее, по она сама на томъ настояла. Когда привезли ее къ ее матери, то она бросилась на колѣни и просила прощенія, но и тутъ умоляла, чтобы ее не возвращали къ мужу. Расписку г-жи Кохунъ (матери Жадимировской) при семъ представить честь имѣю“.

Генераль Дубельтъ учинилъ допросъ Жадимировской и 8 іюля доложилъ при представленіи ея показанія и свое мнѣніе: „я распрашивалъ г-жу Жадимировскую и, кромѣ изложенныхъ въ прилагаемой запискѣ обстоятельствъ, она рѣшительно ничего не показываетъ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей о дурномъ съ нею обращеніи мужа, которое доходило до того, что онъ запиралъ ее и приказывалъ прислугѣ не выпускать ее изъ дому. Ей 18 лѣтъ и искренности ея показанія, кажется, можно вѣрить, ибо она совершенный ребенокъ. Мать и отчимъ Жадимировской приносятъ свою благоговѣющую признательность Государю Императору, за возвращеніе имъ дочери и за спасеніе ея еще отъ большихъ, угрожающихъ ей несчастій“.

Вотъ какъ изложила свой романъ Мавинія Александровна Жадимировская.

„Я вышла замужъ за Жадимировскаго по моему собственному согласію, но никогда не любила и до нашей свадьбы откровенно говорила ему, что не люблю его. Впослѣдствіи, его со мною обращеніе было такъ невѣжливо, даже грубо, что при обыкновенныхъ ссорахъ за бездѣлицы, онъ выгонялъ меня изъ дому, и, наконецъ, дерзость его достигла до того, что онъ угрожалъ мнѣ побоями. При такомъ положеніи дѣлъ весьма естественно, что я, совершенно охладѣвъ къ мужу и встрѣтивъ въ обществѣ князя Трубецкаго, полюбила его. Познакомясь ближе съ Трубецкимъ, не онъ мнѣ, а я ему предложила увести меня, ибо отвращеніе мое къ мужу было такъ велико, что если бы не Трубецкому, то я предложила бы кому-либо другому спасти меня. Сначала онъ не соглашался, но впослѣдствіи, по моему убѣжденію, согласился увести меня, и карета была прислана за мною. Меня привезли къ дому Федорова, но зналъ ли Федоровъ нашихъ условій съ Трубецкимъ, мнѣ рѣшительно неизвѣстно. У дома Федорова встрѣтилъ меня Трубецкой; мы вышли за заставу, гдѣ ожидалъ насъ тарантасъ и, такимъ образомъ, отправились мы по дорогѣ къ Москвѣ. Слѣдовали мы по подорожной Федорова и, какъ я слышала, что князь Трубецкой заплатилъ будто бы Федорову за его подорожную девятьсотъ рублей серебромъ. Другой причины къ моему побѣгу не было и другого оправданія привести я не могу, кромѣ той ненависти, которую внушилъ мнѣ мужъ мой“.

4.

Въ холодныхъ, сырыхъ стѣнахъ Алексѣевского рavelина переживалъ свой знойный романъ князь Трубецкой. Въ отвѣтъ на предложеніе коменданта ему надо было собрать свои мысли, свои чувства и рассказать свою интимную исторію. Но прежде чѣмъ привести это необычное произведеніе тюремнаго творчества, пора, наконецъ, войти въ нѣкоторыя подробности о личности романческаго узника Алексѣевского рavelина.

Князь Сергѣй Васильевичъ Трубецкой родился въ 1815 году. Одинъ изъ сыновей блестящаго генераль-адъютанта Александра I князя Василія Сергѣевича, князь принадлежалъ къ высшему кругу русской аристократіи. Изъ камеръ-пажей вступилъ на службу на 18-мъ году жизни корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Служба въ кавалергардахъ была скорѣе вереницей шалостей, кутежей, проказъ и продѣлокъ, которымъ предавалась въ видѣ обычнаго времяпровожд-

Отсутствіемъ стойкости противъ искушеній жизни графиня Блудова желаетъ, очевидно, обвинить повѣстникій „беспрядочный“ поступокъ его жизни—романъ съ Жюлиновской, о которомъ она съ стыдливимъ лицемѣріемъ упоминаетъ. Понимая, что 45-лѣтній князь, съ очаровательной вѣщностью, съ такимъ сердцемъ, съ такимъ пронырымъ подѣйствовать на него чувство молодой женщины. Что онъ найдетъ въ этомъ романѣ, въ этомъ онъ попытается рассказать на предложенный ему свидѣльство по законности въ развѣдывъ вопросъ отъ коменданта:

„Государь Императоръ высочайше повелѣлъ съличить взять съ васъ допросъ: какъ вы рѣшились захитить чужую жену, съ намыреніемъ скрыться съ нею за границу, и какъ вы оправдываетесь на сдѣланный вами поступокъ? Почему и въ чемъ обвинить не самъ же, со всею подробностью и по именамъ, съ объясненіемъ и несправедливость подвергнуться строгой отвѣтственности“.

Князь Трубецкой отвѣтилъ:

„Я рѣшился на сей поступокъ, тридцать лѣтъ имѣя и несчастнымъ положеніемъ этой женщины. Зная ее еще дѣвкою, и быть свидѣтелемъ всѣхъ мученій, которыя она претерпѣла въ аркадой своей жизни.—Мужа еще до свадьбы она не любила и ни за что не хотѣла выходить за него замужъ. До свадьбы она была въ положеніи, ни угрозъ, ни даже помыслъ не могла себѣ позволить. Не выдали (какъ многие даже утверждали), не могла выйти замужъ почти насильственно: я она только тогда давала свое согласие, когда онъ увѣрилъ ее, что женится на ней, и что только въ виду этого онъ отъ невыносимаго положенія, въ которомъ она находилась, отбѣлъ въ семействѣ, и когда онъ ей далъ честное слово, что онъ будетъ покровителемъ, отцемъ и никакими другими не будетъ съ нею связей, ни сношеній, какъ братеніе. — Но въ какомъ положеніи былъ семействѣ жизни не могла быть счастливою: съ перваго дня вѣдь свадьбы у нихъ пошли несогласія, споры и ссоры. Она его мучила, онъ мучилъ ее, какъ до свадьбы, такъ и послѣ свадьбы; она ему и вѣдь твердила, что онъ ей противенъ и что она имѣетъ право ему отказать. Каждый день ссоры ихъ становились непримиримыми, и они—она и вѣдь другъ другу: наконецъ, дошло до того, что они должны были разойтись совершенно поторопившись, что жить вмѣстѣ было невозможно. Она только разъ просила тогда съ нимъ разойтись, но онъ отъ нея отбѣлъ отъ него низкаго домохозяйства; но онъ не соглашался, требовалъ совершенно отъ любви и обращался съ нею все хуже и хуже. Я видѣла, что она никакого состоянія не имѣетъ и—я понимала, чтобы лучше метить—онъ разными хитростями и силежными отстранять отъ нея всѣхъ близкихъ и усилъ, наконецъ, поссорить ее съ матерью и со всеми ея родными.“

„Нынѣшней весной уѣхавъ съ ней въ Ригу, чтобы получить наследство, и былъ въ отсутствіи около мѣсяца. По возвращеніи своемъ узналъ онъ черезъ людей, что мы имѣли съ нею свиданіе. — Это привело его въ бѣшенство и вмѣсто того, что онъ отомстить обиду на мнѣ, онъ обратилъ всю злобу свою на себя, и онъ началъ, зная, что она беззащитна. Домъ свой онъ началъ превращать въ тюрьму, принимая. Въ городѣ говорили, что онъ ее мучилъ, что онъ ее жестоко бьетъ даже и что она ничего не могла сказать, потому что всѣхъ близкихъ, которые поносятъ ее самими скверными и изощренными ругательствами. Я сознаю, что тогда у меня не было силъ, чтобы спасти ее“.

отъ него за-границу.—Не знаю, почему и какимъ образомъ, но я имѣлъ этотъ планъ только въ головѣ и никому его не сообщалъ: а уже многіе ко мнѣ тогда приставали и стали подшучивать надо мной, говоря, что я ее увезти хочу отъ мужа за-границу. Эти шутки и всѣ эти слухи многимъ способствовали рѣшиться мнѣ въслѣдствіи ѣхать именно на Кавказъ: я зналъ, что они до мужа дойдутъ непременно.

„Вскорѣ послѣ сего узналъ я, что онъ своимъ жестокимъ обращеніемъ довелъ ее почти до сумасшествія, что она страдаетъ и больна, что онъ имѣетъ какія-то злыя помышленія, что люди, приверженные ей, совѣтовали ничего не брать изъ его рукъ, что онъ увозить ее за-границу, не соглашаясь брать съ собою не только никого изъ людей, бывшихъ при ней, но даже брата, который желалъ ее сопровождать, и наконецъ, что этотъ братъ, вѣрно, также по какимъ-нибудь подозрѣніямъ съ своей стороны, объявилъ ему, что онъ жизнью своею отвѣчаетъ за жизнь сестры. Въ это самое время я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она мнѣ описываетъ свое точно ужасное положеніе, проситъ спасти ее, пишетъ, что мать и всѣ родные бросили ее и что она убѣждена, что мужъ имѣетъ намѣреніе или свести ее съ ума, или уморить. Я отвѣчалъ ей, уговаривая и прося думать только о своей жизни: вечеромъ получилъ еще маленькую записку, въ которой проситъ она меня прислать ей на всякій случай, на другой день, карету къ квартирѣ ея матери.—И любить ее безъ памяти; положеніе ея доводило меня до отчаянія;—я былъ какъ въ чадѣ и какъ въ сумасшествіи, голова ходила у меня кругомъ, я самъ хорошенько не зналъ, что дѣлать: тѣмъ болѣе, что все это совершилось менѣе, чѣмъ въ 24 часа. Сначала я хотѣлъ ей присовѣтовать просить убѣжища у кого-нибудь изъ своихъ родныхъ, но какъ ни думалъ и какъ ни искалъ, никого даже изъ знакомыхъ пріискать не могъ: тогда я вспомнилъ, что когда-то хотѣлъ съ Федоровымъ ѣхать вмѣстѣ въ Тифлисъ. На другое же утро я заѣхалъ къ нему, дома его не засталъ: подорожная была на столѣ, я ее взялъ и отправился тотчасъ же купить тарантасъ. Я такъ мало увѣренъ былъ ѣхать, что рѣшительно ничего для дороги не приготовилъ. Тарантасъ послалъ на Московское шоссе, а карету послалъ на уголъ Морской съ Невскимъ. Она вышла отъ матери, среди бѣлаго дня, около шести часовъ; мы выѣхали за заставу въ городской каретѣ, потомъ пересѣли въ тарантасъ и отправились до Москвы на передаточныхъ, а отъ Москвы по подорожной Федорова. Я признаюсь, что никакъ не полагалъ дѣлать что-либо противузаконное или какой-нибудь проступокъ противъ правительства: думалъ, что это частное дѣло между мужемъ и мною, и во избѣжаніе неприятностей бралъ предосторожности только, чтобы онъ или братъ ее какъ нибудь не открыли нашихъ слѣдовъ и не погнались за нами. Что мы не желали бѣжать за-границу, на то доказательствами могутъ служить факты. Во-первыхъ, за-границу она должна была сама ѣхать: мнѣ было гораздо проще и легче пустить ее и ѣхать послѣ. Во-вторыхъ, если бы имѣли намѣреніе бѣжать за-границу, то, во всякомъ случаѣ, мы бы торопились и не ѣхали такъ тихо. Отъ Тифлиса до Редуть-Кале мы ѣхали 9 дней, вездѣ останавливались, вездѣ ночевали, между тѣмъ, какъ изъ Тифлиса есть тысячу верстъ перебраться за-границу въ одинъ сутки, черезъ сухую границу, которая въ 125-ти верстахъ. Въ-третьихъ, когда насъ арестовали въ Редуть-Кале, у насъ была нанята

кочерма или баркасъ въ Поті и съ нами долженъ былъ отправиться таможенный унтеръ-офицеръ, котораго по тамошнему называютъ гвардіономъ. Въ Поті ожидали два парохода, которые должны были отправиться въ Одессу. Въ-четвертыхъ, наконецъ, у насъ было слишкомъ мало денегъ и никакихъ рѣшительно бумагъ, кромѣ подорожной Федорова, которая ни къ чему не могла служить. Что подало поводъ этимъ слухамъ, это я полагаю, бумага, по которой насъ остановили и въ которой было сказано арестовать меня съ женщиною, старающихся перебраться черезъ границу, похитивъ 400 тысячъ серебромъ денегъ и брильянтовъ на 200 тысячъ серебромъ. Изъ-за нея мы теперь слышемъ по всему Кавказу за бѣглецовъ и за воровъ.

„Когда мы уѣхали отсюда, я желалъ только спасти ее отъ явной гибели; я твердо былъ убѣжденъ, что она не въ силахъ будетъ перенести слишкомъ жестокихъ съ нею обращеній и впадетъ въ чахотку или лишится ума. Я никакъ не полагалъ, чтобы мужъ, котораго жена оставляетъ, бросаетъ добровольно, рѣшился бы идти жаловаться. Мы хотѣли только скрываться отъ него и жить гдѣ-нибудь, тихо, скромно и счастливо. Клянусь, что мнѣ съ нею каждое индюшкое мѣстечко было бы тысячу разъ краше, чѣмъ Лондонъ или Парижъ. Я поступилъ скоро, необдуманно и легкомыслиемъ своимъ погубилъ несчастную женщину, которая ввѣрила мнѣ свою участь“.

5.

Князь Сергѣй Васильевичъ Трубецкой былъ посаженъ въ рavelинъ 29 іюня 1851 г.; 12 февраля 1852 года изъ рavelина былъ освобожденъ уже не князь Сергѣй Трубецкой, а рядовой Сергѣй Трубецкой. Военный судъ, наряженный надъ Трубецкимъ, быстро закончилъ свое дѣло. Уже 9 августа 1851 года на докладѣ генералъ-аудиторіата послѣдовала высочайшая конфирмація, по коей „за увозъ жены почетнаго гражданина Жадимировскаго, съ согласія, впрочемъ, на то ея самой, за похищеніе у отст. шт.-кап. Федорова подорожной и за намѣреніе ѣхать съ Жадимировскою за-границу повелѣно князя Трубецкого, лишивъ чиновъ, ордена св. Анны 4-й ст. съ надписью „за храбрость“, дворянскаго и княжескаго достоинствъ, оставить въ крѣпости еще на 6 мѣсяцевъ, а потомъ отправить рядовымъ въ Петрозаводскій гарнизонный батальонъ подъ строжайшій надзоръ, на отвѣтственность батальоннаго командира“.

Не скоро пришло облегченіе участи рядового Сергѣя Трубецкого. Правда, уже въ іюлѣ наслѣдникъ ходатайствовалъ у Николая Павловича о переводѣ Трубецкого въ войска Кавказскаго корпуса, и Николай выразился: „Я не буду противъ этого перевода, ежели получу свѣдѣніе, что онъ служитъ“. Но когда въ ноябрѣ 1852 г. Дубельтъ представилъ докладъ о переводѣ, Николай сказалъ, что еще рано. Только въ маѣ 1853 г. С. Трубецкой былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры съ переводомъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны, а 27-го августа Николай написалъ: „Трубецкого отправить на службу туда, гдѣ есть случай къ дѣлу: въ Аральскъ, или въ новый фортъ Перовскій“. Въ мартѣ слѣдующаго года Оренбургскаго линейнаго баталіона № 4. унтеръ-офицеръ Трубецкой былъ произведенъ въ прапорщики. Только послѣ смерти Николая, 26 ноября 1855 года, онъ былъ уволенъ со службы въ чинѣ подпоручика, съ установленіемъ за нимъ

секретнаго надзора. Было дано и специальное указаніе о невыдачѣ ему заграничнаго паспорта. 17 апрѣля 1857 года Трубецкому были возвращены права потомственнаго дворянства и княжескій титулъ, но секретный надзоръ за нимъ былъ сохраненъ и подтверждено за-
прещеніе выдавать заграничный паспортъ.

Князь Трубецкой поселился въ своемъ имѣніи Муромскаго уѣзда, Владимірской губерніи, и штабъ-офицеръ корпуса жандармовъ, находящійся во Владимірской губерніи, полковникъ Богдановъ 3-й времени отъ времени доносилъ въ III Отдѣленіе о поднадзорномъ. Между прочимъ, въ одномъ изъ донесеній жандармскій штабъ-офицеръ деликатно доложилъ, что „князь привезъ съ собою изъ Москвы въ мартѣ 1858 года экономку, у которой, говорятъ, хорошій гардеробъ, что князь самъ будто бы не въ состояніи былъ стѣлать, что живетъ тихо а экономка никому не показывается“; черезъ мѣсяцъ штабъ-офицеръ докладывалъ, что Трубецкой „ведетъ скромную и обходительную жизнь, часто выѣзжаетъ на охоту и почти всегда съ той женщиной, которая появилась съ нимъ изъ Москвы“; а еще черезъ два мѣсяца штабъ-офицеръ въ дополненіе своихъ донесеній сообщалъ, что „живущая у князя дама довольно еще молода, хороша собой, привержена къ нему такъ, что вездѣ за нимъ слѣдуетъ и безъ себя никуда не пускаетъ“.

Эта экономка была Лавинія Александровна Жадимировская. 19 апрѣля 1859 года умеръ князь Трубецкой, и Жадимировская тотчасъ же уѣхала изъ имѣнія князя Трубецкого. Штабъ-офицеръ донесъ, что она огорчена смертью князя и, выѣжая въ Петербургъ, говорила, что будетъ просить у правительства разрѣшенія поступить въ одинъ изъ католическихъ монастырей. Въ маѣ 1859 года Александръ II разрѣшилъ выдать Лавиніи Жадимировской заграничный паспортъ.

Романъ Трубецкого и Жадимировской Николаю Павловичу угодно было считать гнусной мерзостью князя. Всѣ мѣры, принятія по его личной инициативѣ противъ князя Трубецкого вплоть для Алексѣевского рабелна, были выставкой лицемѣрія Николая Павловича. Въ глазахъ подданныхъ онъ былъ образцомъ семьянина и вѣрнаго супруга, ибо преданность семейному очагу—необходимая черта въ официальномъ образѣ русскаго монарха, но теперь-то мы получили возможность говорить о придворной раслушечности правовъ, о романахъ и пзмѣнахъ самого Николая Павловича. И вотъ этотъ человекъ, въ стѣнахъ своего дома намѣнявшій своей женѣ, препсполнился священнаго рвенія въ охрану святости брака и выступилъ противъ князя Трубецкого.

Но только ли проявленіемъ лицемѣрной жадности къ охранѣ семейныхъ устоевъ должно объяснить стремительность Николая въ дѣлѣ Трубецкого и Жадимировской? Не нужно ли искать иныхъ, менѣе лицемѣрныхъ и высокихъ, мотивовъ, царскаго фанатизма, а поведеніе было таково, что поневоля вызывало представленіе о какой-то обидѣ чисто мужескому чувству царя? Дѣйствительно, есть опредѣленное свидѣтельство о томъ, что красавица Жадимировская на дворянскомъ

балу обратила высочайшее внимание, въ заведенномъ порядкѣ была увѣдомлена о царской „милости“, готовой излиться на нее, по вопреки заведенному порядку, она не пришла въ восхищеніе отъ мысли, что ей тѣломъ будетъ владѣть русскій императоръ, а оскорбилась и отвѣтила рѣзкимъ отказомъ на вождѣнія царя. Царь будто бы поморщился и промолчалъ, но когда до него дошли вѣсти объ увозѣ Жадимировской, онъ остро почувствовалъ, что ему предпочли другого, вознегодовалъ и далъ волю своему гнѣву. Отсюда — непримиримая стремительность царскихъ волеизъявленій, тяжелая царская расправа съ соперникомъ.

Свѣтскимъ пріятелямъ князя романъ его съ Жадимировской казался послѣдней проказой князя Трубецкого, но не вѣрнѣ ли признать этотъ романъ настоящимъ душевнымъ дѣломъ князя, первымъ и послѣднимъ подвигомъ его жизни. По мысли Николая, крѣпость должна была сломить, подавить мерзостную въ его глазахъ романтическую страсть князя. Монархъ оборвалъ нить вѣншей жизни, благополучія, карьеры своего подданнаго, но даже и рavelинъ не могъ покорить страсть. Въ холодныхъ стѣнахъ рavelина не умерло горячее чувство любви ¹⁾.

П. Щеголовъ.

¹⁾ Свѣдѣнія о преступленіи князя Трубецкого—въ дѣлѣ III Отдѣл. 4 эксп. 1851 года № 142—о скрывшихся изъ С.-Петербурга князѣ С. В. Трубецкомъ и женѣ Жадимировской, въ дѣлѣ III Отд. 4 эксп. 1857 года № 262—о наблюденіи за кн. С. Трубецкимъ, въ папкѣ № 81 (№ 93) секретнаго архива III Отд., въ дѣлѣ Алексѣевского рavelина № 38 о заключеніи Невдачина, Никитина, Юрьева, Ленацкаго, Посеникова и перевиска о Трубецкомъ 1852 года.

Портретъ и біографическія свѣдѣнія о С. В. Трубецкомъ у С. Панчулидзева въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ 1826—1908 г.“ СПб. 1908 г., стр. 74 и въ біографіяхъ Н. А. Жерве (тамъ же, стр. 40), А. С. Кроткова (стр. 43) и П. С. Миринкова (стр. 98). Характеристика — въ воспоминаніяхъ А. Д. Баудонной—Рюри. Арх., 1872 г., ст. 1235—1236. О романическомъ интересѣ Николая Цыганова, см. въ статьѣ А. Н. Соколовой «Имн. Цыгановъ І-й и вѣншіе дѣла» (Истор. Вѣст., 1910, июль, 104—107). Къ этой статьѣ, исполненной фактическихъ ошибокъ, см. поправку С. Козубскаго (тамъ же, 1910, июль, 1124—1125) и полную фактическую поправку М. Жемчужникова (тамъ же, 1912, январь, 431—432).

Германъ Лопатинъ о К. Марксѣ.

Лѣтомъ 1906 г. мнѣ пришлось прочесть лекцію по аграрному вопросу въ Вильнѣ. Среди слушателей находился Германъ Лопатинъ. Я былъ ему представленъ, и такъ какъ было далеко за полночь, то получилъ отъ него приглашеніе зайти къ нему на слѣдующій день. Г. Лопатинъ жилъ за городомъ, занималъ комнату съ балкономъ въ верхнемъ этажѣ небольшого деревяннаго зданія въ глубинѣ сада. Бесѣда продолжалась нѣсколько часовъ. По его предложенію я задавалъ ему вопросы, на которые онъ подробно отвѣчалъ. Г. Лопатинъ очень много рассказывалъ мнѣ о семейной жизни Маркса, объ Элеонорѣ Марксѣ, такъ трагически окончившей съ жизнью, о своемъ отношеніи къ Марксу и Энгельсу, но большая часть бесѣды касалась теоретическихъ вопросовъ—«противорѣчій» между I-мъ и III т. «Капитала», «открытыхъ» различными критиками,—метода Маркса, его манеры работать; были также затронуты и волновавшіе тогда русское общество политическіе и экономическіе вопросы.

По возвращеніи въ Петербургъ я рѣшилъ подѣлиться услышаннымъ, заключившимъ много цѣннаго, имѣвшаго общественный и теоретическій интересъ, съ широкой публикой на страницахъ журнала «Современный Миръ». Зная, однако, нерасположеніе Г. Лопатина къ подобнаго рода сообщеніямъ о немъ,—англійскіе интервьюеры, какъ онъ мнѣ рассказывалъ, написали тогда очень много чепухи о немъ,—я и написалъ ему письмо, въ которомъ просилъ разрѣшенія на такую статью, предлагая ему предварительно прислать рукопись для просмотра. Вместе съ тѣмъ я задалъ ему рядъ дополнительныхъ вопросовъ, которыхъ не коснулся во время бесѣды. Въ отвѣтъ я и получилъ отъ Г. Лопатина печатаемое ниже безъ сокращеній письмо... Къ сожалѣнію, нѣкоторыя обстоятельства помѣшали мнѣ тогда написать предполагаемую статью.

Письмо Германа Лопатина.

6. VII. 06.

Тамбовская, 18—1.

«Спасибо вамъ, Александръ Юльевичъ, за приемку Вашихъ произведеній. Пробивать ихъ я еще не успѣлъ, такъ какъ, согласно Вашему желанію, спѣшу отвѣтить на Ваше писмецо.

- 1) Объ Элеонорѣ Марксѣ печатать что-либо считаю *невозможнымъ*.
- 2) Не помню, чтобы я разсказывалъ Вамъ о Марксѣ что-либо, заслуживающее печати. Всего принятѣе для меня было бы, что бы Вы совсѣмъ не печатали объ этомъ частномъ разговорѣ. Но если мнѣ не удастся удер-

жать Васъ, то, конечно, желательно было бы просмотрѣть предварительно Вашу статью въ гранкахъ или рукописи.

3) Марксъ *никогда* не высказывалъ мнѣ ни въ *категорической*, ни въ сколько нибудь *определенной* формѣ своихъ надеждъ на то, что русская община поможетъ Россіи миновать капиталистическую стадію развитія. *Не думаю*, что бы онъ вѣрилъ въ это хотя одну минуту.

4) Правда, въ его письмѣ въ «Отеч. Зап.» есть фраза, позволяющая съ натяжкой сдѣлать такое предположеніе. Но, по моему мнѣнію, фраза эта требуетъ очень осторожнаго чтенія и толкованія и не такъ-то легко рѣшить, что слѣдуетъ отнести въ ней на долю политической *дипломатии* и что—на долю нескрещеннаго мнѣнія. Выражаюсь такъ осторожно потому, что хотя это письмо дошло въ Россію и черезъ меня (переводъ *не мой*), но мнѣ не довелось говорить по его поводу лично съ Марксомъ, а получилъ я его отъ Энгельса, который нашелъ его въ посмертныхъ бумагахъ Маркса.

5) Я былъ арестованъ въ началѣ 1879 г. «за нѣсколько мѣсяцевъ до рожденія или крещенія «Народной Воли», а вырвался изъ узъ и переѣхалъ русскую границу какъ разъ въ день смерти Маркса, такъ что его сношенія съ людьми «Н. В.» лежали внѣ сферы моихъ личныхъ наблюденій. Но *я никогда не слышалъ* ни отъ Лаврова, ни отъ Тихомирова, ни отъ Ошаниной ни отъ кого-либо иного, чтобы Марксъ *былъ, считался или называлъ себя* когда-нибудь *агентомъ* «Н. В.». Въ первый разъ слышу эту басню. Но зная широкія симпатіи Маркса ко всякому революціонному движенію, неохоту его прикладывать собственный неизмѣнный масштабъ ко всемъ странамъ, временамъ и народамъ, отсутствіе у него всякаго отвращенія къ т. н. «терроризму» *an und für sich*, т. е. вездѣ, всегда и всюду, а, напротивъ, очень сочувственное отношеніе, напр., къ ирландскимъ и русскимъ подвигамъ этого рода, я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ охотно встрѣчался и водился съ людьми «Н. В.», хотя бы заведомо прикосновенными къ самымъ громкимъ террористическимъ актамъ (напр., Гартманъ и др.) и оказывалъ имъ посильныя услуги. Но это совсѣмъ не *агентство*.

Больше писать мнѣ некогда.

Всего хорошаго. Вашъ Г. Л.»

* * *

По поводу опровергаемой Г. Лопатинымъ «басни»,—слышанной мною еще на студенческой скамьѣ,—что Марксъ былъ агентомъ «Народной Воли», не лишнимъ можетъ быть, будетъ замѣтить, что эта басня имѣла все же подъ собою нѣкоторые основанія. Въ IV т. «Der Briefwechsel zwischen F. Engels und K. Marx», появившемся въ 1913 г., помѣщено письмо Маркса къ Энгельсу отъ 14-го Сентября 1870 г., которое Марксъ подписалъ жирнымъ прифтономъ «Secretary for Russia». Повидимому, рассказчикъ «басни», что-то слышавшій объ этомъ, перепуталъ: вмѣсто «секретаря» назвалъ Маркса «агентомъ»,—русскую секцію Интернаціонала замѣнилъ «Народной Волей»...

75 74

Въ 1913 г., при одной изъ встрѣчъ съ Германомъ Лопатинымъ въ Петербургѣ, я сообщилъ ему, что готовлю статью, направленную противъ столь хвалебой книги Гильфердинга: «Финансовый Капиталъ», и просилъ позволить мнѣ сослаться на сдѣланное имъ мнѣ когда-то сообщеніе о методѣ Маркса и о манерѣ его работать. Германъ Лопатинъ далъ свое согласіе. По его указанію, я размѣсталъ въ «В.-Эконом. Обществѣ» статью Зиборъ, с

которой у Маркса была рѣчь съ Лопатинымъ, и послать ему въ рукописи предполагающуюся замѣтку. Онъ вернулъ ее, исполнивъ конецъ самъ. Въ такомъ видѣ я и напечаталъ ее въ статьѣ «Современный Капитализмъ» («Совр. Міръ», декабрь 1913 г.), причемъ мѣсто, принадлежащее Лопатину, взято мною было въ кавычки. Ниже привожу это примѣчаніе:

«Германъ Лопатинъ разсказывалъ намъ, между прочимъ, что Марксъ по поводу возраженій Зибера относительно примененнаго Марксомъ метода («Знаніе», 1874 г., № 1, «Эконом. теорія Маркса», 56—57 стр.) высказалъ удивленіе, какъ такой серьезный экономистъ не замѣтилъ, что въ начальной основѣ его работы лежитъ изученіе предварительно накопленнаго фактическаго матеріала, что дедукція предшествовала у него индукція, абстракція—анализъ реальныхъ отношеній. При этомъ Г. А. Лопатинъ привелъ примѣръ, какъ Марксъ, съ цѣлью прослѣдить движеніе и роль денежнаго капитала въ современной экономической жизни, въ теченіи долгаго времени «ежедневно извлекалъ изъ биржевой хроники «Times» и др. газетъ цифровые данныя, не рѣшившись никому довѣрить этой черной, но безусловно необходимой и важной работы даже на время своей продолжительной болѣзни, которая и положила ей конецъ, къ его великому и постоянному огорченію».

А: Финнъ-Енотаевскій.

Новое о прошлом.

Изъ сибирскихъ газетъ и журналовъ 1918—1919 гг.—Самозванцы изъ Сибири.—Декабристы въ ссылкѣ.—Иркутская бурса временъ А. П. Шапова.—Поляки-повстанцы.—Казнь Неустроева.—«Секретный арестантъ № 1».—Изъ исторіи студенческаго движенія.—Къ исторіи 1905 г. въ Читѣ и Томскѣ.—Тѣни 1905—1908 гг.—Изъ жандармскихъ архивовъ.—Ленская стачка 1912 г.—О Л. Н. Толстомъ.—Къ исторіи періодической печати.

Ненормальныя условія, въ которыхъ живетъ наша страна, препятствуютъ нормальному веденію нашихъ обзоровъ,—регулярныхъ по разн. навсегда задуманному плану. И не только потому, что книжки журнала, фактически превратившагося въ неперіодическій сборникъ, выходятъ слишкомъ рѣдко, съ промежутками въ 3—6—8 мѣсяцевъ, но и потому, что Россія волею судьбы расколота рѣзкими границами и строгими кордонами на рядъ отдѣльныхъ территорій, живущихъ каждая своею самостоятельной жизнью и особыми своеобразными интересами политической борьбы, научною работою, если только можно говорить о послѣдней въ наши дни, и, конечно, литературою.

Обычна и вообще какихъ-либо правильныхъ сношеній между этими различными частями Россіи почти не существуетъ. Уже пересылка простихъ писемъ, почтовыхъ вѣсточекъ черезъ какую-либо изъ такихъ границъ—вещь крайне трудная; регулярное же полученіе книгъ и газетъ изъ «зарубежныхъ» міра для простаго смертнаго вещь положительно невозможная. Въ такихъ условіяхъ задача обзорнія *всей* россійской прессы становится несущественной, и наши обзоры изъ общероссійскихъ неизбѣжно должны превратиться въ региональные, областные. Данный обзоръ и является однимъ изъ такихъ областныхъ обзоровъ литературы о нашей революціонной прошлѣ, появившейся въ той области, которая была доступна наблюденію автора—въ теченіе живущей жизни, а именно въ Сибири и Иволжѣ, причемъ рамки обзора мы ограничиваемъ еще и хронологически, вводя въ него лишь ту періодическую, а отчасти и неперіодическую печать, которая выходила въ указанныхъ районахъ въ періодъ существованія тамъ какой-либо изъ анти-совѣтскихъ вѣстей. Обширная литература по исторіи революціоннаго прошлаго, появившаяся въ сибирской печати до сверженія тамъ власти большевиковъ и введенія въ Россію нами въ нашихъ предыдущихъ обзорахъ, въ данный обзоръ, какъ правило, нами также не введена.

Едва ли нужно оговариваться, что и въ этихъ рамкахъ и предѣлахъ нашъ обзоръ все же не можетъ претендовать на полноту: слѣдить за достаточно обширною періодическою печатью въ Сибири ¹⁾ едва ли не болѣе

¹⁾ По официальнымъ свѣдѣніямъ отдѣла печати при сибирскомъ совѣтѣ министровъ, въ началѣ 1919 г. на территоріи этого правительства выходило

трудно, чѣмъ въ Советской Россіи, ибо тамъ нѣтъ такихъ, хотя бы и не перепрыгивающихъ полей, но все же богатыхъ центральныхъ книгохранилищъ, какія имѣются въ Москвѣ и Петроградѣ. Поэтому въ нашѣмъ обзорѣ неизбежны пропуски и пробѣлы, но мы уже и раньше говорили, а теперь, въ виду современныхъ условій, вновь и съ новой силой повторяемъ, что полными наши «Обзоры» смогутъ стать лишь въ томъ случаѣ, если веденію ихъ будутъ помогать все, интересующіеся прошлымъ нашего революціоннаго движенія ¹⁾.

* * *

Изъ появившихся въ сибирской прессѣ статей и матеріаловъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ интересующей насъ темѣ, наиболѣе раннихъ періодовъ касаются статьи Б. Кубалова (въ Иркутскомъ «Свободномъ Краѣ») и И. А. (въ красноярской «Свободной Сибири»).

Очерки первого ставятъ своей задачей познакомить читателей съ весьма любопытнымъ и мало еще изученнымъ явленіемъ народной жизни — съ самозванствомъ, живучесть котораго поразительна (самозванцевъ было не мало и въ XX вѣкѣ) и съ которымъ историкъ революціонныхъ движеній нерѣдко приходится сталкиваться, съ одной стороны, при изученіи массовыхъ народныхъ движеній, съ другой — при ознакомленіи съ тактикой революціонныхъ кружковъ и группъ 60—70-хъ гг. Матеріалъ, которымъ оперируетъ авторъ, — дѣла весьма богатаго и интереснаго (одного изъ самыхъ интересныхъ, если не самаго интереснаго изъ провинціальныхъ архивовъ) архива быв. генералъ-губернатора Восточной Сибири. Извѣстны намъ два очерка этого автора, — о самозванцахъ «Великой книжки Маріи Павловны» (№ отъ 1 декабря 1918 г.) и императоръ Павелъ I (номеръ отъ 11 января 1919 года), — позволяютъ судить о заданіяхъ автора въ предѣлахъ темы, объ его подходѣ къ ней. Удовлетворяющимъ современнымъ требованіямъ науки эти заданія автора, къ сожалѣнію, признать нельзя. Въ изслѣдованіи о самозванствѣ, какъ явленіи народной жизни, главнымъ моментомъ должно быть изученіе общественныхъ причинъ появленія и усилѣнія самозванцевъ. Что привлекало на ихъ сторону сердца? Какіе моменты въ ихъ программныхъ, если можно такъ выразиться, заявленіяхъ находили наибольшій откликъ въ окружающей средѣ? Г. Кубалова эта сторона темъ, повидимому, мало интересуетъ, хотя значеніе ея, какъ видно изъ его краткаго предисловія, онъ признаетъ. Онъ подробно излагаетъ исторію появленія самозванцевъ,

всего 157 періодич. изданій, изъ коихъ 95 газетъ и 61 журналъ, причемъ изъ этого общаго числа вышло въ Запад. Сибири 39 газетъ и 33 журнала; въ Вост. Сибири — 32 газеты и 22 журнала; въ Манчжуріи 4 газеты и 1 журналъ; на остальной территоріи 20 газетъ и 6 журналовъ. Изъ 97 газетъ 74 выходятъ ежедневно, причемъ 38 въ форматѣ большихъ газетъ; остающіяся 23 газеты выходятъ отъ 1 до 3 разъ въ недѣлю. Изъ 61 журнала — 6 выходятъ ежемѣсячно, остальные отъ 2 до 4 разъ въ мѣсяцъ; болѣе всего журналовъ посвящено вопросамъ коопераціи (23); остальные распредѣляются слѣд. образомъ: земскихъ 8, военныхъ — 1, духовныхъ — 5, старообрядческихъ — 1, профессионально-учительскихъ — 4, общественно-политическихъ и литературныхъ — 1, театралныхъ — 2, торгово-промышленныхъ — 1, медицинскихъ — 1; учебныхъ — 1; посвященныхъ професс. вопросамъ рабочей жизни — 6; промисленности и торговли — 2; земледѣлія и дѣленого хозяйства — 2. Изъ городовъ, имѣющихъ наибольшее количество періодическихъ изданій, на первомъ мѣстѣ стоитъ г. Омскъ, въ которомъ выходитъ 6 газетъ и 10 журналовъ; за нимъ идутъ Барнаулъ (3 газеты и 7 журналовъ), Енисейскъ (4 газеты и 5 журналовъ), Томскъ (5 газетъ и 3 журнала) и Чита (4 газеты и 4 журнала). (Цитир. по Тюменской газетѣ «Нашъ Путь» отъ 11 марта 1919 г.).

¹⁾ Напомню здѣсь въ знакъ благодарности за сдѣланный указаніи и замѣчанія М. А. Максимову, П. С. Т. и В. Д. Федорову.

группируетъ біографическія о нихъ данныя, знакомитъ съ ходомъ слѣдствій; моменты же общественно-политическіе у него стоятъ даже дальше, чѣмъ на второмъ планѣ. А между тѣмъ указанія на нихъ въ дѣлахъ, несомнѣнно, имѣются,—это видно изъ тѣхъ же очерковъ г. Кубалова; особенно это относится къ самозванной «Маріи Павловнѣ», которая вела настоящую политическую агитацію о предстоящей «перемѣнѣ правленія», обѣщаніи податей, выдачѣ пособія бѣднымъ, уничтоженіи стѣпеній и т. д. Единственный обобщеніе, на который идетъ авторъ,—въ выводахъ изъ даваемыхъ матеріаловъ, а не въ предисловіи къ нимъ,—это установленіе извѣстной преемственности самозванцевъ (слѣдь за «Павломъ I» появился — дѣтъ черезъ 10—и «Константинъ Павловичъ», и притомъ въ томъ же приближеніи районѣ), совершенно справедливо указывая, что всѣ указанные самозванцы—«Павелъ», «Марія» и «Константинъ»—подготавливали почву для будущаго «Александра I»—Федора Кузнецка.

Мелче интересны составленные также по архивнымъ матеріаламъ очерки Н. Л., посвященные ряду эпизодовъ изъ жизни Туруханскаго края въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Два изъ нихъ—«Монастырская идиллія» (въ № отъ 17 ноября 1918 г.) и «Волокита» (въ № отъ 15 декабря 1918 г.),—знакомятъ съ двумя эпизодами изъ жизни духовенства тѣхъ давно минувшихъ лѣтъ и имѣютъ интересъ только бытовомъ: «Волокита» знакомитъ съ дѣломъ по обвиненію священника-вдовца въ незаконномъ сожителствѣ съ дальней родственницею; «Монастырская же идиллія»—съ произведеннымъ подвижническимъ монахами опытомъ изслѣдованія сохранности мощей туруханскаго святаго (не капопизированнаго) Василия Мангазейскаго, причемъ выяснилось, точь въ точь, какъ въ наши дни, что вмѣсто мощей въ ракъ хранится «такъ, косточка одна»; этотъ результатъ, конечно, не помѣшалъ обвиненію монаховъ-изслѣдователей въ «кощунствѣ», а затѣмъ послѣдовалъ строгій приказъ епископа «слушать о семъ событіи изряднаго кощунства не пускать и разговоры и басни предострашивать» (а «разговоры» и «басни» шли, и была даже иерсія о томъ, что «мощи нмъ не дались видѣться»), самихъ же виновниковъ «послать въ дальній изъ монастырей на безсрочное въ ономъ заточеніе безъ срока». Вытовой же интересъ имѣетъ и третій очеркъ «Изъ дней минувшихъ» (въ № отъ 13 ноября 1918 года), посвященный столкновенію между туруханскимъ «штабъ-лекаремъ Шавровымъ» и «протопопомъ Гаврилою Ушаковымъ»; столкновеніе это, закончившееся избиеніемъ «штабъ-лекаря» «протопопомъ», произошло на пирушкѣ мѣстныхъ чиновниковъ, и возникшее по этому поводу «дѣло» даетъ рядъ любопытныхъ штриховъ для знакомства съ составомъ администраціи Туруханскаго края, гдѣ въ эти годы приходилось быть въ сѣмѣхъ нѣсколькимъ декабристамъ.

Рядъ интересныхъ матеріаловъ опубликованъ въ сибирскихъ газетахъ и о декабристахъ; среди этихъ матеріаловъ по ихъ цѣнности на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить опубликованныя Н. Чагинымъ въ Иркутскомъ «Свободномъ Краѣ» «Документальныя данныя къ «Русскимъ женщинамъ Некрасова» (№№ отъ 17 и 30 ноября и 13 декабря 1918 года); собранные изъ ряда дѣлъ архива секретнаго отдѣленія канцеляріи быв. ген.-губ. Вост. Сибири, эти документы представляютъ большой интересъ, давая рядъ новыхъ свѣдѣній о тѣхъ пренятствіяхъ, которыя ставились женщинамъ декабристовъ, при ихъ попыткахъ слѣдованія за мужьями. Къ сѣмѣхъ, опубликованный документъ, г. Чагинъ, повидимому, недостаточно хорошо знакомъ съ литературой вопроса и иногда печатаетъ, въ качествѣ новыхъ документовъ, давно уже опубликованные; такъ, онъ публикуетъ тотъ же текстъ инструкціи, данной иркутскому губернатору Цедеру ген.-губ.

Вост. Сибирь и Лавинским, по вопросу объ увещеваніи женъ декабристовъ, въ то время какъ этотъ документъ опубликованъ лѣтъ уже 15 тому назадъ П. Е. Щеголевымъ въ его статьѣ о женахъ декабристовъ. Наибольшій интересъ изъ дѣйствительно новыхъ, найденныхъ г. Чагинымъ документовъ представляетъ письмо князя Николая I къ представителю ему Лавинскимъ просить упомянутыя женщины перевоспитать. Эти увещанія дополняютъ характерными черточками уже извѣстныя въ общихъ чертахъ, но далеко не разработанныя въ деталяхъ общія черты поведения и характера декабристовъ. Любопытно, что царь рѣшительно отвергъ предложеніе Лавинскаго разъяснить «подъ рукою» декабристовъ, съ которыми въ Сибирѣ живутъ жены декабристовъ, что съ момента ихъ прибытія въ Сибирь царь болѣе чѣмъ инструкціей обязательствъ, принявъ ихъ въ свои обязанности, возлагаетъ на нихъ и они могутъ имъ не подчиняться». Противъ этого пункта инструкціи царь съ явнымъ неудовольствіемъ написалъ: «Его самовольство воспрещая; бунтовать людей не дозволяю». Царь-тюремщикъ ни на одну минуту не забываетъ, что онъ прежде всего «первый помѣщикъ въ Россіи»!

Замѣтимъ также, что было бы большою ошибкой думать, что г. Чагинъ исчерпалъ все поле изысканій по данному вопросу, хранившагося въ Иркутскомъ архивѣ; автору этихъ строкъ во время его работы (изъ сожальнаго, весьма кратковременнаго и въ силу недостатка матеріала) въ означенномъ архивѣ удалось найти еще нѣсколько новыхъ и весьма цѣнныхъ данныхъ (напр., письмо Федора П. Лавинскаго съ объясненіемъ увещеванія кн. Трубецкой и т. д.), и, несомнѣнно, немалое количество данныхъ предстоить еще разыскать.

Замѣтимъ также, что въ опубликованное тѣмъ же П. Чагинымъ письмо князя Николая I кн. Шенстрому въ своемъ товарищу А. А. Крылову¹⁾. Это письмо было получено Шенстромомъ вскорѣ послѣ его выхода изъ тюрьмы въ поселеніе, изъ гдѣта провинскі (Тасовскъ, каинск. у., енисейской губ.) и рисуетъ условія жизни декабристовъ на поселеніи; особенно интересно, что въ немъ въ несомнѣнномъ видѣ Шенстрому канцелярскіе замечанія о поведеніи ихъ (въ письмѣ оно привведено полностью) и въ грубой формѣ, съ отсутствіемъ заглавія, предписывающее «правила» поведенія. Могло бы показаться, что въ послѣднемъ изъ этихъ на декабристовъ, приваженныхъ, даже въ то время, когда они еще не были въ Иркутскѣ, по назначенію письмо дойти не могло, хотя написано оно было безъ всякихъ рѣзкостей, и до послѣдняго времени лежало въ архивѣ приписнымъ къ «дѣлу».

Значительно меньшій интересъ представляютъ опубликованные также г. Чагинымъ документы къ біографіи декабриста кн. Ф. П. Шаховскаго²⁾; нѣкоторыя свѣдѣнія о пребываніи послѣдняго и, въ частности, его опытахъ въ области земледѣлія, описанные въ «Сибирскихъ Запискахъ» (въ печати уже имѣются (см., напр., замѣтку г. Ауэрбаха въ № 6 «Сибирскихъ Записокъ» за 1917 г.); извлеченные г. Чагинымъ изъ Иркутскаго архива, документы говорятъ о благосклонномъ отношеніи Николая I къ начинающимъ Шаховскому и кн. Шаховскому, кн. Шаховскому, какъ разъ въ это время готовившаго съ своимъ братомъ кн. Шаховскимъ планъ популяризаціи картофеля, привлекло къ опытамъ Шаховскаго желаніе послѣдняго привить въ Ту-

¹⁾ Иркутскій «Свобод. Край», № 96 отъ 27 окт. 1918 г. «Одно изъ неизданныхъ писемъ декабристовъ».

²⁾ Сибирскій «Свобод. Край», Иркутскій Госуд. Университетъ (вышла изъ г. Иркутска 27 окт. 1918 г.). Въ декабрьскомъ номерѣ Иркутскаго университета (изданаго Иркутскаго университета); статья—«Новое о декабристахъ. Къ вопросу о первыхъ культурныхъ піонерахъ въ Сибиріи».

руханскомъ краѣ (разведеніе картофеля) и о планахъ посѣднато. Къ сожалѣнію, изъ документовъ г. Чигина не видно, оставили ли благосклонность Николая только на бумагѣ или выразилась въ чемъ-либо болѣе реальномъ.

Декабристамъ же посвящена статья П. Ревякина ¹⁾, знакомящая читателей съ тѣми матеріалами о жизни декабристовъ Трубецкаго и Вадковскаго въ ссылкѣ на поселеніи въ с. Оскѣ, Иркутской губ. въ 40-хъ годахъ, которые сохранились въ оскскомъ волостномъ архивѣ; наиболѣе интересны изъ этихъ данныхъ свѣдѣнія о торговыхъ операціяхъ Вадковскаго съ крестьянами (Вадковскій вѣлъ хлѣбную торговлю, а также и «мелкую и великую» гору, и т. д.), причемъ упоминается и о томъ, что Вадковскаго съ сельскимъ обществомъ общались въ селѣ, гдѣ онъ изработилъ глины. Помимо этихъ двухъ декабристовъ г. Ревякинъ упоминаетъ еще объ одномъ ссыльномъ, относимомъ, впрочемъ неправильно къ числу декабристовъ, Александрѣ Кучевскомъ ²⁾. Такъ какъ подобная квалифікація Кучевскаго можетъ нѣкоторыхъ ввести въ заблужденіе, то нелишне, думаемъ, будетъ дать попутно небольшую справку о томъ, что представлялъ изъ себя Кучевскій въ дѣйствительности.

Отмѣтимъ, что въ Сибири не такъ еще давно довольно распространеннымъ среди старыхъ уголовныхъ поселенцевъ былъ обычай причислять себя къ декабристамъ (объ одномъ такомъ «декабристѣ» разсказалъ Л. Г. Дейчъ въ своихъ воспоминаніяхъ ³⁾). Но въ связи съ свѣдѣніями и устными преданіями, конечно, не приходится, по А. Кучевскаго къ числу декабристовъ («лицъ, осужденныхъ за причастность къ возмущенію 14 декабря 1825 г.») относить не только устное преданіе, но и рядъ документовъ, часть которыхъ приведена въ указанныхъ статьяхъ гг. Ревякина и Овчинникова; даже въ вѣдомостяхъ, препровожденныхъ Лепарскимъ въ III Отдѣленіе и къ ген.-губ. Вост. Сибири со списками содержавшихся въ Петровскомъ заводѣ «государственныхъ преступниковъ по дѣлу 14 декабря 1825 г.», Кучевскій неизмѣнно фигурируетъ въ одной группѣ со всѣми декабристами. Отсутствіе Кучевскаго въ спискѣ осужденныхъ по большому процессу декабристовъ еще ничего не опровергаетъ, такъ какъ много лицъ было осуждено по мелкимъ добавочнымъ процессамъ и списки этихъ дополнительно осужденныхъ нами не имѣемъ (хотя бы и потому, что далеко не невозможно открытіе того или иного новаго декабриста. И тѣмъ не менѣе, мы можемъ съ полной вѣроятностью утверждать, что Кучевскій никакого отношенія къ декабристамъ не имѣлъ.

Прежде всего сами декабристы Кучевскаго причислять къ своей семьѣ не были склонны; Басаргинъ (кстати сказать, единственный, насколько намъ извѣстно, изъ декабристовъ-мемуаристовъ упоминающій о Кучевскомъ) пишетъ о немъ вполне опредѣленно:

«По прибытіи уже (декабристовъ) въ Петровскій заводъ прислали туда слѣпного старика Сосиновича (изъ поляковъ) и какого-то разжалованнаго майора Кучевскаго. Мы принявъ ихъ, конечно, не общались ни съ однимъ изъ нихъ, не спрашивая, за что они попали къ намъ, и какъ все они не имѣли никакихъ способствъ, то и участвовали въ общей нашей артели на томъ же положеніи, какъ и мы сами» ⁴⁾.

¹⁾ «Памяти славныхъ» въ Иркутскомъ. «Нашъ Дѣль», № отъ 28 января 1919 года.

²⁾ О Кучевскомъ см. статью М. П. Овчинникова: «Нѣсколько словъ о майорѣ Кучевскомъ» въ «Трудахъ Иркут. Архивн. Комиссіи», т. II, стр. 59—61.

³⁾ «16 лѣтъ въ Сибири», изд. II—Глаголева, стр. 176 («Декабристы Карманы»).
⁴⁾ Сборникъ «XIX вѣкъ» (подъ ред. Бартевеа). т. I, стр. 171

Достаточно хотя бы немного знать отношенія декабристовъ къ своимъ товарищамъ на каторгѣ, чтобы оцѣнить рѣзкость отзыва Басаргина о Кучевскомъ; такую рѣзкость онъ могъ допустить только по отношенію къ человеку совершенно чуждому и по прошлому, и по душевному складу. Болѣе обстоятельное сужденіе архивнаго матеріала поддерживаетъ эту догадку; въ томъ же Иркутскомъ архивѣ б. ген.-губ. Вост. Сибири намъ удалось найти слѣдующія свѣдѣнія о Кучевскомъ:

«Дворянинъ Александръ Кучевскій, бывшій майоръ Астраханскаго гарнизоннаго полка, уроженецъ Херсонской губерніи. По Высочайшей конфирмаціи, изъясненной въ статейномъ объ немъ спискѣ, полученномъ изъ Тобольскаго приказа о ссыльныхъ въ 1827 году, за составленіе обществъ для кражъ и грабежей, оскорбленіе самодержавной власти и другія преступленія лишень чиновъ и дворянства, сосланъ въ каторжную работу»¹⁾.

Въ Сибири Кучевскій прожилъ до глубокой старости, всѣми причисляемый къ категоріи декабристовъ, и умеръ 1 сентября 1871 г. въ с. Оскѣ, Иркут. губ.²⁾.

Вниманіе, уделяемое сибирскою прессою исторіи пребыванія декабристовъ въ Сибири (достаточно сказать, что новыхъ матеріаловъ о декабристахъ въ сибирской прессѣ за истекшую зиму появилось больше, чѣмъ за все время послѣ февральской революціи во всѣхъ остальныхъ газетахъ Россіи), является хорошимъ свѣдѣтельствомъ о томъ, что Сибирь до сихъ поръ помнитъ и цѣнитъ культурную работу декабристовъ. Въ этомъ отношеніи очень показателенъ маленькій городокъ Забайкалья—Верхнеудинскъ,—съ большой любовью справившій въ январѣ текущаго года 50-лѣтнія поминки по декабристѣ Горбачевскомъ: въ день пятидесятилѣтней годовщины со дня его смерти номеръ мѣстной газеты («Забайкальская Жизнь» отъ 22 января по нов. ст. 1919 г.) былъ заполненъ юбилейными статьями, а именно въ этомъ № дана относительно большая біографія Н. Н. Горбачевского («Памяти декабриста Н. Н. Горбачевского», составленная Вл. Г.) и двѣ небольшие замѣтки о жизни его въ Верхнеудинскѣ, составленные по воспоминаніямъ и разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ. Эти послѣдніе разсказы мало содержательны, по все же имѣютъ нѣкоторый интересъ для біографовъ Горбачевского, и мы приведемъ отрывокъ изъ воспоминаній нѣмѣ умершаго войскового старшины А. Е. Разгильдѣева (въ томъ видѣ, какъ онъ данъ «Приб. Жизнью»).

«Въ 1854 году, когда я былъ на службѣ въ Петровскомъ заводѣ, Иванъ Ивановичъ Горбачевскій имѣлъ въ заводѣ (рѣчь идетъ о Петровскомъ заводѣ, лежащемъ вблизи Верхнеудинска) въ нагорной его части, свой домикъ, состоявшій изъ одной большой комнаты съ голландкой и каминомъ и черезъ канитальную стѣну такой же кухни. Вся обстановка его комнаты была весьма убогая, костюмъ его тоже не отличался изысканствомъ, даже (да проститъ онъ мнѣ это) былъ перачищенъ. Не знаю хорошо, сколько онъ получалъ на свое содержаніе отъ правительства, но, кажется, не болѣе 400 руб., чего, конечно, было ему недостаточно, поэтому онъ бралъ подряды въ казѣ и доставлялъ на заводъ древесный уголь, для чего имѣлъ нѣсколько работниковъ и до 10 лошадей.

«На дому у себя училъ дѣтей безвозмездно. Обѣдъ имѣлъ у тамашнаго управляющаго заводомъ Н. Н. Дубровина. Вообще жилъ весьма скромно,

¹⁾ Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ хранящагося въ архивѣ б. ген. губ. Вост. Сибири составленнаго для III Отдѣленія списка государственныхъ преступниковъ, состоявшихъ подъ надзоромъ полиціи въ Иркут. губ. въ 1865 г.

²⁾ Архивъ Иркут. губернатора, д. № 84 за 1871 г., по I отд., I стол., секретное,

держалъ себя отлично, былъ до крайности добръ и довѣрчивъ. Много читалъ газетъ и журналовъ, которые давалъ ему управляющій заводомъ».

Изъ которое отношеніе къ дѣлу декабристовъ, повидимому, имѣетъ опубликованный П. Кошпинымъ въ омской «Русской Арміи» эпизодъ «о намѣреніи сосланнаго въ Сибирь еврея Дипки Ванжерера открыть Е. И. В.—ву государственныя тайны»¹⁾. Изъ омскаго архива б. ген.-губ. Зап. Сибири П. Кошпину по этому дѣлу удалось извлечь слѣдующія свѣдѣнія:

Л. Ванжереръ, быв. феодосійскій купецъ, былъ сосланъ въ Сибирь въ 1822 г. за ложный доносъ, сдѣланный имъ командующему II арміей гр. Витгенштейну о злоупотребленіяхъ при поставкѣ провіанта для войскъ въ Бессарабской области. Живя въ Тобольскѣ, Ванжереръ объявилъ въ мартѣ 1826 г. губернатору, что знаетъ важныя государственныя тайны, а затѣмъ послалъ черезъ него прошеніе ген.-губ., въ которомъ доносилъ, что «еще въ 1816 г. онъ, благодаря «привидѣнію», постигъ нѣкоторыя тайны, важныя для Всероссійскаго Престола и Имперіи», каковыя тайны онъ и открылъ тогда же Александру I, за что и «удостоился» знаковъ «Высочайшаго благоволенія»; рассказавъ затѣмъ, какъ онъ несправедливо былъ наказанъ, Ванжереръ просилъ ген.-губ. препроводить въ Петербургъ Николаю I предложенный къ прошенію пакетъ. Вытребованный въ Омскъ, Ванжереръ представилъ ген. губ. доказательства своей поѣздки въ С.-Петербургъ въ 1816 г. по вызову царя, тѣмъ самымъ убѣдивъ генераль-губернатора въ серьезности своего заявленія, и его пакетъ былъ препровожденъ въ Петербургъ. «Тайны» оказались серьезными и вскорѣ послѣ отсылки пакета Ванжереръ получилъ «Всеимпериальнѣйшее прошеніе», причемъ Государь «повелѣлъ соизволить» выдать женѣ и сыну Ванжерера прогонныя на пару лошадей для возвращенія на родину. Какія именно «тайны» были разоблачены Ванжереромъ, изъ документовъ омскаго дѣла не видно, и было бы желательно, чтобы кто-нибудь взялъ на себя трудъ поискать соотвѣтствующіе матеріалы въ центральныхъ архивахъ. Быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ какимъ-нибудь неудачнымъ Шервудомъ (ибо изъ прошенія Ванжерера видно, что его «тайны» несомнѣнно имѣли отношенія къ «политикѣ»).

Въ этомъ же очеркѣ г. Кошпинъ знакомитъ и съ нѣкоторыми другими смыслными «открывателями тайнъ и секретовъ», менѣе удачливыми (по результатамъ ихъ разоблаченій), чѣмъ Ванжереръ; изъ нихъ нѣкоторый интересъ представляютъ свѣдѣнія, къ сожалѣнію, весьма краткія, о дѣлѣ нѣкоего Аристова, неудачно разоблачавшаго въ 1848 году «тайное злоумышленное общество» и попавшаго за ложный доносъ на каторгу, которую ему пришлось отбывать вмѣстѣ съ Достоевскимъ.

Г. А. Душинъ, уже опубликовавшій нѣкоторые повѣя данныя о А. И. Полежаевѣ въ Сибири, напечаталъ краткій очеркъ²⁾, знакомящій съ дѣломъ Полежаева по до сихъ поръ еще неизданнымъ матеріаламъ—дѣлу III Отдѣленія «о студентѣ Александрѣ Ивановичѣ Полежаевѣ» и найденнымъ г. Душинымъ отрывкамъ изъ дневниковъ А. И. Полежаева. Приводимыя Душинымъ данныя очень цѣнны для характеристики жестокой игры Николая I съ юнымъ поэтомъ; къ сожалѣнію, цѣнность ихъ ослабляется тѣмъ, что авторъ цитируетъ документы на память (въ примѣчаніи онъ поясняетъ, что «выписки изъ дневника и вообще всѣ работы по Полежаевскимъ матеріаламъ при переѣздѣ въ Сибирь онъ оставилъ въ Москвѣ»).

¹⁾ «Архивные очерки. Открыватели тайнъ и секретовъ».—«Русск. Армія» отъ 27 апрѣля 1919 г.

²⁾ А. И. Полежаевъ въ ново-николаевской «Народной Сибири»; № отъ 29 января 1919 г.

Большой интерес представляют очерки Пав. Горизонтова об иркутской «буре» времени А. П. Шапова¹⁾. До сих пор биографы послѣднего (Аристовъ, Лучинскій, Н. П. Козьминъ, Ядрищевъ и др.), касаясь этого періода его жизни, оперировали исключительно матеріаломъ, даннымъ въ отрывкѣ изъ воспоминаній Шапова или въ известномъ въ Сибири романѣ-биографіи Загоскина («Магистръ» въ Сиб. газетѣ «Сибирь»). Г. Горизонтовъ привлекаетъ къ изученію этого періода жизни Шапова богатѣйшій матеріалъ, хранящійся въ архивѣ того самого иркутскаго мужскаго духовнаго училища, которое такъ ненавидѣлъ потомъ всю жизнь А. П. Шаповъ, и на основаніи этихъ документальныхъ данныхъ рисуетъ официальную, такъ сказать, картину жизни буреи. Невеселая выходитъ эта картина! Порка, карцеръ, голодъ, кражи, шпикство — вотъ тѣ главные пункты, вокругъ которыхъ вращается жизнь буреи, по цитируемымъ г. Горизонтовымъ документамъ. И надъ всемъ этимъ, весьма глупая, бессмысленная зубрежка, объ итогахъ которой совершенно правильно писалъ семинарскому правленію иркутскій епископъ. Нилъ: усмотрѣвъ я, что преподаваніе языковъ греческаго и латинскаго шло съ явной безуспѣшностью. Нилъ, проучившись два-три года, не знаютъ самыхъ первыхъ началъ языковъ сихъ. И вообще о большей части учениковъ надлежитъ познать, какъ о потерявшихъ цѣлые годы, или вовсе совражденныхъ съ пути образованія.

Авторъ этого послѣдняго отзыва, епископъ Нилъ, какъ онъ рисуется изъ публикуемыхъ г. Горизонтовымъ документовъ, былъ человѣкомъ, стоявшимъ на много выше окружающей среды. Онъ не только рѣзко вѣдѣлъ безмысленную зубрежку, но и пытался бороться съ поркою и вообще частыми наказаніями учениковъ. Къ наказаніямъ учениковъ не должно приучать: иначе, ставъ общиноугодными, будутъ безплодны. На упорныхъ, чѣпчивыхъ и большихъ шалуновъ надобно смотрѣть мудрымъ окомъ, пропикать, гдѣ причина зла; надобно пробуждать въ ученикахъ чувство благодарности дѣйствию или презрѣнности ихъ въ смыслѣ нравственнаго, — такъ поучалъ онъ учителей и воспитателей буреи. Эти новшества не привились послѣднимъ; въ инспекторскихъ отчетахъ не сглаживается недовольство подобнымъ ограниченіемъ власти школьнаго начальства. Какъ и слѣдовало ожидать, настойчивость епископа Нила была не особенно большой и, какъ говоритъ г. Горизонтовъ, «скою инспекторскіе отчеты о поведеніи попрежнему заперстрыли замѣчаніями на счетъ провинившихся: «наказанъ розгами», «наказанъ розгами огечески» или — въ духѣ отеческаго благоснисхожденія»...

Недостаткомъ очерковъ г. Горизонтова служить полное игнорированіе имъ вълѣющейся литературы вопроса, ибо сопоставленіе имѣющихся въ его распоряженіи документовъ съ воспоминаніями, напр., Шапова, было бы весьма любопытно. Онъ не только не считаетъ представляющую большую цѣнность, и мимо нихъ не долженъ пройти ни биографъ Шапова, ни историкъ нашей духовной школы. Можно только пожелать, чтобы авторъ продолжилъ свою работу въ этомъ направленіи и расширилъ свои очерки.

Опубликованная въ петербургской газетѣ «Русская Рѣчь» Б. Герасимовымъ «Новыя данныя о жизни Достоевскаго въ Семипалатинскѣ»²⁾ ничего «новаго» въ себѣ не содержитъ, являясь краткимъ пересказомъ прежнихъ статей того автора³⁾, опубликованныхъ какъ на научномъ, такъ и на попу-

¹⁾ «Въ бурѣ при Шаповѣ» (по поводу 100-лѣтія иркут. муж. духов. училища. Зв. иркутск. Свободномъ Крѣп., №№ отъ 21 и 22 ноября за 1918 гадъ).

²⁾ «Русская Рѣчь», отъ 22 февр. 1919 г.

³⁾ Номъ напечатаны слѣд. его статьи и замѣтки: 1) «Документы о О. М. Достоевскомъ въ Сиб. Архивѣ», № 2 за 1913 г.; 2) Къ пребыванію О. М. Достоевскаго въ г. Семипалатинскѣ, «Сиб. Арх.» № 1 за 1913 г.; 3) Изъ жизни О. М.

ипковъ, такъ и па новыхъ, имъ найденныхъ въ Семипалатинскихъ архивахъ документахъ. Равнымъ образомъ, помимоому, ошибочно наименованіе новымъ найденнаго тѣмъ же Герасимовымъ документа, касающагося производствъ Достоевскаго въ пираторишнхъ: судя по данному тазетамъ изложению этого «новаго» документа (см. омскую «Зарю», литерат. приложение № 1 за 1918 годъ), рѣчь идетъ объ уже опубликованномъ г. Герасимовымъ въ 6 тому назадъ ¹⁾ протоколѣ засѣданія Семипалатинскаго областного правленія отъ 20 ноября 1856 г. Зато много матеріала содержитъ въ себѣ изданная Семипалат. подготдѣломъ Зап.-Сибир. Отдѣла Рус. Геогр. О-ва работа того же свян. Бор. Герасимова о ссыльныхъ полякахъ въ Семипалатинской области; правда, эта работа также не является новымъ трудомъ; она написана авторомъ еще въ 1905—06 гг. и первая попытка издать ее отпоситъ къ 1907 г., но тогда издатель, — Семипалат. подготдѣл., — испугался отвѣтственности за изданіе столь «крамольнаго» труда и не выпустилъ въ свѣтъ уже почти законченную печатаніемъ работу, такъ что только единичные экземпляры несброшюрованныхъ листовъ книги попали тогда въ руки читателей (одинъ такой экземпляръ намъ пришлось видѣть въ коллекціи матеріаловъ по исторіи польской ссылки, собранной сибирскимъ Польскимъ Націон. Совѣтомъ). Очень громоздко построенная и сухо написанная (авторъ пытается давать сводку архивныхъ свѣдѣній относительно каждаго поляка-ссыльнаго отдѣльно), поэтому мало пригодная для распространенія среди сколько-нибудь широкихъ круговъ читателей, для лицъ, специально интересующихся исторіей политической ссылки книга будетъ очень длиннымъ пособіемъ. И будущій біографъ Достоевскаго найдетъ въ ней немало цѣнныхъ для себя свѣдѣній (во всякомъ случаѣ значительно болѣе, чѣмъ въ означенныхъ двухъ замѣткахъ), познакомившись по ней съ рядомъ данныхъ о лицахъ, дѣлвшихъ съ Достоевскимъ тяготы и каторги, и ссылки.

Объ одномъ весьма любопытномъ эпизодѣ изъ жизни въ ссылкѣ поляковъ-порстанцевъ 1863 г. говорится въ опубликованномъ «Сибирск. Записками» приказѣ ген.-губ. Вост. Сибири и командующаго войсками г.-л. Корсакова, отданномъ послѣднимъ 26 сент. 1866 г. въ связи съ возстаніемъ ссыльныхъ поляковъ на Крутобайкальской дорогѣ ²⁾; переизданный въ этомъ обширномъ (10 страницъ убогистаго текста) приказѣ польскіи чиновъ конвоя и отрядовъ, командированныхъ для усмирения возстанія, Корсаковъ попутно описываетъ рядъ его эпизодовъ, конечно, давая ихъ въ определенномъ освѣщеніи, но при общей скудности свѣдѣній о данномъ возстаніи и этотъ матеріалъ можетъ быть полезенъ.

Продолжающіеся печатаніемъ въ «Сибир. Запискахъ» письма Н. М. Ядринцева къ Г. Н. Потапину ³⁾ даютъ все новыя и новыя матеріалы для исторіи формированія и развитія такъ наз. сибирскаго областничества; мѣстами въ нихъ попадаются также интересныя свѣдѣнія и любопытныя характеристики ряда ссыльныхъ-товарищей Ядринцева по Шенкурску, — напр., о Христофорѣ (стр. 6, «Сиб. Зап.» № 2—3 за 1918 г.), Журавскомъ (№ 4, стр. 53) и др.

Достоевскаго въ Семипалатинскѣ. «Сибир. Архивъ», № 5 за 1916 г. и 1) «Матеріалы къ пребыванію Достоевскаго въ Семипалатинскѣ», «Сибир. Мѣстнечко», № 11—12 за 1916 г.

¹⁾ А именно въ № 2 «Сибир. Арх.» за 1913 годъ.

²⁾ «Сибирск. Записки» (судя по изложенію въ Красноярскѣ), № 1 за 1919 г.

³⁾ Тѣмъ же №№ 2—3 и 4 за 1918 и № 1 за 1919 г. Проложеніи писемъ, печатавшихся въ журналѣ въ 1916—17 г., явились откълѣнеными ластикомъ («Письма Николая Михайловича Ядринцева къ Г. Н. Потапину» изд. 1 съ 30 февр. 1872 г. по 8 апр. 1873 г. Изд. ред. журн. «Сиб. Зап.» изъ архива А. М. Притворской. Ц. 3 р. Красноярскъ, 1918 г.).

Большую ценность представляет напечатанный в тех же «Сибир. Записках» небольшой рассказ Ф. Бейнера «О последних часах жизни учителя Иркутской гимназии К. Г. Неустроева»¹⁾. Ф. Бейнер в начале 80-х гг. служил офицером в иркут. резервн. пехотн. караул. батальонѣ, былъ начальникомъ караула в иркут. тюрьмѣ в день казни Неустроева и присутствовалъ при разстрѣлѣ послѣдняго; его рассказъ,—простой и четкій в деталяхъ,—является единственнымъ, вполне достовернымъ рассказомъ о послѣднихъ дняхъ жизни иркутянина-революціонера. Послѣдними словами Неустроева были: «Прощай мать, прощай отецъ, прощайте братья!», причемъ Ф. Бейнеръ поясняетъ, что подѣ «братьями» Неустроевъ «подразумѣвалъ, вѣроятно, народъ». В небольшомъ предисловіи къ этому рассказу редакторъ журнала Вс. М. Крутовскій, товарищ Неустроева по петроградскому университету и сибирскому землячеству, далъ, на основаніи своихъ личныхъ воспоминаній, краткую характеристику Неустроева.

Замѣтимъ, что Ф. Бейнеръ исправляетъ неточность, вкравшуюся в дату казни Неустроева: послѣднюю обычно относятъ къ 9 ноября 1882 г. (напр., «За 100 лѣтъ», ч. II, стр. 112 или «Календарь русской революціи»), в то время, какъ Бейнеръ годомъ казни называетъ 1883. Правда в этомъ вопросѣ, несомнѣнно, на сторонѣ Бейнера: намъ удалось найти в архивѣ б. ген.-губ. Вост. Сибири подлинное дѣло о Неустроевѣ, в которомъ сохранился слѣд. рапортъ нач. штаба Вост. Сибир. Воен. Округа г.-м. Максимовича о казни Неустроева, адресованный на имя «битаго» генералъ-губернатора Апучина и датированный 10 ноября 1883 г.:

«Имѣю честь донести Вашему Высочайшему Превосходительству, что приговоръ военнаго суда надъ бывшимъ учителемъ иркутской женской гимназіи Константиномъ Неустроевымъ по Высочайшему повелѣнію, сообщенному мнѣ в предписаніи 31 минувшаго октября за № 3297, мною подтвержденъ и по подтвержденіи этой Неустроевъ 9 сего ноября по лишеніи всѣхъ правъ состоянія подвергнутъ смертной казни разстрѣляніемъ.

Начальникъ Штаба ген.-майоръ Максимовичъ.

Оберъ-аудиторъ Гладковъ²⁾).

Извѣстный плессельбуржецъ В. Панкратовъ напечаталъ в омской «Зарѣ»³⁾ отрывокъ изъ «Воспоминаній стараго рабочаго»—«Рабочіе прежде и теперь», в которомъ пытается провести параллель между прежними рабочими—временъ «Земли и Воли» и «Народн. Воли»,—и современными. Надо сказать откровенно, этотъ отрывокъ автору, мягко говоря, не удался. Мы уже не говоримъ про совершенно ошибочную идеализацію прежнихъ рабочихъ, про невѣрную характеристику прежнихъ методовъ пропаганды среди нихъ⁴⁾, все это можно было бы объяснить вполне естественной склонностью смотрѣть на прошлое сквозь розовые очки. Гораздо хуже даваемая авторомъ характеристика современныхъ рабочихъ и рабочаго и марксистскаго движенія 90—900-хъ годовъ; здѣсь попадаются такіе перлы:

¹⁾ «Сиб. Зап.» № 1 за 1918 г. Неустроевъ разстрѣлянъ по приговору военн. полев. суда за пощечину ген.-губ. Вост. Сибири г.-л. Апучину.

²⁾ Архивъ б. ген.-губ. Вост. Сибири, д. № 30 по описи 1883 г. «О нанесеніи оскорбленія дѣйствию г. генералъ-губернатору Вост. Сибири быв. учителемъ Константиномъ Неустроевымъ», л. 4.

³⁾ № 90 отъ 1 мая 1919 г.

⁴⁾ Напр. онъ утверждаетъ, что пропагандисты-народовольцы главное вниманіе обращали на чтеніе въ кружкахъ «серьезныхъ книгъ, а не нелегальной литературы».

«Поклонники Ленина (надо замѣтить, что рѣчь идетъ о 90-хъ г.г., въ отношеніи къ каковому періоду о «поклонникахъ Ленина», какъ о чемъ то специфическомъ, говорить нельзя, и рѣчь можетъ идти только о с.-д. вообще. Б. Н.) стали считать рабочихъ легкими брошюрами, листовками, прокламаціями, вызвали безпрерывныя забастовки и стачки, которые удавались благодаря низкому уровню заработной платы и благодаря участию провокаторовъ,—укажемъ на Зубатовщину, на редактора «Новаго Слова Гурвича». И дальше: «Все вниманіе марксистовъ было обращено на матеріальную сторону рабочихъ, а не души; ихъ совѣсть оставлена въ загонѣ».

Если даже мы отнесемъ «Гурвича» (въ дѣйствительности рѣчь идетъ, конечно, о Гуровичѣ) за счетъ плохой корректуры (хотя ошибка эта тѣмъ болѣе характерна, что нѣсколькими строками выше г. Панкратовъ ту же фамилію ставитъ наряду съ Ленинымъ въ числѣ вождей марксизма 90-хъ г.г.), то все же остается общій тонъ и смыслъ фразы, отнюдь не говорящей о пониманіи и даже желаніи понимать значеніе массоваго движенія 90-хъ г.г. И... и сразу можно угадать, что фразу писалъ Панкратовъ—авторъ пресловутаго разоблаченія, а не Панкратовъ—революціонеръ, самъ, если не обманываетъ насъ память, участникъ стачекъ начала 80-хъ г.г.

Отрывки изъ воспоминаній другого народовольца—П. Ровенскаго¹⁾,—производятъ иное впечатлѣніе. Авторъ—осужденный въ свое время по т. наз. «Стрѣльническому процессу»,—безъ особыхъ мудствованій, просто, по не безынтересно рассказывать нѣсколько эпизодовъ изъ своего тюремнаго сидѣнія въ 1882—83 г.г. въ Одессѣ. Особенно новаго въ его разсказахъ нѣтъ ничего, но рядъ мелкихъ любопытныхъ штришковъ, несомнѣнно, данъ (напр., эпизодъ о столкновеніи автора съ ген.-губ. Гурко).

Для исторіи народовольческаго періода сибирской политической ссылки крайне цѣнны матеріалъ данъ Н. Яковлевымъ (псевдонимъ) въ его двухъ очеркахъ: «Секретный арестантъ № 1»²⁾ и «Шлиссельбуржецъ Поливановъ въ Акмолинской обл.»³⁾. Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, первый очеркъ, въ которомъ рѣчь идетъ о Фоминѣ-Медвѣдевѣ, участникѣ извѣстной харьковской попытки освобожденія Войнаральскаго. Неоднократныя попытки устроить Фомину-Медвѣдеву побѣгъ привели къ тому, что III Отдѣленіе рѣшило содержать его въ совершенно исключительныхъ условіяхъ и по соглашенію съ ген.-губ. Зап. Сибири препроводило для содержанія въ тобольскую городскую тюрьму съ тѣмъ, чтобы онъ былъ содержимъ въ тюрьмѣ особенно строго, отдѣльно и настолько, по возможности, скрытно, чтобы его нахожденіе въ Тобольскѣ не было обнаружено. Условія, въ которыхъ содержали Фомина-Медвѣдева въ Тобольскѣ, были, дѣйствительно, исключительно строгія; о нихъ по личнымъ воспоминаніямъ лѣтъ 6 тому назадъ повѣдалъ намъ Вл. Г. Короленко въ своемъ отрывкѣ изъ воспоминаній⁴⁾; найденныя г. Яковлевымъ данныя документально подтверждаютъ этотъ разсказъ. Вотъ счетъ о режимѣ, созданномъ для Фомина,

¹⁾ Харбинская «Манчжурія»: № 89 и 90 за январь 1919 г. Авторъ писалъ и печаталъ свои воспоминанія и раньше: намъ извѣстны изданіи въ 1903 г. въ Харбинѣ его брошюры: «Собака» (изъ жизни въ Якутск. ссыль) и «Въ Перчинской сатрапіи».

²⁾ Омеганъ Правит. Вѣстникъ (органъ правительства Колчака) № 6 отъ 24 ноября 1918 г.

³⁾ Извѣстна въ февралѣ или мартѣ 1919 г. въ омеганѣ «Нашей Харбинъ» очерка этого въ данное время въ нашихъ распоряженіи не имѣется и цитируемъ его мы на память.

⁴⁾ Изъ сожальнаго, эти воспоминанія Н. Яковлеву, повидимому, не были извѣстны, а знали бы весьма желательно сопоставить ихъ съ документами.

данный тобольским губернатором Лысогорским въ его рапортѣ ген.-губ. Казнакову.

«По прибытіи въ тобольскій тюремный замокъ 14 апрѣля 1879 г., Фоминъ былъ помѣщенъ въ отдѣльной, приготовленной заблаговременно по моему (т. е. Лысогорскаго) личному указанію, камерѣ съ ватерклозетомъ, передъ окномъ которой поставленъ заборъ выше окна, а въ сосѣдней съ камерой комнатѣ постоянно находился одинъ изъ назначенныхъ спеціально для надзора за Фоминымъ двухъ надзирателей, дежурившихъ при немъ посуточно, которымъ приказано было за всѣми дѣйствіями арестанта наблюдать и докладывать смотрителю замка, а также не допускать къ нему никого, кромѣ смотрителя замка и полицеймейстера, что ими исполнялось въ точности. Первое время по прибытіи въ замокъ Фоминъ довольствовался пищею, какъ каторжный арестантъ, а потомъ, вѣдѣвѣи болѣзнь желудка, происшедшей отъ грубой пищи и недостатка движенія (Фоминъ изъ камеры не выпускался), какъ объяснилъ врачъ тюремной больницы, который впрочемъ, Фомина не видѣлъ, ему отпускалась больничная пища, т. е. мясной супъ и 1½ ф. полубѣлаго хлѣба. Фоминъ снабжался одеждою, какъ каторжный арестантъ, и содержался въ напѣлахъ; бѣлье для него мылось прачками тюремнаго замка. Въ баню Фомина не водили, а дѣлали ему 2 раза въ мѣсяцъ ванны въ его камерѣ, причемъ ванна и вода приносилась въ камеру наблюдавшими за нимъ надзирателямъ».

Эта нѣсколько длинная выдержка хорошо иллюстрируетъ исключительность условій содержанія Фомина; г. Яковлевъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ, что этотъ режимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ суровѣе режима Шлиссельбургской крѣпости, даже наиболѣе тяжелаго періода ея. Конечно, во всей полнотѣ эти правила въ жизни не проводились, — трешинъ въ нихъ было немало, и В. Г. Короленко разсказалъ намъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, — но характеренъ уже самъ замыселъ созданія такого режима.

Въ такихъ условіяхъ Фоминъ просидѣлъ 2 года и только весной 1881 г. переведенъ въ Омскъ, причемъ характерна причина этого перевода: Фомина перевели не для смягченія режима, а потому, что тайну его пребыванія удалось разоблачить (Короленко повѣдалъ намъ — какими путями) и на его имя поступилъ въ тюрьму переводъ (5 руб.). Начальство этимъ было недоволено; переводъ вернули отправителю съ пометкой, что Фоминъ въ Тобольскѣ не розысканъ, а Фомина подъ строгимъ конвоемъ препроводили въ Омскъ «съ содержаніемъ его при прежнихъ условіяхъ». Въ Омскѣ Фоминъ содержался съ меньшей строгостью, — его перестали даже именовать по фамиліи, а просто «секретнымъ арестантомъ № 1». — но совершенно изолировать его и здѣсь не удалось: въ январѣ 1883 г. при обыскѣ у полит. ссыльнаго Д. Девина были найдены документы, доказывавшіе, что полит. ссыльн. о Фоминѣ знала и даже платалась сноситься, а, быть можетъ, и сносилась съ нимъ. Въ результатѣ, по требованію департамента полиціи, Фоминъ 4 марта 1883 г. былъ отправленъ въ Петербургъ.

На этомъ обрывается извѣстенныя г. Яковлевымъ данныя. Онъ замѣчаетъ свою статью пожеланіемъ, чтобы лица, знающія что-либо о дальнейшей судьбѣ Фомина, указали на эти свѣдѣнія въ печати. Г. Яковлевъ, очевидно, не знаетъ, что рядъ нужныхъ ему свѣдѣній онъ могъ бы найти въ литературѣ о Каторжной каторгѣ (см., напр., Денъ: «За 16 лѣтъ», стр. 405), и единственно особеннымъ въ исторіи тюремныхъ мѣръ Фомина является періодъ его крѣпостного (1—1½ года) заключенія въ Петропавловской крѣпости.

Менѣе интересенъ очеркъ Н. Яковлева о Подливановѣ, но и въ немъ есть рядъ новыхъ свѣдѣній объ условіяхъ надзора за Подливановымъ въ ссыльн., а также о проводѣхъ его послѣ его побѣга.

Студенческому движению посвящены отрывки из воспоминаний Вячеслава Новикова и М. Г. Бейлина.

Первый дает мало интересного, — всего лишь несколько строк в своих «Воспоминаниях о С.-Петербургском университете 1891—95 г.г.»¹⁾, посвящает он т. наз. «Витровской демонстрации» 1897 г., участником которой автор был сам. Там больше интересны воспоминания М. Г. Бейлина²⁾, рассказывающего о студенческих настроениях в томском университете в эпоху конца царствования Александра III — начала царствования Николая II. Центральным эпизодом этих воспоминаний является попытка студенчества отпраздновать смерть Александра III: в девятый день после его кончины, когда весь город был погружен в траур (то были дни казенной «народной печали»), и все увеселения были запрещены, студенты устроили вечеринку — с музыкой и рефератами. Конец вечеринки был обильный: «раздался звонок», и явилась полиция, перенесшая участников; затем университетский суд, протесты, исключения. При скудости сведений о студенческом движении в провинции очерк Бейлина является весьма ценным.

Совершенно случайному эпизоду — избраніе в г. Читѣ земским собранием пѣвца г. Скубіева въ уѣздное воинское присутствіе, — обязаны мы появленіем весьма любопытнаго письма «печальца» А. К. Кузнецова, посвященнаго описанію событій 1905—6 г.г. въ г. Читѣ и роли въ нихъ г. Скубіева (чиновникъ, выступавшій завѣдомо ложнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія въ извѣстномъ процессѣ Костюшка-Валюженнича, Сталярова, А. К. Кузнецова и др.³⁾). Это письмо является нѣкоторымъ дополненіемъ къ исторіи декабрьскихъ дней въ Читѣ и расплаты за нихъ, недавно данной г. Переверзевымъ⁴⁾.

Одному изъ эпизодовъ того же бунта 1905 года посвящена небольшая брошюра Г. С. Рассохина, изданная въ Томскѣ («Событія въ Томскѣ въ октябрѣ 1905 г.»⁵⁾). Посвященная кровавымъ октябрьскимъ событіямъ въ Томскѣ (сожженіе черной сотней и полиціей дома управленія жел. дороги вмѣстѣ съ находившимися въ немъ служащими), брошюра составлена изъ двухъ частей, причемъ въ первой половинѣ авторъ по личнымъ воспоминаніямъ, газетамъ и воспоминаніямъ своихъ знакомыхъ пытается возстановить общую картину Томска въ дни октябрьской забастовки, а во второй — печатаетъ документъ, — секретное донесеніе несомнѣннаго инсигратора погрома томскаго губернатора Азанчьева-Азанчевскаго, посланное послѣднимъ министру внутр. дѣлъ 16 ноября 1905 г. съ изложеніемъ хода тѣхъ же событій. Судя по данной работѣ, авторъ — человекъ, жившій далеко въ сторонѣ отъ революціоннаго движенія тѣхъ лѣтъ и лишь случайный гость на митингахъ; это сказывается на содержаніи брошюры: исторіи возникновенія событій, партійнаго руководства ими, вообще всей закулисной стороны забастовки, онъ не даетъ; его рассказъ посвященъ описанію внѣшнихъ фактовъ движенія. Но при бѣдности нашей литературы матеріалами по исторіи 1905 г. данная работа, даже при этомъ недостаткѣ, можетъ быть крайне по-

¹⁾ Омская «Наша Заря», № отъ 21 февраля 1919 г.

²⁾ «Былое» (изъ жизни томскаго студенчества) въ красноярской «Свободной Сибири», № отъ 18 октября 1918 г.

³⁾ Письмо это напечатано въ читинскомъ «Нашемъ Пути», № отъ 7 марта 1919 г.; оно явилось отвѣтомъ на заявление Скубіева (въ № отъ 26 февраля 1919 г. въ читинской газетѣ «Забайкальская Новь»).

⁴⁾ Въ № 5—6 «Былого» за 1917 г.; кстати, эта статья привлекла вниманіе ряда сибирскихъ газетъ, сдѣлавшихъ изъ нея большія выдержки (напр. въ «Прибайк. Жизнь»).

⁵⁾ Томскъ. Типо-литографія Томской жел. дороги 1917 г. Ц. 60 коп. Стр. 30

лезной работающему надъ соответствующими вопросами. О цѣности второй части брошюры—допоселіе губерпатора—говорить, конечно, не приходится. Можно лишь пожалѣть, что въ другихъ городахъ такъ рѣдко удѣляютъ вниманія исторіи недавняго революціоннаго прошлаго и не издають соответствующихъ документовъ, сохранившихся въ архивахъ различныхъ правительственныхъ учреждений.

Рядъ порою весьма цѣнныхъ очерковъ данъ въ нѣкоторыхъ уфимскихъ изданіяхъ видный мѣстный защитникъ по политическимъ дѣламъ А. А. Кійковъ подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ воспоминаній защитника»¹⁾; наиболѣе интересны изъ этой серіи три очерка: «Якутовъ», «Петръ Летвинцевъ» и «Рабочій Алексѣевъ». Въ первомъ изъ этихъ очерковъ г. Кійковъ даетъ характеристику, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣглую, и краткія біографическія свѣдѣнія о казенномъ въ 1907 г. въ Уфѣ рабочемъ соц.-дем. Иванѣ Степановичѣ Якутовѣ, председателѣ перваго (1905 года) уфимскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ²⁾; попутно авторомъ дается общая картина событій «бурнаго» 1905 г. въ Уфѣ, во главѣ котораго въ декабрьскіе дни всталъ Якутовъ, находясь все время на самыхъ ответственныхъ постахъ. На отвѣтственномъ посту былъ онъ и въ ночь на 10 декабря 1905 г., когда казаки и полиція пытались разогнать митингъ рабочихъ, собравшихся въ жел.-дор. мастерскихъ. Казакамъ было оказано сопротивленіе, «дружинники» бросили бомбы, ранивши нѣсколькихъ казаковъ,—и нападеніе ихъ было отбито; на этотъ разъ Якутову удалось скрыться, но года черезъ 1½ онъ былъ арестованъ на югѣ Россіи, привезенъ въ Уфу, обвиненъ въ бросаніи бомбъ (хотя лично онъ бомбъ не бросалъ) и умеръ героемъ на висѣлицѣ. Исправимъ, кстати, одну неточность автора: онъ сообщаетъ, что въ 1889 г. Якутовъ вмѣстѣ съ Егоромъ Сазоновымъ входилъ въ составъ уфимской группы с.-р.; группа эта не была чисто с.-р.-ской организаціей, а смѣшанной и такъ и называлась: «объединенная уральская группа с.-д. и с.-р.» (свѣдѣнія объ ея позиціи и критику послѣдней см. въ «Искрѣ»).

Если И. С. Якутовъ—представитель массоваго движенія 1905 г., то введеніе г. Кійковымъ въ двухъ остальныхъ очеркахъ Летвинцевъ и Алексѣевъ являются представителями слѣдующей полемы революціонной борьбы, т. наз. «партизанства» и «экензма», какъ извѣстно, широкой волной разливавшагося по Уралу, по представителями безусловно лучшими, идеальными.

Петръ Летвинцевъ, вѣришь «именующій себя Летвинцевымъ» (его настоящая фамилія Петровъ), участникъ Потемкинскаго возстанія и активный работникъ с.-д. боевой дружины, зрѣлымъ, выдержаннымъ человекомъ, умѣющимъ смотрѣть въ глаза смерти; случайно попалъ, будучи нелегальнымъ, по небольшому дѣлу въ уфимскую тюрьму, онъ воспользовался «удобнымъ случаемъ», вооруженнымъ побѣгомъ, организованнымъ группой анархи-

¹⁾ Намъ извѣстны слѣдующіе его очерки: 1) «Петръ Летвинцевъ» въ № 1 (и единственномъ) «Интер.-худож. листка» (Уфа, июль 1918 г.); 2) «Якутовъ» въ № 203 за 1918 г. уфимскаго «Голоса Рабочихъ» (органъ с.-д. менши.); 3) «Рабочій Алексѣевъ» въ №№ 96 и 97 той же газеты; 4) «Два побѣга», тамъ же, № 205; 5) «Дѣло, казнихъ много» (П. Вагина за распространеніе воззваній рабочихъ депутатовъ I Гос. Думы); тамъ же, № 211; 6) «Палачъ», (объ убитомъ с.-р.-ами палачѣ тюремномъ надзирателѣ г. Уфы Уваровѣ) и «Защитникъ» (бесѣда съ председателемъ военнаго суда, любимымъ братъ съ собой во время полатокъ на извѣстнаго защитника, видя въ этомъ гарантію отъ покушенія) въ № 222 той же газеты.

²⁾ Интересныя свѣдѣнія объ И. С. Якутовѣ даны также въ статьѣ П. Померанцева: «Письма Ивана Якутова» (напечатана въ уфимскомъ «Впередѣ», органѣ Р. К. П., въ номерахъ отъ 12 и 16 іюня за 1918 годъ); въ этой статьѣ мы разсчитываемъ еще вернуться въ одномъ изъ слѣд. обзоровъ.

ство, — и удачно выскользнул из тюрьмы, не принявъ участія въ вооруженномъ столкновѣніи (за отсутствіемъ у него оружія). Черезъ полгода онъ былъ арестованъ (вновь въблизи Уфы), опознанъ и преданъ военному суду, на которомъ свидѣтель-надзиратель клялся, что Летвинцевъ стрѣлялъ въ него и ранилъ его. Притворъ, конечно, извѣстенъ. Такова несложная канва данного дѣла, но не въ этой фактической сторонѣ цѣнность данного очерка, — несомнѣнно, наиболѣе удавшаяся автору, — а въ характеристикѣ Летвинцева и въ сценѣ его послѣдняго прощанія съ женою. «Рабочій Алексѣевъ» — человѣкъ совершенно иного порядка и закала; это — юный энтузіастъ — с.-р. (ставшій въ тюрьмѣ анархистомъ), пошедшій на террористическій актъ съ цѣлью отомстить за избіенія политическихъ заключенныхъ (онъ убилъ уфимскаго тюремнаго инспектора Кольбе), причемъ онъ умышленно совершилъ покушеніе въ неназначенный срокъ, дабы избавить отъ риска другихъ участниковъ организаціи, долженствовавшихъ прикрывать его отступленіе послѣ покушенія; чтобы устранить опасность ареста другихъ, онъ увеличивалъ шансы своей поимки. Г. Кійковъ о немъ, какъ о личности, отзывается почти восторженно: «18-ти лѣтній, стройный юноша, высокаго роста, со скульптурно-развитыми мышцами, онъ въ своей плотно его облегающей черной сатиновой рабочей блузѣ являлъ видъ прекраснаго языческаго бога. И этой чудной виѣшности, этимъ открытымъ голубымъ глазамъ соответствовала и его открытая, прямая, незнавшая никакихъ компромиссовъ и никакихъ обходныхъ путей молодая, дѣвственно прекрасная душа». Помимо характеристики Алексѣева, въ этомъ очеркѣ дано краткое изложеніе его «послѣдняго слова» на судѣ и краткія свѣдѣнія объ организаціи убійства тюр. инсп. Кольбе и о казни Алексѣева: «пазачи, боявшіеся его страшной физической силы, выждали, когда онъ заснулъ, проникли въ камеру, связали, закутали голову тряпьемъ, волокомъ вытащили на тюремный дворъ и тамъ удавили его».

Остальные очерки г. Кійкова значительно менѣе интересны.

Матеріаловъ о болѣе близкихъ годахъ въ сибирскихъ газетахъ помѣщено было очень мало. Быть можетъ, извѣстную роль въ этомъ отношеніи сыграла наблюдающаяся мѣстами въ Сибири недоступность для изслѣдователей архивовъ бывш. гражданскихъ управленій, охранныхъ отдѣленій и секретныхъ столовъ канцелярій губернаторовъ. Читатели должны знать, что теперь въ Сибири не рѣдкость прочитать въ газетѣ замѣтку, вроде слѣдующей:

«Вчера, 27 марта, изъ помѣщенія областной земской управы ротмистромъ Бабычемъ¹⁾ вывезенъ весь архивъ стараго охраннаго отдѣленія²⁾».

А у «Бабычей» матеріаловъ изслѣдователи, конечно, не получаютъ. Но пока «Бабычи» завладѣли еще не всеми архивами, нѣкоторые данные изъ нихъ по исторіи послѣдняго десятилѣтія существованія самодержавія въ печати появились.

Въ благовѣщенской газетѣ «Амурское Эхо» напечатаны два фельетона подъ заглавіемъ: «Жандармское допесеніе о Благовѣщенскѣ въ 1911 году»³⁾, составленные на основаніи особаго обзора, написаннаго благовѣщенскими жандармами въ 1912 г., «во исполненіе личнаго приказанія ген.-губ. области г. Гондатти (нынѣ завѣдующій гражданскою частью при ген. Хорватѣ, намѣстникъ Колчака на Дальнемъ Востокѣ). Извѣстная «разносторонность» жандармской любознательности сдѣлала этотъ обзоръ почти универсаль-

¹⁾ Б. ротмистръ охран. отдѣленія во Владивостокѣ, служившій въ политической полиціи при ген. Хорватѣ.

²⁾ «Дальневосточное Обзоріе» (Владивостокъ) отъ 28 марта 1919 г.

³⁾ №№ отъ 15 и 20 февраля 1919 г.

нымъ; въ которое представлѣніе о содержаніи документа мы получили изъ слѣд. перечисленія подзаголовковъ, сдѣланныхъ газетою «Амурск. Эхо»: «Общество пооченія о начальномъ образованіи; общество изученія Сибири; націоналистическія-инородческія общества; союзъ Михаила Архангела; мѣстная пресса; неблагонадежныя лица, причѣмъ въ число послѣднихъ попалъ даже протоіерей Благовѣщенскаго кафедральнаго собора Вознесенскій». Интересъ такого документа (тѣмъ болѣе цѣннаго, что онъ составленъ для мѣстнаго употребленія и въ центр. архивы не попалъ) несомнѣнъ, и нельзя не поздравить, что редація не сочла возможнымъ и нужнымъ перепечатать этотъ документъ цѣликомъ, а только въ рядѣ выдержекъ, къ тому же сильно разбавленныхъ собственными разсужденіями.

На основаніи матеріаловъ жандармскихъ же и полицейскихъ архивовъ написаны очерки, напечатанные въ барнаульской газетѣ «Новый Алтайскій Лучъ» съ общимъ подзаголовкомъ «Изъ романовскихъ временъ» и подписанные псевдонимомъ «Нѣкто». Первый изъ извѣстныхъ намъ очерковъ этой серіи—«Политическія дѣла»¹⁾—посвященъ ознакомленію съ закулисной техникой возбужденія полиціей мелкихъ дѣлъ объ «оскорбленіи величества» или просто «начальства». Очеркъ мало интересенъ и содержитъ мало фактическихъ данныхъ. Болѣе любопытенъ второй очеркъ того же автора, — «Политическое изученіе края»²⁾,—знакомящій съ постановкой въ барнаульскомъ полиц. управленіи дѣла о надзорѣ за «настроеніемъ населенія»; въ очеркъ приведены анкетныя листки (два образца—одинъ 1911, другой 1917 г., разсылавшіеся барнаульскимъ уѣзднымъ исправникомъ станковымъ приставамъ), заполнять которые послѣдніе были обязаны ежемѣсячно; кругъ интересовъ уѣздной полиціи былъ очень широкъ, и напечатанный въ очеркѣ отвѣтъ на эту анкету—одинъ изъ многихъ отвѣтовъ, хранящихся въ архивѣ,—пристава 4 стана барнаульскаго уѣзда отъ 4 декабря 1916 г. даетъ любопытнѣйшій матеріалъ для характеристики настроенія глухой провинціи наканунѣ февральской революціи, когда населеніе сильно волновалось— настолько сильно, что даже пристава не могли не замѣтить—и «бѣлые столбцы» въ газетахъ, и вопросъ о томъ, почему «германцамъ удалось побѣдить на румынскомъ фронтѣ».

Что касается до обильной въ періодъ 1917—1918 г.г. литературы по разоблаченію провокаторовъ, то въ Сибири за истекшій годъ она совершенно не пополнялась,—отчасти, по причинѣ упомянутой выше недоступности архивныхъ матеріаловъ, а главнымъ образомъ влѣдствіе уклона умонастроеній, среди которыхъ господствовали сторонники реабилитаціи всего стараго. Въ газетахъ попадались даже попытки реабилитаціи лицъ, участвовавшихъ въ извѣстнаго рода сношеніяхъ съ жандармскими управленіями; характеренъ въ этомъ отношеніи слѣд. эпизодъ: городская дума г. Таймы избрала город. головою и въ то же г. III, о которомъ въ газетѣ «Сибир. Жизнь» отъ 18 апр. 1917 г. было напечатано, что онъ состоялъ секретнымъ сотрудникомъ (кличка «Случайный») барнаульскаго жандарм. управленія. По сему поводу въ печати возникла полемика. Г. III. оправдывался, доказывая, что онъ, дѣйствительно, получилъ предложеніе «сотрудничать», но отказался и свѣдѣній не давалъ; барнаульскія же газеты (см., напр., «Жизнь. Алтай» № 88 за 1918 г.) «разоблачали», приводя документы, — рапортъ по начальству помощн. начальника томяк. жанд. упр. по г. Барнаулу о томъ, что этотъ самый г. III. сотрудничать согласился и зачисленъ подъ кличкой «Случайный». Судить, кто правъ, кто виноватъ въ семъ спорѣ, мы, конечно, не бе-

¹⁾ № отъ 7 января 1919 г.

²⁾ № 19 за 1919 г.

ремя: мы просто регистрируемъ этотъ эпизодъ, какъ характерный и для «прошлаго», и для «современнаго».

Чтобы покончить съ этой частью нашего обзора, мы остановимся еще на любопытныхъ воспоминаніяхъ рабочаго судисенскихъ копей, бывшаго прискатели Федосеевскаго присека (пресловутаго «Дензора») Ивана Кудрявцева о ленскихъ событіяхъ¹⁾. Авторъ,—рядовой рабочій съ Ленскихъ присековъ,—прожилъ на присекахъ весь тотъ 1912 годъ, когда ротмистромъ Трещенковымъ было совершено извѣстный разстрѣлъ рабочихъ; имѣлъ онъ въ этомъ отрывкѣ изъ воспоминаній рассказывать относительно подробно и объ условіяхъ жизни рабочихъ до самихъ событій, о ходѣ забастовки, о разстрѣлѣ (онъ былъ въ одной изъ тѣхъ партій рабочихъ, которые попали подъ обстрѣлъ) и о послѣдующихъ дняхъ,—дняхъ пріѣзда «сенаторской ревизіи» и пр. О «ленскихъ» событіяхъ у насъ уже имѣется небольшая литература (наиболѣе цѣнны въ ней вышедшая въ 1913 г. отдѣльнымъ изданіемъ и вскорѣ конфискованная книга «Правда о Ленскихъ событіяхъ», содержащая матеріалы, собранные на мѣстѣ во время разслѣдованія, и очеркъ А. Керенскаго въ «Завѣтахъ»), но данный рассказъ займетъ въ ней совершенно особое мѣсто,—это, насколько намъ извѣстно, первый рассказъ о событіяхъ, написанный рабочимъ—непосредственнымъ участникомъ ихъ,—и ни въ какомъ случаѣ не будетъ лишнимъ²⁾.

Извѣстное, хотя и небольшое, количество матеріаловъ напечатано въ сибирскихъ газетахъ и для исторіи русской литературы и журналистики. Изъ нихъ мы прежде всего остановимся на литературѣ, посвященной памяти Л. Н. Толстого. Статей о Толстомъ и его ученіи въ сибирскихъ газетахъ появилось достаточно большое количество, но въ подавляющемъ большинствѣ—это легкая публицистика. Болѣе или менѣе цѣнные матеріалы даны только въ изданныхъ въ 90-лѣтію со дня рожденія Л. Н. Толстого хабаровскомъ сборникѣ «Россия на Голгофѣ»³⁾ и ачинской (Енисейск. губ.) еднодневной газетѣ «Памяти Льва Николаевича Толстого»⁴⁾.

Въ первомъ изъ этихъ изданій,—сборникѣ,—интересъ представляютъ главнымъ образомъ письма Л. Н. Толстого, изъ которыхъ три («Письма къ революціонерамъ», «Привѣтъ отказавшимся» и «Пора понять»), по свидѣтельству редакціи сборника (проверить его правильность мы не могли), появ-

¹⁾ «Къ годовщинѣ Ленскихъ событій (4) 17 апрѣля 1912 г. Воспоминанія участника въ «Сибирск. Горнорабочемъ» (Томскъ) № 3 отъ 23 апр. 1918 г. Напечатанъ очеркъ этотъ нѣсколько раньше чешскаго возстанія, каковой моментъ мы, какъ правило, беремъ начальнымъ для нашего обзора, но въ виду рѣдкости изданій, въ которомъ очеркъ появился, и его выхода наканунѣ самого возстанія (первый изданіи—изданіе Канска, Маринска, Ново-Николаевска—относится ко второй половинѣ мая), вѣдѣтвіе чего въ России данный номеръ совершенно не могъ попасть, мы рѣшили эти воспоминанія включить въ нашъ обзоръ.

²⁾ Авторомъ настоящаго обзора за время его пребыванія въ Сибири такъ же напечатанъ рядъ написанныхъ на основаніи архивнаго матеріала очерковъ, имѣющихъ отношеніе къ затрагиваемымъ обзоромъ темамъ; не собираясь, конечно, вводить эти очерки въ нашъ обзоръ, мы ограничимся простой регистраціей ихъ: 1) «Первые декабристы въ Иркутскѣ» въ иркутской «Нов. Сибири» №№ отъ 29 дек. 1918 г. и 2) «Первый иркутскій провокаторъ-доброволецъ» въ №№ 8 и 9 (отъ 16 и 23 марта) 1919 г. иркутскаго «Сибир. Рабочаго»; 3) «Переводъ декабристовъ изъ Чирки въ Петровскій заводъ въ Владивостокскомъ Дальневосточномъ Обзорникѣ», № отъ 12 апр. 1919 г.; 4) «Къ біографіи Чернышевскаго» въ Иркутскомъ «Наш. Дѣлѣ» №№ отъ 21 и 24 января 1919 г. и 5) «Первое преступленіе Максима Горькаго во Владивостокскомъ Дал.-Вос. Обзорникѣ» №№ отъ 25 и 26 марта 1919 года.

³⁾ Хабаровскъ. Изд. Зинины М. Н. Фрица. Электро-типографія «Пріамур. Жизнь». 1918 г. стр. 36. Ц. не обозначена.

⁴⁾ № вышелъ 10 сентября и. ст. 1918 г. ц. 60 коп. Чистый сборъ—въ пользу нуждающихся дѣтей городскихъ начальныхъ школъ.

ллются въ печати впервые. Интересна также статья М. Ф.: «Невольныя воспоминашья» (стр. 31—36), въ которой авторъ вспоминаетъ о своихъ первыхъ впечатлѣншяхъ отъ чтенія въ 1904 г. книгъ Толстого «Въ чемъ моя вѣра», «Одумайтесь» и др., а также о своемъ участіи въ толстовской манифестаціи въ 1910 г. въ Петербургѣ. Что касается до ачинской однодневной газеты, то кромѣ ряда статей, посвященныхъ выясненію значенія Л. Н. Толстого (а именно: Обл.—«Толстой и мы», М. Р. «Земля и палати» по сочиненіямъ Г. Джорджа и Л. Н. Толстого; Я. Петровича—«Яснополянская школа»; К. А. Хейсина—«Левъ Толстой объ свирелхъ»; К. Долгополовъ—«Л. Н. Толстой о кооперат. движеніи» и др.) напечатаны небольшой, но любопытный отрывокъ—«Сибиряки у Толстого въ 1909 г.»—разсказъ о посѣщеніи Л. Н. Толстого ачинскими крестьянами-старообрядцами.

Не везетъ сибирской печати по части открытія неизданныхъ стихотвореній. Такъ Верхнеудинская «Прибайкальская Жизнь»¹⁾ напечатала стихотвореніе П. С. Пикитина, какъ не вошедшее ни въ одно изъ доселѣ выходившихъ изданій этого поэта. Къ сожальншю, редакція не имѣла подъ рукою изданія, редактированнаго А. Г. Ѳоминимъ, гдѣ это стихотвореніе напечатано.

Но зато действительно появляется впервые рядъ новыхъ стихотвореній П. Ф. Якубовича (въ Благовѣщенскомъ с.-р. органѣ «Народное Дѣло» за 1917 г.); стихотворенія относятся къ періоду пребыванія поэта на каторгѣ и печатаются съ копій, сохранившихся у одного изъ товарищей П. Ф. Якубовича по каторгѣ.

Для историка нашей провинціальной печати извѣстный интересъ представляютъ отрывки «Изъ литературныхъ воспоминаній» А. Дунина, напечатанные въ ново-николаевской «Народ. Сибиря»²⁾; въ первомъ изъ этихъ отрывковъ г. Дунинъ разсказываетъ о своей работѣ въ 90-хъ г.г.³⁾ въ одной изъ казанскихъ газетъ, издателемъ которой былъ недурной мыловаръ, но плохой издатель, расплатившійся съ сотрудниками «натурою», т.-е. мыломъ со своего завода; во второмъ отрывкѣ разсказана попытка автора за время его пребыванія въ одномъ изъ городковъ, носившихъ репутацію «ссылныхъ» (авторъ его не называетъ), работать въ мѣстныхъ «Губерн. Вѣдом.», и о томъ, что изъ сего вышло,—вѣрнѣе, какъ его «выжили» изъ этихъ «Вѣдомостей».

Для ознакомленія съ положеніемъ печати большой интересъ представляютъ два очерка, подписанные однимъ и тѣмъ же псевдонимомъ «Нѣкто»: «Цензура романовскихъ временъ» (по даннымъ барнаульской полиціи въ 1916—17 г.г.)⁴⁾ и «Цензоръ», составленный по матеріаламъ о дѣятельности военной цензуры 1914—17 г.г. въ г. Архангельскѣ⁵⁾. Въ первомъ изъ этихъ очерковъ приведены нѣкоторыя распоряженія Главн. Управл. по дѣламъ печати, а также тексты отобранныхъ по сему поводу отъ редакторовъ мѣст-

¹⁾ № 133 за 1919 г.

²⁾ №№ отъ 26 января и 1 февр. 1919 г.: «Изъ прошлаго».

³⁾ Авторъ пишетъ, что рѣчь идетъ о 90-хъ г.г., но это очевидно корректурная ошибка, ибо дальше г. Дунинъ упоминаетъ, что это было въ тѣ времена, когда М. Горькій былъ неизвѣстнымъ литераторомъ.

⁴⁾ «Нов. Алт. Лучъ», отъ 1 января 1919 г. Отмѣтимъ полутно, что рядъ циркуляровъ Гл. Упр. по дѣламъ печати перепечатанъ въ 1917 г. въ «Туркест. Вѣдом.» (г. Ташкентъ; офиц. органъ комиссара Времен. Правит.) въ статьѣ В. Нагели: «Архивная пыль».

⁵⁾ Архангельская газета «Возрожденіе Сѣвера», № отъ 27 сент. 1919 г. Замѣтимъ, что архангельскими газетами— и то не всѣми, а только офиц. органомъ правительства въ «Возрожд. Сѣвера», мы могли пользоваться только за первые 4—5 мѣсяцевъ существованія тамъ антибольшевистской власти.

ных барнаульских газет подписок. Автор второго очерка подходит к тем же иначе, и, не касаясь циркуляров, на основании газетных архивов, восстанавливает картину работы красного карандаша военного цензора.

И, наконец, для истории послереволюционной журналистики псковское количество материалов мы найдем в напечатанных в Иркутском «Нашем Деле» библиографических очерках А. Константиновича об «иркутской печати»¹⁾; в этих очерках, распадающихся на три отдела по сферам власти: Врем. Правит., большевики; анти-советская власть,—зарегистрированы, по видимому, с истерывающей полнотой, все периодические издания, возникшие в Иркутске за годы революции; к сожалению, крайние сжатия очерки ограничиваются регистрацией одних заголовков, не касаясь совершенно характера и направления изданий; даже даты возникновения и смерти изданий регистрируются только по месяцам. При всем том эта работа будет очень ценным,—ибо составлена по свежей памяти,—пособием для будущего библиографа русской провинциальной прессы в годину революции.

Другой характер носят статьи А. С. в «Тобольск. Народн. Слово»²⁾, посвященная истории этой газеты за год—первый и пока единственный—существования,—она посвящена больше характеристике «терниев без розы», которыми был усыпан путь провинциальной газеты при сменявшихся правительствах.

В заключение мы регистрируем статью М. К.: «У Шалипина»³⁾. Написанная по случаю обнародованной всю сибирскую печать слухов о разстрелье большевиками Ф. И. Шалипина⁴⁾, она содержит рассказ о посещении Шалипина автором в 1906 г. в состав делегации одной из петербургских революционных организаций (какой—автор не называет), желавшей устроить на нужды избирательной кампании концерт «с Шалипиным». Рассказов о Шалипине и его отношении к революц. организациям было не мало, но данный выделяется содержательностью, хотя, как и полагается в «надгробных» воспоминаниях, автор несколько подкрашивает Шалипина (не в рассказе о посещении, а в данной послерассказа характеристике артиста).

Заключив на этом наш, затянувшийся обзор, мы откладываем на следующий раз ряд других отделов, имеющих для нас интерес: материалы по истории февральской революции, корниловщина и т. д.

Б. Николаевский.

1) №№ 71, 91 и 96 за 1919 г.

2) Къ нашим читателям, в № 48 отъ 6 марта 1919 г.

3) Иркутская «Новая Сибирь», № отъ 17 ноября 1919 г.

4) В Сибири таких слухов циркулирует больше, чѣмъ достаточное количество; для курьеза авторъ этихъ строкъ, напр., коллекционировалъ слухи о Дуначарскомъ (его почему-то особенно любятъ убивать въ Сибири); такъ оказалось, что Дуначарскаго убивали 3 раза и, —характерно,— все при защитѣ музеевъ: въ Петроградѣ, на Дворцовой площади, когда онъ уговаривалъ матросовъ пощадить хотя бы Эрмитажъ (не пощадилъ, Дуначарскаго убили, а Эрмитажъ по кусочкамъ разнесли); въ Москвѣ на митингѣ въ Больш. Театрѣ, когда Дуначарскій разъяснялъ пользу красноармейскимъ музеямъ и призывалъ къ бережному съ ними обращенію (кто-то изъ красноармейцевъ раскалился за это на него гнѣвомъ и булавочникомъ голову проломилъ) и, наконецъ, третій разъ въ Москвѣ же на площади передъ музеями изящныхъ искусствъ (при невыясненной обстановкѣ). Шалипину же почасти случилось: его хоронили одинъ лишь разъ.

Наум Леонтьевич Геккер.

Некролог.

В Одессе скончался на 59-м году жизни писатель и революционер Наум Леонтьевич Геккер. Уроженец Екатеринославской губ.; Геккер окончил гимназию в Бердянске, где его товарищами были. Л. М. Коган-Бернштейн, впоследствии казненный, и много других юношей, проникшихся революционными идеями еще на школьной скамье. С переселением в Одессу Н. Л. вступил в „Южно-Русский рабочий союз“ и занялся пропагандой среди рабочих, но уже в апреле 81 года был арестован и в 82 году осужден на 10 лет каторги. С января 84 г. по декабрь 88 г. Н. Л. пробыл безвыходно в карийской каторжной тюрьме, а после этого он был выпущен в так называемую „вольную команду“, т. е. получил возможность жить вне стен тюрьмы, на частной квартире, подчиняясь, однако, всем требованиям тюремного режима. В этот период он пережил драму, навсегда погубившую его здоровье: в октябре 89 года, после применения порки к политической каторжанке Н. К. Сигиде, заключенные карийской тюрьмы протестовали против этого надругательства коллективным самоубийством посредством отравления, а Геккер в своей одинокой избушке, из товарищеской солидарности, сделал попытку застрелиться из своего дешевойго револьвера, оказавшегося слишком слабым. Два раза Н. Л. стрелял себе в голову, — один раз в висок, авторично — в середину лба, но обе пули вызвали только глубокий обморок и большую потерю крови, но не повели к смерти. Собрав последние силы, Н. Л. доплелся до избушки своих ближайших соседей и с трудом произнося слова, попросил их дать ему револьвер более крупного калибра, после чего вновь лишился чувств. Товарищи оказали ему первоначальную медицинскую помощь, отправили раненого в больницу, где он после тяжелой болезни и оправился, хотя получил зачатки глубокого недуга, который несколькими годами позже превратил молодого и полного духовных сил человека в калеку, навсегда прикованного к креслу.

В 1892 году Н. Л., отбыв полный срок каторги, был выслан на поселение в Якутскую область и сначала жил в улусе, заполняя время, как и на Каре, главным образом, серьезным чтением, но в 1895 году товарищи, всегда ценившие его дарования и энергию, не без затруднений со стороны администрации, привлекли его к участию в организованной Восточно-Сибирским Оид. Геогр. Общества этнографической экспедиции на средства Н. М. Сибирякова. Н. Л. принял на себя антропометрическое исследование якутов и с этой целью совершил ряд поездок по дикому краю, главным образом верхом, что было ему,

как впоследствии оказалось, безусловно вредно. Результатом его неутомимых работ, продолжавшихся более года, явились весьма подробные и старательно выполненные измерения нескольких сотен мужчин и женщин ранее совершенно неисследованного антропологически племени, в семнадцати различных наслехах Якутского окр. Большую часть этого огромного материала Н. Л. передал для обработки одному из своих ближайших товарищей по экспедиции, а некоторую часть он успел обработать сам и в 1897 г., по выезде в Иркутск, опубликовал свой труд в изданной Восточно-Сибирским Отд. Геогр. Общ. книжке „К характеристике физического типа якутов“. Новизна сообщаемых в ней данных и тщательность обработки обратили на это произведение внимание Московского Общ. Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, удостоившего автора Расцветовской премии.

К этому же периоду относится начало литературной работы Н. Л.-ча, с 1896 года помещавшего свои статьи в иркутском „Восточном Обозрении“ и в „Сибирской Газете“.

В 1899 году Н. Л. вернулся в Россию и поселился в Одессе, где вступил в состав постоянных сотрудников „Одесских Новостей“, а затем и журнала „Южное Обозрение“. Несмотря на развивавшийся у него паралич ног, Н. Л. сохранял полную умственную свежесть и удивительную нравственную бодрость. Он жадно следил за ходом жизни и писал не только для местных газет (в „Од. Новост.“ он вел отд. критики), но и для столичных журналов. В „Былом“, за сентябрь 1906 года, им помещена статья „Политическая каторга на Каре“, появлялись его статьи в „Русском Богатстве“ и в „Современнике“, а в 1903 году им была издана особая работа о произведениях Леонида Андреева.

Политические интересы также не замирали в этом неизменно жизнерадостном человеке во все эти долгие годы его нового заключения в собственном кабинете, где его перекачивали с места на место в особо приспособленном кресле. В его отшельнической келье нередко собирались представители всех прогрессивных партий одесского политического мира и приезжие из столиц или из-за границы, также как и возвращавшиеся из ссылки, и тут шли оживленные беседы на темы дня. Чуждый всякого сектантства, Н. Л. сохранял теплоту в личных отношениях к честным людям всех оттенков, но собственно его взгляды и старые связи притягивали его к партии социалистов-революционеров, в делах которой он принимал самое живое интеллектуальное участие.

В последние годы паралич распространился и на руки больного, так что он должен был уже диктовать свои статьи, но мозг его не уступал недугу поразительно долго, и еще немного лет тому назад Н. Л. сохранял в обществе всю свою прирожденную живость и отзывчивость ко всему новому и свежему в области политики и литературы. Если покойный не проявил себя на этих поприщах ярче, то причиной этого была только его тяжкая болезнь.

12024.

И. М.

620
7.46.3.

620
1.25.

620
4.64.

620
11.42.

ВЫДАНО.	№№	Авторъ.	Возвращ.	Отмѣтка.
2 5/III		12/IX	4/III	
18/V		15/	13/III	
24/V		1/VI	21/IV	
25/VI		28/	10/V	
8/XIII		1/XI	30/IV	
23/III		23/XII	5/V	
23/IX		30/	19/V	
17/X		XII	16/V	2072
13/II		18/		
		30/		
		4/		

29/IV 872 25/XI-4588

„БЫЛОЕ“

исторический журналъ.

Издание возобновлено съ 1 июля 1917 г.

Подписка на журналъ временно не принимается. Номера журнала, начиная съ № 13, поступаютъ въ розничную продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи и конторы издательства „БЫЛОЕ“.

Петроградъ, Лит. мѣст. пр., 21. Тел. ф. 96—69.

По дѣламъ редакціи пріемъ по пятницѣмъ отъ 4 до 6 час. дня.

Московск. отдѣл. издательства—Улица Спасская (Б. Сергиевская), 10, кв. 13.

Издат. Кооперативное Издательское Т-во „БЫЛОЕ“.

Редакторъ—П. Е. Щеголовъ.

„БЫЛОЕ“

историческая библіотека.

Подробное содержаніе на 3-ей стр. Улочки.

Цена 100 р.